

Арҗамак¹²⁺

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ
ТАТАРСТАН

№1 (29) МАРТ 2019

Перезимовали.... Фото Ольги Прокофьевой

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Арзамас

ТАТАРСТАН

Основан в августе 2009 года

Главный редактор
Алешков Николай Петрович

№ 1(29) • МАРТ • 2019

*Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя! иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.*

Сергей ЕСЕНИН

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Василенко Светлана Владимировна — первый секретарь
Правления Союза российских писателей;

Ларионова Татьяна Петровна — исполнительный директор
республиканского фонда «Возрождение» (Татарстан);

Зарипов Айрат Ринатович — руководитель
республиканского агентства по печати
и массовым коммуникациям «Татмедиа»;

Крупин Владимир Николаевич — русский писатель, академик,
член Президиума Академии Российской словесности;

Суворов Виктор Семёнович — ректор Набережночелнинского государственного
торгово-технологического института, доктор педагогических наук.

РЕДКОЛЛЕГИЯ

А. Н. Бабаев — председатель попечительского Совета Русской православной церкви
в Набережных Челнах, член Союза российских писателей (Набережные Челны);

Н. М. Валеев — доктор филологических наук, член Союза писателей России (Казань);

Н. А. Вердеревская — кандидат филологических наук,
член Союза российских писателей (Елабуга);

Р. Б. Гайнетдинов — заведующий отделом Департамента Президента
Республики Татарстан по вопросам внутренней политики (Казань);

В. Н. Гофман — протоиерей, член Союза писателей России (Нижний Новгород);

В. А. Ермаков — заслуженный работник культуры РФ, член Союза писателей России (Орёл);

И. В. Лимонова — член Союза писателей СССР (Москва);

Д. Е. Кан — член Союза писателей России (Оренбург);

С. Д. Кузнецихин — член Союза российских писателей (Красноярск);

О. В. Кузьмичева-Дробышевская — член Союза российских писателей (Набережные Челны);

Г. С. Морозов — член Союза писателей России (Касимов, Рязанская обл.);

Н. В. Переяслов — секретарь правления Союза писателей России (Москва);

Н. Б. Рачков — секретарь правления Союза писателей России (Тосно, Ленинградская обл.);

Р. Ш. Сарчин — доктор филологических наук, член Союза российских писателей (Казань);

М. А. Чванов — президент Международного Аксаковского фонда,
член Союза писателей России (Уфа).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-58009 от 08 мая 2014 г.

выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Заместитель главного редактора — Александр Воронин

Технический редактор — Сергей Алешков

Дизайнер-верстальщик — Виталий Павлов

Художник — Ольга Белова-Недовизий

ЗВАНЫЙ ГОСТЬ

НИКОЛАЙ РАЧКОВ

РОССИЯ... СНЕГ... ЛУНА... ДОРОГА...

* * *

Живёт в душе средь песнопений,
Среди волнений и тревог
Есенин — музыкой осенней
И зимней музыкою — Блок.

И Лермонтов — как дух поэта,
Когда кипят страстей грома.
И Пушкин — ощущеньем света,
Когда владычествует тьма.

* * *

Не тает целый век
Подмятый русской тройкой
Кустодиевский снег
На масленице бойкой.

Во мне оставил след
Духовного прозренья
И нестеровский свет
Осеннего горенья.

Куда ты ни пойдёшь
И где порой ни будешь,
Но шишкинскую рожь
Уже не позабудешь.
И леса благодать
В туманном сне рассвета...

Кем надо быть и стать,
Чтоб не любить всё это?

12-Е АПРЕЛЯ

Мы горестно жили, мы радостно жили,
И первыми в космос мы путь проложили.

За все наши беды, победы, страданья
Нам столько Господь даровал ликованья!

И было в сердцах столько правды и света,
Что к нам потянулась с надеждой планета.

И был он улыбчив, и был светозарен
Наш первый, наш лучший,
наш Юрий Гагарин.

* * *

Мы хотим, чтобы жизни жало
Уколоть не смогло бы нас,
Чтоб дробинка в нас не попала,
Не влетела соринка в глаз.
Лишний раз души не встревожим,
Если что-то себе во вред.
В Рай хотим, а понять не можем,
Что в Раю нераспаятых нет.

* * *

И ударят внезапно,
В грудь ударят и сбоку...
Не надейтесь на Запад
И не верьте Востоку.

Мы в кольце. Нас лукаво
Окружили на горе.
Наши правда и слава –
Словно кость у них в горле;

Наши недра и грады,
Наши страшные битвы.
Даже наши парады,
Даже наши молитвы.

За наживой в погоне
Сами, что ль, не рыдали?
Кто их исстари гонит
В наши русские дали?

Тут капкан, там засада,
В грудь ударят и сбоку...
Не надейтесь на Запад
И не верьте Востоку.

* * *

Я вам о славе,
я о мире прежнем,
Который ныне где-то вдалеке...
Я говорю на русском, на безбрежном,
А не на зарубежном языке.

Его нетленный клад, его основу
Священная держала лития.
Я, к слову, уважаю вашу мову,
Но в мове нет державного литья.

А потому, когда распались скрепы
Любви и дружбы, помните о том,
Что недруги лукавы и свирепы,
Что, разделившись,
может рухнуть дом.

Падут опоры. Разорвутся нити.
Кто вас поймёт среди вселенских драм?
Не отвергайте русский.
Берегите.
Ещё не раз он пригодится вам.

* * *

Опять я мчусь туда, опять спешу я в гости,
Где ивы у пруда и где горбатый мостик,

Где барский дом застыл
в тени густого парка,
Где на тропинке след как свежая помарка.

Опять хочу дышать я
воздухом старинным,
Где навсегда пропах
подсвечник стеарином,

Где шелест не исчез
волнующей страницы,
Где помнят звук шагов
хозяйских половицы.

Я в Болдино спешу,
чтоб насладиться снова
Бездонной глубиной, очарованьем слова,

Которое в веках таинственно согрето
Дыханием живым бессмертного Поэта...

ЧИТАЯ БИБЛИЮ

1

— Что в Вавилоне?..
— Торгуют, глумятся,
Пляшут, поют, в чужеземье стремятся,
Буйствует знать, торжествуют пороки,
Лживы вожди и продажны пророки,
Души открыты безверью и блуду...

— Я им потворствовать больше не буду.
Я утоплю их в крови и во пепле,
Сделаю так, чтоб оглохли, ослепли,
Чтоб до печёнок их всех прознобило!..

— Господи, это не раз уже было...

— К Небу приближу и храмы построю,
Новую, вечную жизнь им открою,
Дам я им новое слово Завета...

— Господи, разве поможет им это?..

2

Осенний ветер в роще колобродит,
Он золото разбрасывать горазд.
Любовь и дружба,
жизнь и смерть проходит,
Проходит всё, сказал Экклезиаст.

Пройдут, пройдут и радости, и муки,
И красота, и молодость, и труд.
И мы пройдем, не избежим разлуки,
Придут другие, и они пройдут...

* * *

Там на виду у всей вселенной
Вновь на ноги вставал колхоз.
Я рос в стране послевоенной,
В стране и радостей, и слёз.

О, эти стройки и парады,
Полёты в космос, целина!
Но повышать за труд оклады
В те годы не могла страна.

Хотелось лучшей, лучшей доли,
Стремилась к ней по мере сил.
Я пионерский галстук в школе
Там гордо на груди носил.

О той стране теперь лишь толки,
Фантазии, да что с того.
Вон ломаются сегодня полки
От изобилия всего.

Там было и бедней, и строже,
И было много не по мне,
Но почему-то всё же, всё же
Вдыхаю я по той стране.

В ЗВЕНЯЩУЮ СНЕЖНУЮ ДАЛЬ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ! В «ЗВЕНЯЩУЮ СНЕЖНУЮ ДАЛЬ» ВОСПОМИНАНИЙ НАС ПОНЕСУТ, РАЗУМЕЕТСЯ, «ТРИ БЕЛЫХ КОНЯ: ДЕКАБРЬ, ЯНВАРЬ И ФЕВРАЛЬ» ИЗ НЕЗАБЫВАЕМОЙ ПЕСНИ ЕВГЕНИЯ КРЫЛАТОВА НА СТИХИ ЛЕОНИДА ДЕРБЕНЁВА. МЫ ПОСТАРАЕМСЯ ВСПОМНИТЬ, ЧЕМ ПАМЯТЕН ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС В НАШЕЙ РЕСПУБЛИКЕ (И НЕ ТОЛЬКО) ЗА МИНУВШУЮ ЗИМУ.

ГОД ТЕАТРА НАЧАЛСЯ С ПРЕМЬЕР

2019 год в нашей стране объявлен Годом Театра. Торжественное его открытие состоялось в декабре — в старейшем театре России, в Ярославском академическом театре драмы имени Фёдора Волкова, созданного в середине XVIII века. Открывал Год Театра Президент Владимир Путин.

Для «Аргамак» этот год тоже станет знаменательным — нашему литературному журналу исполняется десять лет. Не случайно в этом номере публикуется одна из самых ярких пьес известного российского драматурга Константина Сковцова «Ванька Каин», действие которой также разворачивается в середине XVIII столетия.

А ещё в 2019-м отмечаем 20-летие образования Татарстанского отделения Союза российских писателей, сегодня в него входят более шестидесяти поэтов, прозаиков и драматургов. Этот юбилей мы собираемся отметить чередой премьер, поэтических вечеров и литературных фестивалей в течение всего года. И о первых юбилейных мероприятиях уже можно рассказать читателям. Впрочем, начались они с лёгкой руки председателя ТО СРП и — одновременно — главного редактора журнала «Аргамак» Николая Алешкова ещё в середине октября минувшего года. Именно тогда на проходящем в Пятигорске IX Международном Славянском Литературном форуме «Золотой витязь» он со своей книгой избранной лирики «Дальние луга» оказался вторым лауреатом весьма престижного конкурса в номинации «Поэзия». Вы видите на снимке момент вручения Николаю Петровичу статуэтки Серебряного витязя (подразумевается, что это благоверный князь Александр Невский). Золотого витязя получил поэт из Каргополя Архангельской области Александр Логинов, Бронзового — поэт из города Орла Андрей Фролов, стихи которого публикуются в этом номере «Аргамак».

ВРЕМЕНА ГОДА

В конце ноября в недавно отреставрированном Дворце культуры (культурно-досуговом комплексе) имени В.И. Ленина города Казани состоялся юбилейный творческий вечер члена Союза российских писателей, лауреата литературных премий имени Гавриила Державина и Сажи-ды Сулеймановой, заслуженного работника культуры РТ Ольги Левадной.

Известная казанская поэтесса, создатель и художественный руководитель поэтического театра «Диалог» свой юбилей решила отметить необычным, грандиозным по замыслу и исполнению спектаклем, в котором приняли участие молодёжный симфонический оркестр Sforzando, камерный оркестр Renaissance, молодёжный музыкальный театр «Тремпель». Главные роли и вокальные партии исполнили молодые солисты театра «Диалог» Гузель Саттарова и Алексей Киселёв. Автор сценария и режиссёр-постановщик Любовь Новак, органично соединив на сцене игравший «вживую» симфонический оркестр и яркую пластику молодёжных танцев, сумела рассказать простую и трогательную историю любви и рождения семьи, выстроив всю драматургию сложных отношений на стихах Ольги Левадной. Оригинальную музыку к спектаклю написал молодой композитор Ильсур Вельгас. Однако соединения на одной сцене симфонического оркестра и хореографического ансамбля Ольге Левадной показалось мало — и режиссёр Александр Долбин создал для спектакля оригинальный видеоряд, где не только представил Казань в разные времена года, но и... заставил поэтессу летать! Этот ролик можно посмотреть в интернете (по ссылке https://www.youtube.com/watch?time_continue=5&v=VZ2KtPT0mUc).

После спектакля юбиляра первой поздравила с премьерой заместитель председателя Совета Ассамблеи народов Татарстана, заместитель председателя правления Русского национально-культурного объединения республики, член Общественной палаты РТ, председатель Казанского отделения РНКО Ирина Александровская. Ольге Левадной вручили нагрудный знак Министерства культуры Татарстана «За достижения в культуре», Почетную грамоту Управления культуры г. Казани, Благодарственные письма Русского национального культурного объединения и Городского совета ветеранов. А в фойе КДК была организована выставка картин казанских художников «Стихи в красках».

ПТИЦЕЙ ДУША РОДИЛАСЬ

Новый сезон 2019 года в Казанском литературном кафе «Калитка» открывали представители Татарстанского отделения Союза российских писателей, которому исполняется 20 лет. И явно под знаменем Года театра.

В декабре Ольга Кузьмичёва-Дробышевская, известная певица и поэтесса из Набережных Челнов, отправилась в Мексику, по приглашению друзей, которые переехали туда двадцать лет назад. Уезжали, потому что остались без работы и не видели будущего для своих сыновей. Уезжали ни с чем, начинали с нуля, но теперь у них в Мехико три ресторана «Колобок». У сыновей давно свои семьи. И стоит ли теперь возвращаться?

Об этом Ольга задумала написать книгу, и в течение месяца знакомилась с мексиканской жизнью своих экс-челнинских друзей. В середине января вернулась — и сразу после перелёта Мехико — Мюнхен — Москва сделала остановку в Казани, где в литературном кафе «Калитка» состоялась премьера литературно-музыкальной композиции на её стихи «Птицей душа родилась» с участием артиста московского поэтического театра «Голос» Евгения Касаткина.

Ольга пела свои песни — на стихи Гавриила Державина «Арфа», «Лебедь» и «Нине», а также на стихи челнинских поэтесс Аллы Ореховой и Веры Хамидуллиной. Евгений читал её стихи и прозу. И всё это сложилось в цельный, композиционно выстроенный спектакль. Трудно было поверить, что работа над ним велась... больше заочно, по переписке, по интернету. С этим дуэтом казанцы уже встречались в прошлом, однако впервые имели возможность после спектакля задать исполнителям массу вопросов. Узнать, как сложился их замечательный тандем. И даже поспорить — что лучше, авторское исполнение или актёрская читка стихов.

Евгений Касаткин подробно рассказал о своём театре «Голос», который создавался при культурном центре МВТУ имени Н. Баумана. А Ольга Кузьмичёва-Дробышевская поделилась свежими и поэтому особенно яркими впечатлениями о поездке в далёкую и загадочную Мексику. В завершение вечера собравшиеся выразили пожелание, чтобы литературно-музыкальную композицию «Птицей душа родилась» увидели как можно больше зрителей в разных городах.

«ПРИСУТСТВИЕ»

Вскоре в той же «Калитке» состоялась ещё одна премьера — драматург Александр Воронин провёл свой юбилейный вечер в виде актёрской читки пьесы «Присутствие». В этом автору помогли сокурсник по Казанскому театральному училищу — ныне заслуженный артист России, народный артист Татарстана Александр Купцов, а также участники поэтического театра «Диалог» Ирина и Михаил Соколовы. Точно в таком составе два года назад они уже представляли в «Калитке» стихотворную пьесу Александра Воронина «Как уху Емеля ел», поэтому успех был ожидаем. Хотя пьеса оказалась совсем другой — более жёсткой, многослойной и неоднозначной...

После спектакля председатель Татарстанского отделения Союза российских писателей, главный редактор литературного журнала «Аргамак. Татарстан» Николай Алешков по поручению первого секретаря СРП Светланы Василенко вручил юбиляру Почётную грамоту Союза российских писателей и почитал новые стихи. Высказать своё мнение о пьесе «Присутствие» имели возможность присутствующие на вечере заслуженная артистка Татарстана, преподаватель Казанского института культуры Лидия Огарёва (кстати, тоже сокурсница юбиляра), два доктора философских наук: Владимир Курашов и Натан Солодухо, руководитель музея А.С. Пушкина при гимназии № 7, поэтесса Лада Аюдаг и художественный руководитель поэтического театра «Диалог» Ольга Левадная. Последняя выразила надежду, что со временем пьеса «Присутствие» войдёт в репертуар театра.

На юбилейном вечере в «Калитке» Александр Воронин представил собравшимся вышедшую буквально накануне книгу своей документальной прозы «Трилогия non-fiction». В неё вошли три повести: — о драматургии Диаса Валеева, о прозе Рустема Кутуя и поэзии Виля Мустафина. Однако сразу предупредил, что презентацию книги в Казани проведёт в марте, в Доме дружбы народов Татарстана, в рамках мероприятий, посвящённых 20-летию Татарстанского отделения Союза российских писателей.

Но — планы планами — а презентация «Трилогии» всё же состоялась — пять дней спустя. И на двести километров восточнее...

Так сложилось, что свои книги Александр Воронин впервые представлял читателям не в Казани, а в Елабуге, в библиотеке Серебряного века при Литературном музее М. И. Цветаевой. Это было и с книгой прозы «Ясновидящая» в 2011 году, это повторилось и со сборником его драматургии «Кинг книг» — четыре года назад. И в третий раз автор решил не отступать от доброй традиции, и новую книгу снова представил елабужанам.

Тем более, что авторский вечер Александра Воронина «Non-fiction» пришёлся на знаменательный Татьянин день — 25 января. С утра студенты Елабужского филиала КФУ устроили на центральной площади флешмоб в честь Дня российского студенчества. Днём в музее И. И. Шишкина собрались участники клуба «Дом на набережной», чтобы отметить очередной день рождения великого своего земляка, знаменитого пейзажиста. И конечно, горожане не забыли о дне рождения поэта и актёра, певца и кумира В. С. Высоцкого.

Александр Воронин в библиотеке Серебряного века специально для эффектной концовки вечера приберёт ещё одну, многими забытую дату — в тот день исполнилось 260 лет со дня рождения английского поэта Роберта Бёрнса. И романс Александра Градского (в переводе Самуила Маршака) «В полях под снегом и дождём» собравшиеся спели хором под гитару... Но это было в конце, а в начале была презентация, которую заведующий библиотекой Серебряного века Андрей Иванов провёл в блестящей, присущей ему манере — то ли провокации, то ли викторины, а Александр Воронин много интересного рассказал о трёх известных казанских писателях, о которых написана его книга.

Всесоюзная известность пришла к Рустему Кутую в 60-х годах, когда в Москве издавались его повести и рассказы. Пьесы Диаса Валеева в 70-х шли в пятидесяти театрах СССР — и такого признания не знал ни один татарский писатель минувшего столетия! Виль Мустафин опубликовал первые стихотворные подборки только в конце 80-х... И при этом успел заявить о себе, как о большом самобытном поэте. Все трое ходили в одно литобъединение, Рустем и Диас были двоюродными братьями, и оба считали Виля братом по духу. Их творчеству, их жизни, их судьбам посвятил Александр Воронин «Трилогию non-fiction», которую первые читатели называли глубоким и серьёзным исследованием ушедшей эпохи...

Вторая часть вечера прошла в уютной каминной гостиной, и посвящена была 10-летию литературного журнала «Аргамак. Татарстан» и 20-летию Татарстанского

отделения Союза российских писателей. Свои стихи читали члены СРП — челнинские поэты Николай Алешков, Вера Хамидуллина, Светлана Летяга, елабужане Евгений Пospelов, Наталья Берестова, Светлана Попова. Гостем праздника стала поэтесса из Красноярска Тина Кошкина, член Союза российских писателей, создатель нового литературного направления «антигламур».

Уместно вспомнилось, что другом Рустема Кутуя, Диаса Валеева и Виля Мустафина по литобъединению был замечательный поэт Роман Солнцев (Ринат Суфеев, 1939–2007), о котором Александр Воронин не раз упоминает в новой книге. Он родился в селе Кузкоево Мензелинского района, учился в Казанском университете в те же годы, что и герои «Трилогии», вместе с ними входил в литературу. По распределению поехал в Сибирь, всю жизнь провёл в Красноярске. Стал одним из основателей Союза российских писателей, до последних дней оставался главным редактором литературного журнала «День и ночь».

И конечно, звучала гитара Ольги Кузьмичёвой-Дробышевской, которая исполняла романсы на стихи Марины Цветаевой и Гавриила Державина. Несмотря на позднее время (презентация шла свыше трёх часов!), слушатели не хотели расходиться. Хотя среди собравшихся была... даже ученица третьего класса Надя Мингазетдинова, которая приехала с мамой специально на этот вечер из старинного села Костенеево, это в сорока километрах от Елабуги... Интересно, чем запомнится юному созданию тот студёный январский вечер у пылающего камина, в кругу поэтов и ценителей поэзии?

«ВОКЗАЛ»

В марте, в преддверии Всемирного дня поэзии, поэтический театр «Диалог» приглашает казанцев на очередную премьеру. Ольга Левадная сочинила композицию «Вокзал» по стихам 20 татарстанских поэтов, как здравствующих (скажем, Николай Алешков и Разиль Валеев, Лилия Газизова и Роберт Миннуллин), так и ушедших, таких как, например, Рустем Кутуй и Виль Мустафин, Юрий Макаров и Николай Беляев.

В работе театра и спектакль «Чистопольская тетрадь», который выйдет ближе к Дню Победы.

А в июне, в День русского языка, как ожидается, откроется после реконструкции Культурный центр имени А. С. Пушкина, где поэтическому театру «Диалог» планируется отвести постоянную площадку. И мы надеемся, что кончится «вокзальная» жизнь коллектива, основу которого составляют члены Союза российских писателей, театр обретёт крышу над головой и будет там играть свои спектакли регулярно.

В Пушкинском культурном центре Татарстанское отделение СРП планирует провести в октябре и всероссийский литературный фестиваль «Осенины», посвящённый своему 20-летию и 10-летию журнала «Аргамак. Татарстан».

Казанский обозреватель

ОНА РАЗБУДИЛА НАШУ ПАМЯТЬ

Татарстанское отделение Союза российских писателей и редакция журнала «Аргамак» вправе гордиться своей причастностью к изданию этой книги. На её 456 страницах разместилось то, что мы назвали авторским проектом Раисы Ахтямовны Мартыновой-Давлетбаевой: воспоминания о ней, материалы, написанные её рукой, и — главное — собранные ею жизнеописания, фотографии, документы участников Первой

мировой войны. Такова первая часть книги. Вторая часть посвящена продолжению этого проекта, на который добровольно откликнулись как музейные работники республики, так и другие люди, неравнодушные к общей памяти, что произошло уже после ухода из земной жизни самой Раисы Ахтямовны...

А первая встреча с нею у меня состоялась в начале 2014 года по дружеской рекомендации народного художника Татарстана Владимира Акимова. Позвонив, он спросил, может ли дать мой телефон женщине, у которой есть уникальные материалы для журнала «Аргмак». Я ответил согласием — дескать, какой же редактор откажется от уникальных материалов. Уловив мою скептическую нотку, Владимир Яковлевич сказал: «Не пожалеешь!»

И вот в редакторский кабинет вошла скромно, но с достоинством одетая женщина с негромким голосом и грамотной убедительной речью. И то, что она принесла на флешке, действительно оказалось уникальным и актуальным — это были как раз те самые фотографии наших земляков-татарстанцев. С отреставрированных снимков на меня смотрели из прошлого, из самого начала двадцатого века солдаты и офицеры — защитники Отечества. Они словно спрашивали — ты помнишь нас? И какое достойное было у них выражение лиц — не только же потому, что фотографирование тогда было в новинку! Резанула мысль — ведь и два моих дед воевали тогда с Германией, как и мой отец — уже в Великую Отечественную...

Столетний юбилей Первой мировой как раз приближался. И общественность России, едва ли не впервые за многие десятилетия очнувшись от беспамятства, навязанного идеологией ушедшей эпохи, пыталась вспомнить об этом событии глобального значения для всего мира.

Конечно, я обрадовался. И в двух номерах журнала подряд мы опубликовали материалы, собранные Раисой Ахтямовной. К каждому снимку прилагались сведения: кто изображён, где воевал, откуда призывался, годы жизни и смерти, если они были известны. Большинство воинов осталось на полях сражений, погибло в плену, осталось на чужбине. Лишь немногим удалось вернуться в родные сёла и деревни.

Удивляясь объёму представленных поисков и исследований, я поначалу не понимал, что заставило сидящую передо мной женщину взять на себя такую ношу. Она не обивала пороги властных кабинетов, не требовала от чиновников средств или какой-либо другой помощи на дело государственной важности (хотя это было бы справедливо), не участвовала в конкурсах на получение грантов. Она предпочла вершить это дело сама, на собственные средства, привлекая к помощи детей, мужа и добровольцев-единомышленников. О своих исследованиях она успела рассказать миру. Выставки собранных ею работ экспонировались в Казани, Уфе, Ижевске, обошли музеи районных городов Татарстана и соседних республик. Отреставрированные ею портреты наших земляков-героев размещены ныне в Ратной палате Санкт-Петербурга (в Царском селе). Она выступала на различных исторических форумах, призывая помнить прошлое, призывая продолжить дело, начатое ею. Она поставила вблизи города Менделеевска и реки Камы общий памятник и белым, и красным солдатам и офицерам, погибшим в схватке между собою во время Гражданской войны.

По-моему, это гражданский подвиг. Не боюсь употребить столь высокое слово, которое, как утверждают филологи, присуще только русскому языку. Подвиг предполагает, кроме героического поступка ещё и бескорыстие. И то, и другое Раиса Ахтямовна успела осуществить в течение своей не столь продолжительной (65 лет) земной жизни. Она разбудила у своих соотечественников память, которая до неё не просто поросла травой забвения, но находилась под запретом.

А толчком к этим деяниям послужило исполнение завета от любимой бабушки Шамсезихан. Раисе Ахтямовне удалось вернуть своему семейному дереву, выросшему из корня ногайской орды, принадлежность к знаменитому в русской истории роду князей Юсуповых. Я понял это после третьей публикации Раисы Ахтямовны в нашем журнале. Очерк назывался «Семейная тайна». Оказалось, что родной брат бабушки Шайдулла Асылгареевич Асылгареев, оказавшийся не только прямым потомком князей Юсуповых, но и офицером русской армии, к тому же полным Георгиевским кавалером, воевал вместе со многими из наших земляков. Мало того, некоторые из них ещё до начала Первой мировой служили в личной охране российского императора.

Не случайно, как вы понимаете, и название книги. Первоисточник словосочетания «Помни имя своё» восходит к священным писаниям, а не только к одноимённому фильму Сергея Колесова об Освенциме. Это название каждому из нас говорит вновь и вновь: чти род свой, не будь иваном или ахметом, не помнящим родства, ибо забвение — источник вражды и междоусобицы, как это случилось в России во время Гражданской войны, следовавшей сразу после Первой мировой.

Авторство первой части нашей книги целиком и полностью принадлежит Раисе Ахтямовне Мартыновой-Давлетбаевой. Вторая же часть свидетельствует — у Раисы Ахтямовны нашлись последователи, также бескорыстно продолжившие поиск наших героических предков. Значит, она разбудила заснувшую совесть общества, выполнив тем самым своё земное предназначение.

Вот и выходит, что перед нами книга-событие. Её издание, её финансирование взял на себя Геннадий Петрович Мартынов. Он не мог поступит иначе. Раиса Ахтямовна Мартынова-Давлетбаева была его женой. А он во время их счастливого супружества (почти 20 лет) был верным спутником и оказался первым помощником в благородном деле всей её жизни. Огромную работу по составлению книги, по продолжению крайне необходимого дела взяла на себя Людмила Михайловна Симонова, научный сотрудник Заинского краеведческого музея, заслуженный работник культуры Республики Татарстан, подруга и землячка Раисы Ахтямовны.

Я благодарен Геннадию Петровичу и Людмиле Михайловне за оказанную честь быть приглашённым для работы над этим изданием в качестве редактора. Корректуру провела член Союза российских писателей Светлана Николаевна Кашеварова (она же поэтесса Светлана Летяга). Автором оригинал-макета стал Виталий Александрович Павлов. Книга отпечатана полиграфически безупречно в областной типографии «Печатный двор» (город Ульяновск).

Николай АЛЕШКОВ

Я ШАГАЮ ПО КАЗАНИ

РУСТЭМ ГАЙНЕТДИНОВ

МОИ НОСТАЛЬГИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

КАК-ТО САМО-СОБОЙ РОДИЛСЯ ЭТОТ ЦИКЛ — О ВРЕМЕНИ, О СЕБЕ, О ЛЮДЯХ, МЕНЯ ОКРУЖАВШИХ. Я ОЧЕНЬ ОСТРО ОЩУЩАЮ, ЧТО УХОДИТ В НЕБЫТИЕ СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ, ЕГО ЛУЧШИЕ ГОДЫ, И ОСТАЁТСЯ ВСЁ МЕНЬШЕ ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ ЯВЛЯЮТСЯ СОВРЕМЕННОКАМИ ТОЙ ЭПОХИ, КОТОРЫЕ МОГУТ С ИСТОРИЧЕСКОЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПЕРЕДАТЬ ЕЁ КОЛОРИТ. Я ПИСАЛ ЭТЮДЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ВНУКОВ — ЧТОБЫ ЗНАЛИ, ЧЕМ МЫ ЖИЛИ, КОГО ЛЮБИЛИ, КАКИЕ ПЕСНИ ПЕЛИ, КАКИМИ БЫЛИ НАШИ ИДЕАЛЫ. ИБО МЫ УЙДЁМ — И ЭТО ВСЁ УЙДЁТ С НАМИ...

УНИВЕРСИТЕТ

В 1974 году я стал студентом прославленного Казанского университета.

Моё поколение застало такое счастливое время, когда, закончив среднюю школу, молодой человек мог поступить в любой институт СССР. Так и я, выпускник казанской школы № 115, стоял перед выбором — то ли податься в Борисоглебское лётное училище (я уверен, что поступил бы туда, потому что у меня были хорошие оценки и отличное здоровье), то ли ехать в город своих родителей Ленинград и поступать в Океанографический институт, ибо, как и тысячи сверстников, бредил походами на Кон-Тики Тура Хейердала, а Юрий Сенкевич был моим кумиром на телевидении, или податься в журналистику — в школьные годы я много писал, читал за год по 250–270 книг, сочинял стихи и уже публиковал небольшие заметки в республиканских газетах. Но выбор профессии определил мой двоюродный брат Тауфик Сагитов, который был уже известным в республике журналистом и примером для меня. Он сказал: «Иди на историю, историк всегда может стать журналистом, а журналист историком — никогда». Так я, сын рабочего из казанского посёлка Караваево, выдержав конкурс 18 человек на место, оказался на историческом факультете Казанского университета.

Это было удивительное и незабываемое время. Как мы гордились, что учимся в Казанском университете! Имени Ульянова-Ленина! Каждый день мы встречали возле белых колонн бесконечные группы экскурсантов с волжских пароходов, плывущих ленинским маршрутом в Казань и Ульяновск. Безмятежные и счастливые годы...

* * *

Первый семестр у нас начался с уборки яблок в совхозе «Масловский». На сельскохозяйственных работах с нами были представители ещё двух старших курсов, за месяц мы все

перезнакомились, узнали друг друга, многие подружились. У меня, к слову, сложились прекрасные отношения с третьекурсниками с отделения журналистики. Лёгкие на подъём, они были вездесущи, знали всё о городских тусовках и почти всегда брали меня на них с собой. Благодаря им, например, я попал на вечер юмора с участием студенческого театра эстрадных миниатюр (СТЭМ КАИ) и ансамбля «Зеркало» под управлением легендарного Николая Локая — попасть на такой вечер было нелегко даже тем, кто учился в КАИ.

Поначалу в наших двух группах историков шло притирание друг у другу. Мы были разделены как-бы на три группы. Самая большая из них — ребята, поступившие с рабфака. Они были старше нас, почти все служили в армии или работали на производстве, за плечами у них был немалый жизненный опыт, хотя и довольно слабые знания. Но это поначалу.

Другая группа — дети казанской интеллигенции: научной, творческой, военной. Их было немного, но они заметно выделялись уровнем знаний, особенно, иностранных языков, полученных в элитных казанских школах. В наших группах оказались дети Аяза Гилязова, Сажида Сулеймановой, Адипа Маликова, Нонны Орешинной. Мы учились вместе с детьми университетских преподавателей со звучными уже в то время фамилиями: Литвин, Циунчук, Пельникевич, учились у нас и дочери высокопоставленных военных.

Довольно значительной была группа, к которой относился и я. Это дети из рабочих и сельской прослойки, поступившие, в основном, после школы. В отличие от своих «интеллигентных» сокурсников, мы, выходцы из трудовых семей, многое умели и были неплохо приспособлены к жизни: могли приготовить себе еду, разжечь костёр на берегу Камы в сырую погоду, при необходимости завести трактор и повести грузовую машину, с достоинством разговаривали с деревенскими подростками, претендовавшими на наших девчонок, а при необходимости могли дать им отпор. Мы неплохо разбирались в современной литературе и музыке, во всяком случае, знали популярные в то время зарубежные и советские группы и могли поддержать разговор на эту тему в компании. Словом, наши сокурсницы видели в нас людей сильных, волевых и мужественных, и мы составляли здоровую конкуренцию городским ребятам, выросшим в тепличных условиях.

Со временем эти разногласия сошли на нет, к концу учёбы все мы здорово сдружились и поддерживали друг друга, в том числе и после окончания вуза.

441 и 442-я группы истфилфака КГУ на Ленинском субботнике, 18 апреля 1977 г.

В годы учёбы в университете у меня было всё, из чего только могла состоять студенческая жизнь.

Я основательно учился, создавая серьёзные заделы в научно-исследовательской деятельности, что позже привело к успеху на Всесоюзном конкурсе студенческих работ (первое место). «Снежный десант», стройотряды, научные экспедиции, обожаемые преподаватели — настоящие светила науки, юношеская любовь — всё это было, было...

Я с величайшим удовольствием учился древней науке у замечательных педагогов И. М. Ионенко, М. А. Усманова, А. Х. Халикова, И. Р. Тагирова. Нас учили качественно! Из наших групп историков выпуска 1979 года на сегодняшний момент вышло 4 доктора (Александр Литвин, Искандер Гилязов, Алла Сальникова, Рустем Циунчук) и 5 кандидатов наук (Владимир Астафьев, Надежда Рычкова (Лештаева), Расиля Петрова (Хазиева), Ася Галеева, Рустэм Гайнетдинов). Вышли из «наших» и руководители КамАЗа (Фярит Муртазаев, Владимир Естюнин), МВД Татарстана (Наиль Вахитов, Хамза Хасанов), директор совхоза (Рустем Харисов), директора школ (Александр Миронов, Зульфат Арсланов). А сколько моих сокурсников работает в музеях, детских учреждениях, вузах и школах (Галина Красильникова, Алла Тарвердян (Низамова), Светлана Орешина, Анвар Маликов, Рушания Габбасова, Венера Гиниатуллина и многие другие). Все они составляют ныне интеллектуальную элиту Татарстана...

Наши педагоги были учителями в полном смысле слова. Они не только передавали нам знания по своим дисциплинам, но и в буквальном смысле учили нас жизни, не скрывая её превратностей. В некотором смысле они были идеалистами и бесребренниками. Помню, как мой учитель Иван Михайлович Ионенко, получавший со всех своих учебных, научных и партийных должностей суммарную зарплату где-то около 500 рублей, как-то говорил: «Ну, куда мне столько денег...». Он же отказался от предлагаемой ему обкомом партии «Волги», сославшись, что машину водить-то не умеет...

Трудно было заподозрить хоть какую-либо корысть у обожаемых нами педагогов Григория Наумовича Вульфсона, Аркадия Семёновича Шофмана, Александра Васильевича Сергеева, Евгения Прокопьевича Бусыгина, Василия Ивановича Адо и многих других преданных науке, университету и стране людей.

* * *

Моя первая производственная практика прошла на археологических раскопках в Билярске и Больших Тиганах.

*Биляры мои, Биляры,
Поросшая степь травой...
Лавиной прошли татары,
Сравнили тебя с землёй.
Биляры мои, Биляры,
Зови или не зови,
Трава твоя стала рыжей
От горечи и крови.
Потянутся отовсюду,
В далёкий, забытый край –
Опять караван верблюдов
Придёт в Караван-сарай –*

Так пели мы, студенты-историки в археологической экспедиции 1975 года под руководством Альфёда Хасановича Халикова, песню на стихи челнинского поэта-

камазовца Евгения Кувайцева, сочинившего их в свой летний отпуск, который он посвятил раскопкам в Биляре. Познакомил нас с песней «Биляры» Саша Тарвердян. Мы звали его «Тер». Он на курс или два был старше и каждое лето безвылазно сидел в Биляре. Потом он женился на нашей одногруппнице Алле Низамовой. Оба они на заре нашей самостоятельной послевузовской жизни какое-то время работали в Бауманском Доме пионеров. Саша всю жизнь посвятил Национальному музею, Алсу сейчас фотограф.

А с автором песни «Биляры» Женей Кувайцевым я встретился позже, в 80-х годах в Набережных Челнах. Долго с ним дружил. Это его слова украшали въезд в город Набережные Челны:

Город дарю вам, построенный мной,
Живите!

Женя построил свой Белый город, а в глухие постсоветские годы как-то странно потерялся — пропал без вести...

В первый день экспедиции мы убежали с раскопок купаться. Альфред Хасанович нас наказал — заставил раскапывать старый пересохший булгарский колодец. Копали мы его неделю человек пять, попеременно меняясь (в узком песчаном колодце запросто можно было остаться сдавленным под грунтом). Но копали с надеждой — вдруг на дне брошенный во время монгольского нашествия клад или булгарская красавица утопила в нём нечаянно горшок? Докопались до дна — до глины, до «материка», это метров 5–7 в глубину. Какое же было разочарование, когда на дне было пусто. С тех пор не люблю колодцы...

Ещё помню — воровали яблоки у одного злющего мужика на окраине Билярска, по дороге на Святой ключ. Сам ключ был в ужасном состоянии. Но почему-то он мне больше дорог, чем нынешний, обустроенный... А ещё знайте, самый вкусный хлеб в Татарстане — в Билярске. Всегда покупаю его, когда бываю там.

Жили мы в невероятно тяжёлых полевых условиях в старом Билярске. Повезло тем, кто уехал с Еленой Александровной Халиковой в Большие Тиганы на раскопки

Тиганская археологическая экспедиция, 1975 г.

древне-венгерского могильника IX века. Среди них был и я — эта фотография с тех самых раскопок.

Не знаю, есть ли сейчас у историков традиция — посвящение в археологи... У нас его проводили старшекурсницы — Аня Кочкина и Света Валиуллина, ныне директор музея археологии КФУ. Помню, пели сочинённый под известный мотив «Гимн археолога»: «Долго, упрямо, режем мы грунт... Веселей, ребята, выпало вам раскопать могильник у Больших Тиган»... А вместо «святой» водицы было какое-то дешёвое яблочное вино прибалтийского разлива — другого в местном магазине не было, а водку во время уборки урожая в колхозах не продавали...

Ежедневно перекидывали тонны чёрной земли, которая в жару рассыхалась в мелкую пыль и проникала всюду, под любую майку и платок. В местном магазине кончились туалетное мыло и дешёвый казанский шампунь. А мыться нужно было каждый день, иначе... завшивеешь. Покупали моющее средство «Мальву» для стирки белья и мыли им голову. Потом заметил, что начали выпадать волосы. Ничего в нашей жизни не проходит бесследно.

Но я всегда с теплотой вспоминаю ту экспедицию. Я специально к ней приготовил ярко-жёлтую майку с надписью «Kazan State University — Archeological Expedition» и гордо выхаживал в ней по раскопу. Когда работали в Тиганах на древне-венгерском могильнике, на раскоп приехал министр образования Мирза Махмутов, а вместе с ним венгерские учёные и кинооператоры. Вот тогда я стал «звездой экрана» — моя спина с надписью документально засветилась на импортной киноплёнке. Елена Александровна, будучи в Венгрии и посмотрев фильм, это мне удостоверила. Вообще, из меня мог состояться хороший археолог. Не состоялся... Может, выйдет неплохой мемуарист...

Улетали в Казань уже ближе к осени на «кукурузнике» с Биярского аэродрома. Насовали в шутку в чемодан сокурснику Зульфату Арсланову болгарских квадратных кирпичей с раскопок, он, бедный, оплачивал этот перевес на свои последние студенческие три рубля...

Никогда в своей жизни не откажусь от знойного полевого лета 75-го года...

* * *

Белоколонный мой университет, ты навсегда остался связанным с моей молодостью!

Одна моя знакомая сказала мудрую мысль, что у каждого человека должно быть своё любимое место в городе. Моё «место» — это «сковородка» на улице Ленина-Кремлёвской. Я бесконечно люблю университет, его двор, Кремлёвскую, где мы прожигали свои студенческие 40 рублей в кафе «Ял» в Пассаже, или, если не было места здесь, шли вниз на улицу Баумана в «Ёлочку»...

Казанский университет для меня — это огромная и главная школа общественной работы. «Снежный десант», комсомол — для меня это родственные и неразрывные понятия. Три года я руководил поисковым движением «Снежный десант» по линии комитета комсомола университета и сам совершил четыре похода... Моим неизменным командиром «десанта» был Рустем Бикмуллин — «солнечный» человек. Он всегда был первым. В студенческих походах «Снежного десанта» или в туристических походах на Камчатку, Байкал и Таймыр он брал самый тяжёлый рюкзак, шёл первым по глубокому снегу, вызывался первым подежурить ночью, когда неподалёку от наших палаток бродил медведь, первым бросался в ледяную воду Байкала... Как нам не хватает его...

Самый памятный — первый «белорусский» поход 1976 года. Мы прошли по следам 352-й Оршанской Бугульминской дивизии по заснеженным полям и просёлкам

Агитбригада «Снежного десанта» физфака КГУ. Первый слева — Рустем Бикмуллин. Белоруссия, 1976 г.

от Смоленщины до Минска, а затем проехали ещё и до Бреста. В начале маршрута сломал ногу наш командир, мы оставили его в госпитале Белорусского военного госпиталя в Борисове, а сами пошли дальше. Командование взял на себя Рустем Бикмуллин. Но и он вскоре жестоко простудился и слёг в интернате Смолевичской школы с высокой температурой. А вечером должен состояться наш шефский концерт, где Рустем сопровождал на гитаре литературно-музыкальную композицию, исполнял юмористические и татарские песни. Пришлось заменить его парнем, никогда не выходившим на сцену. Ничего, справились. А благодарные зрители, узнав, что Рустем болен, принесли ему мёд и белорусский самогон. Мы никогда не забудем доброту жителей этой удивительной республики, которые всегда были готовы прийти нам на помощь. Не забуду, как начальник госпиталя в Борисове дал мне свою генеральскую машину и солдат в сопровождение до поезда выписываемого командира.

Люди, живущие в областях, где прошла война, научили нас совсем по-другому смотреть на мир, относиться к войне и её участникам. Мы ощущали их доброту повседневно. Наша «десантница» Ирина Ермолина задерживалась с поисковой работой в посёлке Пено на Калининщине. Она опаздывала в соседний город Андреаполь, где мы уже готовились к концерту. Ирина — участница музыкальной композиции, исполняла военные песни. Но к концерту она успела — её посадил и довёз до Андреаполя машинист маневрового тепловоза. Другой возможности добраться в срок просто не было.

26 марта 1977 года я написал в университетской многотиражке «Ленинец» о «Снежном десанте» следующее: «Жить для других, волноваться за судьбы людей, делать больше, чем остальные — главное для десантника. «Рвут меня на части люди и дороги, рвут меня на части годы и тревоги» — поют десантники, и в этом их счастье, их смысл жизни». От этих слов, написанных 40 лет назад, я не отрекаюсь и сегодня.

Кстати, в студенческие годы я опубликовал в «Ленинце» не одну сотню статей.

* * *

Отдельная эпопея нашей студенческой молодости — это стройотряды. Добрая половина учащихся наших групп историков прошла через них. Истфилфаковский «Прометей» ковал кадры для зонального штаба ССО. Из него вышел командир зоны «Восток» Фярит Муртазаев, в штабе ССО занимали должности мои сокурсники Саша Миронов, Рустем Харисов, как-то затесался в их ряды Саша Литвин.

Мы неплохо зарабатывали в строительных отрядах. Это было важным, но не главным. В ССО мы проходили настоящую трудовую закалку, формировали и выверяли характеры. Лентяй и хитрец выявлялся на стройплощадке в первый же день. И, как правило, он уходил сразу — случайные люди здесь были не нужны.

Студенческие стройотряды — это самоутверждение, проверка силы воли, преодоление определённых препятствий. Это — романтика! Работа не из лёгких, а после неё и танцы, и знакомства, и общение с местными, и подготовка концертных программ, и игры в волейбол! В 23.00 специальная программа для нас по «Маяку» — «Для тех, кто в стройотрядах»... Как интересно мы проводили время! Каждому есть что вспомнить!

К стройотрядовцам было огромное уважение и доверие в обществе. Помню, как я спешил к больному отцу и, одев стройотрядовскую робу, проехал на попутках бесплатно через весь Татарстан — от Азнакаево до Казани.

Я честно и с достоинством провёл в «Прометее» два сезона. До сих пор в Старой Александровке, Бикбулово (Мензелинский район) и Сарлах (Азнакаевский район) стоят построенные нами сельхозобъекты. А на третий год я уже сам повёз отряд из 43 девчонок на плодовоовощной комбинат в Симферополь. В его составе была и моя будущая жена... Руководить таким большим коллективом пришлось впервые и это был для меня первый опыт самостоятельной организационной работы. Тёплый, солнечный Крым лета 1978 года запомнился навсегда. Был мне тогда 21 год...

Пройдёт не так уж много времени, и в 29 лет я окажусь в Афганистане и буду решать самые сложные боевые задачи по борьбе с вооружённой оппозицией, используя навыки самостоятельного принятия решений, приобретённые в годы учёбы в Казанском университете...

* * *

Мой университетский комитет комсомола, три года, проведённые в трёх его составах под руководством Юрия Александровича Гусева и Рияза Гатаулловича Минзарипова — это школа жизни, это друзья навек: Юра, Ряз, Миша Щелкунов, Джавдет Сулейманов, Володя Астафьев, Женя Минеев, Рашида Шакирзянова (рано ушедшая от нас), Неля Абдуллина... Мы были чрезвычайно активны и делали много хорошего и полезного. Ленинские сходки, «десанты», ССО, НИРС — мы не только организовывали их, но и сами были в гуще дел...

Комитет комсомола КГУ на 200-летию университета, 2004 г.

Закалка, полученная в студенческие годы, очень здорово помогла мне в Афганистане, помогала и после (за плечами 30 календарных лет военной службы и уже почти 10 лет государственной службы в Аппарате Президента Республики Татарстан).

Отмеченный в октябре прошлого года 100-летний юбилей Комсомола — это и мой праздник. Я никогда не отрицаю значение комсомола в жизни университета, да и в своей жизни. Наоборот, считаю, что те убеждения, то стремление к идеалу, которые пронизывали нас насквозь, помогли мне достойно прожить жизнь. Мы никогда не были бездушными «винтиками» «системы». Мы жили честно и, если заблуждались, то заблуждались искренне. Это были наши убеждения. Это уже с позиций нынешнего времени наши помыслы тех лет кажутся заблуждениями. Кому-то, но не нам...

УЛИЦА БАУМАНА

Центральная улица татарской столицы, носящая нетипичное для здешних мест имя. Восьмидесятые годы прошлого столетия. Улица Баумана, «Брод», угол ул. Чернышевского... На этом фото — все приметы того времени.

Посмотрите, какие простые платица на казанских девушках! Всё натуральное, из советского ситца. Не поэтому ли женщины тогда меньше болели онкологией...

А родной 412-й «Москвичок» на углу! Мечта всех советских огородников (кстати, в 90-х годах не такая уж и недоступная).

Видна и открытая в любое время дня сапожная мастерская (дозволенный советский малый бизнес!) с резко пахнущим гуталином и висячими на дверях шнурками разных калибров для ботинок и кед (шнурки в XXI веке перевелись и исчезли из быта. Сейчас они скорее в диковинку, чем повседневное явление).

За светофором справа — киоск газ-воды с вкуснейшей газировкой с сиропом за 4 копейки (в автоматах газ-вода была по 3 коп., но сироп был бледненький, а в этом киоске сироп всегда наливали добросовестно). Вечно забитый 46-й автобус-«Икарус», идущий в один из наиболее растущих районов города — Ново-Савиновский. Венгерские «Икарусы»-гармошки были тогда чудом. Других заграничных автобусов в СССР не было. Мы их видели только в нечастых заграничных поездках (к этому времени я уже успел побывать в Польше и в ГДР, впереди был Афганистан).

Милая, провинциальная улица Баумана — именно такой осталась ты в моей мятежной студенческой юности...

Здесь случались с нами разные истории.

Вот одна из них. Жаркий день, в многочисленных учреждениях на Баумана все окна открыты настежь (кондиционеров тогда не было). Вдруг резкий шквал ветра — и из открытого окна в гостинице «Казань» (бывшие «Номера Щетинкина») вываливается целый оконный лист и, как гильотина, летит вниз прямо на нас. Прошёл он в сантиметре от носа Саши Литвина и разбился на асфальте вдребезги, обдав нас тучей мелких осколков. Саша — весь бледный. Всего несколько сантиметров и... Вот так могли мы потерять ныне уважаемого профессора Казанского федерального университета. Почти драматичная история...

Другая байка, рассказанная казанцем Владимиром Юриновым.

Такая же группа молодёжи (либо 10 класс, либо первый курс), именно в эти годы гуляет по «броду». На углу Баумана-Чернышевского подходит, как сказали бы сейчас, «алкаш» и просит мелочь. Кто-то из компании говорит ему: «А ты нас удиви!». Существо в помятом пиджаке мгновенно оценивает ситуацию, видит стоящий перед светофором троллейбус, подсказывает к нему и стягивает дуги. Потом так же моментально кричит какому-то прохожему: «Слышь, приятель, поддержи, я сейчас за рукавицами сбегая!». Вышел настоящий водитель и накоматылял ничего не понимающему бедолаге, держащему верёвки дуг... Компания валялась от хохота. Конечно, юмор жестокий, характерный для поры взросления, но мелочь свою этот бродяга заработал...

Казань, улица Баумана. Фото Леонида Абрамова

ГЛАЗАМИ БРАТА

В мае 2017 года видный российский и татарстанский журналист Тауфик Камартдинович Сагитов отметил свой юбилей — 80-летие. К знаменательному событию в издательстве «Идель-Пресс» вышла в свет книга «Тауфик Сагитов. Благодарен судьбе. Язымышыма рәхмәтлемен», в которой его современники весьма подробно рассказали о жизненном и творческом пути юбиляра. Отдавая должное полноте и охвату данного великолепного издания, надеюсь, что и моё повествование добавит краски в яркий образ уникальной личности государственного масштаба.

Мы с Тауфиком Камартдиновичем — двоюродные братья, хотя и носим разные фамилии. Наши отцы — Камартдин и Бадретдин — родные. Наш прапрадед Сагит (фамилия у Сагитовых от него) был достаточно зажиточным крестья-

нином. В семье было заведено, что одного из сыновей — обычно, самого смыслёного — отправляли учиться в Казань. Такая доля выпала нашему прадеду Гайнетдину (от него наша фамилия) — он окончил Казанскую учительскую школу. В свою очередь, он тоже не прервал традицию — направил сына Шарафутдина, нашего деда, учиться в Казань. Шарафутдин в совершенстве овладел русским языком и проявлял незаурядные способности в математике. Военную службу он проходил в императорской гвардии, в престижном Царскосельском полку. Служил музыкантом в полковом оркестре, и на одном из военных смотров получил из рук Его Величества Императора Николая II серебряный портсигар фирмы Мейера в награду за добросовестную службу. Реликвия эта бережно хранится правнуками.

Обладая превосходными для своего времени знаниями, Шарафутдин Гайнутдинов, конечно, оказался достаточно востребованным человеком — работал служащим на предприятиях и в конторах Астрахани, Царицына, Казани. Сколотив капитал, накануне революции вернулся в родную деревню Каенлык (Черки-Дюртиле) Буинского уезда, где построил большую ветряную мельницу.

Недолго дед хозяйствовал на ней — в 1917-м году её экспроприировал деревенский Комитет бедноты. Другие говорили, что, будучи человеком дальновидным, Шарафутдин сам передал её комбеду, и тем самым сохранил право работать на ней мельником. Данное обстоятельство сильно помогло нашей многочисленной семье пережить голодный 1921-й год. Но гроза 30-х годов не миновала сельского труженика. В 1931-м году дед, как середняк, попал под раскулачивание, был осуждён на 5 лет лагерей, пошёл по этапу на строительство Беломорканала. Но уже в 1935-м вернулся с похвальной грамотой Сталина за добросовестный труд. Всю оставшуюся жизнь он

вёл себя очень тихо... Наверное, ранняя ссылка деда спасла его от неминуемой гибели в 1937-м — из нашей деревни через застенки НКВД прошли около 50 человек, в том числе расстреляли мулл обеих мечетей. Таких «потерь» в мирное время в Буинском районе не понесла ни одна деревня.

А мельница добросовестно служила сельчанам до середины 60-х.

В 1962 году нашу местность электрифицировали и мельницу разобрали, при этом случайно нашли хорошо укрытый под полом погреб, в котором оказались мясные консервы, предусмотрительно заготовленные дедом. К всеобщему удивлению, через 40 лет законсервированные продукты сохранились в отличном состоянии. Обнаруженную тушёнку отдали отцу, случайно оказавшемуся в деревне. А мельничный сруб был настолько крепок, что простоял бы ещё сто лет...

От нашего родового имущества осталась на память лишь эта фотография.

КАМАРТДИН

Дед был мудр и прозорлив — ещё до ссылки собрал старших детей: Камартдина, Бадретдина (моего отца), и сказал: «Времена непростые, дальше будет ещё сложнее. Сейчас в почёте только бедняки. Моё социальное положение не даст вам покоя. Давайте что-то делать». Вот тогда-то старший Камартдин, воспользовавшись начавшейся паспортизацией населения, сменил фамилию, взяв имя прапрадеда и став Сагитовым. Мой отец сменил лишь одну букву в фамилии, став Гайнетдиновым. По решению семьи он в 17 лет уехал из деревни на строительство Шатурской электростанции в Подмоскowie. Затем отец мостил дороги в Москве, в 1932-м переехал в Ленинград, где жила старшая сестра Рабига. Устроился на знаменитый Путиловский (Кировский) завод. Здесь же в 1937-м встретил семнадцатилетнюю Галию, свою односельчанку, будущую мою мать, и отсюда ушёл на фронт в 1941-м...

Смена фамилии помогла Камартдину удержаться «на плаву». Просматривая архивные дела 30-х годов на репрессированных односельчан, я неоднократно встречал имя отца Тауфика в числе передовых строителей колхозной жизни и активистов деревенской комсомольской организации. В это время он уже женился, жил в отдельном доме.

Война застала Камартдина в деревне. Уже на другой день после объявления мобилизации он, оставив четверых детей, уезжает в Казань, где в составе 208-го стрелкового полка 18-й Казанской стрелковой дивизии убывает на фронт, в Белоруссию. Уже 3 июля дивизия достигла переднего края обороны, а 4 июля вступила в бой. Это была первая дивизия, которая не отступила и на несколько дней остановила

гитлеровцев, опьянённых успехами наступления. Полк защищал днепровский рубеж на самом танкоопасном направлении под Оршей и полёг полностью, но не пропустил врага. Здесь, в Оршанском районе, похоронен или просто зарыт в придорожной яме или воронке от снаряда мой дядя Камартдин Сагитов. Для похорон тогда не было времени, да и некому было хоронить павших воинов. К тому же, в первые месяцы войны немцы собирали медальоны и документы погибших, оставляя тела на поле боя безымянными... Полвека он числился без вести пропавшим. Сведения о нём мы нашли лишь в конце 90-х благодаря поисковой работе «Книги памяти». 70 лет ищем могилу Камартдина, но, видимо, уже не суждено найти...

А в 1942-м пришла похоронка и на младшего братишку, дядю Исмагила... Если учесть, что на фронте пал смертью храбрых муж сестры Ибрагим, а также младший братишка моей матери Габдулхак, то только из нашей семьи война забрала четверых... Мы помним их... Дорога цена Великой Победы...

КАЗАНЬ

Их трёх родных братьев лишь мой отец Бадретдин вернулся с войны живым в 1946 году, пройдя две войны — белофинскую и Отечественную. Долгих 9 лет ждала его мама. Она перенесла ленинградскую блокаду и вышла по Ладоге, по последнему льду в апреле 1942-го...

Расписавшись в январе 1946 года в Каенлыкском сельсовете, родители вновь собрались в любимый Ленинград, но бабушка Шамсикамал слёзно просила обосноваться поближе — чтобы могли навещать почаще... Так и остались в Казани, в Бишбалте, сняв комнату в частном доме на Милицейской улице. Бадретдин устроился на хорошо оплачиваемую работу на листопрокатный завод, к концу своей трудовой деятельности был в должности машиниста прокатного стана.

Для детей погибших братьев Камартдина и Исмагила он остался за отца, взяв на себя обязанности по поддержке семьи Сагитовых. Первым он увёз из деревни старшего Талгата, устроив его в ремесленное училище № 3 при авиационном заводе. Вслед за ним в Казань перебрались Рифкат и Тауфик, которые также пошли в ремесленное училище по стопам старшего брата. Благо, «ремеслуха» давала место в общежитии и гарантированную работу.

Через квартиру моих родителей в Бишбалте прошли все Сагитовы. Они знали, что в доме Бадретдина их обогреют, накормят, помогут, поддержат. На долгие годы наша семья стала центром притяжения для всех родственников со стороны отца и матери (Сагитовых и Низамиевых), перебивавшихся из деревни на жительство в город. Съёмная квартира родителей в Адмиралтейской слободе стала для них общим домом. Братья всегда приезжали сюда по воскресеньям, когда уже жили самостоятельно в общежитиях. И они вспоминают, что моя мама заставляла их привозить с собой грязные вещи, копившиеся за неделю, и, пока они были у неё, успевала постирать и выдать свежее бельё.

Казанский авиационный завод имени С. П. Горбунова стал родным для Сагитовых. Ведущее предприятие столицы Татарстана в 50-е — 60-е годы стремительно расширяло производство, одним из первых в стране перейдя на выпуск линейки реактивных самолётов гражданского и военного назначения. На предприятии шёл активный процесс набора и подготовка квалифицированных рабочих и инженеров для производства, в центре которого оказались и Сагитовы. Все три брата получили среднее образование в школе рабочей молодёжи, а после службы в армии поступили в разные

вузы города на вечернее отделение, одновременно работая на заводе и вырастая до руководителей различных служб и подразделений авиазавода. В одном тандеме с ними была и младшая сестра Равия.

Надо сказать, что большинство представителей семей Сагитовых (жёны, мужья, дети и снохи) также посвятили часть своей биографии авиационному заводу № 22. Равия Камартдиновна как-то посчитала, что на КАПО им. Горбунова работало 14 членов семей Сагитовых и двое Гайнетдиновых, а общий трудовой стаж династии составил 472 года.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

В 50-е годы работникам 16-го и 22-го заводов на производстве давали беспроцентные кредиты на строительство и выделяли стройматериалы. И «заводские» возводили целые белокаменные улицы из силикатного кирпича в рабочих посёлках Ново-Караваево и Северный. Эти дома в три-пять комнат, позже газифицированные, с шестью полагающимися сотками земли казались нам тогда верхом материального благополучия.

Не остались в стороне и Сагитовы — после работы и учёбы, а также в выходные дни всей семьёй строили дом в посёлке Северный. В 1956-м построил дом в Караваево и мой отец.

Мне было всего пять-шесть лет, но в детской памяти отчётливо запечатлено, как все вместе отмечали юбилеи, окончание вузов, свадьбы и рождение детей. Главным праздником был День Победы 9 Мая. Такую традицию завёл старший брат Талгат.

Благодарные дети Камартдина собирались у нас, чтобы поздравить не только моего, но и общего теперь отца-фронтовика с праздником. Мать к этому дню резала самую жирную курицу и доставала из погреба компот, а иногда яблоки, которые умудрялась схоронить даже от нас с братом...

Отец виду не подавал, но всегда ждал этого праздника. Он был непьющий, но однажды на 9 мая я привёз ему из крымской командировки бутылку фирменного массандровского вина. И сказал ему: «Это вино пьёт сам Брежнев». Отец очень уважал Леонида Ильича, и в праздник всё-таки решился открыть вино. Выпил пару напёрстков, причмокнул, и многозначительно произнёс: «Да, Брежнев — не дурак...».

Такой праздник в нашем доме проводился ещё раз осенью, после сбора урожая в саду. К осенней встрече уже вырастали молодые бройлерные курочки, созревали крупные, румяные яблоки, мама берегла для салата самые сочные и красные помидоры. Блюда были бесхитростные: наряду с традиционной лапшой ручной нарезки и пюре из картошки нового урожая были, конечно, пироги.

Я очень ждал эти праздники, для меня самыми впечатляющими были разговоры мужчин. Обычно в перерыве застолья собирались в кружок Талгат, Тауфик и отец — он всю жизнь выписывал газеты, читал их до последней буквы и довольно неплохо разбирался в политике. Талгат абый, как правофланговый производства (работал начальником 79-го гальванического цеха КАПО) рассказывал о заводских новостях, о выпускаемых самолётах, Тауфик Камартдинович же был наиболее информативен в республиканских и международных событиях. Отец много спрашивал, интересовался, куда может завести тот или иной политический процесс или кризис. Я же вертелся возле них и жадно впитывал услышанное. Именно от них я впервые узнал о Кубе, Фиделе Кастро, услышал непонятные мне фамилии диктатора Чомбе, друга СССР Патриса Лумумбы, имена космонавтов и многое другое.

Сейчас я понимаю, что именно эти разговоры и споры заложили во мне ещё в детском возрасте интерес к общественной жизни, к истории и политике, любовь к родному краю и своему городу, которые получили дальнейшее развитие в юношеские годы опять же не без влияния Сагитовых.

ЖИЗНЕННЫЙ ВЫБОР

Тауфик Камартдинович Сагитов стал для меня примером для подражания. Помню разговоры взрослых о том, что у Тауфика рискованная и опасная профессия. В 1964 году, например, машина, на которой он ехал в журналистскую командировку, перевернулась на крутом спуске под Мамадышем. Тауфик абый долго лежал в больнице, но выкарабкался. Мы сильно за него переживали.

Он стал для меня ориентиром и в выборе профессии. Ещё в школьные годы я много писал, были опубликованы заметки в «Пионерской правде», в «Юном натуралисте», а в конце своих школьных лет подружился с легендарной Юлией Колчановой, освещая на страницах «Комсомольца Татарии» деятельность городского комсомольского штаба «Ровесник». Юлия Фёдоровна терпеливо учила меня азам журналистики, не жалея времени на разбор моих первых опусов. А когда в выпускную весну состоялся день открытых дверей КГУ, я, конечно же, пошёл на кафедру к корифею татарстанской журналистики Флориду Агзамову. Так что к концу школьной жизни я, можно сказать, уже определился — журналистика, и только!

С этим и пришёл к Тауфику Камартдиновичу. Он работал старшим редактором промышленного отдела на Татарском радио и был известным в республике журналистом. Он же меня ошарашил, словно обухом по голове: «Ашыкма!» («Не спеши»). Сейчас, по прошествии многих лет, я знаю, что это жизненное кредо Сагитова — никогда ни в чём не спешить и всегда принимать обдуманное и взвешенное решение.

«Не спеши, — ещё раз повторил Тауфик абый. — У тебя же хорошо получается на общественном поприще, может, тебе в этом направлении себя попробовать?». Действительно, к своим 17 годам я уже имел «солидную» комсомольскую биографию — был комсоргом, членом комитета комсомола школы, затем стал секретарём школьной комсомольской организации, последние полтора года был членом ГКШ «Ровесник» при горкоме комсомола. Выступал на радио на темы комсомольской жизни.

«Иди на историческое отделение, — продолжил Тауфик абый. — Историк всегда может стать журналистом, а журналист историком — вряд ли!».

Вот так он и определил мой жизненный путь, за что я ему благодарен всю жизнь. Я с величайшим удовольствием учился этой древней науке у замечательных педагогов

И. М. Ионенко, М. А. Усманова, А. Х. Халикова, И. Р. Тагирова, был в центре общественной жизни, успешно окончил вуз и впоследствии, опять же по примеру своего брата Т. К. Сагитова, защитил кандидатскую диссертацию, став специалистом по истории зарубежной татарской диаспоры. И, как и предрекал Тауфик абый, посвятил себя работе на «общественном поприще» сначала во Всемирном конгрессе татар, а сейчас и на государственной службе.

Журналистику тоже не забросил. Ещё в студенческие годы опубликовал в «Ленин-це» и республиканских изданиях не одну сотню статей. Пишу и сейчас, в том числе статьи и книги по избранному когда-то научному профилю.

РАДИО

В студенческие годы после занятий я часто забегал к Тауфику абый в его «скворечник» в радиокomitee на Горького, 15. Мне кажется, что эта небольшая комнатка была тогда средоточием для всего Татарского радио. В ней обитали не только мой брат и добрый его коллега Леонид Букштейн, но постоянно заходили другие сотрудники — кто за советом, кто за помощью. Характер работы промышленной редакции подразумевал знакомство с крупными хозяйственными, партийными и муниципальными руководителями — это позволяло решать вопросы, в том числе и житейские. Да и по натуре Тауфик Камартинович был компанейский, привлекающий к себе людей. Поэтому «связи» у него были обширные и многие шли к нему. Главное — он никому не отказывал, или почти не отказывал, потому что иногда встречались и люди корыстные. Таких Тауфик абый быстро «раскусывал».

Меня, в частности, удивляло его знакомство со всеми медиками города. В любой больнице у него были «свои люди». При том, что это было не совсем по профилю его редакции. Просто он сам был такой притягивающий человек. И помогал всем, кому нужна была помощь по медицинской части. Думаю, что далеко не праздный интерес Тауфика к людям в белых халатах повлиял на выбор профессии его детей.

В середине 70-х я часто не заставал его на рабочем месте. Приближался пуск КАМАЗа, и, как правило, то Леонид, то Тауфик, а то и оба вместе были в постоянных командировках в автограде. Всесоюзная ударная стройка на Каме — это была вершина творческого взлёта журналиста Тауфика Сагитова, в которую он вкладывал всю свою душу и незаурядный талант.

Иногда бывало, что он брал меня с собой в студию на запись передачи. И я попадал в удивительный мир внутренней кухни информационного вещания! Тауфик абый больше всего любил записываться в Большой студии — она действительно очаровывала своими размерами, оборудованием и...тишиной (её стены, обитые специальной ячеистой плиткой из пенопласта, «гасили» на корню все звуки). С гордостью он перечислял мне имена выдающихся артистов, музыкантов, писателей, которые записывались в данной студии, знакомил с легендарными дикторами. При этом у него были свои любимые звукооператоры. Чаще всего он любил записываться с Санией Хаматовой. Оценивая её мастерство звукооператора-монтажёра, Тауфик Камартинович говорил мне, что она может вырезать из твоей речи даже запятую. Знаю, что до сих пор они работают вместе.

Доводилось и мне не раз выступать в эфире. Конечно же, чаще всего инициатором был Тауфик абый. В назначенный день меня слушали родные, знакомые. Самый большой эффект узнавания был среди старшего поколения, а также в деревне — это была неизменная и постоянная аудитория Татарского радио.

Многие соратники Тауфика Сагитова отмечают его феноменальную память на людей, события, даты. Мне тоже доводилось в этом убеждаться.

В конце 80-х годов я жил в Набережных Челнах и занимался сбором материалов для Музея органов безопасности Закамского региона. В процессе поиска раскопал удивительную историю о приземлении космического корабля «Восток» с собакой Чернушкой в марте 1961 года в Заинском районе Татарстана. Встречался с активным участником этих событий Т. Н. Селезнёвым, после в архиве КГБ Татарстана нашёл документы, подтверждающие эти факты. Будучи в Казани, рассказал о своей находке Тауфику Камартдиновичу (он был в должности заместителя председателя Комитета по радио и телерадиовещанию ТАССР).

«Погоди-ка, мне же наш Ильяс Латыпов рассказывал об этом случае», — остановил мой рассказ Тауфик абый. Я тоже вспомнил слова Т. Селезнёва о том, что Латыпов, челнинский журналист, оказавшийся в районе космического «ЧП», снимал на свой фотоаппарат весь процесс разборки спускаемого аппарата и присутствующих при этом высоких чинов из числа военных и учёных, прибывших из Москвы (были Каманин, Парин, Книжник и др.), но вот только воспользоваться своей удачей Ильяс не смог — плёнку отобрали бдительные чекисты.

«Пойдём в студию, — говорит мне Тауфик, — Расскажи обо всем на микрофон, радиослушатели должны знать эту историю, мы её и в воскресный радиожурнал «Между Волгой и Уралом» на шесть республик дадим». Тут же он нашёл и Ильяса, и мы вместе в уже знакомой Большой студии записали шикарную передачу об этом знаменательном событии.

В этом небольшом монологе — весь Тауфик Камардинович с его решимостью и хваткой, масштабным видением актуальной темы и удивительно бережным отношением к своим коллегам и друзьям.

ДРУГ, СОВЕТНИК, БРАТ

Мы вместе, считай, 60 лет — я появился на свет в год, когда молодые братья Рифкат и Тауфик друг за другом создали свои семьи.

Все эти годы для нас, его близких и родных, он остаётся простым и доступным, никогда не унывающим человеком. Не бывает недели, чтобы он не позвонил, не справился о делах, здоровье. Помнит все дни рождения, при всей своей занятости никогда не отказывается от приглашений на поминальные и другие мероприятия родственников. Я хорошо знаю его семью, талантливых детей. С Ильшатом Тауфиковичем мы ровесники, росли вместе, в молодости у нас были общие увлечения в сфере отечественной и зарубежной музыки, и до сих пор помню, как мы живо обменивались новыми записями «Бони М» или «АББЫ», или отечественными рок-операми.

Не всегда мы были рядом — 18 лет я провёл вне Казани: в Набережных Челнах, Ташкенте, Афганистане. Но почти всегда, бывая в столице, старался увидеться с ним.

Я помню самые тяжёлые для него 90-е годы, когда под предлогом «независимости» некоторые «самостийники» пытались сломать, растащить созданную не ими единую систему телерадиовещания, а Тауфику Камартдиновичу, яростно сопротивлявшемуся разрушительным процессам, пытались приклеить ярлык «врага татарского народа».

Помню, как он активно включился в ускоренный процесс реформирования республиканского телерадиовещания. Путём сложных переговоров с Москвой удалось сохранить государственную телерадиокомпанию с традиционной тематикой и содержанием любимых народом передач, и создать республиканский телерадиоканал, круглосуточно доносящий во все уголки мира богатейшую татарскую культуру и информацию о современной жизни народа и республики.

И уже никого не удивляет, что в татарстанском радиовещании сохранены и получили развитие лучшие традиции и богатейший опыт, накопленный предыдущими поколениями, начиная с Шамиля Усманова!

Напомню только один факт: именно благодаря Сагитову было сохранено национальное достояние татарского народа — золотой фонд редчайших музыкальных записей деятелей татарской культуры, бережно создаваемый десятилетиями на Татарском радио. Сегодня татарстанцы благодарны мудрому Тауфику Камартдиновичу и за это.

Фото из архива Р.Б. Гайнетдинова

ЕСЕНИН – ТАЙНА РУССКОГО НАРОДА

Поэма

ЗАПЕВ

Сколько светлых, нежных песен
Родине пропел!
Чернотропом, чернолесьем
Свой искал удел.

Рубцевал себя по коже,
Буйствовал, кутил...
Тридцать лет... А как их прожил!
Сколько пережил!

Был он весь, как ветер лета,
Мечен маятой,
Как все русские поэты
На Руси святой.

И СТРАСТЬ И ЛЮБОВНАЯ МУКА...

Взорвали Москву разговоры –
Есенин влюбился... Да ну!
В танцовщицу Айседору,
Рванувшую в нашу страну

Из буржуазного «рая»...
Но только зачем ей, зачем
Россеюшка горевая,
Где столько кровавых проблем,

Репрессий, смертельного риска
И где произвол наяву?..
И всё-таки едет артистка
В голодную нашу Москву!

Всё будет: и хлеба горбушка
И танца античного взлёт...
И в самом разгаре пирушки
Есенин Дункан умыкнёт.

И страсть и любовная мука –
Всё кубарем!.. Бешен, как псих!
Ругает «паршивую сую»
И пишет... Божественный стих.

Буянит... Ведёт себя грубо.
«Ах, Серж, успокойся... Молю!».
...Хмелят айседоровы губы.
И шепчет Есенин: «Лю-б-лю...».

СУДЬБЫ МОСТЫ

Участь русского поэта –
Жечь судьбы мосты...
Слишком рано смертной метой
Был помечен ты.

Лают критики, как шавки.
Нет друзей, семьи...
Сам ли взял петлю удавки
В рученьки свои?

Злодеянье ли змеёю
Приползло к тебе,
Чтоб меж небом и землею
Вис ты на трубе?

Ах, Есенин, душат слёзы!
И от скорби сей
Стали белые берёзы
Чутьочку черней.

Над земной твоей могилой
Зов небесных сфер...
Взвились дьявольские силы –
Рухнул «Англетер».

Разрушенье – их улада,
Как поклон... Тельцу.
За деяния – награда:

Тем, кто рушил – пропасть Ада.
Свет небес – певцу.

ВОЛЬНАЯ СТИХИЯ

Любимец наш, задиристый мальчишка,
С пророчеством на горестных губах.
В застолице вина хвативший лишку –
Ты испуганно каялся в грехах.

Твой стих небесным светом серебрится,
Слепцам духовным указуя путь.
Он в души наши грешные стучится,
Пытаясь их, как двери, распахнуть.

В стихе дымы от вешних яблонь белы...
Как волчьи ямы – ноченьки черны.
Ему тесны вселенские пределы,
Что роковой чертой обведены.

Да, этот стих воистину нетленен!
В нём русская пленительна краса.
Стремительно проходит в нём Есенин,
Прищуривая дерзкие глаза.

Он жив! Он с нами! Мы единой веры
В Россию нашу, в каждый новый день,
Хотя над ней, как тайна «Англетера»,
Висит небес трагическая тень.

Загадочна и властна её мета...
Но я хочу поведать об ином,
О том, как я – разгульный, буйный, смертный –
Был усмирён есенинским стихом.

Он мне помог душою просветлиться.
Позвал сюда, где поле, речка, луг,
Чтоб отдохнуть от суетной столицы
И от тебя, промозглый Петербург.

Здесь речь родная самой высшей пробы.
Как девочка, ласкается Ока.
И не видна здесь морда русофоба,
Как в женской бане рожа мужика.

Земля рязанская! Ромашковые дали,
Озёр зазеленевший окоём...
Желанной нежностью моё вы сердце сжали,
Как стих есенинский, когда мы с ним вдвоём.

Тот стих бунтарский – грозная стихия!
Дивлюсь его бездонной глубине.

И чтоб добить в России злого Змия –
Скорей скачи на розовом коне!

ВЛАДЕЯ ДАРОМ ПРЕДСКАЗАНИЯ...

Во дни стихийных потрясений
Его свирельная стезя
Являла бездну откровений...
Но всё печальней пел Есенин,

Всё обречённой... Лжедрузья
То клеветали, то язвили:
«Цилиндр напялил... Экий фат!
В стихах то Бог, то мерзкий мат,

Поднапустил словесной пыли
В глаза властям... И ходит, рад!
Ботинком пнул кого-то в зад –
В Чека забрали, зверски били
Башкой о стенку, говорят...».

С какой кровавою сноровкой
Они вгоняли в пятки страх
Сергею!.. Месть за «тигулёвку»,
Запечатлённую в стихах.

Хрипя, топтали сапогами.
И унижали: «Падла, скот!
Вот и споткнулся ты о камень
Поэт!.. До свадьбы заживёт!».

О нём уже легенды ходят,
А он дурашливо бубнит:
«Меня евреи переводят,
Какой же я антисемит?!

Я больше чувствую природу,
Чем голос крови... На, владей!
И отдал Зину Мейерхольду,
А с ней и двух своих детей.

Теперь один живу... В разладе
С самим собою... И уже
Лечусь от нервов... Сердце – саднит!
И есть осадок на душе.

Вот потому намерен спяну
Сболтнул – Россия на мели,

С планеты смыло Капитана,
Мятежника всея земли.

Что впереди? Аресты, ссылки?
А сам я где найду приют?
Опорожнённые бутылки
За мной, как призраки, бредут.

Ласкают женщины-простушки
Меня ночами... О, ля-ля!
Для них, простушек, я... как Пушкин,
Но я лишь... буквенная тля».

И рот свой криком разрывая,
У самой ramпы на краю,
Он голосил: «Не надо рая,
Но дайте Родину мою!».

Потом в гримёрке, обессилев,
Сидел... Неслось из-за кулис:
«Есенин – новая Россия!..».
Зал вызывал его на «бис».

И быстро выбежав на сцену,
Представил сам себя в пути
К избе идущим... Вдохновенно
Шепча, как в юности: «Прости!..».

Прости за то, что ранней ранью
От стен родных рванулс вон!
Владея даром Предсказания –
Я презирал любой закон,

Житейский тоже... А в итоге
Мои враги – мои друзья.
И вот у жизни на пороге,
Как бы... завис и... замер я.

Торчат в мозгу стихи-занозы.
Они вольны, как ветерки!
В них дрожь предсмертная берёзы,
И зыбь мертвеющей реки,

И плёсов окских рябь и выбель...
Не лги в стихах – накличешь гибель!
То даден вещий Знак душе,
Как ласточке на вираже.

Тот Знак — явило Предсказанье
Твоё, поэт... К тебе во сне
Летело сумрачное зданье
На белоснежной простыне.

Ты с Айседорой в нём когда-то
Живал, галантный кавалер.
Как странен сон!.. В нём город-сквер
Слоился, влажной мглой объятый...

Сверкали окна зверовато.
И жаждал жертвы «Англетер».

ДУХОВНЫЙ ЗОВ

Разбавляя водкой слёзы
Пил, тоску круша...
О наветы и доносы
Ранилась душа.

Где тот жар духовной жажды,
Где мечтанья... «в дым»?
Ужаснулся он однажды:
Да, следят за ним!

Цепенели мысли, чувства...
Сам себя корил:
«Не от смертных ли предчувствий
Я так много пил?

Опостылили подружки,
Ищущие встреч.
А сестрёнка — та в «психушку»
Умоляет лечь...».

— Может завтра в суд столичный
Вызовут... Быстреей
Убегай под кров больничный,
Подлечись, Сергей!

— Что я, чокнутый? Не лягу!
— «Наматывают» срок...
Да ложись ты, бедолага!
И Есенин — лёг.

И пошло: уколы, клизмы...
Шутит врач: «Убьём
Вирус антисемитизма,
Иль возьмём живьём!».

Ну а вирус, хоть опасен,
У певца избы и прясел
Приживётся ль он?
Нет! Не тот планктон!

Тут иное — «дух бродяжий»,
С добрым юморком:
«Наверну „психушной“ каши —
Млею над стишком».

Хоть палата и прилична —
Тишина, покой...
Но — был зов! Уют больничный
Стал ему тюрьмой.

И сбежал, любимчик славы,
В мрачный град Петров.
Знал бы он — каким кровавым
Будет этот зов!

Вскрикнешь, страхами объятый:
«Боже, сохрани!
«Англетера» номер пятый
Вроде западни!».

В поздний час ночного спора
Некий имярек
Ляпнет: «В недрах коридора
Чёрный человек!».

Не герой ли той Поэмы?
Очен-но похож!
Он в любого зло и немо
Пулю всадит, нож!

Нервный! Наголо пострижен,
Вкрадчив каждый шаг.
Дышит он или не дышит?
Зомби или Маг?

В нём похабно-истеричный
Хулиган живёт.
Ткнуть в лицо горячей спичкой
Может, идиот!

Сгинь! Истлей, как тень изгоя,
Накликатель бед!
Чем он так обеспокоен
Твой двойник, поэт?

«Англетер» его обитель,
Берегись, Сергей!
Он твой главный погубитель,
Властелин теней.

Задолдонил: «Мрёт крестьянство!
Ваш поэт... зола.
На костре тоски и пьянства
Выгорел дотла!».

Для него ты стал виденьем,
Муляжом в гробу,
С потемневшим углубленьем,
С яминкой во лбу.

Он твоё исчезновенье
Зреть почтёт за честь...
Но гласит небес реченье:
«Нет поэта, но свеченье
Золотое — есть!».

ЕСЕНИНСКИЙ ЛИК

Завою вот-вот на луну...
В таком настроении мерзком
Бывало потянет к вину...
Но топаю в Лавку, на Невский.

А там среди уймища книг
Есть дивные книжки-застёжки...
Есенинский глянцевого лик
Сияет с блестящей обложки.

«Красавчик! Запущенный сад! —
То критики льстят, то язвят:
Да он из разбойной ватаги!».
Есенин, хотел бы я знать,

Как можно так петь — и не лгать,
И гибель свою предсказать,
Клоня золотистую прядь
Над мертвенным полем бумаги?!

СВЕТ РОДНОГО СЛОВА

Плачет метель, как цыганская скрипка...
Сергей Есенин

...И всякий раз, врываясь в сени,
Метель свистела, голоса:
«Вольнолюбиво пел Есенин,
Стихами Русь превознося!».

В года гонений и скитанья,
Во дни депрессий и ленцы,
В порыве творческом дерзанья
Хватал он Слово под уздцы.

Презрев пустых речей половину —
Воспел Россию без прикрас...
Он потому её потряс,
Что дивный свет родного Слова
Не гас в нём даже в смертный час.

БЛАГОСЛОВИ МЕНЯ, ЕСЕНИН!

Горит!!! Зажёгся день весенний.
Бурлит овражных вод поток...
Благослови меня, Есенин, —
Я чую зов певучих строк.

Ещё их нет на белом свете...
Они в глуби моей души.
В них колобродит влажный ветер,
Мой чуб, как травы, ворошит.

В них лунно-призрачно мерцает
Почти забытый облик твой...
И лёд воспоминаний тает,
Как тает свечи воск живой,

Когда она горит во храме
И озаряет Божий Лик...
И я — ершистый и упрямый —
Тих и покладист в этот миг.

И вызываю из Забвенья
Весь этот ужас вдохновенья,
Что ставит стих мой на дыбы...
А в нём трепещут наши тени,
Так схожие — до удивленья —
На две разорванных судьбы.

ПОЗНАВШИЙ ВДОХНОВЕНЬЕ

*...Берёзовое молоко
Сергей Есенин*

Был я в жизни певчей птахой.
Кличку дали мне — Поэт.
Даже чтил меня Монахов...
Почему? Ответа нет.

Я бы мог и возгордиться,
Вознестись до... облаков,
Ведь печатался в столицах,
Значит, всё же был толков.

Я, познавший вдохновенье,
Бред словесной чепухи,
С нескрываемым презреньем
Обличал свои стихи.

Я, конечно, не Есенин...
До него мне далёко!
Но, как он, я в день весенний
Пил то водку с наслаждением,
То берёзы молоко.

ОБЛАСКАН БОГОМ

*Мой путь уныл...
А. С. Пушкин*

Поэзия! Среди твоих имён
Есть дивный песнопевец... Это он,
Есенин, чья мятежная душа
Со скоростью — стремительной — стрижа

Мелькала словно гибельная тень
Всех разорённых сёл и деревень.

Провидец, забияка и шалун,
Сшибавший с неба шапкой сотни лун!

Как только новенькая выглянет луна —
Есенин вспыхивал: «Обречена! Обречена!»

И шапка вверх летела... Свист и визг...
Поэту подмигнув, смеялся лунный диск.

«Что скалишься?! Уймись!
Но высвети мне взоры
И позы страстной, обнажённой Айседоры!».

То был хмельной есенинский кураж,
С безумной бесшабашинкою... Наш!

Резвился и шумел гуляка и проказник,
Весь — нараспах —
как яркий русский праздник!

На сцене, распаляясь,
кричал: «Темно в стране!
Но строчечка, светясь, ещё журчит во мне...».

Дурачась и смеясь, о как же он любил
Ласкать собак и целовать... кобыл!

А женщин утешал: «К поэтам — не лепитесь,
Одумайтесь, дурашки, оглянитесь

На тех предшественниц, что обожали стих...
Они несчастны! Не судите их.

А мне не льстите... Извините, вы лукавы.
Я шёл по жизни то налево, то направо...

А вот куда идти, то знает лишь Христос,
Но в год семнадцатый,
в разгар кровавых гроз,

Чуть не угас во мне тот робкий огонёк
Любви и Веры... Красный вихорёк

Святую Русь пронизывал насквозь...
Мой путь вихляв —
одна сплошная скользь...».

...Таков Есенин! Он один. Особой стати.
И в строчках — удалец...
И с барышней — в кровати.

Обласкан Богом он... А славою — любим.
Мог только Пушкин потягаться с ним,

С его свирельным, чутким, певчим даром.
Дар для него явился тем пожаром,

Что выжег душеньку нежнейшую дотла...
Есенин знал, что в мире лжи и зла,

Коль в Слове — свет, бессмертие — зола.

ТАЙНА

Есенин — тайна русского народа...
Он здесь, в России, с нами — навсегда,
Как наша первородная природа,
Как жданная духовная свобода...

Естественен, как воздух и вода.

ЛЮБОВЬ ФЕДУНОВА

ЗОЛОТОЕ СВЕЧЕНИЕ

Послесловие

Чем крупнее художник, чем масштабнее его творчество, тем труднее современникам полностью оценить его вклад в духовную жизнь нации. «Большое видится на расстоянии», — писал Сергей Есенин, сознавая драматизм своего мироощущения, и напряжённые поиски истины, ошибки и слабости; но всегда поэт был верен себе в главном — в стремлении постичь сложную судьбу своего народа.

Я рада представить к публикации в «Аргамак» поэму «Есенин — тайна русского народа», автором которой является Геннадий Морозов. Вспомним слова Фёдора Достоевского на открытии памятника Пушкину в Москве о том, что «Пушкин... вместе с собой унёс тайну, которую мы призваны разгадывать всю жизнь». Пушкин, Есенин... У каждого из них непростая литературная судьба. Вокруг них осталось много недосказанного,

либо тенденциозного, что было связано с личными симпатиями или антипатиями биографов-современников, литературных критиков. Литературный критик 20-х годов прошлого века А. К. Воронский писал о Есенине: «Дело будущего — изменить и дорисовать ...образ поэта». Он же выступил в 1927 году в письме М. Горькому против понятия «есенинщина», утверждая в своих статьях, что «вопрос о Есенине разрешит время».

Слово «тайна» имеет несколько оттенков значений: во-первых, — это то, что недоступно, неизвестно, неразгаданно, а во-вторых, — это то, что скрывается от других, что не известно всем, секрет, который, возможно, известен немногим. Мне кажется, что Геннадий Морозов принадлежит к немногим авторам, которым приоткрылась тайна судьбы и поэзии Сергея Есенина. Для того, чтобы разгадать эту «тайну», поэт размышляет над судьбой Есенина с позиции нашего современника, и на основе своих внутренних переживаний говорит о чудесном, волшебном, магическом воздействии на свою душу его поэзии.

*Твой стих небесным светом серебрится,
Слепцам духовным указуя путь.
Он в души наши грешные стучится,
Пытаясь их, как двери, распахнуть.*

Чтобы создать подлинную поэтическую картину мира автору нужно образно смоделировать этот мир и погрузить в него, сознание и психику читателя. А для этого необходимо владеть особой «правдой», о которой пишет Есенин в стихотворении «Есть светлая радость под сенью кустов...»:

*В обсыпанных рощах, на сжатых полях
Грустит наша дума об отрочьих днях.
За отчею сказкой, за звоном стропил
Несёт её шорох неведомых крыл...
Но крепко в равнинах ковыльных лугов
Покоится правда родительских снов.
(1917 г.)*

«Правда родительских снов» связана в поэзии Сергея Есенина с тайной, о которой всегда «сладко сказывать» «отроку резвому с медынью волос». Она покоится «в равнинах ковыльных лугов» до тех пор, пока не появится человек, в сердце которого откликнется есенинское слово. В «Исповедании сердечном» Геннадий Морозов признаётся, что строка Есенина «О, Русь-малиновое поле и синь, упавшая в реку!..» — откликнулась в его душе уже в юности и, услышав её, он «плакал не от горя и скорби...от красоты», оттого, что многие стихи поэта, «прочитанные вперебой, да притом впервые... как бы распахнули» перед ним «створки своих духовных врат в зовущее и мерцающее неоглядь России».

Будучи рождённым на рязанской земле, Геннадий Морозов глубоко чувствует и отражает в своей лирике и гармонию природы, окружающей поэта в «стране берёзового ситца», и есенинские смятённые состояния — всю сложную структуру таланта поэта. Крутые речные берега, окские откосы, жёлтые поблекшие луга, тёмные размытые дороги, шумящая листва в холодной мгле, береста трепещущих берёз, прижавшиеся к выставшей земле сиротливые избы — в этом «тайна родительских снов», которую открывает для себя в стихах о касимовских далях Геннадий Морозов, создавая для читателя поэтический ассоциативный ряд, очень близкий художественному

миру Сергея Есенина. Стихи Геннадия Морозова возникают из душевной глубины и воспевают минуты человеческого счастья «у родника, реки, струи, волны», и, кажется, сливаются с ними одной судьбой. Мотивы благоговения, преклонения перед матерью-природой, как и в поэзии Сергея Есенина, ему близки и понятны, потому что в сердце живёт зов земли. Природа для него — родник нравственного очищения, спасение от одиночества:

*Нет, я в ночи не одинок —
Я с небом!.. Небо видит,
Как звёздный движется поток.*

Природа помогает понять истоки душевной глубины, смутные и радостные порывы души, потому что в них можно различить «какой-то звук неизречённый».

Полноценное художественное произведение создаётся знанием жизни: художник должен пережить, увидеть, почувствовать. Реалистический образ всегда индивидуален по своей природе, и, вместе с тем, он заключает в себе глубокое познание смысла жизни и её сущности. Геннадий Морозов наполнен с самой юности размышлениями над воистину нетленным стихом Есенина, в котором присутствует «русская пленительная краса», мыслями о великой роли есенинского слова в его душе — душе поэта:

*Он мне помог душою просветлиться.
Позвал туда, где поле, речка, луг,
Чтоб отдохнуть от суетной столицы
И от тебя, промозглый Петербург.*

Геннадий Морозов хорошо знаком с творческой биографией своего легендарного земляка, с его окружением, поэтому в каждой строке чувствуется биение сердца самого автора: он пишет о Есенине искренне, взволнованно, исповедально. В предисловии к поэме «Есенин и Блок», которая была написана вчерне в 1983 году и над которой он продолжал работать ещё не один год, он рассказывает, как подспудно вызревала есенинская тема в его творчестве: он встречался с теми, кто лично знал Есенина; ему удалось побеседовать с поэтами, прозаиками, литературоведами; он принимал участие неоднократно в Есенинском празднике поэзии в селе Константиново. А в 2014 году Есенинский комитет отметил его вручением диплома на звание лауреата Всероссийского поэтического конкурса имени Сергея Есенина, признав победителем. Его лирические размышления о Сергее Есенине очень глубоки, основаны на перекличке художественных миров, они не скользят по поверхности, а открывают нам тайные ходы и неведомые глубины, опираясь на «правду родительских снов», на связь с национальными корнями русской души.

Композиционно поэма построена мастерски, под обаяние её интонации попадаешь сразу, с первых строк:

*Сколько светлых, нежных песен
Родине пропел!
Чернотропом, чернолесьем
Свой искал удел.*

*Рубцевал себя по коже,
Буйствовал, кутил...*

*Тридцать лет... А как их прожил!
Сколько пережил!*

В этом «Запеве» Геннадий Морозов заключает мысль об уникальности личности поэта и трагичности его поэтической судьбы. Литературный критик Р. В. Иванов-Разумник эту мысль выразил в словах о том, что Сергея Есенина, вместе с Николаем Клюевым, Сергеем Клычковым, Павлом Васильевым, Борисом Корниловым, Петром Орешиним, Алексеем Ганиным, можно занести «в синодик писателей, погибших в гнетущей атмосфере советского рая». Геннадий Морозов пишет о трагедии Есенина очень образно:

*Был он весь, как ливень лета,
Мечен маятой,
Как все русские поэты
На Руси святой.*

«Мечен маятой» — значит, что трагическое восприятие жизни, личная неустроенность сопутствовали «рязанскому Лелю» с ранних лет. Именно так считает его земляк Геннадий Морозов.

Со страниц есенинского цикла предстаёт перед нами то беспокойное время, когда пошатнулось в России всё бытие, и русская история приобрела черты трагедии. Автор как будто прокручивает перед нами киноленту, останавливая для глубокого просмотра самые главные кадры из жизни поэта; он делает для читателя свой «монтаж» имён, лиц, поступков, характеров, тщательно вырисовывая при помощи отдельных деталей и образ поэта, и лирического героя, и стиль времени, с его нравственным и эстетическим глазомером, заостряя внимание на собственном восприятии судьбы и художественного мира Сергея Есенина. Во второй главе доминирует разговорная лексика, которая подчёркивает напряжённость слуха лирического героя, тонко улавливающего резкие и категоричные оценки взаимоотношений Есенина и Айседоры Дункан:

*И страсть, и любовная мука —
Всё кубарем! Бешен, как псих!
Ругает «паршивую суку».
И пишет... Божественный стих.*

Возможно, современный читатель споткнётся на некоторых словах автора и подумает: «Всё-таки — грубовато: „умыкнёт“, „паршивая сука“, „ласкают женщины-простушки“, „чокнутый“, „наматывают срок“, „психушка“, „очен-но похож“, „пулю всадит, нож...“». Но именно эта лексика, не укладывающаяся в прокрустово ложе высокопарного стиля, акцентирующая своё внимание не на гармонии мира («сыплет черёмуха снегом», «только синь сосёт глаза», «слушать песни дождей и черёмух»), а на диссонансе души поэта, который испытывает чувство неуютности в новом для него, городском мире, помогает читателю многое пережить вместе с автором, переболеть увиденным и озарить своё сердце любовью к поэту. Свойство поэтического слова Геннадия Морозова — создавать видимые чувственные образы, наделяя простые слова, взятые из кладезя народной мудрости, энергией поэзии и светом своей души, своей болью:

*Хрипя, топтали сапогами.
И унижали: «Падла, скот!*

*Вот и споткнулся ты о камень,
Поэт! До свадьбы заживёт!»*

Творческий почерк Геннадия Морозова — лиризм, с весёлым рязанским говором и темпераментом, с тягой к ясному поэтическому выражению и образу. Есенинский мир ему понятен и близок настолько, что он строит его монологи на основе личных, глубоко индивидуальных переживаний, настроений, раздумий поэта; за ними — жизненный опыт, доверительный диалог с современниками. Монологи Есенина наполнены сложными чувствами: в них радость и боль, нежность и обида, чувство страха, ощущение разлада с самим собой, и грустная улыбка. Чтобы всё это передать, Геннадий Морозов в каждом из стихотворений использует неповторимую интонационную форму; некоторые из них напоминают случайно вырванную страницу из романа, не имеющую ни начала, ни конца и заставляющую читателя многое додумывать самому:

*Цепенели мысли, чувства
Сам себя корил:
«Не от смертных ли предчувствий
Я так много пил?!»*

Интересно, что на протяжении всего стихотворного цикла Геннадий Морозов обращается к Сергею Есенину, как к своему лирическому адресату, который помогает глубже осмыслить под его взглядом и собственную судьбу. Особенно ярко отражает это сквозная антитеза, основанная на противопоставлении рязанских просторов «промозглому Петербургу», который навсегда омрачён «кровавой тайной „Англетера“». Автор постоянно использует приём внутреннего монолога, что усиливает психологизм текста:

*Что впереди? Аресты, ссылки?
А сам я где найду приют?
Опорожнённые бутылки
За мной, как призраки, бредут.*

С каждой новой строкой нарастает, как в «Реквиеме» Моцарта, мотив, связанный с появлением Чёрного человека, пребыванием Есенина в болезненном состоянии, когда «цепенели мысли и чувства», когда «уют больничный» становится для поэта «тюрьмой»:

*В поздний час ночного спора
Некий имярек,
Ляпнет: «В недрах коридора
Чёрный человек!»*

.....
*Нервный! Наголо острижен,
Вкрадчив каждый шаг.
Дышит он или не дышит?
Зомби или Маг?*

Геннадий Морозов подходит к образу Чёрного человека очень тонко и своеобразно: не как к бреду больного, галлюцинации, а как к Знакомому Незнакомцу, прототипу Чёрного человека, кто мог быть его жизненным двойником. Тем самым он усили-

вает мироощущения читателя, психологизм всего текста. Вот, например, «властелин теней», обитатель «Англетера», который не может простить Есенину приверженности к миру крестьянства. Для него ещё при жизни Есенин стал «виденьем, муляжом в гробу, с потемневшим углублением, с яминкой во лбу». Это собирательный образ гротескного типа, в котором мы видим недоброжелателя поэта. Он нарисован ярко, убедительно, с особой тональностью, звуковой и словесной инструментовкой, которые необычайно сильно воздействуют на читателя, вызывая в его душе напряжение, тревогу и боль, потому что над ним угрожающе нависла «кровавая тень „Англетера“». Для усиления мотива трагического одиночества поэта Геннадий Морозов использует очень яркий, развёрнутый образ — образ Петербурга, над которым «висит трагическая тень», как тайна „Англетера“. Усиливающаяся гиперболизация, с оттенками юмора, сатиры и даже гротеска, создаёт образ того самого „проmozглого“ Петербурга, который своей „кровавой мечтой» вошёл не только в судьбу поэта Сергея Есенина, но и в его художественный мир:

*И сбежал любимчик славы
В мрачный град Петров.
Знал бы он, каким кровавым
Будет этот зов!
Вскрикнешь, страхами объятый:
«Боже, сохрани!
«Англетера» номер пятый
Вроде западни!»*

Стихи, в которых появляется «тень Англетера», написаны автором мастерски, подчеркнута нервной, возбуждённой строкой. Разговорные интонации усиливают напряжённость повествования:

*Сгинь! Истлей, как тень изгоя,
Накликатель бед!
Чем он так обеспокоен,
Твой двойник, поэт?*

Но Петербург являет и самому автору лик Есенина «среди уймища книг». Он обращается к нему с вопросом, важным для поэта в любую эпоху:

*Как можно так петь — и не лгать!
И гибель свою предсказать,
Клоня золотистую прядь
Над мертвенным полем бумаги?*

Автор с болью размышляет над горькой участью русского поэта — «жечь судьбы мосты», и строки его стихов очень тонко и точно перекликаются с письмами Есенина к Иванову-Разумнику (например, 6 марта 1922 года): «В Москве себя я чувствую отворачиваюсь... Поэзия там наравне с вином и блинами расценивается... Устал я от всего этого дьявольски! Хочется куда-нибудь уехать, да и уехать некуда... Живу я как-то побивуачному, без приюта и без пристанища...» Есенин в этом письме пишет, что беспокоят его «разные бездельники», которым «приятно выпить» с ним, что ему «прожигать себя стало совестно и жалко», что внутри него «назрела снова большая вещь».

Автор очень тонко передаёт в шестой части есенинского цикла смятение чувств поэта оттого, что постоянно сталкиваются между собой в непримиримом противоречии житейская правда и духовный зов Есенина:

*Разбавляя водкой слёзы,
Пил, тоску круша...
О наветы и доносы
Ранилась душа.*

*Где тот жар духовной жажды,
Где мечтанья... «в дым»?
Ужаснулся он однажды...
Да, следят за ним.*

В есенинской теме есть всегда какая-то болезненная тайна, связанная с его трагической судьбой, и по-прежнему не утихают споры о возможном убийстве или самоубийстве поэта. Об этом немало сейчас написано книг, статей, есть и научные исследования, но ход поэтических размышлений Геннадия Морозова очень близок автору книги «Роковая зацепка за жизнь, или В поисках утраченного Неба» Геннадия Красникова, который пишет: «На последние снимки поэта смотреть тяжело: все ангельское, прежнее, чистое, выжжено в нём, испепелено. Видна самоиспепеленность. И так ли важно теперь знать, был ли убит поэт, или произошло самоубийство?... Отвратительно другое: что вот Есенина не стало, а Чёрный человек остался — с лицом ли профессионального палача Блюмкина или с рожей карамазовского чёрта. И он ждёт у каждой двери, где ещё жива русская душа. Может быть, даже в эту минуту он — рядом с вами. Он не успокоится, пока стоит Россия, если она не изживёт его в себе самой». Для автора поэмы важна эта правда, потому что прошла через его судьбу откликом на «золотое свечение» поэтического слова Есенина, которое открывает духовные просторы каждой русской душе, а поэту помогает осмыслить собственную жизнь, своё место в современной поэзии. И это главная тайна, которую несёт нам Сергей Есенин, чей «стих воистину нетленен», потому что «в нём русская пленительна краса». Огромную роль в стихотворном цикле играют стихи, которые можно считать лирическими монологами Геннадия Морозова, те самые, которые помогают глубже раскрыть мотив «золотого свечения» есенинского слова:

*Земля рязанская...ромашковые дали...
Озёр зазеленевший окоём...
Желанной нежностью моё вы сердце сжали,
Как стих есенинский,
когда мы с ним вдвоём.*

Заключительная глава поэмы называет главные постулаты есенинской «тайны» для русской души. Имя Есенина заключает в себе нашу первородную природу, национальную стихию и вечное стремление к духовной свободе:

*Есенин — тайна русского народа...
Он здесь, в России, с нами навсегда,
Как наша первородная природа,*

*Как жданная духовная свобода...
Естественен, как воздух и вода.*

Поэма «Есенин — тайна русского народа» несомненно является творческой удачей поэта Геннадия Морозова. Он затронул животрепещущие вопросы русской литературы: о свободе творчества, о сложности пути человека — творца, судьба которого несёт до сих пор в себе отражение глубокой тайны, недосказанности и огромной смысловой глубины. Описание одного жизненного мгновения Сергея Есенина вызывает у читателя широкую цепь ассоциаций и рассчитано на встречную активность, т.к. любое из рождённых впечатлений не исчерпывает потенциальной смысловой глубины текста.

Автор очень тонко чувствует и передаёт стихию времени, природы, народной жизни, слитыми со стихией судьбы поэта. Органическое ощущение такой слитности передаётся свободно, правдиво: то с юмором, то с болью, то в грустном лирическом раздумье о Есенине, как сыне России, как о своём земляке, певце рязанских просторов:

*Тот стих бунтарский — грозная стихия!
Дивлюсь его бездонной глубине.
И чтоб добить в России злого Змия —
Скорей скачи на розовом коне!*

Свобода ритмики и стиля и, вместе с тем, чувство художественной меры, без всякого стремления к эффектам поэтической строки, простые разговорные интонации, богатство лексики, воображаемые диалоги с поэтом и его монологи, стремление сделать Есенина своим лирическим адресатом — всё это свидетельствует об умении автора находить для глубокого содержания соответствующую художественную форму: его мысль пробирается через многоголосье толпы, наветы, доносы, сплетни обывателей и врагов Есенина, монологи Есенина и собственные лирические размышления о судьбе поэта, о значимости его творчества, о его бессмертии, как любимого сына России. Психологизм отдельных строк, связанный с фантастическими видениями, раздвоением личности и появлением Чёрного человека, гиперболически-гротескный образ «Англетера», «жаждущего жертвы», — всё это раскалённые, опаляющие угли души автора, которые заключены в энергии стиха и подчёркивают яркий лингвистический темперамент поэта, придавая поэме о Сергее Есенине философскую глубину и публицистичность.

Поэт Геннадий Морозов, назвав Есенина «тайной русского народа», создал поэтическую мозаику, в которой просматривается не только образ времени, но и собственный портрет, и открыл нам тайны собственных кладовых, где пребывала до этого скрытая музыка его поэтического слова, а теперь она подарена нам.

ТУФАН МИННУЛЛИН

Я ДУМАЮ СЕРДЦЕМ...

Рассказы

ТО, ЧТО ПРЕДОПРЕДЕЛЕНО СВЫШЕ

— Ты, Туфан, говори что хочешь, но судьба человека в момент его рождения уже предопределена. Не знаю, кто там это решает, но то, что всё уже решено — это несомненно. Ведь даже в песне об этом поётся:

*Гуси дикие кричат
Над туманной рекой Белой;
Что нам суждено, друзья,
Уж известно в день рожденья...*

Вот возьмём, к примеру, мою жизнь. Не помню, сколько мне тогда было, но первую свою встречу с соседской девчонкой — она была младше меня — помню хорошо. Я гордо стоял возле своих ворот, засунув руки в карманы штанишек, когда она подошла ко мне. Подошла и начала рассматривать меня во все глаза.

Я сказал ей: «Иди от наших ворот!» — а она ни с места...

Тогда я её толкнул, и она упала. Начала реветь. Помню, что из дома вышла моя мама и сильно меня отругала: «Зачем её обижаешь, она же наша соседка».

Прошло какое-то время, я пошёл в первый класс, и в первый же день ко мне прицепили эту девчонку: «Идите вместе, потом вместе вернётесь».

Но я слушать их не стал и, как только мы завернули за угол, я бросил девчонку и побежал. Однако она отставать не захотела — побежала рядом. Разозлившись на то, что она не отстаёт, я прямо на ходу сбил её с ног. На этот раз она не стала плакать. А быстро поднялась и догнала меня. Я хотел было дать ей подножку и снова свалить её с ног, но споткнулся и упал сам. Чуть не расплакался даже. А эта девчонка давай меня поднимать! Я прямо взбесился. Вскочил и как дам ей сумкой по башке! Думал, что теперь-то она разревётся, но куда там — она так и осталась стоять на дороге с удивлённым видом.

Чего только я не выделывал, чтобы отвадить от себя эту девчонку! Дразнил её при мальчишках обидными прозвищами. Щёлкал по лбу, таскал за волосы. А она продолжала ходить за мной по пятам. Во время войны, когда наша мама заболела, она приходила к нам мыть пол и варить еду. Я запрещал ей: «Не ходи к нам», но она продолжала приходить. Однажды я поколотил её, но она снова пришла. После того, как мама меня опять отругала, я её больше не трогал, но доброго слова она от меня никогда не слышала. Но самое неприятное во всём этом было то, что наши матери

при встрече называли друг друга в шутку «свастьями». Её мать издевалась надо мною, называя меня «зятьком», а моя гладила девчонку по голове, приговаривая: «Ах, наша невестушка пожаловала». Кончилось тем, что мальчишки начали называть меня этим противным прозвищем — «зятёк». Так что я всерьёз решил отомстить соседке.

Однажды мы все вместе купались в озере, девочка подплыла ко мне, и я её утопил. Утопил, а сам выбрался на берег. Смотрю — а она уже на другом берегу — натягивает на себя платье, сшитое из грубой крашеной бязи.

В сорок восьмом году, окончив седьмой класс, я уехал в Казань и поступил на учёбу в ремесленное училище. Хотелось, конечно, продолжить учёбу в школе, но жизнь в деревне была очень трудной, да и отец не вернулся с фронта. Её отец, кстати, тоже не вернулся.

И вот накануне моего отъезда встречает она меня на улице и говорит: «Нурхамет, приходи вечером к роднику». В то время она уже не ходила за мной по пятам, а, наоборот, старалась держаться подальше. В те годы мы, видимо, рано выросли, потому что в четырнадцать лет уже провожали девушек. Кажется, даже целовались украдкой. Я тогда ходил с девушкой по имени Диляфруз. Поначалу соседская девчонка упорно стояла каждый вечер у своих ворот и ждала, пока я провожу Диляфруз до её дома. Я возвращался, заходил в свои ворота, и только тогда соседка уходила домой. Потом она перестала показываться, и даже в школе, по-моему, старалась лишний раз не попадаться мне на глаза. Но, как бы она меня ни избегала, я постоянно чувствовал рядом с собой её присутствие. Словно стоит рядом и смотрит на меня широко раскрытыми глазами...

Сначала я и не собирался идти к ручью, но потом как-то само собой получилось, что я там оказался.

— Значит, уезжаешь? — спросила она.

— Да, уезжаю, — ответил я.

— Пиши мне, ладно...

— И ты позвала меня сюда, чтобы сказать это? — рассмеялся я. А она вдруг заплакалась. Плачет и плачет, и никакие мои призывы остановиться не слышит. Тогда я взял и ушёл. Хоть и молод был, но уже догадывался, почему она плачет. Но что я мог поделать — сердце моё молчало.

Уехав в Казань, я, конечно, не стал писать ей никаких писем. Впрочем, я и Диляфруз не писал. Казань оказалась гораздо интереснее деревни. Где там найдёшь время письма писать? Я и домой-то писал редко. Но эта, соседка моя, взяла у мамы адрес и начала сама слать мне письма. Каждые два дня я получал от неё письмо. Сейчас вот думаю и понимаю: те письма были похожи на письма взрослой девушки. Они были о любви. О том, как она меня любит. Я читал эти письма вслух своим друзьям — уже взрослым парням, и мы громко ржали. Между собой мы окрестили её «чокнутой». Когда ребята передавали мне её письма, то говорили: «Тебе письмо от твоей чокнутой».

Приезжая иногда в деревню, я говорил ей: «Не пиши мне».

Она отмалчивалась. Но стоило мне вернуться в Казань, как следом за мной сразу прибывало письмо.

Она писала мне долго. Со временем письма стали приходить реже, но все же приходили. Я уже завершил учёбу, начал работать. Несколько раз у меня менялся адрес, но она каждый раз узнавала его и снова присылала письмо.

Письма перестали приходить только после того, как я женился. Кто знает, может, она и продолжала бы их писать, но как-то раз, приехав с женой в деревню, я зашёл к ним и прямо попросил её об этом.

Когда я вошёл, она была в доме одна. Моё появление её не удивило и не обрадовало. Она сидела на кровати и смотрела на меня. Даже не поздоровалась в ответ.

— Наверно, ты знаешь, что я женился? — сказал я, но она молчала. — Ты теперь уже взрослый человек, понимаешь всё, так что заканчивай писать письма, — сказал я, но она молчала.

— Я не люблю тебя, знай — не люблю, не сходи с ума! Выходи за кого-нибудь замуж, разве мало парней вроде меня?! — сказал я, но она молчала.

Только когда я, попрощавшись, пошёл к двери, она вдруг сказала:

— Нурхамет, я всё равно буду тебя ждать.

Я посмотрел в её глаза и — испугался. Вы, писатели, наверно, можете объяснить это словами, но я не смогу. У неё были... какие-то странные глаза. Не как у живого человека. Такие глаза рисуют на русских иконах. Вроде они похожи на настоящие, и в то же время они тревожно-страшные, кажется, что они даже знают, о чём ты думаешь...

Так вот... Писем она больше не писала. Я даже начал забывать о ней. Мы с женой прожили уже около двух лет, когда однажды к нам зашёл один мой знакомый, с которым мы когда-то вместе учились в ремесленном. Мы были уже довольно на взводе, когда знакомый вдруг вспомнил о той «чокнутой», которая когда-то писала мне письма.

А жена будто только этого и ждала. С нею с этого момента прямо что-то начало происходить. Стоило нам чуть повздорить, как сразу же каждый раз всплывало имя той девушки. Чего только жена не выдумывала! Сначала я старался всё перевести в шутку, но вскоре было уже не до шуток. Мы начали ругаться всерьёз. И вот что интересно — каждый раз во время скандалов с женой на память мне стала приходить та девушка. И начинало казаться, что если бы я женился на ней, то всё было бы не так, и мы были бы счастливы...

Скандалы, в конечном счёте, привели к разводу. Жена, прихватив детей, ушла к родителям — она была казанской. Я остался в общежитии.

Пожив некоторое время один, я пошёл к жене, поклонился ей в ножки, и мы ещё полгода прожили вместе, но потом снова разбежались. То, что разбилось, склеить оказалось невозможно.

Мама очень переживала из-за этого, но — что поделаешь? А однажды предложила:

— Может, женишься снова?.. — и назвала имя той девушки-соседки, — ведь она, кажется, тебя любила. Она и сейчас никуда не ходит, ни с кем не общается. Я слышала, к ней сватался один парень из соседней деревни, так она даже разговаривать с ним не стала...

Я, кстати, ещё до того, как мама заговорила о ней, подумал о том же. Но, сколько бы я ни думал, душа не лежала к ней, хоть убей!

Во второй раз я женился, когда мне было уже тридцать пять лет. На женщине с ребёнком. Так уж получилось. На работе сказали: если женишься, дадим квартиру, если нет — придётся ждать, ну, мы и расписались с одной женщиной, с которой вместе работали. До этого я к ней иногда заживал. Она жила в общежитии со своей трёхлетней дочкой. Поженились. Дали нам двухкомнатную квартиру. Начали мы жить.

Женщина оказалась работающей. Да и мне одиночество порядком надоело. Жили мы неплохо. Родилась дочка. Но... уж если не заладится жизнь... Жена почему-то не любила младшую дочь. Когда ребёнок немного подрос, это стало особенно заметно. Подойдёт девочка к матери, а та её отталкивает. А сама так и крутится вокруг своей старшей дочери. И нахваливает её. Я однажды сказал ей:

— Ты почему нашу дочь отталкиваешь от себя?

А она даже скрывать не стала:

— Она мне почему-то чужая.

Я был в замешательстве. Пытался уговорить её. Но она так и не смогла полюбить девочку.

Дочка тоже, видимо, чувствовала, что мать её не любит, и всё больше тянулась ко мне. И стали мы жить под одной крышей как две семьи. Она — со своей дочерью, я — со своей.

Не знаю, сколько бы это продолжалось, но вопрос внезапно разрешился из-за болезни моей матери. Я привёз её в Казань.

После приезда матери прошло дня три-четыре. И однажды жена со своей дочерью не вернулись домой. Никакого скандала не было, она была очень спокойной женщиной. Интересно то, что я не стал её искать, а дочка о ней даже не вспомнила. На заводе я заглянул в цех, где работала жена, и мне сказали, что она уволилась, немало удивившись тому, что я об этом не знаю.

Вот такие дела... Мать прожила недолго. Похоронил я её в деревне. Когда хоронил, очень помогли соседи. Маму обмывала мать той самой девушки. Сама она из дома так и не вышла... Я подумал, что она, видимо, наконец-то забыла обо мне.

После похорон матери жена всё равно не нашлась. Я пытался искать, — но мне сказали, что в Казани её нет. Начали мы жить с дочкой вдвоём. Через год я получил из Тюмени письмо: жена писала, что нам надо развестись. Надо так надо, я ничего выяснять не стал. Обменялись письмами, сделали всё необходимое и разорвали отношения. Всё очень спокойно и тихо. Одно удивительно: она на нашу дочь даже не посмотрела: то ли она есть, то ли нет её. Я, кстати, у врачей хочу об этом спросить: отчего так бывает? Ведь это её собственная дочь!

Мне тогда было уже 46 лет. Я работал, дочка училась, дел хватало. Смотреть по сторонам времени не было. А дочку я любил без памяти. К старшей дочери ходил иногда, она уже была большая, со мной общаться не очень хотела. А её мать так замуж и не вышла.

Я предлагал ей: «Может, попробуем снова жить вместе?»

Но она отказалась. Причину объяснять не стала, просто сказала: нет.

Так мы и жили потихоньку, пока однажды к нам в дом не заявила наша соседка из деревни — мать той девушки.

— Еле тебя нашла, Нурхамат, — сказала она. — У меня большое горе: дочь болеет, врачи сказали, что ей недолго осталось. Она и сама это знает. Хочет тебя повидать перед смертью. Ради бога, приезжай...

Поехали мы с дочкой. Зашли к ним в дом. Лежит она на кровати. Осталось от неё — кожа да кости, да ещё глаза...

Подошёл я к ней.

— Приехал? — говорит она.

— Приехал, — отвечаю, — как себя чувствуешь?

— Сам видишь, спасибо, что приехал, — говорит она и просит мать увести мою дочку.

Когда они вышли, она и говорит мне:

— Сядь рядом со мной, Нурхамат.

Я сел.

— Я ждала тебя, — говорит она. — Я на тебя не обижаюсь и зла не держу. Жаль только, что и ты не смог счастливым стать... Прощай. Только прошу, исполни одну мою просьбу: если не брезгуешь, погладь меня по волосам.

Тут сердце моё защемило, на глаза слёзы навернулись. Я положил руку на её начинающие сесть волосы. Погладил и... почувствовал, что не могу отвести руку. Словно всё моё тело, душу пронизал какой-то ток. Сам плачу, сам глажу её по волосам и твержу:

— Нет, нет, ты не умрёшь, не умрёшь...

Мне вдруг стало страшно. Показалось, что если она умрёт, то весь мир рухнет. И такой близкой она мне вдруг стала. Словно я всю жизнь искал её по всему миру

и теперь, наконец, нашёл. Некоторое время она смотрела на меня спокойным взглядом, а потом закрыла глаза. Я выбежал на улицу, позвал её мать.

Мать вбежала, наклонилась над дочерью... И сказала:

— Кажется, она заснула.

Мы переночевали у них. В одной комнате — она с матерью, в другой устроились мы с дочерью. Дочка всё спрашивала у меня: кто эти люди, что это за женщина?..

И я рассказал ей, как сказку, историю нашей любви. В этой сказке выходило, что и она, и я — несчастные влюблённые, которые никак не могли соединиться. Дочка слушала меня с удивлением, потому что никогда раньше не видела меня в таком состоянии.

На следующий день нам пора было уезжать, но я решил остаться, потому что не смог уехать. Мы прожили у них одну неделю, потом вторую... Жили, пока она не начала выздоравливать.

А вот это уже можно было назвать чудом: к удивлению врачей, она выздоровела. Когда мы уезжали в Казань, она вышла к воротам проводить нас и поблагодарила.

Вернувшись в Казань, я через некоторое время вдруг обнаружил, что не могу найти себе места. Я всё время думал о ней, видел её в снах. Словно мне семнадцать лет, и я впервые влюбился. Хотя... ведь это и в самом деле было впервые! Разве я был хотя бы раз влюблён? Ведь нет!

В конце концов, посоветовавшись с дочкой, я поехал в деревню. Сказал соседке о причине своего приезда. Дочери её в тот момент дома не было.

— Даже не знаю, что сказать, — ответила соседка, — она ведь странная. Поговори с ней сам, вы же не чужие друг другу...

А мне даже не пришлось ничего говорить.

— Я тебя ждала, — сказала она.

Вот такой театральный поворот произошёл в наших судьбах.

С тех пор вот и живём. Уже десять лет вместе. Можешь не веришь — дело твоё, но оказалось, что до этого я и не жил вовсе. Впрочем, это уже другая история...

КЛАВДИЯ СЕМЁНОВНА

Я тогда... на железной дороге работал. Был даже своего рода начальником. Навидался всякого. Видел и тех, кто грузил народ толпами в вагоны, и тех, кто ожидал погрузки. Я этих «врагов народа» со своего вокзала целыми составами провожал. Вот вам сейчас легко судить, где «лево», а где «право», но ведь в те годы многие верили в существование «врагов народа». Ну, и я в том числе. Не знаю, просыпалось ли во мне чувство жалости, когда этих «врагов» загружали в вагоны... Наверно, нет.

Впрочем, речь не об этом. Хочу рассказать тебе одну историю, связанную с «врагами народа».

Это случилось где-то в сороковых годах. Как-то вдруг начали ко мне приходиться с жалобами жёны наших работников. Мол, «муж гуляет, примите меры». Мне с грехом пополам удавалось уговорить этих женщин, и я выпроваживал их, потом вызывал их мужей и давал им как следует нагоняй. Как говорится, кто же станет гулять, а потом рассказывать об этом своей жене?.. Эти мужики вроде бы и жёнам своим ничего не рассказывали, но те были в курсе всего. Двум-трём коммунистам пришлось даже партийный выговор влить. Ты, наверно, представляешь себе, что такое выговор в те годы?.. Сейчас выговор — это совсем не то. Сегодня влепят, а завтра забудут. А тогда вместе с выговором могли запросто и приговор вынести. Короче говоря, мы

принимали все меры, а наши мужики гуляли всё больше и чаще. Сидим мы с парторгом и удивляемся: что за эпидемия такая?.. А в один прекрасный день ко мне с жалобой на мужа пришла жена парторга, и тогда я окончательно растерялся. Вызвал парторга к себе, запер дверь кабинета и спрашиваю:

— Это правда?

Молчит.

— Эх, — говорю, — мать твою растак!.. Ты хоть понимаешь, что делаешь? Неужели ты ради этого станешь головой рисковать?

Это сейчас за измены не наказывают, а тогда за разрушение советской семьи запросто могли припать аморалку.

Испугался он.

— Ради бога, Мидхат Шаяхметович, не губите — обещаю, это в первый и последний раз.

Прочитал я ему нотацию, а потом спросил:

— Жена-то как узнала?

— Письмо получила.

— От кого?

— Ну, от неё... с которой я был.

— И что она написала?

— Ну, что... Что в такой-то день, в такой-то час ваш муж был со мной...

— Она и имя своё написала?

— Имени нет. Но почерк знакомый. Я узнал. Всё точно написала.

— И кто же это?

Смотрю — он отмолчаться хочет. Отворачивается. Но прикрикнул — и он сразу заговорил.

— В бухгалтерии она сидит.

— В бухгалтерии их четверо сидят. Которая? — спрашиваю.

— Клавдия Семёновна... Клава...

Я мысленно начал представлять себе женщин из бухгалтерии. Ага, там в стороне от всех, за шкафом, молча сидит одна. Значит, вот кто... Смотри-ка, а выглядит очень замкнутой. Как же, думаю, ей удалось вскружить голову парторгу и, главное, зачем она письмо написала?..

Начал я расследование. Вызвал по очереди мужиков, которые попались на этом деле, расспросил каждого.

— Как жена узнала об этом?

Все говорят: было письмо. И все называют одно имя — Клавдия Семёновна.

Всё это показалось мне очень забавным. Знавал я гулящих женщин. Но никогда не встречал таких, чтобы они письма писали жёнам тех, с кем гуляют. И подумал я: что-то здесь кроется. Достал личное дело этой Клавдии Семёновны. Оказалось, что ей двадцать восемь лет. Работает у нас около года. Раньше нигде не работала. Закончила университет. Это показалось странным. Как можно с университетским образованием сидеть в нашей бухгалтерии простым экономистом?.. Была замужем. Мужа в тридцать седьмом осудили. Где же тут собака зарыта?.. И тогда решил я её вызвать и лично поговорить.

Вошла она в кабинет. Смущённо присела на краешек стула. Глаз не поднимает.

— Здравствуйте, Клавдия Семёновна! — говорю я.

— Я с вами поздоровалась, когда вошла, — отвечает.

Я, Туфан, скрывать не стану — стоило мне услышать её голос, как со мной что-то произошло. Это сейчас я сморщенный старик, а тогда мне было всего тридцать лет. Такого голоса мне никогда не приходилось слышать. Во мне вся кровь вдруг взыграла.

Я даже заикаться начал. Кое-как собрал я волю в кулак. Но всё равно толком ничего сказать не могу, и голос у меня стал каким-то писклявым.

— Как поживаете, Клавдия Семёновна? — спрашиваю я.

— Спасибо. Не жалуюсь, — отвечает она скромно и мельком взглядывает на меня... Тут я пропал окончательно — просто растаял, исчез... Я в жизни своей многих женщин видывал. Вы только не подумайте что-нибудь эдакое, я имею в виду — встречал. Я всегда был порядочным человеком и считал, что никого лучше моей жены нет. Это — во-первых. Во-вторых, я раз и навсегда взял себе за правило, что иметь любовницу — это безнравственно. Очень идейным был...

И вот у такого человека всё в голове перемешалось от одного только взгляда этой Клавдии Семёновны... Клавы...

Остальное я уже и не помню. Очнулся в постели у Клавы. И только тогда до меня дошло, кто я и чем я здесь занимаюсь.

— Бойтесь? — Вопрос прозвучал столь неожиданно, что я вздрогнул. Посмотрел внимательно ей в лицо. Ничего особенного. Мы встретились глазами. И я содрогнулся... Таких злых глаз я никогда не видел. От того её взгляда, которым она смотрела на меня в кабинете, не осталось и следа. Я вскочил и начал спешно одеваться. Клавдия рассмеялась:

— Не волнуйтесь, до конца рабочего дня есть ещё два часа. Так что успеете и на работу прийти, и домой вовремя вернуться...

Ты спросишь, наверно, что было потом?.. Ей-богу, ты прав — я встал перед нею на колени.

— Ради бога, отдам всё, что захочешь, только не говори моей жене и никому другому, — взмолился я. Сейчас уже и не помню, что я там ещё наговорил. В общем, унижался как мог. Помню до сих пор: сидит она на кровати, волосы растрёпанные и — смеётся. И ничего не говорит.

Что же мне оставалось делать? Раз не вышло уговорами, принялся я её страшать.

— Того, что здесь было, никто не видел. Ты не сможешь ничего доказать, — сказал я.

Ты вот, Туфан, смеёшься. А если бы ты сам тогда попался, то тебе тоже было бы не до смеха. Дело ведь здесь даже не в жене, с нею я как-нибудь договорился бы... Но была другая сторона. Я уже говорил.

И что ты думаешь, эта Клавдия Семёновна очень испугалась?..

— А почему я ушла с работы пораньше? А вы куда пропали в рабочее время? Кто вызвал меня к себе в кабинет?.. — рассмеялась она. И смех этот был совсем не таким, как в кабинете, когда я её за руку брал. Это был смех, от которого стыла душа.

Почувствовав себя загнанным в угол, я сказал:

— Кто вам поверит? Я скажу, что это клевета.

И, представь себе, что она сделала! Ни за что не догадаешься. Хотя и стыдно, но признаюсь. Впрочем, теперь уже и не стыдно... Она достала из-под подушки... мои трусы... Я, когда в спешке брюки надевал, не заметил, что трусов нет. Тут уж я по-настоящему скис. И, казалось бы, чего проще — протяни руку да отними у неё. Куда там!..

— Если подойдёшь, я закричу, — говорит она мне.

А жила она в коммунальной квартире. Стоило ей крикнуть, как сразу человек десять обязательно прибежали бы.

Сколько ни пытался я её уговорить, Клава так и не смягчилась. Более того, она меня просто-напросто выгнала, можно сказать — вытолкала взащей.

Что делать? Поразмыслив, я решил, что, пока жена не получила письмо, лучше всё ей рассказать самому. Склонённую голову меч не сечёт — повинился я жене во всём. Она у меня умница — скандалить не стала. А собрала мне вещички и отправила в баню. В ту ночь и потом ещё две-три недели она спала отдельно от меня.

А Клавдия Семёновна на следующий день сама попросилась ко мне на приём.

— Если вы вздумаете меня увольнять, пожалеете... — предупредила она.

Какое там увольнять! Некоторое время я ходил тише воды, ниже травы, а потом сам уволился. Клавдия Семёновна осталась. Позже я узнал — она тоже долго не засидалась, арестовали её.

Узнав об этом, я снова перепугался. Ну, всё, теперь она всех выдаст и нас заберут, — думал я. Но как-то обошлось.

А потом началась война...

Я вижу, ты собираешься спросить, зачем эта Клавдия Семёновна так поступила?

Я и сам много думал об этом. А узнал недавно. Жена рассказала. Теперь она уже старая. Когда начали много писать и говорить о репрессиях, о Сталине, старуха моя как-то вдруг говорит:

— Помнишь, ты как-то связался с одной женщиной? А ведь она мне тогда письмо прислала. Я тебе не стала об этом говорить и пошла к ней домой. Сначала она не хотела даже разговаривать со мной... Но потом, слово за слово, мы разговорились... И она объяснила, почему сделала это ... «Моего мужа забрали, а ваши — рядом с вами, — сказала она. — Что, нравится лежать в объятиях мужа? Я бы тоже этого хотела, но моего мужа расстреляли... Поэтому никому из вас я не дам спокойно лежать в постели с мужем. Не позволю...».

Старуха моя рассказала, что эта Клавдия Семёновна и кричала, и рыдала, и обнималась, в общем, чего только там не было.

Вот так-то, Туфан. И такое случилось в то время. Имей в виду, что я никогда прежде не рассказывал этого. Теперь уже можно, теперь уж время пришло умирать...

ЧЬЯ ЛУНА?

Наступила осень. Душа не находит себе места — так беспокоится скакун, почувывший приближение сабантуя... Моя рука невольно тянется к перу. Ведь осенью я обыкновенно часто и много пишу. Душа куда-то рвётся. Глаза устремляются в небо. В московском небе они ищут луну... Вот, кажется, и она... Но нет, это не луна, лишь свет её, запечатлевшийся в моей душе...

В последнее время в моём дневнике становится всё больше исписанных страниц. Когда не пишется, это, наверно, становится одной из форм самоутешения.

Постой, а почему я написал: «Чья луна?»... Ах, да, об этом мне вспомнилось, когда я искал луну в московском небе...

Много лет назад я попал на одну деревенскую свадьбу. Кажется, я там был в командировке, вот меня и пригласили. Помнится, то ли отец невесты, то ли отец жениха был человеком, самозабвенно влюблённым в театр. Он с почётом усадил меня во главе стола, угощал от души, ну, и сам хорошо «угостился».

Почувствовав, что «угощение» превысило все допустимые пределы, я улучил момент и вышел во двор подышать. Стояла чудная осенняя ночь. Всё небо было усыпано звёздами, в стороне висела полная луна. В доме шумела свадьба. В доме лилась песня. Каждый пел по-своему, в меру дарованного ему Всевышним голоса и чувства. Моя душа наслаждалась отдыхом. Лунный свет словно смывал с неё нравственную копоть города.

И вот пока я так сидел в сторонке, наслаждаясь ночью и радуясь встрече с самим собою, из дома вышли двое и присели на ступеньки крыльца. Закурили. Оказалось, что это два новоиспечённых свата.

— Да, брат... — заговорил тот, что пригласил меня на свадьбу — хозяин дома. — Кто бы мог подумать, что мы с тобой сватами станем, а?.. Давно ли сами парнями были.

Помнишь, я как-то пришёл к вам в деревню с девушками знакомиться, а ты чего-то распетушился и привязался ко мне?..

— Э-э, нашёл о чём вспоминать, — отвечает другой сват.

— Нет, это я просто так говорю. Ради смеха. Я зла не держу!.. У нас в деревне вообще люди незлопамятные... Давай, сват, споем вместе...

И мужчина, не дожидаясь ответа, затянул песню. Голос у него был глубокий и чувственный. Содержание песни я не запомнил. Но там было слово «луна». Это у меня чётко отпечаталось в памяти, потому что хозяин, не допев песню до конца, вдруг сказал:

— Ты посмотри на луну, сват. Видишь, какая у нас луна? Это, сват, совсем не та луна, что светит в вашей деревне.

Сват оказался человеком рассудительным и делить луну не собирался. Он лишь усмехнулся:

— Луна везде одинакова.

— А вот и нет, сват. У нас в деревне луна настоящая. Ты только посмотри на неё. Она ведь настоящая, да?

— Да и у нас в деревне та же луна, сват.

— Нет, сват, ваша луна не настоящая. Знаешь, почему? Ваша деревня лежит на дне оврага. И вашей луне приходится продираться через овражки да канавы. Пока она выберется, уже вся бывает искалеченная. А у нас луна всходит на открытом месте: сначала садится на краю поля, наряжается, прихорашивается и потом, радостная, поднимается на небо. Ты посмотри на неё, сват. Разве в вашей деревне луна такая? Не цените вы свою луну.

— Болтаешь всякую ерунду, — отвечает ему сват. — Ты о чём? Как это мы не знаем её цену?..

— Не знаете, разве можно пропускать луну через какие-то ямы и овраги? Это же луна, сват... понимаешь ты, луна! Ей простор нужен! Знаешь, для чего луна поднимается над землёй? Для того чтобы мы восхищались её красотой. Вон, посмотри, все дома в нашей деревне освещены одинаковым светом. Почему, спросишь? Потому что мы её любим! А вы — спрятались от неё, вы построили свою деревню на дне ямы. Поэтому луна быстренько проходит над вашей деревней и потом долго стоит над нашей.

— Ну, ты и загнул! — сердито ответил ему другой, плюнул на кончик своей папиросы, отбросил её и ушёл в дом.

А хозяин дома ещё долго сидел недвижимо и смотрел на луну. Потом спел ещё какую-то песню, в которой упоминалась луна. Снова с нею разговаривал...

И тут случилось какое-то волшебство. Луна, услышав его ласковые слова, улыбнулась.

Да, да, я видел это своими глазами — она улыбнулась. И лик её стал ещё светлее. Кто знает, может, она даже заговорила, потому что хозяин дома начал кивать и подкивать ей. Но только я не слышал, что говорила луна. Наверно, мои уши не были настолько чуткими, чтобы слышать слова луны.

Из дома вышла жена хозяина.

— Иди в дом, там тебя уже потеряли, — сказала она и вышла на середину двора: — О Аллах, ты посмотри, какой яркий свет от луны!

— Конечно! Это же наша луна, — сказал хозяин. — Если хочешь знать, такой луны больше нигде нет.

— Родственники невесты что-то заскучили, даже песни не поют, — сказала женщина.

— Как же им петь и что им петь?! Ведь они даже нормальной луны никогда не видели. Человек, который луну свою не любит, разве петь умеет?

И он снова затянул песню. Жена ему вторила. Так, с песней, обнявшись, они и ушли в дом.

А луна с улыбкой провожала их. Ей-богу, я видел это собственными глазами.

Эх, сейчас бы в деревню! Интересно, как там наша луна? Не грустит ли? Ведь такой луны, как у нас, нигде больше нет. Она поднимается над крутым берегом Волги, садится на вершину горы, чтобы немного перевести дух, наряжается, прихорашивается и потом поднимается, улыбающаяся, в небо.

А я, безумец, пытаюсь отыскать нашу деревенскую луну в московском небе. Она же не настолько глупа, как я, чтобы мыкаться в городе. Уж наша-то луна цену себе знает.

Переводы Гаухар Хасановой

РУБАИ

* * *

Молодую весной, в благодатных лучах,
Пробегала красавица с жаром в очах,
Два влюблённых с восторгом за нею бежали —
Это были глаза мои в толстых очках...

* * *

«Сладко веет весной, — поэт написал, —
Соловьями, черёмухой», — он написал.
Я же, бедный, не зная красивых сравнений,
«Веет юной соседкой», — вчера написал...

* * *

До чего хороша — всё на свете забыл!
Отвернуться — и то не хватает мне сил...
Сохрани тебя жизнь от ревнивого мужа,
Чтоб он хрупкую эту красу не разбил!

* * *

Ах, любимая, сон не избавит от дум,
Где на грудь твою голову нежно кладу.
Просыпаясь, ищу подтверждения грёзам —
Но ни складки на простыне я не найду.

* * *

Ах, плутовка! Ты словно колодец с водой,
От которого спрятали ключ золотой.
Я поник — все попытки открыть бесполезны —
Засыхает без влаги побег молодой.

* * *

Я увидел тебя — покачулся порог:
Скачет сердце, а сам я не чувствую ног.
Полежать бы, прекрасная, только лишь ночью
На груди твоей,
зайцем свернувшись в клубок.

* * *

Нужен муж для жены и для мужа жена,
Для акына толпа восхищённых нужна.
А понять рубаи, что написаны глупым –
Нужно море безумства и каплю ума.

* * *

Ты стареешь. Уходят и годы, и слух.
Мёрзнут ноги, когда на дворе жаркий дух.
Это всё ничего, но гораздо страшнее –
Безответно влюбляться во всех молодых.

* * *

Разъярился и палку метнул в петуха:
Твоя доля, каналья, совсем не плоха.

Как же можно стерпеть, что невестами ходят
Столько куриц вокруг одного жениха!

* * *

Как увижу красу – учащается пульс,
И горячей рукой я за счастьем тянусь.
То за счастьем тянусь, то отдёрну я руку –
Не посыпался б старый песок мой, боюсь.

* * *

Разговор наш, мадам, обозначить пора:
Бог тебя сотворил из мужского ребра.
Вот его-то как раз мне сейчас не хватает –
Возвращайся на место своё, будь добра!

Перевела Галина Булатова

* * *

РАЗИЛЬ ВАЛЕЕВ

ТУФАН...

Написал это таинственно-могучее имя, созвучное слову «тайфун» (туфан (*там.*) — потоп, наводнение; море, лавина; град, поток) и остановился. Почему пугает оно меня? В нём соединились тревога и буря, сила и величие. Это слово, окунаясь в пучины веков, через тысячи бед и лишений дошло до наших дней, став неотъемлемым от общей судьбы татарского народа...

Человек, заботящийся о будущем рода-племени, вряд ли даст своему ребёнку случайное имя. Должно быть, родители Туфана ещё при рождении сына предрекали ему трудную, беспокойную, но великую судьбу, вот и назвали таким необычным и редким до поры до времени у татар именем.

Почему же я так много об этом размышляю? Наверное, потому, что найденное родителями имя — это своего рода жизненная установка и голос судьбы. Носитель такого имени невольно старается оправдать его, чтобы оно соответствовало своему предназначению. А как это просто — быть достойным имени Туфан!

Написал на листе бумаги это имя и задумался... До сих пор я был уверен, что хорошо знаю Туфана Миннуллина, — мы бок о бок прожили с ним более сорока лет... Но когда сел за письменный стол, чтобы написать о нём, то растерялся, как мальчишка из сельской глубинки, впервые увидевший необъятное море. Видимо, общаясь с этим человеком на протяжении долгого времени, читая его книги и внимательно просматривая постановки пьес, я, при всём своём восхищении его талантом, видел не море во всей его необъятности, а лишь ощущал отдельные волны, порывы морского ветра. А когда заново прочёл книги и статьи Туфана и нанизал на одну волшебную нить его действия и поступки, то будто впервые со всей серьёзностью проникся его величием.

Вот уже несколько десятков лет он по праву считается ведущим татарским драматургом. Но было время, он восхищал нас и короткими, как летняя ночь, крепкими, как ядро ореха, рассказами, в которых описывал простодушных и в то же время своенравных и хитроумных сельчан.

Взяв в руки эти рассказы, написанные три-четыре десятка лет назад, я испытал какое-то двойственное чувство. Стоит ли их перечитывать? Не секрет: в детстве каждый холм кажется Эверестом, а ручей, который по колено воробью, — большой рекой... Романы некоторых писателей, в своё время считавшихся классиками, сейчас воспринимаются как бесконечная рядовая газетная статья... Может, не трогать огрубевшими от времени руками творения Туфана, когда-то приносившие праздник в твою бесхитростную душу?..

Однако, преодолев колебания, я стал читать. И уже не мог оторваться, радуясь, что книги эти выдержали испытание временем и по-прежнему трогают сердце. Я ещё раз перечитал не только рассказы, но и пьесы, повести, стихи, рубаи, дневниковые записи Туфана Миннуллина... И автор предстал передо мной подлинным классиком нашей литературы, аксакалом нации.

Я знал, что плохой человек не может создавать хорошие, глубокие произведения. Можно писать внешне мастерски, образно, но если в основе души автора не лежит доброе начало, читатель всё равно до конца не примет его работу. Творческий человек должен быть прежде всего искренним. С одной стороны, быть искренним вроде бы нетрудно. Разве сложно рассказать людям об увиденном, поведать свои мысли и чувства? Однако это в лучшем случае называется простодушием, а простофиль в народе никогда не жаловали. По-настоящему искренний человек делится с другими не только тем, что лежит на поверхности, но и самым сокровенным: чувствами, сомнениями, ошибками, страхами... И этим отдаёт себя на суд читателя.

В каждом произведении Туфана Миннуллина — искренность и тревога за судьбу народа. Иногда он чересчур обнажает свои чувства, бывает откровенен даже больше, чем нужно. Всё же читатель воспринимает его вместе с ошибками, понимает, оказывает ему духовную поддержку, начинает считать Туфана своим близким человеком именно за эти бесхитростные, откровенные чувства и распахнутую душу.

Чтобы действительно стать великим, народным писателем, наряду с искренностью необходимо обладать рядом других качеств. Речь не идёт о богатстве языка, умении мастерски закручивать сюжеты и иных навыках — всё это бесспорные вещи. Впрочем, как ни странно, произведения, написанные пёстро и вычурно, зачастую сверкают как бабочка-однодневка, а потом забываются, пропадают.

Писатель, прежде всего, должен найти больное место человека и своим произведением, как чудодейственным снадобьем, «залечить» его. Это значит, он должен уметь пропускать через свою душу переживания и тревоги окружающих его людей, судьбу всего народа. Для этого, в первую очередь, необходимо быть личностью.

А сильная личность — это, как правило, человек, у которого есть великая цель и которому есть что сказать. Это ещё и человек, хорошо понимающий, где и как надо это сказать. Туфана Миннуллина я знал именно как личность, обладавшую этими качествами и достоинствами, и поэтому воспринимаю его целиком со всеми его нестандартными поступками и странностями.

То, что было у него на душе, он мог без обиняков выложить и другу, и врагу. Иногда мог обидеться или обидеть, но никогда не вставал в позу, в общении держал себя на равных что с дворником, что с президентом. Когда речь заходила о судьбе народа, страны, он никогда не оставался в стороне, — напротив, несмотря ни на что, яростно вступал в самое пекло проблемы.

Он завладевал мыслями многих. Когда его спрашивали, почему наши мудрые руководители неизменно прислушиваются к его словам, Туфан отвечал с улыбкой: «Они думают головой, а я — сердцем. Секрет лишь в этом».

Я много думал о волшебной силе его произведений, старался понять их. И пришёл к простому выводу. Талант, творческое своеобразие Туфана Миннуллина заключаются в умении любить людей, природу, жизнь в целом. Иные, возможно, скажут, что Туфан иногда и сердился, и гневался, и ненавидел. Да, бывало, он и серчал на что-то, но это чувство представляло собой этакую «сердитую озабоченность» за народ. Отрицательные герои в его произведениях — не пропащие люди, они, скорее, люди обманувшиеся, запутавшиеся в дебрях своей судьбы. Они тоже дети Туфана, и они также имеют право на жизнь на этой грешной земле, ибо они — творения Всевышнего. Даже ангел смерти Азраил, приходящий за душами людей, волей Туфана Миннуллина постепенно меняется в лучшую сторону, и сердце писателя само начинает симпатизировать ему.

В повседневной, материальной жизни всего хватает — и плохого, и хорошего. Придя в лес, ты можешь сорвать ядовитый гриб, а можешь и прекрасный, нежный цветок. Каждый находит то, что ищет. Туфан Миннуллин всё время искал Красоту. И когда находил её, от всей души ликовал. Поэтому, когда читаешь его произведения или смотришь пьесы, в усталую душу будто вновь вливается энергия, хочется делать добрые дела, самозабвенно любить и жить полнокровной жизнью.

Говорят, если хочешь узнать сущность человека, его душу и корни, надо поехать на его малую родину. Истоки, среда, люди — всё это оставляет в художнике неизгладимый след. Я много слышал о селе Большое Мереткозино Камско-Устьинского района — и в произведениях Туфана, и от людей, живущих там. Летом Туфан везёт в своё село самых близких по духу людей. С шутками-прибаутками они то баньку вместе построят, то ещё что-то по хозяйству сотворят. А вернувшись в Казань, делятся впечатлениями, вспоминая разные «приключения» и забавные случаи. И мы, тогда молодые борзописцы, слушали писателя с открытым ртом и с белой завистью.

Я много раз собирался съездить в легендарное село, но побывал там совершенно неожиданно. Однажды Туфан-ага предложил мне: «Слушай, поехали через весь Татарстан на запряжённой лошадей телеге! Ты, я, Марсель Галиев — втрём». Тогда в Азнакаевском районе супруге Туфана Миннуллина, знаменитой артистке Назибе Ихсановой, земляки подарили на юбилей великолепную породистую лошадь. Конечно, это благородное животное должны были доставить на машине, но Туфану захотелось на лошади проехать до Мереткозина. С детства влюблённые в коней, мы отправились в путь.

Это предприятие вначале представлялось мне каким-то детским дурачеством, этаким поэтическим вздором. Но, увидев внезапно помолодевшего Туфана, и мы тоже словно сбросили со своих плеч неподъёмный груз прожитых лет. Пять дней и ночей

мы добирались до Мереткозина, ругая грузовики, от которых покрывались пылью с головы до ног, покашивая сено на попутных лугах, валяясь на лесных полянах с их ароматными, слегка кружащими голову травами. Проезжая мимо развалин Болгара, уже на берегу Волги, Туфан показал рукой: «Вон там, за горами-холмами, и стоит наше Мереткозино».

А по реке навстречу нам вышла большая баржа, длиной чуть ли не с километр. «И это по-туфановски», — подумал я про себя. Но главное удивление было впереди.

За этими приключениями я уже начал представлять себе, что село Мереткозино — это не что иное, как волшебный и счастливый остров где-то за горою Каф.

Вот наконец на краю горизонта показались дома, в вечерних сумерках высветился минарет сельской мечети. Улицы, тропинки, заборы, ворота, дома почти такие же, как в нашей деревне. Казалось, в том не было удивительного.

Я посмотрел на Туфана-абый. Он, будто позабыв обо всём на свете, застыл у своего коня, как падишах, обозревающий родные владения. Здесь всё ему было дорого и близко, его встречали как самого дорогого человека, любили и верили ему. И мечеть, и дорога, и дом здесь были построены им. Казалось, это была не только его малая родина, а и его небольшое независимое государство. Он с такой любовью рассказывал о каждом дереве, о каждом кустике в саду, что мы незаметно для себя влюбились в это чудесное село.

На второй день мы с Марселем отправились на машине в Казань. Туфан остался в деревне, словно ребёнок, не желавший покинуть объятий матери. Долгое время мы ехали молча, каждый вновь и вновь распутывал клубок памяти, переживая перипетии этого путешествия.

Да, чтобы быть истинным писателем, прежде всего нужно иметь крепкую основу, твёрдую почву под ногами, любимый и любящий тебя край, родную землю. Если крона творчества Туфана раскинулась на весь татарский мир, то корни его здесь, в Мереткозине. Однажды он сказал: «Я не признаю писателя великим, пусть его слава докатилась до Москвы и Парижа, если его не уважают и не принимают в родной деревне».

У Туфана Миннуллина было много качеств, отличавших его от других людей. Одно из них — нежелание летать воздушным транспортом. Куда бы он ни ехал, в какую бы тьмутаракань ни направлялся, ни за что не садился в самолёт, всегда выбирал поезд или машину. Не зная истинную причину этой причуды, я сам объясняю её так. У Туфана было столько мыслей, чувств, задумок, что он, видимо, не верил, что у самолёта хватит сил всё это поднять. Земля не отпустит, притянет обратно к себе. А иногда я думаю: он максималист, во всём доходил до конца. Может, боялся, что если хоть раз оторвётся от Земли, то уж никогда на неё не вернётся — всё будет лететь и лететь, аж до звёзд?..

Кому-то может показаться странным, что я просто, без всякого приукрашивания, изображаю крупнейшего писателя, неординарную личность, признанного драматурга, словно он бесхитростное дитя. А ведь в каком-то смысле это действительно так. Разве человек с недетской душой стал бы в московском Дворце съездов зачёркивать букву «А» на стоящей перед ним табличке «ТАССР»? Это были годы, когда Татарстан пытался выйти из рамок автономии и требовал, чтобы ему предоставили союзный статус. Туфан Миннуллин же в то время был народным депутатом СССР. Когда Татарстан объявил о своём суверенитете, Туфан-абый и вычеркнул «А» в аббревиатуре «ТАССР». Табличку переправили, а он снова вычеркнул. И так несколько раз. Наконец терпению организаторов пришёл конец, и они оставили укороченную аббревиатуру в покое. Что это, как не детскость, своего рода ребячество? Но ведь

дело касалось вековых чаяний народа. А стремление по-ребячески, простодушно донести их до других говорит о том, что Туфан Миннуллин во Дворце съездов не был обычным депутатом, он по-прежнему оставался писателем и незаурядной личностью. Ведь настоящий писатель — это «умный ребёнок», божественный талант, всю жизнь не теряющий детскости.

Туфан Миннуллин не любил людей равнодушных, инертных, спящих на ходу, бездеятельных, бестолковых; вообще не любил пустоту в обществе и жизни. Там, где он бывал, всё оживало и, как он сам, приходило в энергичное движение. Комнаты и залы наполнялись его громоподобным голосом, бодростью, его мыслями и улыбками. Он ни к чему не был равнодушен. Когда нужно, умел и гневаться, и удивляться, и восхищаться. Он рассказывал вдохновенно и слушал вдохновенно. Поэтому везде был желанен. У Туфана был редкий дар — умение «заставлять» людей скучать по нему... Он всегда говорил громко, его слышно было чуть ли не за полкилометра. Своим роком он будто заявлял: «У меня от вас, люди, никаких секретов нет! Пусть все услышат мои слова!»

У Туфана Миннуллина было много удивительных особенностей. При встрече он широко распахивал объятия, искренне, душевно здоровался, но, прощаясь, никогда не протягивал руки. То ли эта была вера в древний обычай?.. Но я вижу в этом некий намёк и даже большой смысл. Он словно бы говорил: мы расстаёмся, но не навсегда.

Разве не чудо — признание народом имени Туфан после великого татарского поэта Хасана Туфана? «Младший» Туфан пришёл в литературу, получив благословение от «старшего». В одном из своих стихотворений Хасан Туфан восклицал: «Талантлы син, Кеше туганым!» («Талантлив ты, брат Человек!») А мне слышится: «Талантлы син, Кече туганым!» («Талантлив ты, мой младший брат!»)

А талант Туфана Миннуллина заключается в умении жить судьбой нации как своей, в созидании прекрасных, ошеломляющих, таинственно-многозначительных произведений, в стремлении и умении быть частицей народа, его любимым ребёнком и верным, храбрым защитником.

НА ФОНЕ ПУШКИНА. К 220-ЛЕТИЮ ПОЭТА

ГАЛИНА БУЛАТОВА

КОГДА ВСЁ ЛАДИТСЯ

Лада Валерьевна Аюпова (Лада Аюдаг) — родилась 21 июня 1963 года. Закончила Казанский медицинский институт, Московский заочный университет искусств, Казанский университет. Председатель Казанского отделения Профессионального союза художников СНГ, член Творческого союза художников России, Союза российских писателей, Международной конфедерации журналистов, Парижской ассоциации «Друзья Пушкина». Автор и художник более двух десятков книг. Руководитель детских изостудий «Аюдаг» и «Простор», директор музея имени Пушкина в Казанской гимназии № 7, руководитель литературно-художественного объединения «Автограф». Организатор более ста совместных выставок художников, благотворительных акций, арт-проектов в стране и за рубежом.

По признанию Лады Аюдаг, художник пересилил в ней врача. Честно отработав положенный срок после института доктором, она с радостью ушла преподавать изобразительное искусство в казанскую школу № 103. В 1995 году появилась изостудия «Аюдаг», название которой совпало с творческим псевдонимом художницы. Работы её воспитанников уже тогда стали побеждать на российских и международных конкурсах.

Студии энергичной художнице оказалось мало, и уже вскоре она становится учредителем, редактором, корреспондентом и художником «Детской газеты». Любопытный факт: подписной тираж газеты по Татарстану в июле 2001 года взлетел в 52 раза и составил 249 тысяч. А почему бы не попытаться попасть в книгу рекордов Гиннеса? И вдохновлённая Лада посылает в Англию письмо с подтверждающими документами. Да разве дождёшься от англичан ответа!..

Двадцать лет вести только педагогическую работу — это не для неё. Аюдаг со всей неутомимостью попутно занимается организацией своих и коллективных выставок, арт-проектов художников, председательствует в Казанском отделении Профессионального союза художников СНГ, учится на дизайнера интерьера и преподавателя изобразительного искусства в Казанском университете. И не упускает возможности в 2015-м возглавить изостудию в Доме детского и юношеского туризма «Простор». Через три года возникает и мультстудия с тем же названием, подтвердив тем самым простор для всех неуёмных проектов Лады.

В двух группах изостудии занимается порядка тридцати детей. Темы занятий самые разнообразные: новогодние, пейзажные, фантастические, патриотические,

*Лада Валерьевна Аюдаг со своими студийцами на экскурсии
в Государственном музее изобразительных искусств Республики Татарстан*

знакомство с народным творчеством нашей страны и искусством других стран; на-
тюрморт, интерьер, архитектура, рисование с натуры. Ездили в Свияжск, по храмам
которого готова целая выставка, посмотреть её мечтают даже в Париже.

Однажды профессор архитектурного университета Закир Батраев, глядя на рабо-
ты студийцев, заметил: «Так в семь-восемь лет дети рисовать не могут! И всё-таки
я это вижу».

У художницы есть свои секреты преподавания. Так, в авторской книге «Сказка
о волке» (2003) она сделала иллюстрации из геометрических фигур. «Нарисовать
кружок, треугольник и овал может большинство людей. А вот как их соединить, что-
бы получилось какое-либо животное или человек, мне помогают профессиональные
знания анатомии».

В мультстудии дети создают мультфильмы собственными руками — из пластили-
на. И музыку для них выбирают все вместе. А чтобы не нарушать авторские права,
Аюдаг берёт сюжеты своих сказок, стихов, считалок и музыку композиторов про-
шлого или знакомых современников. «Создание мультфильма — коллективная ра-
бота, — рассказывает Лада. — Оператором нашей мультстудии является художник Па-
вел Тимофеев, звукооператором и монтажёром — член музыкальной группы «Бэхет»
Сергей Крайнов. Сотрудничаем мы и с художником-мультипликатором Владимиром
Муртазиным». Первый же пластилиновый мультфильм «Считалка про собак и ко-
тят» (2017), был замечен на IV Международном телевизионном IT проект-конкурсе
«Талант-2018». И не просто замечен, а получил диплом II степени и приз! А одиннад-
цатилетняя Диана Халиуллина стала обладательницей диплома лауреата III степени —
за авторский мультфильм «Кубик Рубика».

*Прапраправнук А.С. Пушкина барон Александр Николаевич Гревениц с женой Дорзах
в гостях музея имени Пушкина в казанской гимназии №7*

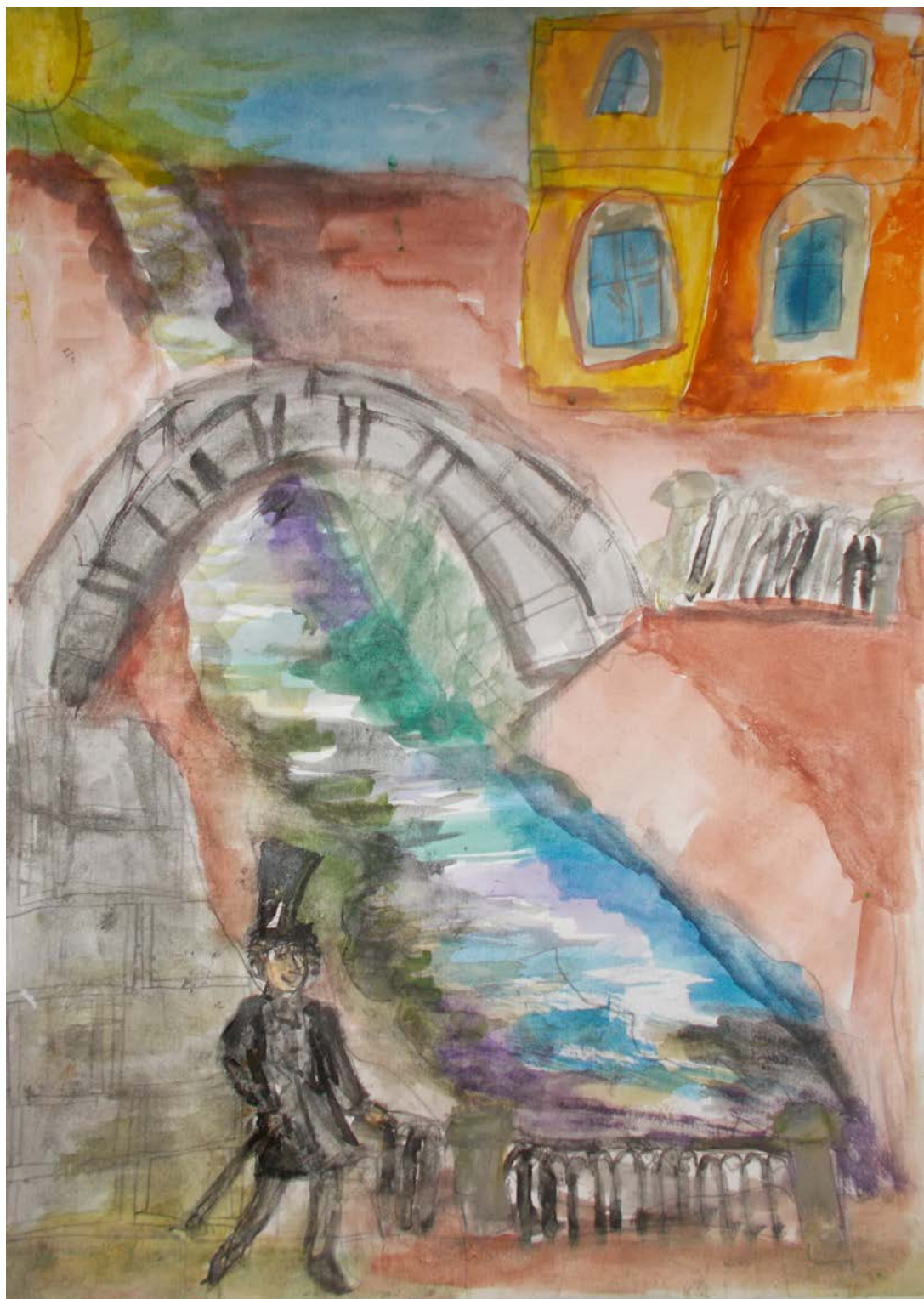
Здесь нужно сделать отступление. Целым пластом жизни для Аюдаг стала пушкинская тема. Интересоваться пушкиноведением она начала с четырнадцати лет, время от времени появляясь с интересными статьями на страницах газет и журналов. Нет ничего удивительного в том, что, когда в казанской гимназии № 7 решили создать музей Пушкина, возглавить его Любовь Петровна Кочнева, директор гимназии, предложила именно ей. Это случилось в год 200-летия Пушкина. Теперь и у поэта, и у музея его имени совместные юбилеи. За 20 лет собрали более полутора тысяч экспонатов. Помогали коллекционеры, музейщики, поэты, учителя и дети. Так, по словам Лады, коллекционер Михаил Боцманов отдал музею материал о Пушкине, собранный им в течение жизни, от газетных статей до бюстов поэта, а антикварный салон «Лигия» подарил редкий барельеф с профилем Пушкина каслинского литья 1937 года. Ценность многих экспонатов подтвердил Национальный музей республики.

Особой гордостью Лады Аюдаг как автора является книга «Казанская Пушкиниана», вышедшая в Татарском книжном издательстве в 1999 году. Она была тут же приобретена фондами Национальной библиотеки Республики Татарстан, научной библиотеки им. Лобачевского, музеем истории КГУ, Государственным музеем А. С. Пушкина в Москве. В книге собраны материалы, связанные с казанскими друзьями и знакомыми Пушкина, по ней создана центральная экспозиция в Пушкинской комнате музея, посвящённая роду Норденов, родственников Пушкина в Казани. Среди семейных реликвий, которые видят посетители, — шахматы и фотографии из архива семьи, подаренные музею Норденами в день официального открытия 4 июня

*Шамсутдинова Алия. 7 лет. Пушкин в гостинице Дворянского собрания
6 сентября 1833 года в Казани*

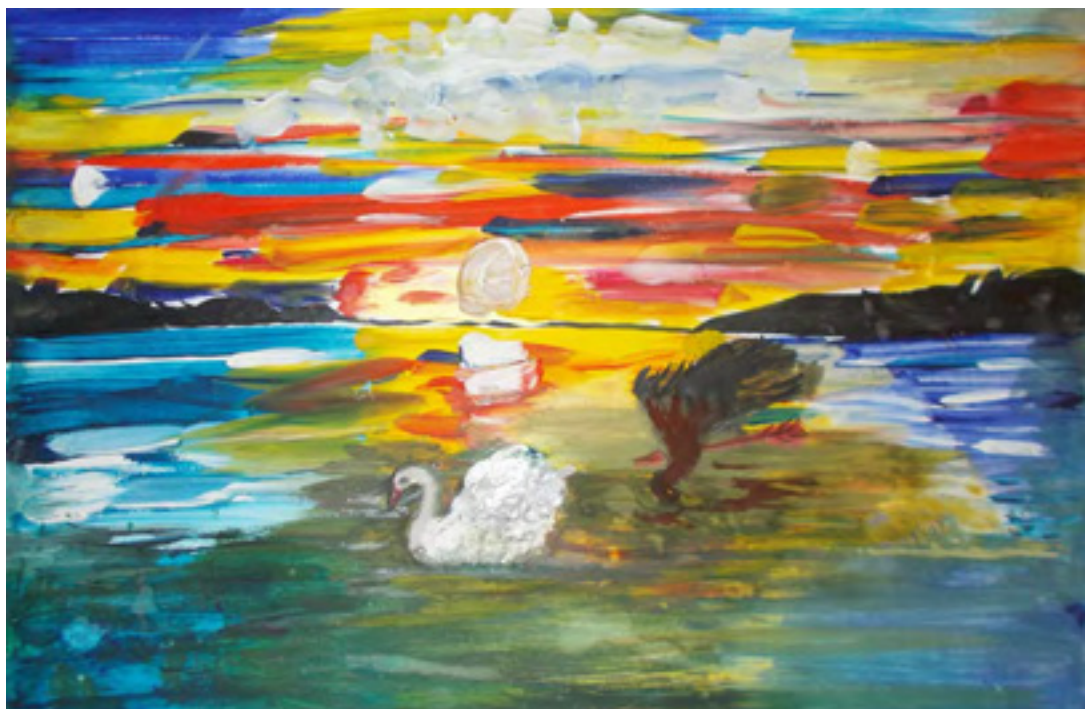
НА ФОНЕ ПУШКИНА

Захар Стенин, 7 лет. Пушкин на Булаке в г. Казани в 1833 году

Султанова Камилла, 9 лет. Встреча Пушкина с Карлом Фуксом в Казани в 1833 году

Гатауллина Амина, 14 лет. Иллюстрация к «Сказке о царе Салтане»

Шамсутдинова Алия, 7 лет. Иллюстрация к «Сказке о царе Салтане»

Тимергалеева Алсу, 8 лет. Кони

Дерево. Картон. пластилин. Мультистудия Простор

Бабаева Айлина, 6 лет. Зайка. Пластилин

*Коллективная работа по сказке Лады Аюдаг «Юноша-медведь».
Мультстудия «Простор». Картон, пластилин*

Коллективная работа. Пластлин, картон

Листопад. Коллективная работа мультстудии Простор. Картон. пластилин

Шамсутдинова Алия, 8 лет. Иллюстрация к сказке Лады Аюдаг «Цветария»

1999 года. Уникальный стенд — единственный в республике — «породнил» Пушкина и Анну Керн через их казанских родственников.

Музей коллекционирует книги с автографами известных людей, их уже более двухсот: есть, например, автограф правнука поэта — Григория Григорьевича Пушкина и знаменитого певца Ивана Козловского, исполнителя пушкинских романсов — подарок музею к юбилею от журналиста Геннадия Егорова.

С огромным воодушевлением Лада рассказывает о том, как ей удалось обнаружить шесть «потерянных» часов пребывания Пушкина в Казани в сентябре 1833 года: в письме к жене он писал, что «в Казани с 5-ого», а казанское пушкиноведение вело свой отсчёт с полночи 6 сентября. Аюдаг выяснила, что в феврале 1833 года на службу в Казань приехал троюродный брат поэта Александр Петрович Неелов, и предположила, что Пушкин находился именно у Неелова до глубокой ночи 5 сентября. Тем более, дом троюродного брата Пушкина находился в районе Зилантова монастыря, мимо которого и лежал путь поэта по Большому Московскому тракту. А в полночь 6 сентября Пушкин появился в гостинице Дворянского собрания (современный переулок Рахматуллина, д. 6, расположенный перпендикулярно к Петропавловскому собору). Карл Фёдорович Фукс, учёный, врач и этнограф, привозил Пушкина в гости к купцу и городскому голове Леонтию Крупенникову (дом возле здания Национальной библиотеки, к сожалению, снесённый в 1976 году). Уникальной находкой музея стали письма потомков Крупенникова: самому старому письму более 170 лет. 7 сентября Пушкин обедал у своего старого друга Эраста Петровича Перцова, литератора, сатирика (ныне улица Профсоюзная, 23). Музей дружит с его потомками, живущими в Москве, а также с Парижской ассоциацией «Друзья Пушкина».

Так вот, возвращаясь к студийцам: конечно, у воспитанников Лады просто не могло не быть целой серии пушкинских работ, и не только по сказкам Александра Сергеевича, но и по фактам его пребывания в Казани. Вот где краеведение сплавляется с изобразительным искусством!

«Планы у нас большие, — заявляет Лада, представляя творчество своих воспитанников на восьми страницах цветной вклейки журнала «Аргатак. Татарстан» и посвящая эту публикацию 220-летию великого русского поэта. — Главное, конечно, сам процесс создания мультфильма, рисунка, картины. То, из чего состоит жизнь и маленького, и большого художника».

СПОКОЙНОЙ НОЧИ...

Кажется — выставишь сковородку с маслом на чурбан во дворе, и масло зашипит на солнце.

Дедушка совсем обессилел. Уже третий день не бреется. Время от времени подходит к умывальнику за печью, умывает лицо холодной водой и снова ложится в сених. С ним что-то творится, ему трудно дышать. Поворочается на постели, поохает, потом выйдет на крылечко посидеть. И обратно в сени — прижаться спиной к прохладному полу. Открыв беззубый рот, иногда протягивает мальчику, растерянному сидящему рядом, стакан: «Принеси воду из родника!».

Касаясь плечами поникших от жары листьев яблонь, мальчик пробирается по тропинке к роднику. Краем глаза посмотрев на бабушку, ведрами таскающую воду в баню, он наклоняется к воде. Льёт горстями холодную воду себе на голову. Потом жадно пьёт из стакана.

— Как там дед, сынок?

— Пить просит.

Бабушка, гремя ведрами, остаётся возле родника. Вороны, облепившие верхушку тополя, беспрестанно каркают. Им без разницы — то ли есть жара, то ли нет её.

Уже третий день невыносимо жарко. Мальчик теперь даже тапки не надевает. Потому что и в обуви, и босиком — всё равно ступни горят.

Ещё только на прошлой неделе он с дедом колол дрова на берегу речки. Правда, сказать «колол» будет не совсем правильно... На самом деле дед колол, а он таскал поленья в сарай. Вейл прохладный ветерок, и усталость совсем не чувствовалась. И майка не липла к спине, вызывая нестерпимый зуд. Лишь вороны надоедали, вываливая из своих гнёзд разный мусор.

Дед с силой опускает топор, и чурбан раскалывается надвое. У деда мускулистое тело. Как-то он болел, и среднему сыну пришлось делать отцу укол, помнится, даже игла согнулась.

— У тебя стальное тело, отец! — сказал тогда сын. А восьмидесятилетний дед лишь чуть усмехнулся:

— Мы ведь ни дня без работы не сидели. Это только вы сейчас...

Полешки так и отскакивают на траву. Вскоре, крутятся между горой поленьев и сараем, мальчик совсем выбился из сил.

— Смотри, я сейчас сшибу вороньё гнездо!

Дед шутит. Как может полено долететь на такую высоту? Куда там... Если хочешь добраться до вороньего гнёзда, надо полдня карабкаться до вершины тополя. И это очень трудно, впрочем, даже деду не обхватить ствол тополя руками. Интересно, эти

тополя старше деда или моложе? Мальчик не спрашивает, дед тоже об этом ни слова. Но каждый раз, когда дед замахивается топором, мальчик невольно смотрит вверх. Кто знает, а может, полешко закрутится и долетит до вершины тополя и попадёт прямо в гнездо?..

— Всё, внучок. Мы с тобой молодцы. Ветки пусть останутся. Это на завтра... — Дед присаживается на бревно, лежащее возле стога сена: — Теперь бабушке на пять лет хватит дров для бани.

— Почему бабушке?.. Ты же сам любишь баню. Когда не болеешь...

— Ну да...

Дед вытирает полотенцем лицо, шею.

— Это так, конечно. Но у меня, похоже, понемногу заканчиваются счёты с этой жизнью. Ты вот только начал жить, а я уже устал. Ладно, принеси холодной воды, ковш там, на крышке родника.

Тем временем, опираясь на свою кривую палку, появилась и бабушка:

— Домой, мальчики. Каша готова!

Бабушка всегда готовит на обед кашу. Мальчику — манную, себе с дедом — рисовую...

И вот этот его стальной дедушка сегодня совсем ослабел.

— Хочешь, принесу воду из родника?

— Не надо, сынок.

В сени вышла бабушка с чистой сменной одеждой в руках, и мальчик начал уговаривать деда:

— Вставай, иди с бабушкой!

Дедушка даже не шелохнулся.

— Чтобы в баню сходить, силы нужны... Я вечером...

Он помылся после захода солнца. В белой рубаше и штанах, шаткой походкой проходя мимо по тропинке, он чуть улыбнулся мальчику, возившемуся возле грядки с огурцами.

— Дорога вся в рытвинах, тяжело идти, всё время проваливаюсь в ямы, — сказал дед и, прислонившись спиной к штaketнику, немного постоял молча.

Мальчику в ту ночь почему-то не спалось. По телевизору не было интересного кино. И компьютер сегодня отдыхал. В другое время он бы играл от души. У него столько игр, которые отец привёз ему из города. Но дед болеет. И бабушка постоянно напоминает: «Не шуми!».

Мальчик сидит на крыльце и смотрит на ослепительно сияющие звёзды. К ногам ластится кошка, веет тихий ветерок. Наверно, к утру немного похолодает. Хорошо бы. Тогда и деду станет легче. У деда ещё там остались сучковатые поленья. А он будет носить ему в стакане холодную воду...

Снова подул ветер. Мерцающая звезда упала.

Услышав шорох, мальчик обернулся в сторону погребка. Увидел белый силуэт и вздрогнул.

— По нужде вышел. Мне немного легче стало.

И как же он не заметил, что дед вышел во двор? Даже не слышал, что скрипнули ступеньки.

— Не сторожи ночь. Завтра она снова придёт. Иди спать! Спокойной ночи, малай!

— Спокойной ночи, дедушка!

Мальчик проснулся поздно. В доме было тихо. Тишина словно угнездилась даже в полосках жёлтой пакли между брёвнами стен.

- Деда! Де-душ-ка!
Открылась дверь. Вошла мама. У неё было заплаканное лицо.
— Проснулся, сынок... А дед твой ушёл...
— Куда ушёл?
Мать промолчала. Вытирая слёзы, стекавшие по щекам, она повторила:
— Твой дед ушёл... — и прислонилась к косяку двери.
Деда похоронили до обеда.
Дед ушёл.
А мальчик ещё только начинал жить...

БУДЬ ЗДОРОВ

Девочка спряталась в тени яблони. Она до красноты расчесала коленки, обожжённые крапивой. Левое колено быстро покрылось волдырями.

Мальчик отчётливо видел жёлтую бабочку, севшую ей на голову. На зелёной ленте жёлтую бабочку было видно издалека. Девочка, похоже, не заметила этого, или ей было лень поднимать руку, уставшую чесать колено? Не поймёшь этих девчонок. Они наполнены тайной от кончиков пальцев на ногах и до пробора в волосах.

Мальчик сидел в гуще кроны дерева. Это было очень высоко. Если он нечаянно чихнёт, девочка, конечно, его услышит. И непременно покажет ему кулак.

Мальчик сорвал с самой верхушки розовое яблоко, не тронутое червями. С хрустом откусил.

Девочка внизу даже не шелохнулась. Никак она стоя спит и уже видит десятый сон?

Яблоко было сочным. Сорвав ещё одно яблоко, мальчик бросил его под ноги девочке. Оно с глухим стуком упало на траву и подкатилось к пятке девочки. Девочка тоже с хрустом надкусила яблоко. Мальчик услышал её ровное дыхание.

— Будь здоров!..

И девочка пошла в сторону зарослей вишни, рассекая ногами густую траву. Жёлтая бабочка, сидевшая у неё на волосах, уже давно улетела...

Они живут по соседству. Иногда их коза засовывает голову в дыру, проделанную в ограде, и нарушает границу. Козе нет дела до запретов. Если есть, что можно сжевать, она сразу приметит. Один рог у неё уже сломан. Наверно, тоже нарушила какую-нибудь границу. Но коза-то ладно. А вот девочка... Такая упрямая, такая упёртая, совершенно невозможно найти с ней общий язык. Мальчику она нравится давно, но... Только и знает, что твердить «будь здоров», да «будь здоров». Может, она вообще не знает слова «здравствуй»? Откуда в ней эта суровость? И отец у неё вроде человек добрый. Поймав мальчишек, залезших к нему в огород за огурцами, он обычно отпускает со смехом. Не сажает воришек на крапиву, как другой сосед, Раббани абзый. И мама у девочки сияет, как майское солнце. С птицей да скотиной, собакой и кошкой разговаривает ласково. А девчонка почему-то злая. Она считает, что девочки должны быть такими. Иначе с ними не будут считаться.

Мальчик готов заботиться о ней. Но девочка этого не понимает. Иногда грубит: «Меня тошнит от тебя!».

Как-то они вместе спустились к реке.

— Вон там есть омут, в нём живёт водяная, — сказал мальчик, указав на середину реки. — Я запросто могу доплыть до того берега.

— Ну, давай, — сказала девочка равнодушно. — Если водяная схватит тебя за ногу, позовёшь меня.

Дороги назад теперь не было. Зажав в руке свёрнутую одежду, мальчик вошёл в воду... и поплыл. Только бы не устать на самом глубоком месте, думал он.

На самой середине реки руку с поднятой вверх одеждой вдруг что-то потянуло вниз. Он забил ногами и почувствовал, что пальцы коснулись чего-то твёрдого. Запаниковав, мальчик окунул одежду в воду. Потом резко обернулся назад. И на расстоянии вытянутой руки увидел девочку. Она расхохоталась:

— Пламенный привет от водяной!

От удивления у него волосы на голове стали дыбом: он никогда не видел, чтобы девочка плавала. До сих пор лучшим пловцом в деревне он считал себя. Вот тебе раз! Вот это открытие!

— Решила тебя проводить, чтобы ты не утонул, — язвительно сказала девочка, выплёвывая изо рта зеленоватую воду.

Они выбрались на берег.

— Будь здоров! — по обыкновению сказала девочка и, оправляя прилипшее к телу платье со стекающими с подола каплями, скрылась в зарослях.

Мальчик сначала разложил рубашку и брюки на кочки. Потом подумал и развесил одежду на ветках кустарника.

Вот так... Мальчик старается не выпускать девочку из поля зрения, а она... словно стараясь разозлить его, нацепила на свои длинные, как у журавля, ноги, веночки из цветов и шагает по направлению к мосту...

Луг примыкает к огородам, где растёт картошка. Отец сегодня поручил ему работать наверху стога. Отец вилами подавал снизу охапки сена, а мальчик укладывал его ровными слоями себе под ноги и даже не заметил, как добрался до облаков. Наверно, если немного потянуться, то можно погладить облака, мягко касающиеся его щёк.

— Накроешь от дождя, — сказал отец и протянул привязанную к длинной жерди плёнку. — Сено будет сухим.

Накрыв верхушку стога плёнкой, мальчик скрепил между собой верёвкой три жерди. Затем опустил их по трём сторонам стога. И уже лёг на край, собираясь съехать вниз, но тут увидел девочку, её белозубую улыбку и привстал на колени.

Взобравшись на телегу, стоявшую возле стога, девочка ухватила за жердь:

— Держи крепче! Чтобы не съехала! — крикнула она и с проворством белки вскарабкалась на верхушку стога.

Отец мальчика, увидев их вместе, помахал им издали рукой.

— Добралась, посмотрела, теперь пошли!

Девочка скользнула вниз.

Мальчик скатился за ней.

Запрягли лошадь. Отец мальчика сел впереди. Тряхнул вожжами и тронул лошадь: — Но-о, животинка!

Мальчик с девочкой сидели на краю телеги, свесив ноги, и молчали.

Когда добрались до ворот, девочка улыбнулась: — Будь здоров! — надела тапки и спрыгнула с телеги на траву.

Где появлялся он, там появлялась и девочка. Наверно, эти встречи не были случайными. И в этих частых совпадениях была какая-то тайна...

Они встретились снова у родника. Мальчик сегодня работал подпаском, сторожил стадо. Захотев напиться воды, он пробрался через заросли ивы к роднику. Набрал в бутылку воды и уже собирался уходить, когда вдруг увидел девочку, спускающуюся к источнику с узорчатым коромыслом на плечах. Она была сегодня в синем платье, вышитом фартучке и с голубым калфаком на голове. «Что за театр? Мир перевернулся?»

— Ты что молчишь? Из Казани приехала старшая сестра. Она привезла это. Подарок мне на день рождения. Красиво, правда? — Девочка покружилась на месте. Подол её платья приподнялся и затрепетал нежной волной. — Кто меня на улице видел, всем понравилось.

— Ты теперь прямо настоящая татарская девочка. Вечером в клуб так и иди, ладно?

Оставив на краю тропинки вышитые тапочки, девочка подошла к роднику. Вода с шумом заполнила вёдра. Подняв коромысло на плечи, девочка вышла на тропу и вдруг покачнулась, поскользнувшись на выплеснувшейся из вёдер воде, ойкнула. Затем опустила вёдра на землю, сняла коромысло с плеч и присела на траву. Зажала рукой ступню. Между пальцев показалось что-то красное. Девочка порезала ногу.

Мальчик подбежал к ней и горстями начал лить воду на рану.

— Ты сглазил...

— Больно?

— Сначала не бывает больно. Потом начнёт болеть.

— У меня уже все ступни в шрамах. Не надо было снимать тапочки.

— Не хотела их пачкать. Это же подарок.

— Теперь надо подождать, пока кровь свернётся.

— Вместе подождём. Небось, твои коровы не сбегут.

— Они в эту жару в тени лежат. Возле ивняка. Вытяни ногу, чтобы грязь не попала.

Мальчик снова промыл ключевой водой кровоточащую рану, накрыл её листом подорожника и перевязал носовым платком.

— Как-нибудь доковыляешь.

Девочка встала. Мальчик тоже поднялся.

— Я платье не испачкала?

— Вроде чистое. А, погоди... вот здесь трава прицепилась.

— Убери...

Девочка погладила выцветшие на солнце короткие волосы мальчика.

— Не болит?

— Нет. Только немного зудит.

Девочка надела тапочки. Прихрамывая на одну ногу, подошла к роднику. Снова наполнила вёдра водой. Нацепила вёдра на коромысло.

— Спасибо! Будь здоров!

Неторопливо шагая между ив, девочка вышла на луг, где дремало стадо.

Отыскав в траве блестящий зелёный осколок стекла, мальчик сунул его под камень.

Её прощальные слова «Будь здоров» теперь слышались ему как светлое эхо: «Никогда не болей. Будь здоров, пожалуйста!».

И мальчик тоже крикнул ей вдогонку: — Будь здорова и ты!

Девочка то ли слышала его, то ли нет, её голубой калфак мелькнул и исчез в гуще ив, разросшихся по берегу реки.

Переводы Гаухар Хасановой

* * *

Скажешь: «Твой не роскошен шатёр»,
Но вокруг, дорогая, бескрайний простор –
Посмотри, как сверкают на небе алмазы,
И тюльпаны расшили чудесный ковёр.

* * *

Вольным радостным ветром
над степью промчусь.
Надо мной посмеются опять – ну и пусть!
Но с охапкой цветов и стихов для любимой
На закате к порогу её возвращусь.

* * *

Отчего ты грустна, недотрога-луна,
Отчего ты бываешь тонка и бледна?
Одиноко плывёшь
среди звёзд во Вселенной
И безмолвною тайною окружена.

* * *

Словно клин журавлей, пролетают года,
И неспешны дела, и седа борода...
Но промчит на горячем коне юный всадник –
Быстрым взглядом его догоняю всегда.

* * *

Эх, взлететь и парить бы орлом в вышине!
Или мчаться по степи на горячем коне...
Удаётся лишь мысли пришпорить, однако,
И слагать в рубаи все желания мне.

* * *

Как весёлый ручей, начинается жизнь.
Юность горной рекой мчится –
только держись!
Словно море, волнуется-плещется зрелость,
Но куда катят старости волны – скажи?

* * *

Из-за тучки в ночи выплыл серп молодой,
Смотрит в зеркало речки, любуюсь собой.
Не вздыхайте напрасно, красавицы-звёзды,
Не достанется этот гордец ни одной.

* * *

Ах, как эта луна и нежна, и полна!
С самаркандскою дыней сравнится она.
Приходи же скорее ко мне, дорогая,
Лунный ломтик подам тебе с кубком вина.

* * *

Как прекрасен цветок, что раскрылся опять!
Сладок вызревший плод – как его не сорвать?!
Кружит терпким вином танец листьев осенних...
Но зачем же зима так спешит нас обнять?..

КРЕСТНЫЙ ХОД

ВЛАДИМИР СОКОЛОВ

ДЛЯ ЧЕГО Я ХОЖУ НА РЕКУ ВЕЛИКУЮ

Велико почитание святителя Николая Мирликийского в христианском мире. Церковное предание бережно хранит память о явлении его чудотворного образа на берегу реки Великой, случившееся по преданию в 1383 году. С начала XV века стал известен и крестный ход к этому образу...

В первые годы Советской власти традиция крестного хода неуклонно сохранялась. В 1935 году после сноса кафедрального собора в Вятке, где хранилась чудотворная икона, крестный ход прекратился в связи с утратой иконы. Но несмотря на запрет паломничество верующих к месту обретения образа продолжалось. В 1959 году было опубликовано официальное запрещение паломничества к реке Великой. Оно не возымело действия. В 1989 году запрет был отменён. Крестный ход начал совершаться от ближайшего села Чудиново (10 километров). С 1993 года крестный ход пошёл по историческому маршруту: от Свято-Успенского собора г. Кирова до села Великорецкого и реки Великой. Туда и обратно — 150 километров. В XXI веке число крестоходцев возрастает из года в год. В 2015 году, например, оно составило 90 000 человек.

* * *

Сколько радости может быть в жизни? Как её измерить? Не деньгами же? Хорошо, когда они есть, когда можно тратить их на добрые дела, помогать людям, но радости деньги не приносят. Радость — это радость, когда свет солнечный льётся в душу. «Радости моей нет предела», — говорил один из подвижников православной веры в тридцатые годы двадцатого века, находясь в товарном вагоне среди заключённых. Не каждому дано понять, как в таких условиях можно чему-то радоваться. А он радовался. Свет был в его душе. И моя радость всегда со мной, её не отнять от моей души, как не отнять счастье. А счастье — это соучастье. Кто его отнимет?

Человек соучастен многому. Работе, семье — уже немало. Но русский человек соучастен и жизни России. Особая страница этой жизни — самый многолюдный

Публикуется в сокращении

православный форум (так сказали бы своим языком политики) — Великорецкий крестный ход. Этому событию более шестисот лет.

Я рад уже тому, что оказался на вятской земле, среди прекрасных людей. Я рад тому, что крестный ход свёл меня и прекрасной писательской братией, среди которой жизнь ощущается по-особому.

Отчётливо запомнился эпизод, когда шли мы вдвоём с Анатолием Григорьевичем Гребневым, отстав от остальной компании, в наше любимое Горохово.

— Володя, ты, говорят, тоже пишешь стихи? — спросил меня Анатолий.

— Как пишешь ты, мне никогда не написать.

— Лишь бы душа была жива, — ответил Анатолий Григорьевич.

Вот эти его слова и затронули душу, стали девизом и смыслом существования. Душа жива, пока творит. И не умирает вовсе. Поэтов смерть не касается. Стихи ушедшего из этой временной жизни поэта продолжают волновать души людей.

Великая радость — само общение с теми, кто вместе с тобой совершает крестный ход. Об этом говорю не только я. Владимир Николаевич Крупин написал прекрасную повесть «Неделя в раю», в которой рассказал о нашей компании. Каждая неделя нашего общения была по-настоящему райской жизнью на вятской земле.

Вспоминаю, как сидели мы, два Владимира Николаевича, в избушке в Горохово и разговаривали:

— Вот она, полнота счастья, — сказал я, уставший физически после работы, но полный радости от общения с близкими по духу людьми. — Ничего, кажется, больше в жизни не надо — только сидеть в святом месте, любоваться, как потрескивают в печи поленья и разговаривать о том, что близко.

— Да, Володечка, это здорово, за три дня я ни от кого дурного слова не слышал. Три дня настоящего мужского братства, а потом святое дело, после которого вливаемся в Великорецкий крестный ход. Только вот остатки жизни здесь мы провести не сможем, это будет непозволительной роскошью.

Нельзя оставить семью, своих близких.

Однако именно в духовном пути мы получали необходимый заряд жизненных сил для дальнейшего. И этого заряда хватало на год — до следующего крестного хода.

И вот, прочитав «Неделю в раю», я не удержался и взялся за свои старые записи о том, ради чего я хожу на Великую.

* * *

Я — не вятский родом. Нижегородский. Но, когда приезжаю на родину, собеседники поговору моему сразу узнают: «Ты, наверно, из Вятки». Однако выражение «Свой среди чужих, чужой среди своих» для меня не подходит. С 1980 года я прижился в Вятке, сроднился с этой землёй, с её добрыми людьми.

Уникальным открытием для меня была книга «Вятская тетрадь» В. Н. Крупина. Сколько продолжений поговорки «Вятский — мужик хватский» привёл там Владимир Николаевич! В таких продолжениях, как, например, «На полу сидим и не падаем», столько здорового самоуничижения, сколько у других народов встретить невозможно. Вспоминаю, как был свидетелем одного подобного выражения. В полностью набитом людьми автобусе, следующем из Барашева в Теньгушево, близ Санаксарского монастыря, разговаривали два мужика:

— Эх ты, глупый мордвин, уж я-то глупый мордвин, а ты уж совсем, видать, глупый мордвин.

Только здоровый народ способен отпускать в свой адрес подобные шутки!

Не будучи вятским по рождению, долго не знал я о Великоорецком крестном ходе, но слышал поговорку: «Никола уходит по холоду, а приходит по теплу». Так говорили в начале июня. В конце 80-х годов в наш город приехал священник отец Николай. С его приездом начала свою деятельность Православная церковь. В моём тогдашнем понимании именно он и стал организатором и главным участником крестного хода. Но что это такое, для чего, по какому случаю — я и ведать не ведал. Хотя к вере православной мало-помалу приходил. Евангелие купил в Киево-Печерской лавре ещё в 1989 году. Всё это — как бы прелюдия воцерковления.

Я всегда тянулся к писательской среде, как и к самому писательству. И вот в 1996 году на встрече с писателями журнала «Наш современник» познакомился с Крупиным.

Он тогда начал свою речь с христианского обращения «братья и сестры». И далее сказал: «У нас на вятской земле есть такое событие — Великоорецкий крестный ход. Как только ход этот заканчивается, не успеешь расстаться со всеми друзьями, так уже начинаешь ждать, когда же следующий крестный ход».

Не могло не затронуть меня это выражение. Я осмелился написать ему какую-то записку, по окончании встречи подошёл к нему, мы поговорили. С тех пор и начал я собираться на крестный ход. К этому по какой-то необъяснимой причине захотелось стремиться.

* * *

В Серафимовской церкви, где собирались паломники, никого уже не было. Купил пирожков на дорогу, бутылку воды загрузил в тот же пакетик, сел в автобус и поехал догонять крестный ход. А когда пришёл на территорию Троицкого храма, у меня был шок. Все люди, как люди: с рюкзаками, сумками, иконами Николая-чудотворца на

груди. Будто в другой мир попал. И только я, «белая ворона», словно на прогулку вышел. Но не я один был такой. Помню Андрея. Он так сказал о случившемся: «Вышел я на балкон, увидел, как люди идут, сердце возрадовалось, я вышел из дома и тоже пошёл». Мы шли налегке, ночевали вместе в Бобино, в клубе.

Но идти налегке было всё-таки стыдно. Выглядишь, как прокажённый. Присмотрел одну девочку, Сашу из Слободского. Ей было лет 10–12. Рюкзак своими размерами едва ли не превосходил саму Сашу. Порой помогал ей нести рюкзак.

А на второй день встретил Зою — женщину лет семидесяти, которая шла с внучкой Олей. Зоя несла рюкзак и две сумки наперевес, рядом шестилетняя девочка, чей небольшой рюкзак отбирал у неё силы, запас которых небезграничен.

Мало кто из участников крестного хода возлагает на других свои вещи. Каждый сам несёт свой крест. Но Зоя взяла на себя чрезмерно, а Оле и без рюкзака пройти весь путь было подвигом. Шли дальше вместе: Зоя меня прикармливала (продуктов они взяли много, а в сильную жару могло всё испортиться), пристраивала меня на ночлег в Монастырском и Великорецком. Я же нёс её рюкзак. А перед Гороховым, когда «сильно схватило спину» у одной из наших чепецких прихожанок, я взял на себя и её рюкзак. К Горохову подходил с чистой совестью и с двумя рюкзаками: одним — как положено, сзади, а другим — спереди. Так идти удобнее, ровно стоишь, ни в какую сторону не перевешиваешься.

Сделаю необходимое отступление. Когда я вернулся на работу и рассказал, что ходил на Великую, начальник посмотрел на меня заинтересованным взглядом: «И чё там было?» Не знал я, как ответить на такой вопрос. Какой-то он неуместный. Помню, как моя жена подобным образом спрашивала своего начальника, что тот чувствовал, когда стоял на вершине Эльбруса. Я, побывавший в горах, знал, что такой вопрос звучит нелепо. Главное — как идти, как дойти, а не как «гордо что-то ощущать на вершине». Так и на крестном ходу.

Нельзя же измерить, какого духовного здоровья набираешься, когда стоишь в луже и помогаешь женщинам перейти эту водную преграду по наспех сделанной из брёвен переправе. И каждая из них скажет тебе: «Спаси, Господи!». И от этих слов ты уже, будто в раю. Ответишь только: «Во славу Божию».

Когда шёл — всё-таки посматривал по сторонам: а где же Крупин? Нашёл внешне похожего не него мужчину. Его звали Геннадием. О чём-то с ним говорили, темы общие здесь быстро находятся, ход сродняет людей.

Но Крупина встретил уже в Горохово. Беспокоить не стал, перекинулись парой слов и всё. Но отметил, что и другие общие знакомые у нас есть.

Чем ещё памятен мой первый крестный ход? На одном из переходов нечаянно сбились с пути. Ушли не в ту сторону. Долго стояли в лесу. А весна была поздняя, поэтому топи в лесу были непроходимы. Одно благо — комары ещё не проснулись. Крестоходцев было немногим более тысячи. Никто и не думал роптать. Нам пришлось вернуться назад, найти по карте дорогу, чтобы дальше идти по ней. Появлялись и больные: кому-то — с сердцем плохо, у кого-то — другие проблемы. А решал все проблемы о. Тихон. Всегда спокойный, с тихим голосом. Ему Сам Господь помогал. И духовно это было заметно. Без Божьей помощи крестный ход не пройти. Если необходимо — носилки сделают для тех, кто идти не может. И вещи нести помогут. Помогать каждый рад. К Монастырскому подходили с радостными возгласами «Слава Богу». Шёл первый час ночи.

Ну, а когда подходили к Великорецкому, пролил сильный ливень. Каждый промок до нитки, но идти надо. Мокрые джинсы стоят колом на ногах. Ноги истёр на все сто процентов. Каждый шаг порождал боль. Но — ноги болят, а душа светится.

* * *

Во второй год пошёл уже не один. С Михаилом Лаптевым. Первый мой рюкзак, в простонародье называемый «смерть туриста» был старенький, совсем не вместительный. Пришлось взять с собой сумку. Но по дороге ремень у сумки оборвался, а нести её в руках неудобно. Михаил быстро поправил мою беду. Достал из своей сумки шило, проволоку, сделал отверстие в ремне, прикрутил проволокой ремень к кольцу, после чего пассатижами откусил проволоку. И нет проблем. Пассатижи, шило, проволоку с той поры я ношу с собой. В память о Михаиле. На 2001 год он планировал распределить между нами общую поклажу, палатку взять планировали. Но Господь устроил иначе. Полагаю, душа Михаила с нами летает. Ушёл он под самое новое тысячелетие.

Хорошо запомнились обе ночёвки, проведённые с Михаилом в Великорецком. Первый раз нам хватило места в том самом доме, где у Крупина была арендована комната. Помню, какое яркое впечатление произвёл на нас рассказ Петра, выпускника-детдомовца о своей жизни. Последетдомовскими его годами оказались «лихие девяностые». Пытался Пётр устроить свою жизнь в одном из колхозов, но кроме беспробудного пьянства и отсутствия заработка ничего в той деревне не оказалось. Вышел Пётр из дома, перекрестился на все четыре стороны, помолился Николаю Угоднику и пошёл «смотреть, как люди живут». Обошёл он пешком всю Кировскую область с севера на юг. Ночевал в стогах, ходил по церквям. Денег у Петра никогда не было. Но встречались Петру добрые люди. Два священника купили для него дом в одном из районных центров. Пётр стал работать в церкви истопником, а так же звонарём. «Посылает меня батюшка в магазин, и говорит: «Сдачу не возвращай, себе чего-нибудь купи». Я так и сыт бывал, а, когда пришло время получать зарплату, батюшка спрашивал: «Сколько денег дать тебе, Пётр?». Я отвечаю: «Ну, давайте рублей десять», а батюшка смеётся: «Как же тебя научить деньги за работу брать?», а я понять не могу, зачем они мне нужны?

Этот рассказ молодого человека слушали мы с братьями-крестоходцами в полной тишине. Не понять нас, православных людей, «цивилизованной Европе»!!

Без Михаила пришлось мне самому пассатижи, шило и проволоку носить, а потом к ним и печка прибавилась. Приятно делать добро. На мою печку и другие крестоходцы могли свои кружки поставить. И опять слышишь: «Спаси, Господи». И опять радостью истинной душа наполняется. Слава Богу! Есть силы — ношу печку. А Крупин шутит: «На следующий год холодильник бери». (Можно, конечно, было купить сумку-холодильник, но с крестным ходом это не совместимо. Роскошь. Перебор).

Видимо, не только печка моя приглянулась Владимиру Николаевичу. На каждом привале находились общие темы для разговоров. Сработал тот самый закон, который справедлив как в химии, так и в области человеческих отношений. Подобное растворяется в подобном. Вот и я растворился в разношёрстной гороховской компании. Той самой, что описана у Крупина в «Неделе в раю». Растворился с радостью и без остатка. Сроднил нас крестный ход...

Уже и неважно, какой это был год. Ночевали в Мурыгино. После сорока километров нелёгкого, но радостного пути нас встретили в цивилизованной трёхкомнатной квартире. Гостеприимные хозяева показали, где можно помыться, на кухне для нас готов был ужин. И Саша Блинов, безобидный мужчина, понял предложение помыться дословно. Он мылся в ванной около двадцати минут. Однако, не все рядом были такие же безропотные. Но пришлось всем терпеть, а я обратил случившееся в шутиливое стихотворение:

*В Мурыгино встретили крестный ход.
В сиянии белом нас ванная ждёт.
Сразу растаяло сердце у Саши.
В течение получаса братия наша
Пыталась извлечь Александра из ванной:
Ну, дай же отмыться и нам, окаянным.*

Смеялись все. Саша Блинов тоже рифмовать начал.

Ещё помнится, как на пути из Медян в Мурыгино встретилось нам стадо животных: коровы, козы, овцы. Коровы посмотрели на крестный ход, сказали своё «Му...у...у»; а козы с козлами вообще чуть не выматерились, презрительно бляя. И только овцы, увидев крестный ход, дружно встали под хоругви и иконы. Не было никакой возможности выпроводить их из крестного хода. Пришлось ходу останавливаться. Подумалось: овцы православным — родня!

И вот на выходе из Медянского бора сидит на привале вся наша гороховская бригада: Лёня, Володя, Антонина, Саша Блинов, Нина Аркадьевна. В эту компанию меня пригласил Владимир Николаевич. Он много прекрасных слов написал об этих людях. Но я же — поросёнок. «Знаешь», — ответил я ему, — меня Лёня ещё в прошлом году приглашал, но позвонила Татьяна, и я пошёл с ней». Поэтому ответил: «Как Бог даст». Этому правильному ответу меня научила Нина Аркадьевна, наша матушка-игуменя, как называл её уважительно Владимир Николаевич. Без Нины Аркадьевны и крестного хода не бывает, настолько гармонично она с ним слилась. Ныне, повзрослев до возраста и статуса бабушки и пенсионера, я говорю, отдавая себе отчёт: «Слава Богу! И нас не будет, а крестный ход — будет. А значит — будет жить и Россия».

Громкие слова? Но можно проще сказать, 91 км в одну сторону и 70 км обратно — с молитвами среди большого количества людей, становящихся родными. Конечно, лучше всех сказал об этом в своих стихах Анатолий Гребнев:

*Зачем иду я, просветлённый,
Среди большой толпы людской,
И за Крестом и за иконой —
С любовью, верой и тоской?
Зачем я вглядываюсь в лица,
Как будто в них хочу узнать
Родного брата, иль сестрицу,
Иль похороненную мать?
Зачем я слушаю молитвы
И подпевать стараюсь им,
И чувствую, что все мы слиты
Единым сердцем — вместе с Ним?
А ночью лес в цветущих кустах
На откуп отдан соловьям.*

*И голубой июня купол
Объял природы светлый храм.
И пусть заброшенный просёлок
Таит церковью немую сень.
Полуразрушенные сёла
И боль забытых деревень;
Смотри на Крест, шагай за другом,
Среди людей своих дыша —
Преображается округа
И возрождается душа.
И вечно будет жить Россия,
Когда с Крестом из года в год
Идёт, идёт в места святые
Великоречный крестный ход.*

О смысле крестного хода задумывается каждый идущий. Анатолий фанатом веры никогда не был и не будет. Православие исключает фанатизм. Толя и молитвенником себя не считает, хотя только Бог знает, кто из нас какой молитвенник. Истинно — и округа преобразается, и душа возрождается во время крестного хода. Красно-

ты такой нигде больше не встретишь: встанешь на местечко повыше и любишься, как по великим русским просторам течёт бесконечная разноцветная людская река. И все — православные, и все — едины, именно едины с Ним, с Богом, со Христом. Слиты. Единым сердцем. И ликует душа. А дышится среди своих людей действительно по-особому, чувствуешь себя, как рыба в воде.

Крупин говорит: «Мужики, я проехал всю землю; нет нигде настоящей жизни кроме России». Во время крестного хода чувствуется особенно, что все мы братья и сестры. А это и есть русская жизнь! Даже люди невоцерковлённые соглашаются: это наше, русское, родное. Леонид, в прошлом мой коллега, с которым меня связывали и горы, сторонился разговоров о православии. Но погрузившись в эту стихию, он уже не может без неё, как не может пресноводная рыба жить в солёной воде. Здесь даже кустик на дороге — свой! Чудеса, как говорит Крупин, совершаются во время крестного хода. Приходишь домой, ноги болят. Рюкзак снимешь с плеч, а всё равно ощущаешь его за плечами. Тело устало, а душа поёт. Она готова к любым испытаниям. И, буквально, через день она ободряет всё тело.

В какой год — не помню, но помню место — в пути от Рублёнок до Загарья и сам я написал стихотворение. Поэты, не судите строго! Здесь тоже ответ — зачем я хожу на реку Великую.

*Люди идут куда-то,
Словно река течёт,
Будто они — солдаты,
Будто война идёт.
Вместо ружья — молитва,
Хоругви несут впереди.
Это — с грехами битва,
Битва на всём пути.
Двадцать часов в сутки
Люди идут вперёд.
В редкие промежутки
Кто-то из них отдохнёт.
Где-то акафист читают,
Где-то молитвы поют.
Духом Святым питают
Сердца свои люди тут.*

*Что же за сила такая
Их заставляет идти? —
Духа Святаго стяжают
Люди на крестном пути...
Чудо явилось великое
В Вятской глухой стороне:
Образ Николы свяителя
В лесу обрётён, на горе...
Люди идут, стараются
Долгие вёрсты пути.
Вера в сердцах утверждается:
С нами Христос — впереди!
С Ним этот путь по силам.
Он укрепляет народ.
И будет стоять Россия
Многая лета вперёд!*

Батюшка отец Геннадий (Кочуров) (в монашестве — о. Матфей) начинал водить крестный ход с 90-х годов. Он ещё сильнее сказал: «Когда крестный ход идёт — силы адавы содрогаются».

* * *

Пришло время рассказать о Гороховском чуде, той самой неделе в раю, как справедливо назвал её Владимир Николаевич Крупин.

Горохово — из числа «неперспективных поселений», сознательно уничтоженных перед началом перестройки. На момент официального разрешения Великоорецкого крестного хода властями, там оставался лишь полуразрушенный храм, на куполе которого росли берёзы, и святой источник, ожидавший возвращения людей. Действующим оставалось только кладбище, на котором хоронили жителей оставшихся

в округе деревень. Тут уместно привести евангельские строки, описывающие конец света: «Мерзость и запустение в святых местах».

У отца Геннадия Кочурова, предстоятеля Великоорецкого крестного хода в те времена и появилась мысль о том, что пора остановить запустение. Крестоходцы откликнулись: вынесли удобрения, брошенные некогда в приспособленном для их хранения храме и навсегда забытые людьми, а Владимир Николаевич взял благословение приехать со своими близкими по духу крестоходцами на день раньше крестного хода, чтобы к его появлению в Горохово по возможности обустроить источник, начать наводить порядок в храме. Так и сформировалась наша гороховская бригада. Позднее получил благословение на восстановление храма послушник Андрей, широко известный в узких кругах, как Андрей Гороховский.

В это необитаемое Горохово, словно в духовный санаторий, я и отправился в самый, пожалуй, сложный мой год. Как обычно, перед крестным ходом наваливается множество проблем. На работе — как всегда «перегруз». Дома, в семье — тоже неординарно. Родилась внучка, и перед крестным ходом моя дочь лежала с ней в больнице. Уходить от больного ребёнка неправильно, хоть и молиться иду. Но вот выяснилось, что диагноз у внучки не страшный, их из больницы выписали долечиваться домой, моя помощь уже не нужна — только мешаться буду. У меня вечер на сборы.

Проснувшись в четыре утра, к девяти я добрался до Монастырского, пополнил свой и без того тяжёлый рюкзак, и — пешком пятнадцать километров до Горохова. К вечеру аккумулятор моей души зарядился полностью. Почему? Каким образом? Обыкновенное чудо. Чудо Гороховское.

Говорят, что всё гениальное просто. А чудо — оно ещё проще. Тот, кто бывал в этих прекрасных местах, знает, куда сразу следует идти. На святой источник Казанской иконы Божьей Матери. На источнике — никого. Можно прикинуть к святой воде, искупаться в купели. Потом — в одинокий домик. А там уже ждут. И сразу вскипает

радость! Слышу возглас Лёни: «Володя-супермаркет!» (пристали ко мне эти слова, наша компания считала, что у меня всё есть, если с собой ношу пассатижи). Владимир Николаевич Крупин сразу наложил мне штрафную тарелку каши.

Накормили — и за работу. В гороховской бригаде бездельничать не принято: Лёня, Саша Чирков под диктаторством Андрея поднимали доски на «верх храма», а мне с Сашей Блиновым, Володей Крупиным и Толей Гребневым досталось послушание носить воду из источника к храму в котлы. В тот год первый раз в Горохове варили кашу и готовили кипяток.

Толя Гребнев тут же выдал экспромт:

*Под диктаторством Андрея
Всё бодрее и мудрее
Воду на горунося
Чуть я не обкакался,*

А Крупин, жалея меня, скажет: «Володь, да носи ты по полведра, а то выдохнешься», на что я отвечал: «Знаешь, Володя, я — лентяй, мне лень ноги дважды представлять, легче за раз принести». И тут же в ответ Крупин выдаёт три анекдота про лентяев. И всё — по ходу дела.

Да, физически работали так, как вряд ли когда в другой обстановке. Но какова сторона эмоциональная! Радость общения с людьми, по которым не просто соскучился, а духовно изголодался.

И вот настало время подъёма на купол гороховского храма временного креста. Крест поднимали с молитвами. Какая благодать! Вспоминая об этом, жалею только, что нет фотографий. А ведь кто-то снимал. Крест подносили мы с Володей, затем фотографировались с крестом, а кто фотографировал — не помню.

Крепил же крест на куполе — на семи ветрах — православный альпинист Борис Борисов, нанятый отцом Андреем. Андрей же, получивший благословение митрополита на восстановление храма, оказался и по характеру бригадир — «бугор».

Состав гороховской бригады год от года меняется, а дух остаётся. Подобное растворяется в подобном. И это подобное начинает расти. И ощущая это можно созерцать:

О, как же дивно, как же тонко
Горит в Горохове вагонка,
подбрасывая в костёр ненужные для строительства обрезки.

А ночи перед засыпанием! Говорит о чём-то Крупин и все его жадно слушают. Но вот Володя замолчал, заговорил Саша и оказывается, в его словах мудрости не меньше. Борис тоже на высоте. И меня почему-то слушают. Потому что все на одной волне, на одном языке. Разве могут близкие люди в чём-то не понять друг друга?

Что бы ни делали мы в Горохово: кашу варили, воду носили, источник или купели облагораживали — душа жила, радовалась и всё более и более наполнялась какими-то необычными силами...

* * *

Разумеется, когда и нас не будет, крестный ход пойдёт теми же путями. Что-то, конечно, меняется в людях. Нет Маргаритушки, о которой здорово написал Крупин. Таких молитвенниц сыскать было не просто во все времена. А на Вятке она была и в наше время! Люди продолжают молиться. Но наблюдается упрощение, облегчение. Дороги

благоустривают. Медянский бор не узнать: нет непроходимых луж, всё песком посыпано. А по мне, по лужам идти — благодати больше. Но видно, что с омоложением крестного хода дух его не прекращается. Не превращается ход в турпоход. Молитвы слышны, слава Богу! Сойти Крёстному ходу на нет, Господь не попустит.

Молитвы о родных и близких естественны. Но бывает, когда кто-либо просит помолиться во время крестного хода о нём. Молитва крестоходская — особенную силу имеет. Помню Крупин проводил нас до Макарья, а дальше не пошёл. Но на следующий день звонит: «Братья, помолитесь за меня, я сегодня в Госдуме выступать буду». И возносились наши молитвы о нём и о его слушателях. Мне не ведомо, достигли ли они Престола Божьего, но ведомо, что Владимир Николаевич перезвонил и сказал: «Слава Богу, всё хорошо прошло». И ещё помнятся его слова: «Мужики, как здорово, что у нас есть Православие. Встаёшь на молитву, начинаешь поминать Анатолия, Анатолия, Александра, Александра, Леонида, Бориса, Владимира..., и ни за что не сойдёшься, знаешь, что кто-то из вас и меня поминает». Вот оно, братство!

Когда-то я попросил у Господа: «Ничего мне больше не надо в этой жизни, лишь бы 33 раза сходить на Великую». И остаюсь при том же мнении. Всё остальное необходимое приложится. Вспоминаю, как и Крупин когда-то отказался ехать в Китай в составе правительственной делегации. «Китай сам к нам придёт, крестный ход — важнее». Ходишь на Великую — душа живёт, радуется истинной радостью.

Вначале я считал, что именно здесь собирается цвет русской нации. Не отрицаю этого и сейчас. Кто с нами ходит? Известный писатель Владимир Крупин, русский поэт, психиатр Анатолий Гребнев, преподаватель философии Наталья Злыгостева, кинорежиссёр Марина Дахмацкая, поэты Николай Пересторонин, Алексей Смоленцев? А простые наши мужики: плотник Лёня Ермолин, мастер по лифтам Саша Блинов, монтажник, сварщик Саша Чирков чем хуже? Здесь всё проще. У многих, кто прикасается к этому чуду — зацветает душа. Вот и получается цвет нации. Все здесь — простые люди, все — свои. И дышать среди своих людей — радость великая. Истинно великое на Великой.

* * *

Крёстный ход проявляет и характер человека. В каком году — уже не помню, стояли мы всю ночь в очереди за святой водой в Великорецком. Выстоять ночь в очереди, после того, как преодолен такой путь — непросто, поэтому мы менялись. И вот, после одной из наших смен, женщины, которые стояли рядом, не признали, что Саша Блинов здесь стоял. Его начали ругать. А, приняв его за священника, о чём свидетельствовала его борода, усилили многократно свою брань: «А ещё батюшка». А Саша в ответ: «Да какой я батюшка, правильно говорите, и не стоял я здесь, верно, стоять должен был, как пришёл, не уставая, и не ходил я, верно, говорила мне мама, что с малолетства ходить надо на Великую, а я не ходил, какой я батюшка, что вы, женщины, я просто бороду отрастил, людей честных в заблуждение ввожу». Гомон утих, некоторые заулыбались. С тех пор Сашу знают все, поскольку только он по-христиански трижды целуется с каждым. В Горохово Саша — главный украшитель Храма. Перед приходом туда крестного хода, он непременно нарвёт сирени, украсит ею храм и святой источник, как может это делать только он. Встречает крестный ход по-праздничному, в костюме.

Как правило, у Андрея Гороховского, который от Вятской епархии является ответственным за встречу в этом святом месте, перед приходом крестного хода наступает пик деятельности. Ему одновременно надо переделать тысячу дел. «Мужики, где у нас

мужики», — активно призывает Андрей. И тут он видит Сашу в костюмчике, с сиреню в руках и с благодатной улыбкой на устах. Саша уже приступил к последнему штриху в украшении храма, его уже не заставишь суетиться, бегать и делать то, что кажется Андрею необходимым. А мы с некоторых пор Сашу Блинова стали называть благодатным...

Ромка учился в школе вместе с Сашиным сыном. Дожив почти до тридцати лет, Ромка собрался на Великую. И, разумеется, не мог не вспомнить, что туда непременно ходит отец его одноклассника. Вскоре Блинов представил Ромку нашей компании. Оказавшись в Горохово Ромка будто попал на другую планету. Удивляло его всё. И степенная Нина Аркадьевна, с которой не забалуешь, и вся наша компания лесная, непонятная с первого взгляда. Сашу Чиркова, например, он, принял за русского купца.

Простотой своей Ромка оказался нам близок. Простота, пожалуй, та черта, которая свойственна каждому из нас. Недаром Владимир Николаевич Крупин вспоминает шуточное двустишие, адресованное ему Станиславом Куняевым:

*По бороде ты — Лев Толстой,
А по уму — мужик простой.*

Но жизнь показала, что каждый из нас имеет свою особинку. Другими словами, не так уж ты и прост, русский человек! Вот и Ромка. Он безотказно помогал во всём, даже кашу возле костра раздавал без устали — народу-то уйма!

Но вот на ночлегах Ромка оказался не на высоте: мы всегда старались уступить лучшие места старшим, особенно, если с нами шёл Крупин. А вот Ромка поначалу выбрал себе место не на полу, а на кровати. Для нас это показалось странным, но промолчали. У нас же не армейская дедовщина.

А в один из последующих походов получился конфликт у меня с Ромкой: на привале он попросил меня, и не в очень тактичной форме, сходить за чаем. Идти-то было несколько шагов, но я решил, что вопрос принципиальный, что он помоложе — сам дойдёт. К нашему общему стыду за чаем сходила Ольга Бакина. Помню, вся бригада встала в этом, пожалуй, единственном в нашей компании инциденте, на мою сторону, а новый вождь, «царь Борис», прислал мне на телефон SMS: «Раба Божьего Романа перевести в оглашённые сроком на один год с неукоснительным исполнением хозяйственных обязанностей, а перед этим привести к покаянию, а коли нарушит сие повеление, гнать его в шею от земли гороховской». Суров у нас вождь, не забалуешь. Но за Рому вступился Саша Чирков. Сам Роман переживал случившееся — значит, понял. Понял и я, что он просто устаёт. А к усталому человеку следует быть снисходительным. Давно исчерпан тот конфликт. Мы снова вместе, причём не только в крестном ходу. С огромной радостью ездим вместе работать в Верходворье того же Юрьянского района, к Владимиру Крупину II, который является там церковным старостой. Ездим на Ромкиной машине и в Кильмезь, на Крупинские чтения. Его бывшая одноклассница, Катя удивляется: «Что вы с Ромкой сделали? Он отнюдь не отличался примерным поведением, а сейчас даже посты соблюдает». Но не в постах дело, пост — это один из методов достижения цели, хотя, и не последний. Главное — войти в православную культуру, обосноваться в ней. Способность к этому у Романа появляется и проявляется всё чаще. Без вопросов поехали мы с ним в Ижевск встречать Анатолия Гребнева вместо того, чтобы отдыхать в Кильмези, пообедать, посидеть на мероприятиях Крупинских чтений, а ведь за рулём не я был, а Ромка, и гнать ему пришлось дополнительные 380 километров. Да и в Верходворье ехать, чтобы поработать там — конкуренция: в машину не входят все желающие. Разве это — не чудо, когда бывший отпетый двоечник вдруг превращается в Романа

Сергеевича, которого узнают, принимают и на Крупинских чтениях, и во время крестного хода как своего.

Да Ромка — один из нас. Все мы равны! Деревянных дел мастер Лёня Ермолин, пожалуй — самый добрейшей из нас человек. Сколько у него талантов конструктора! Высшее образование у него внутри сидит. Образованней человека я не знаю. По его словам, путь в нашу артель он топором прорубал. Он — топором, я — печкой приглянулся, Саша Блинов — своей улыбкой, своей христианской сущностью. Саша Чирков, которого на работе прозвали «мякиш», потому что из-за мягкого характера не могли доверить бригадирство, несмотря на все его положительные стороны, в нашей компании — отнюдь не мякиш. За стол без молитвы не сядет, и нам не даст, поэтому мы привыкли к Сашиной молитве. Он для нас — старший. Нет, не по возрасту, просто старший, просто таким признали. Борис Борисов, тот самый православный альпинист, воздвигающий кресты на храмах — вождь признанный, но человек занятой, к нему особое уважение. Такие люди — на вес золота. Сергей Черепанов, который пришёл в нашу группу через Сашу Чиркова — из тех молодых людей, которых не надо воспитывать, как Ромку. Он, придя к нам, сразу стал своим. Идти с ним в крестном ходу — так естественно, как дышать. На каждом переходе читаем и поём мы с ним акафист святителю Николаю, читаем молитвы. И чувствуем ту необычайную радость, тот необычайный свет, что молитва приносит в наши души, согревая божественным теплом.

За пределами крестного хода не так уж часто мы встречаемся, но каждая наша встреча — праздник незабываемый. Или в Верходворье съездим, или в областной библиотеке встретимся на чѐм-нибудь творческом или юбилейном вечере. Праздник — это когда оживает душа и радуется встрече.

Что мы знаем о жизни друг друга? Да, почти ничего. Лёня, Саша Чирков — одинокие люди. Истории у каждого свои, но следует ли лезть в души, бороздить, царапать железом по стеклу. Сергей Черепанов — истинная опора своей семьи. И ему судьба приносит нелёгкие испытания. Роман вот стал отцом семейства. Женился, родился у них с супругой сын Степан. Семьянин он хороший. Если жена попросила его вернуться из-за неотложных дел раньше, мы с ним раньше и уехали из Кильмези, потому что ребёнок должен быть на первом месте. О себе скажу так. Мне святитель Николай в жизни так помог, что об одной только милости сейчас прошу Господа: успеть 33 раза сходить на Великую.

И надо ли копать в жизни друг друга? Поддержать друг друга — да, а остальное — по-необходимости. Главное — вера и её плоды. Главное — отношения, при которых знаешь, что не останешься без помощи ближнего, да и сам готов помочь.

* * *

Сил у человека должно быть столько, чтобы в любой момент ты смог прийти на помощь нуждающемуся. Я прекрасно помню ту радость, которую испытывал, помогая людям во славу Божью. Но с годами мы не молодеем, и вот уже мне помогают перейти лужи по брёвнышку и я говорю: «Спаси, Господи». Слава Богу! Идут на крестный ход молодые и более сильные! Есть кому передать эстафету великого дела спасения душ. Уважение к старшему и готовность помочь нуждающемуся здесь не воспитывается, а пишется на скрижалях сердца...

Вот уже второй год по разным житейским обстоятельствам не могут пойти со всеми наши завсегдатаи: Борис Борисов, Александр Чирков, Леонид Ермолин. В очередной раз мы пошли в крестный ход вдвоём с Сергеем. Ему сорок лет, столько же, сколько было и мне, когда я пошёл впервые. Сергей человек очень надёжный. Когда-то

я передал ему свой старый столитровый рюкзак, вместе с ним он перенял от меня привычку набивать этот рюкзак полностью. Сергей превосходил меня и по темпу хода, а если я от него отставал, то он всегда шёл с оглядкой. Своих не бросают!

Года три-четыре назад я сетовал на некоторое послабление: нет непроходимых луж, через которые надо укладывать брёвна и ветки. Песком засыпаны дороги через Медянский бор, да и вовсе крестный ход сменил маршрут, обходя этот сложный участок. Но знаю же: больше испытаний — больше благодати. Но вот на этот раз Господь услышал мои молитвы. На протяжении всего крестного хода дождь стоял стеной, через которую мы шли. И лужи возникали под ногами. При этом музыка принесла мне ещё четыре строчки:

*Мы не молим об удаче,
Мы «на первой передаче»
Месим грязь, тела несём,
Глядь, — и души так спасём.*

Конечно, для кого-то испытаний оказалось чрез меру, но возгласов «Врача!», было, пожалуй, не больше, чем в прочие, более лёгкие годы.

С возрастом не молодею, искушение выйти из крестного хода по приходу в Великорецкое бывает каждый раз. В этот раз подумал: «Если Сергей по какой-либо причине захочет выйти из крестного хода, я выйду с ним, но сам его провоцировать не буду». Перед выходом из Великорецкого, когда уехал уже весь транспорт, узнал, что и Сергея посещали такие же мысли. Обменявшись своими помыслами, мы пожали друг другу руки, и порадовались, что не стали соблазнять друг друга, не смалодушничали. И снова льёт дождь. Уже и основная, и резервная обувь промокли. Но это не замечается. В очередной раз прохожу мимо пруда, слушаю дружное кваканье его жителей и отмечаю:

*Лягушки читают акафист в пруду,
А я просветлённый иду и иду.
Моли о нас Бога, святой Николай,
И радость в сердца подавай, подавай.*

Природа славит Творца, только не всякий раз открываются наши духовные очи, чтобы увидеть это. На то и крестный ход! Изнывают от боли ноги, рюкзак становится твоим продолжением, его чувствуешь на себе даже тогда, когда уже снял с плеч. А душа — чистая, светится от радости. И на лицах окружающих видишь улыбки. Не американские, наклеенные, неестественные, а здоровые, русские, естественные, искренние. Здесь всё настоящее!

С разными людьми встречаюсь, но все они — родные. Вот Дмитрий. Он ходит больше меня. Рассказал, как пошёл впервые. Увидел людей с рюкзаками, подумал, что люди на фестиваль бардовской песни «Гринландия» в Башарово собираются. А ему отвечают: «Да ты что, крестный ход собирается на Великую!». Дмитрий купил две бутылки «Зубровки», блок сигарет и тоже отправился на Великую. У Серафимовского храма, откуда тогда выходил крестный ход, его встретил родственник, работавший там сторожем: «Да ты в своём уме? Церковь запрещает спиртное на протяжении всего крестного хода». А потом тот же родственник сказал ему: «Ладно, если уж принёс, распечатывай одну бутылку». Отхлебнули они по чуть-чуть, а потом родственник посоветовал Дмитрию подойти к владыке Хрисанфу за благословением.

«Как я подойду к нему с запахом-то?» — «Иди». Владыка не мог не заметить свежего алкогольного душка, исходящего из утробы Дмитрия. Но Господь дал Дмитрию разум для того, чтобы ответить на строгий вопрос владыки: «Так я для того и пошёл, чтобы бросить это дело». Пять лет не пил Дмитрий после первого своего крестного хода. Ходит и сейчас. Если и принимает спиртное, то для усугубления радости да для дезинфекции организма. Лечит наши души Господь в крестном ходу. Радостью лечит. И радостью этой хочется делиться со всеми.

Из тех тридцати трёх лет, которые я просил у Господа, мне осталось сходить только двенадцать. Малодушие порой подсказывает, что и пройденного достаточно. Но пока Бог даёт силы — надо ходить. В ходу крестном силы преумножаются, а смалодушничаясь, расслабишься — тут-то тебя и настигнут хвори. Нельзя поддаваться на соблазны врага рода человеческого!

У каждого крестоходца, наверняка есть свои причины ходить на Великую. Мне в своё время святитель Николай очень сильно помог в жизни. Каждый раз благодарю его за помощь, а так же каждый раз и новые просьбы за других людей появляются. Укрепляется и вера. Только было потерялись с Сергеем в пути, обращаюсь к святителю Николаю с просьбой: «Укрепи мою веру! Если поможешь нам с Сергеем встретиться на ближайшем привале, — почувствую, что и у меня вера есть». Не прошло и двух минут после той моей молитвы, как встретились мы с Сергеем. Вот так, и вера укрепляется, и благодать приходит, и радость с нею, и силы духовные и телесные. Так разве могу я отказаться от этого праздника души? Помогите, Господи, укрепите немощь души моей и сподоби меня ещё хотя бы двенадцать раз сходить на Великую!

ДРАМА В СТИХАХ

КОНСТАНТИН СКВОРЦОВ

От редакции. 13 апреля нынешнего года Константину Васильевичу Скворцову (трудно поверить!) исполнится 80 лет. Эта публикация — только начало юбилейных торжеств подлинного мастера драматической поэзии — жанра, редкого в нынешнее время. Надеемся, что у нас ещё будет возможность лично поздравить юбиляра с юбилеем, как искреннего друга не только журнала «Аргамак», но и всех коллег-писателей Республики Татарстан, с которыми он давно знаком.

ВАНЬКА КАИН

Скоморошья представления с прологом

ОТ АВТОРА

Известное изречение «Моё искусство — есть я сам» мы часто вспоминаем, когда герой наших произведений одержим идеей правдоискания, когда он с боем берёт бюрократические крепости, восходит на Гималаи небесной любви или гибнет в борьбе за Истину, Добро и Красоту.

Однако в каждом Художнике, как это ни горько признавать, соседствуют, то мирно, то противоборствуя, героическое и предательское, высокое и низменное... А будь иначе, разве имели бы мы в нашей литературе Ричарда III, Сальери, Мефистофеля?..

Думается, искусство — не только освобождение от гражданской боли за несовершенство мира, от навязчивых созидательных идей, оно — и очищение от собственной скверны, накапливающейся в нас годами... Очевидно, от потребности в таком очищении и родился замысел «Ваньки Каина». А то, что сочинение это приняло форму скоморошья театра (актёр — маска — кукла), с которым на Руси так успешно столетиями боролись не только театральные урядники, но и сами драматурги, только ещё раз подчёркивает неоднозначность и сложность нашей жизни, где всегда есть место не только подвигу...

Не стать куклой в руках Зла, не играть навязанную тебе внешней силой или собственным эгоизмом роль, прожить жизнь свою, а не чужую, не петь песен Каинам всех времён, сумевшим обмануть собственный народ, принявший их эгоцентрические деяния за молодецкую удаль... Об этом я думал, работая над пьесой: о судьбе актёра, трагической и желанной, о страшных фантомах, возникающих во времена произвола, о предательстве как стержне политики и многом другом.

Поколение сменяет поколение, а пороки человеческие остаются. И, казалось, давно забытые слова сегодня становятся более актуальны, чем в те времена, когда они были сказаны. Так случилось и с «Ванькой Каином», написанным без малого полвека назад. Время проявляет востребованные мысли, как лица на фотобумаге, опущенной в ванну с реактивами времени. Люди, явившиеся из «небытия», становятся нашими современниками.

За последние три десятилетия из-за мизерных тиражей наших книг мы потеряли миллионы благодарных читателей. «Распалась связь времён...» Я благодарен редакции «Аргамака», пытающейся по мере возможности восполнить этот пробел в отечественной литературе.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ЕЛИЗАВЕТА, императрица

ТАТИЩЕВ, генерал-полицеймейстер

АКТЁРЫ БАЛАГАНА, шесть мужчин и актриса, которым предстоит сыграть роли:

Ваньки Каина,

Кукольника, Дочери Кукольника,

атамана Кнута, его подруги Марфы,

Армянского купца, Трезвенника, Пивовара, Фальшивомонетчика, Урядника,

Нищего, Писаря, сыщиков, разбойников,

Бабы, Мужика, придворных;

а также водить кукол:

Каина, Авеля, Бога, Евы,

французского короля Людовика XV,

маркизы Помпадур, Испанца,

мужиков и баб.

Россия. Середина XVIII века.

*«...Никаких правил для сочинений наши
предки не знали, но и о том едва ли думали,
что оные есть или могут быть».*

М. Ломоносов

ПРОЛОГ

*Двор Елизаветы. Актёры выкатывают балаган, зажигают светильники,
раскладывают костюмы и маски к представлению.*

ПЕРВЫЙ АКТЁР

Кто так гоним, как мы? Кто больше нас

Запуган, бит, поруган?.. Чья судьба

Жалка, сколь наша?..

И под небом вечным

Кто обездолен более, чем мы?

С плеча великих надевать костюм,

Рядиться в королевские обноски,

Примеривать бессмертие чужое

На смертную униженную душу

И чувствовать как велико оно, —

Вот назначение наше, господа!

Входите!.. Что изволите просить?..

Ряды пронумерованы... Извольте

Удобнее садиться... Это нам

Искать под солнцем собственное место

И не найти — всё занято!.. И вот

Нам остаётся танцевать на нитках

Упрёков, окриков, аплодисментов,

Звучащих, как пощёчины!.. Да, да!

Вы любите нас потягать за нервы

И поводить, как псов, на поводу.

Сколь ни трудись над словом дни и ночи,

Здесь каждый видит то, что видеть хочет.

Играй Христа — всяк видит в нём себя,

Следов гвоздей, увы, не находя...

Но выведи сюда Иуду следом,

И каждый указывает на соседа!

Так повелось от Ветхого завета.

ГОЛОС

Её Величество Елизавета!

Появляются Елизавета и Татищев.

АКТЁРЫ

«Да здравствует днесь Елизавета наша,

На престол седша увенчана,

Краснеюще Солнца и звёзд сияюща

ныне!

Да здравствует на многие лета,

Порфирию златою одета,

В императорском чине!»

ТАТИЩЕВ

(Первому актёру)

Вы раньше это пели поприлежней.

ПЕРВЫЙ АКТЁР

То было при императрице прежней.

ТАТИЩЕВ

А разве нынче времена иные?

ПЕРВЫЙ АКТЁР

Слова все те же — новое лишь имя.

Меняются не песни, а столпы...

(В сторону.)

Что может быть ничтожнее толпы,
 Просящей зрелищ так же беззаботно,
 Как кружку браги в кабаке, и мы
 Покорно катим вечный балаган.
 Извольте!.. Хлопать подано!.. Сегодня
 Смотрители ошиблись балаганом,
 Им всё на этом свете представление.
 Лишь появилась царская особа —
 Все взоры к ней — вот вам цена толпы,
 Искусству тоже!..

ТАТИЩЕВ

Можете гордиться —

Вас удостоила императрица

Своим вниманьем... словно Клеопатра
 Антония!..

ПЕРВЫЙ АКТЁР

О, вы знаток театра!..

И вам спасибо, граф, за уваженье.

ТАТИЩЕВ

Обязывает, братец, положение.

(Усаживается около Елизаветы.)

Вы нам, должно, изобразите танец?

ПЕРВЫЙ АКТЁР

Нет. Водевиль «Маркиза и испанец»!

*Раздвигается занавес балагана.**Спальня короля Людовика XV.**Появляются куклы Испанца и маркизы**Помпадур.*

ИСПАНЕЦ

Мне на тебя вовек не надивиться!

Пооди сюда!..

ПОМПАДУР

Оставьте!.. Я — девица!

ИСПАНЕЦ

Девица — говорите... Очень мило.

Не огорчайтесь — это поправимо.

(Хватает маркизу.)

ПОМПАДУР

Не торопись, мой друг...

Не в этом радость!..

ИСПАНЕЦ

Но я к французенкам питаю слабость.

Раздаётся стук.

ПОМПАДУР

Идёт король!

ИСПАНЕЦ

(сокрушённо)

Что это за страна?!

ПОМПАДУР

Чего колотишься?.. Опять война?

*Появляется кукла Людовика.**Она в ночной рубаше. Испанец, мечась,**надевает на себя парик короля**и замирает в нелепейшей позе.*

ЛЮДОВИК

Нет.

ПОМПАДУР

(пытаясь его выпроводить)

Торопитесь, сир!

ЛЮДОВИК

(Ищет парик.)

Да, да...

ПОМПАДУР

Париж
Ждёт короля!

ЛЮДОВИК

Но где же мой парик?

ПОМПАДУР

У зеркала.

ЛЮДОВИК

Здесь нет.

ПОМПАДУР

Какой удар!

ЛЮДОВИК

Не спальня это, чёрт, а — Гибралтар!

ПОМПАДУР

Как вы такое произнесьть могли?!

ЛЮДОВИК

Здесь побывали флаги всей земли!

ПОМПАДУР

Довольно, сир... Что это за игра?
Заботы королевского двора
Лежат на мне и вопиют, как готы!

ЛЮДОВИК

О, если только бы — одни заботы!..

ПОМПАДУР

Твои остроты, сир, — томат в сиропе!

ЛЮДОВИК

Я гневаюсь!

ПОМПАДУР

Ты думай о Европе!

ЛЮДОВИК

Здесь кто-то был!

ПОМПАДУР

Достойно ль короля
До ревности унизиться?!

ЛЮДОВИК

Но я
Дознаюсь всё равно, кто ваш любовник!

ПОМПАДУР

Сир, надо помнить то, что ты — Людовик!
Вам головы недаром отсекали
Во все века!

ЛЮДОВИК

Но вместе с париками!
И короля приветствовал народ,
А так... не выйти и на эшафот!

ПОМПАДУР

Мне надоели, сир, твои капризы,
Чего ты хочешь от меня?

ЛЮДОВИК

Маркиза!
Исчез парик из королевской спальни.
Я всё ж ещё король... И не опальный.
И я заставлю вас ответить силой!..

ПОМПАДУР

Моя ль вина, что рождена красивой?

ЛЮДОВИК

Ничтожество!.. Фиглярка!.. Потаскушка!..

ПОМПАДУР

Как смеешь?

ЛЮДОВИК

Королевская игрушка.

ПОМПАДУР

Опомнись!

ЛЮДОВИК

Я — король!.. Война иль мир —
Решаю я!

ПОМПАДУР

Ты забываешь, сир, —
С Испанией союз нам тоже нужен!

ЛЮДОВИК

(примирительно)

Ну, хорошо... С тобой испанец дружен,
Гляди за ним, чтоб не разбить нам лоб!

ПОМПАДУР

(выталкивая его)

Мой Бог!.. Зри в оба, говорит циклоп!
(Бросается в объятия Испанца.)

ТАТИЩЕВ

(аплодируя)

Я словно вновь в Версале побывал!..
О, браво!.. Бра...

(Замолкает, увидев, что Елизавета не аплодирует.)

ЕЛИЗАВЕТА

Уймись, генерал!
Вы при моём дворе — не на Монмартре!..
Ты говорил мне нынче о театре,
А это — балаган!

ТАТИЩЕВ

Не стану спорить...

ПЕРВЫЙ АКТЁР

Тогда позвольте!..

В балагане быстро меняются декорации.

«Песнь о Леоноре».

Актёры ваши проявили ревность...

ЕЛИЗАВЕТА

Стой!.. Отчего вас вечно
тянет в древность?
Ни голове покоя, ни ногам!

ПЕРВЫЙ АКТЁР

Мы сами приближаемся к Богам
В трагедии, когда...

ЕЛИЗАВЕТА

Довольно нам
Играть по иностранным образцам!..
Всё подражаем бедному Шекспиру..
Когда своё являть мы станем миру?
Не против я божественных идей,
Но знать хочу деяния людей,
Что происходит на полях расейских!..

ПЕРВЫЙ АКТЁР

Деянья наши пострашней библейских,
Лишь потому...

ЕЛИЗАВЕТА

Молчи!

ТАТИЩЕВ

(об Актёрах)

Они искусно
Пропели здравицу — вот где искусство!

ПЕРВЫЙ АКТЁР

Как всё бывшее — это канет в Лету!

ТАТИЩЕВ

У нас в России и героев нету!

ЕЛИЗАВЕТА

Найти! А то валяем дурака!

(Актёру)

Хочу, чтоб нас запомнили века!

ТАТИЩЕВ

Придумай что-нибудь скорей иль тресни!

ПЕРВЫЙ АКТЁР

О Ваньке Каине, быть может, песни
Останутся в веках?!

ТАТИЩЕВ

Ну!..

(Задохнулся.)

ЕЛИЗАВЕТА

Очень смело!

Что б ты ответил, если б повелела
Здесь разыграть их?

ПЕРВЫЙ АКТЁР

Это как награда!

ЕЛИЗАВЕТА

О, я любительница маскарада!..

(Татищеву)

О том Европа говорит!.. Не так ли?

ПЕРВЫЙ АКТЁР

С участием вашим видел я спектакли.

И ваш талант так... естеством потряс...

ЕЛИЗАВЕТА

(театрально)

...Быть иль не быть!..

ПЕРВЫЙ АКТЁР

Так осчастливьте нас
И подыграйте!

ЕЛИЗАВЕТА

Что же... Я согласна!..

ПЕРВЫЙ АКТЁР

Спасибо, государыня!.. Вот маска!
Костюмы, грим...

ТАТИЩЕВ

Совет от добрых чувств.
Вы покровительницею искусств
Пребудете изящных... Он же вроде
Нам представленья явит о народе!
Искусство надо делать по указке.

ПЕРВЫЙ АКТЁР

Вы и поможете. Вот ваши маски.
(Даёт маски Татищеву.)

ТАТИЩЕВ

Берёшь в союзники, ну и хитёр.
Я — только генерал, а не актёр.
В своём я деле, может, и матёрый,
А здесь, простите!..
(Возвращает маски.)

ПЕРВЫЙ АКТЁР

В жизни все актёры!
И роли все расписаны!.. Те свитки
Там!.. И не дождь летит с небес, а нити
Всевышнего... Смейся мы иль плачем —
Все под его дуду на нитках скачем!
Не надевая на лицо забрала,
Справляетесь же с ролью генерала!

ЕЛИЗАВЕТА

Мы слов не знаем!

ПЕРВЫЙ АКТЁР

Это не помеха, —

Как в жизни действуйте!

ТАТИЩЕВ

Ну и потеха!..

Нет, так нельзя!.. Без текста, без идей!..

ПЕРВЫЙ АКТЁР

Себя играйте!

ТАТИЩЕВ

Я же не халдей!

ПЕРВЫЙ АКТЁР

Он — не халдей!..

Найдут же чем хвалиться!

Простите, кто ж тогда императрица?

Она-то согласилась.

ТАТИЩЕВ

Это — сказка!

ПЕРВЫЙ АКТЁР

Крепитесь, генерал!.. Вот ваша маска!

Берите!

ТАТИЩЕВ

(разглядывая маску)

Вы не знаете предела.

ПЕРВЫЙ АКТЁР

Вы это скажете по ходу дела,

Но только несколько в другой окраске!

(Актёрам)

Прошу, скорее разбирайте маски!..

Актёры берут маски.

ТАТИЩЕВ

Играть народ — ведь это же позор!

АКТЁР

(в сторону)

Не всё же нам играть царей и двор!

ТАТИЩЕВ

Что вздумается им, то и творят.

ЕЛИЗАВЕТА

Берите. Всё равно уговорят!

ТАТИЩЕВ

Сейчас они покажут, что почём...

ПЕРВЫЙ АКТЁР

Готовы? Bravo!

ЕЛИЗАВЕТА

А с чего начнём?

ПЕРВЫЙ АКТЁР

Хотя бы с перстня. Помните тот год,

Когда в Москве на площади народ

Приветствовал императрицу?

ЕЛИЗАВЕТА

Полно.

Конечно, дорогой, я это помню.

ПЕРВЫЙ АКТЁР

Все радовались: и купец, и нищий...

ЕЛИЗАВЕТА

Со мною рядом был тогда Татищев,

Придворные...

ПЕРВЫЙ АКТЁР

И музыка была!

ЕЛИЗАВЕТА

Нет!.. Это били все колокола!..

Доносится колокольный звон.

ПЕРВЫЙ АКТЁР

Приветствовал народ вас не напрасно.

Вы были, государыня, прекрасны!..

Первый актёр надевает парик Ваньки Каина. Актёры перестраивают декорации. Начинается представление «Ваньки Каина».

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Ярмарочная площадь. В глубине сцены – балаган. Доносится шум возбуждённой толпы. Волнует её не предстоящее балаганное зрелище, а то, что на ярмарку прибыла Елизавета.

ГОЛОСА

- Окститесь, православные!
- Стоять!

ВАНЬКА

Мне б только ручку ей поцеловать!

НИЩИЙ (*протягивая обе руки*)

Подайте...

ВАНЬКА (*Сыщику*)

Глянь – двурушник!

НИЩИЙ

...на зерно!..

СЫЩИК

Эй, две руки совать запрещено!

ГОЛОСА

- По одному!..
- Не подходить так близко!..

НИЩИЙ

Петра Великого святая искра!..

СЫЩИК

Остановись!..

ТАТИЩЕВ (*Елизавете*)

Не понимают слов!

ЕЛИЗАВЕТА

Людей не надо отгонять, как псов.
Пусть разбивают в кровь свои колени,
То не ко мне любовь – к отцовской тени.
И мне нести до самого конца
Венец нетленный моего отца.

Толпа обступает Елизавету.

ГОЛОСА

- Надёжа наша!
- И любовь!
- И вера!
- Мечом отца врагов Руси повергла!..

ЕЛИЗАВЕТА

Спасибо, рódные!

Пробравшись к Елизавете,

Ванька снимает с её пальца перстень.

НИЩИЙ

Ты нам опора!

ЕЛИЗАВЕТА

Ах!.. Перстень... Сняли перст...

ВАНЬКА

Держите вора!
В толпе паника.
Чево глядите?.. Иль вам невдомёк,
Что сатана средь нас!..

СЫЩИК

Хватай!

НИЩИЙ

Утёк!

БАБА

Отступники!.. Совсем не знают страху,
Что на порог башкою, что на плаху!

НИЩИЙ

Антихрист!

БАБА (*Мужику*)

Чтобы чёрт его побрал, –
Целую руку, перстень с пальца снял
Императрицы!

МУЖИК

(*восхищённо*)

Ишь, какая смелость.
А кто он?

БАБА
Ванька!

НИЩИЙ
Дьявол!

ЕЛИЗАВЕТА
Ваша светлость...

ТАТИЩЕВ
Не беспокойтесь!

ЕЛИЗАВЕТА
Ничего святого
В них не осталось!

ТАТИЩЕВ
Не было такого!..
Сбежал, и не осталось и следа.
Но мы найдём... Вы ехали сюда,
Чтоб поразвлечься... Гляньте-ка на купол —
Голландский балаган потешных кукол.
Там люди вылетают из прорехи!

ЕЛИЗАВЕТА
Где перстень?.. Мне сейчас не до потехи.

ТАТИЩЕВ
(усаживая Елизавету)
Устраивайтесь на почётном месте.
Всех удалить?

ЕЛИЗАВЕТА
Нет. Я с народом вместе.
(увидев нарисованного медведя)
Голландский?

ТАТИЩЕВ
Да.

ЕЛИЗАВЕТА
И на цепи медведь?!

ТАТИЩЕВ
Скажи, что наши, — кто пойдёт глядеть?

*В балагане открывается занавес.
Большое библейское Древо.*

КУКОЛЬНИК
(начиная представление)
У Адама и Евы было два сына.
Старший Каин и младший Авель.
Авель овец пас.

Появляется кукла Авеля.

А брат его Каин
Землю свою обрабатывал.
Появляется кукла Каина.
Как-то
Понутру рано Каин...

КАИН
(говоря голосом Ваньки,
ведущего куклу)
Мой брат,
Плоды земли принести я рад
Создателю.
(Ставит корзину под Древо Познания.)
А что отцу
Ты посвятишь?

АВЕЛЬ
(голосом Дочери Кукольника)
Отдам овцу
Из первородных.
(Ломает ветку с Древа и прокалывает
ею горло пойманному агнцу.)
Вот залог
Моей любви!

КАИН
А где же Бог?

АВЕЛЬ
Где ж быть ему? На небеси!

КАИН
К нам снизойти его проси.

ДОЧЬ КУКОЛЬНИКА
(Кукольнику)
Откуда он?

КУКОЛЬНИК
Не знаю сам.
Играй!

АВЕЛЬ

Взываю к небесам!..

ДОЧЬ КУКОЛЬНИКА

Он вор и есть.

КУКОЛЬНИК

Он знает слог.

Не тронут нас, пока я — Бог.

(в роли Бога)

Кто звал меня здесь?

КАИН

Я и братец.

(Показывая плоды.)

Тебе!

БОГ

Какой дородный агнец!

(Берёт агнца и, не взглянув на корзину

Каина, пытается уйти.)

Дар Авеля мне по душе.

КАИН

(останавливая Бога)

А мой?

БОГ

Я всё сказал уже.

Твори добро — жизнь непроста,

И жертва будет принята.

Бог исчезает.

АВЕЛЬ

Не огорчайся.

КАИН

Нам не жить

С тобою вместе. Разделить

Должны мы землю.

АВЕЛЬ

Милый брат,

Прости, а в чём я виноват?

КАИН

Не жить! Не жить с тобой, как прежде!

АВЕЛЬ

Но ты стоишь в моей одежде,

От стад моих!

КАИН

Но этот край

Земли — он мой!..

Каин бросается на Авеля, но тот валит его.

Не убивай!..

Ведь мы с тобою, Авель, братья!

АВЕЛЬ

Любить тебя — не убивать я

Пришёл сюда.

(Отпускает Каина.)

Вот в том — рука!

КАИН

Я знаю, как она крепка.

Каин подходит сзади и прокалывает шею

Авеля веткою Древа Познания.

Появляется кукла Евы.

ЕВА

(голосом Дочери Кукольника)

Что ты наделал?!.. Вы ж — друзья.

КАИН

Ну вот!.. Уж и убить нельзя!

ЕВА

Мой сын, не будешь ты прощён
Вовек!

КАИН

Не плачь. Родишь ещё!

ЕВА

Не приходи к нам на порог!

КАИН

(показывая свой лоб)

Скажи, откуда этот рог?

ЕВА

Мне эта речь твоя странна...

КАИН

(угрожая Еве)

Ответь!

ЕВА

(в страхе)

Отец твой — сатана!

(Бьёт Каина.)

МУЖИК

Не Каин... Это Ванька наш!..

СЫЩИК

Он?!

МУЖИК

(испугавшись)

Нет, не он!

СЫЩИК

Откуда знашь?

МУЖИК

У Ваньки-то обрублен перст.
И рога нету. Вот те крест!

СЫЩИК

(пробираясь к балагану)

Сейчас я рог с него сыму!

БОГ-КУКОЛЬНИК

Отмстится всемеро тому,
Кто Каина убьёт!

СЫЩИК

Так много?..

КАИН

(Сыщику)

Уйди!.. Я под защитой Бога!..

Люди, аплодируя, расходятся.

ТАТИЩЕВ

Как балаган? Но не судите строго,
Мы не в Измайлове...

ЕЛИЗАВЕТА

Играют Бога!

Кто разрешил?..

Ведь он на власти ропщет!..

Народу надо бы чего попроше.

Ему про жиды бы или про шута,

Чтоб посмеялся и забылась смута!

ТАТИЩЕВ

Прикажете казнить?

ЕЛИЗАВЕТА

Ни в коем разе.

По золотому выдать, но в приказе

Сыскном всех в книгу чёрную вписать.

Искусство, сударь, надо поощрять,

Приглядываясь чаще к балагану.

Нашли безбожника?

ТАТИЩЕВ

Как в воду канул.

Расставлены посты вдоль всех дорог.

Он не уйдёт.

ЕЛИЗАВЕТА

Пусть вам поможет Бог.

Елизавета уходит.

КУКОЛЬНИК

(один)

Ах, сколько покровителей у нас,
Одетых в тоги золочёных фраз.
Мы вздрагиваем, слыша их шаги,
Но до сих пор мы, как Адам, наги.

Появляется Сыщик.

СЫЩИК

Молитесь чаще вашему святому:
Приказано вам дать по золотому!..
За что вам платит деньги наша власть?..
Вот получите.

(Даёт золотой Кукольнику.

Слышит возню в балагане.)

Эй, кто там — вылазь!
Иди!.. Иль денег у тебя не счесть?..
Бери!.. А то уйду... совсем!..

ГОЛОС ВАНЬКИ

Я — здесь!..

Появляется маска Каина.

СЫЩИК

Вот так-то лучше!

*(Протягивает золотой и хватает
«Каина».)*

Не уйдёшь теперь!

*(Срывает маску — перед ним
Дочь Кукольника.)*

Ой!.. Баба!.. Хоть глазам своим не верь!
Опять утёк!

(Бьёт маску.)

Утёк!..

КУКОЛЬНИК

За что ты нас?

СЫЩИК

Молчать! Пойдёшь со мной в сыскной
приказ!

КУКОЛЬНИК

На завтрак золотой, на ужин — плеть!

СЫЩИК

(Дочери Кукольника)

Монету спрячь, чё на неё глядеть.
Та прячет деньги в сарафане.

СЫЩИК

(Кукольнику)

Шагай! Или тебе подать карету?!

ДОЧЬ КУКОЛЬНИКА

Возьмите и меня.

СЫЩИК

Приказу нету.

КУКОЛЬНИК

Что за страна?.. Ей никакого сглазу —
Казнят и милуют — всё по приказу!

Уходят.

Появляется Ванька.

ВАНЬКА

Ушли?

ДОЧЬ КУКОЛЬНИКА

Ушли.

ВАНЬКА

Пусть ищут щепку в море!

ДОЧЬ КУКОЛЬНИКА

Откуда ты явился нам на горе?

ВАНЬКА

Вы сами виноваты.

ДОЧЬ КУКОЛЬНИКА

Мы?

ВАНЬКА

Ага!

Устроили на рынке балаган!
Он, может, мне как лошадь на лугу
Цыгану!.. Я без кукол не могу.
И потому я так решился скоро
Стать Каином.

ДОЧЬ КУКОЛЬНИКА

В тебе душа актёра.

ГОЛОС УРЯДНИКА

Тому, что видел Осипова Ваньку,
Явиться надлежит...

ВАНЬКА

(заглушая его голос)

Устроил баньку
Весёлую я этому зверю!
(Достаёт царский перстень.)

ДОЧЬ КУКОЛЬНИКА

Спрячь, дьявол!.. Спрячь!

ВАНЬКА

А хочешь, подарю?

ДОЧЬ КУКОЛЬНИКА

Господь с тобой!

*Обнимая Дочь Кукольника,
Ванька вытаскивает из-под сарафана
кошель с золотой монетой. Прячет его.*

Охальник!.. Образина!..

ВАНЬКА

(отстраняясь)

Чегой-то ты себе вообразила?!

ДОЧЬ КУКОЛЬНИКА

Тебя нельзя пускать в приличный дом.

ВАНЬКА

Вот бабы!.. Мысли только об одном!..
На что ты мне, тощая, словно древко!

ДОЧЬ КУКОЛЬНИКА

Прелюбодей ты!

ВАНЬКА

Обижаешь, девка!
Я по другому делу в поле ехал,
Хотя одно другому не помеха.

ДОЧЬ КУКОЛЬНИКА

Опять туда ж!

ВАНЬКА

Все графы да князья,
Дотронуться ни до кого нельзя!

ДОЧЬ КУКОЛЬНИКА

Но я ...живая!..

ВАНЬКА

Распустила букли!..
Мир — балаган!.. Живые только куклы!

ДОЧЬ КУКОЛЬНИКА

Ведь я в тебя поверила, как в брата,
А ты... ты — вор!

ВАНЬКА

Что в этом мире свято?
Скажи!.. Молчишь.

ДОЧЬ КУКОЛЬНИКА

Ты роль свою играл,
Как Евы сын.

ВАНЬКА

Всю жизнь я только лгал.

ДОЧЬ КУКОЛЬНИКА

Твоя судьба не куклы, а острог!

ВАНЬКА

Все лгут вокруг, какой же в том порок?!

Ванька уходит.

ДОЧЬ КУКОЛЬНИКА

(Берёт куклу Евы.)

Вот — женщина. И в этом грех её
Незамолимый. Будем мы казниться
Одним охрипшим горлом, я и ты,
Праматерь Ева. Так нам суждено
Носить в себе все слабости людские.

(Берёт куклу Бога.)

Всевышний! Будь же милостив ко мне
И не прими слова за Богохульство:
Таким ли ты хотел увидеть мир,
Творя всё сущее на этом свете?..
Скажи, зачем во мне живёт тревога

Появляется Кукольник.

Неясная — а все ль во власти Бога?
Не уберёг ты дом наш от напасти.

КУКОЛЬНИК
Всё на земле в его единой власти.
Приказано нам уходить отсель.

ДОЧЬ КУКОЛЬНИКА
Актёрская судьба что карусель:
Куда ни улетай, а всё на месте!

КУКОЛЬНИК
Пусть этот парень едет с нами вместе.
Мы провезём его, под маской пряча.
С ним в балаган явилась к нам удача.
И пусть несётся наша карусель!..
А где он?.. Что с тобою?

ДОЧЬ КУКОЛЬНИКА
...Мой кошель...
Был здесь...

КУКОЛЬНИК
Ищи!

ДОЧЬ КУКОЛЬНИКА
Вот волчьи повадки!..
Украл... унёс...

КУКОЛЬНИК
Знать, затерялся в складке.

ДОЧЬ КУКОЛЬНИКА
Вампир!

КУКОЛЬНИК
Но где он?.. Что же ты молчишь?

ДОЧЬ КУКОЛЬНИКА
Подумать страшно, но ты снова нищ.
Как мы могли с тобой искать участия
У сатаны?

*Кукольник и его Дочь уходят.
Появляется Первый актёр.*

ПЕРВЫЙ АКТЁР
Три девы — наше счастье,
Три веры, что приходят к изголовью:
Доверчивость, оплаченная кровью;
Открытость — всё пред вами,
чем владеем;
И — доброта, что распята злодеем...
*(Надевает парик Ваньки и кафтан
Купца.)*

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Сыскной приказ. Урядник и Сыщик.

УРЯДНИК
Растяпы!.. Греховодники!.. Скоты!..
У, дармоеды!..

СЫЩИК
Ваше благород...

УРЯДНИК
Ограблен поп... Похищена казна
Из Тайной канцелярии...

СЫЩИК
То — Кнут
Иль взломщик Штырь!..

УРЯДНИК
Нет, нет!.. Всё это он,
Проклятый дьявол Ванька!

СЫЩИК
Ловим бреднем:
То через верх уходит лиходея,
То — под груза.

УРЯДНИК
Их превосходительство сами извоили на
него поглядеть.
Вы хотите, чтобы меня вздёрнули вместо
Ваньки?

СЫЩИК
Так я же...

УРЯДНИК

Что ещё?!

СЫЩИК

(водя указкой по карте)

Из балагана

Утёк к блаженной Марфе... От неё,
Грех совершив и прихватив трёх кур,
Бежал к купцу Фелатьеву.

УРЯДНИК

Вот там бы

И изловить!

СЫЩИК

Хозяина покрав,
Ушёл под Крымский мост.

УРЯДНИК

Там и накрыть,
И всех — в участок!

СЫЩИК

Он нырнул под мост,
А вылез в кабаке с Камчатой пьяным
Далёко от воды.

УРЯДНИК

Так что он — крот?
Не Ванька, что ли?

СЫЩИК

Ванька, да не тот!

УРЯДНИК

Ну, а кабак?!

СЫЩИК

Ему там каждый брат.
Пытались взять, да скрыл его солдат.

УРЯДНИК

Постой окружить!

СЫЩИК

Кутил всю ночь.
Впряг утром лошадь и оттуда прочь!
Когда явились в дом мои ребята,
Ни Ваньки там, ни дочери солдата!

УРЯДНИК

А перстень с ним?

СЫЩИК

Когда возьмём — отыщем!

УРЯДНИК

Когда искать?! Сейчас придёт Татищев!

СЫЩИК

Вот окаянный, посадил на мель!

УРЯДНИК

Глядеть же надо, чей берёшь кошель!
Всё золото одно, и всё искрится —
Бери же у купца!.. Нет!.. Дай царицын!
Имей же совесть, мать твою ети,
Грабь, убивай, но перстень возврати!

СЫЩИК

У Ваньки нет ни головы, ни чувства!

УРЯДНИК

Прибудет генерал, а в сыске пусто.
А в городе воров что в поле жита.

СЫЩИК

Наловим горожан, лишь прикажи нам!

Вбегает Писарь.

ПИСАРЬ

Там генерал идут!.. А с ним — и свита!

УРЯДНИК

Попробуй волка накормить досыта.
Нет, это богадельня, не приказ.
Смерть надвигается, всё из-за вас,
Враги, раззявы!

СЫЩИК

(осенённый догадкой)

Вместе и умрём!

Вяжи мне руки — буду я «Штырём»!

ПИСАРЬ

А я — «Камчаткою»!

СЫЩИК

Куда хватил!
Там — два таких. Я б сам его скрутил!..

ПИСАРЬ

Мне попадись он, взял бы на арапа!..

СЫЩИК

Чуб распусти!.. Добавь на морду крапа!..

УРЯДНИК

Скорей, ребята!

СЫЩИК

Притворись чуть пьяным!..

ПИСАРЬ

(гримасничая)

Хорош?

СЫЩИК

Ты так сойдёшь за атамана!..
Порви рубаху!

ПИСАРЬ

Это я зараз,
Но как бельмо мне посадить на глаз?

УРЯДНИК

Возьму на цепь!
(Связывает «преступников».)
Есть ум ещё в народе.
Пушай теперь инспекцию наводит!

Появляется Татищев, за ним — Придворный.

УРЯДНИК

(докладывая)

По подозрению взяли тут... двоих.
Изволите взглянуть?

ПРИДВОРНЫЙ

Какой из них
Есть Осипов?

УРЯДНИК

Дык, все у нас в округе
Суть Осиповы.

ПРИДВОРНЫЙ

Как мы различим
Их меж собой?

УРЯДНИК

У каждого свой чин,
Что выдаётся только по заслугам,
И тем они отличны друг от друга.
Вот — Ванька Штырь!..
А здесь Камчатка сам —
Матрос в отставке. Слава небесам,
Отплавался... Встань!..

«Камчатка» с готовностью встает.

Что ни ночь — разбой!

ТАТИЩЕВ

Кто перстень снял?

УРЯДНИК

Признается любой,
Кого вы нам укажете умело.

ТАТИЩЕВ

А ты — зачем?

УРЯДНИК

Простите. Наше дело —
Признание вырвать, подписать бумаги,
А чудеса творить — на то есть маги!

ТАТИЩЕВ

Что предлагаешь?

УРЯДНИК

Тут ещё не все.
Лиса не попадётся на овсе,
Ей курицу подай — она и рада.
За перстень мной объявлена награда.

ТАТИЩЕВ

Что, больше сыщиков в приказе нету?

УРЯДНИК

Я признаю лишь одного — монету!
А за деньгу, не сомневайтесь, тут
Найдут и перстень, и башку снесут.

Появляется Ванька в купеческой одежде,
толкая перед собой Нищего.

ВАНЬКА

Кто главный сыщик?

УРЯДНИК

Эко начал смело.

Зачем явился?

ВАНЬКА

Слово есть и дело!

ТАТИЩЕВ

Мы слушаем.

ПРИДВОРНЫЙ

Ещё один.

ВАНЬКА

С поличным

Мной пойман Ванька Осипов.

ТАТИЩЕВ

Отлично.

ВАНЬКА

Ворвался ночью в дом и кистенём

Убить грозился!

ТАТИЩЕВ

Перстень-то при нём?

ВАНЬКА

(о своём)

Знать, всё ему едино: ночь ли, день ли?..

Где получить объявленные деньги?

ТАТИЩЕВ

При нём ли перстень?!

ВАНЬКА

(ударяя Нищего по животу)

Здесь!

ТАТИЩЕВ

Давай!

ВАНЬКА

Как пряник,

Враг проглотил его!

ТАТИЩЕВ

Что?!

УРЯДНИК

Как?

ПРИДВОРНЫЙ

Охальник!

ТАТИЩЕВ

И как же нам теперь его изъять?

ВАНЬКА

Я тряс его. Придётся подождать.

УРЯДНИК

(Нищему)

Ты в кабаке с Камчаткой пил?

Нищий не отвечает.

Молчит.

ПРИДВОРНЫЙ

Закусывать перстнями — где же стыд?

УРЯДНИК

Ну, говори!..

(Берёт кнут.)

Сейчас убавим спесь!..

ТАТИЩЕВ

Пока не надо, ведь Камчатка здесь.

УРЯДНИК

Так что?

ТАТИЩЕВ

Его допросим — и шабаш!

ПИСАРЬ-«КАМЧАТКА»

Купец всё брешет!.. Нищий-то не наш!

Молчит!.. Ещё бы!.. Гляньте — он татарин.

По-нашему не знает!

ВАНЬКА

Ах ты харя!..
Я сам с ним провозился до икоты,
Он — Ванька что ни есть!.. А сам-то кто
ты?

ПИСАРЬ-«КАМЧАТКА»

Да я — Камчатка!.. Я из тех же мест,
Что Ванька. У него обрублен перст,
А этот — целый весь!

ВАНЬКА

Гляди, заступник!

ТАТИЩЕВ

Не выдаёт преступника преступник!

ВАНЬКА

Ты — висельник!.. Бандит!
(Хватает «Камчатку».)

ПИСАРЬ-«КАМЧАТКА»

Чего кричать-то?

ВАНЬКА

А ну-ка, повтори: ты кто?

ПИСАРЬ-«КАМЧАТКА»

Камчатка.

ВАНЬКА

Разбойник! Я остался без родни
Из-за тебя!
(Бьёт Писаря.)

УРЯДНИК

(останавливая Ваньку)
Да не глумись над ним!

ВАНЬКА

Убийец!

УРЯДНИК

Подведёт под монастырь
Меня купец.

ВАНЬКА

(хватая Сыщика)
Ты кто?

СЫЩИК

Я?.. Этот... Штырь!..

ВАНЬКА

Так это ты, негодник, на неделе
Над Марфой надругался и в постели,
Враг, удавил её?!

СЫЩИК-«ШТЫРЬ»

Господь с тобой!
Антихрист!.. Бес!.. Изыди!.. Головой
Поплатишься!

ВАНЬКА

На что мне голова,
Когда осталась лишь одна молва
От шёлковых рядов!..

СЫЩИК-«ШТЫРЬ»

Что?

ВАНЬКА

Видно, Бог
Не уследил... Такой, как ты, поджёт!..
(Хватает Сыщика.)
На кол его!.. Злодей, поверить трудно,
Что это ты надысь ограбил судно,
Армян убил и деньги заграбастал,
А всё ещё живой!

СЫЩИК-«ШТЫРЬ»

Довольно!.. Баста!..

ВАНЬКА

Всему народу русскому позор!

СЫЩИК-«ШТЫРЬ»

Да я... Я — сыщик!.. Никакой не вор!..
Мы...

УРЯДНИК

Замолчи!

ПРИДВОРНЫЙ

Не выношу я брани!..

ТАТИЩЕВ

Кого смешить надумал?..
Здесь — дворяне!

ВАНЬКА

Ишь, разошлись!.. Как нализались водки!

Ну, погодите!..

(Нищему)

Эй, подай колодки!

(Надевает на них кандалы,

закрывая замки.)

Отступники!.. Ублюдки!.. Нищета!..

Чудь белоглазая!

(Прячет ключ.)

ПИСАРЬ

(Сыщику)

Глянь, нет перста!

УРЯДНИК

Иди, купец!

ПРИДВОРНЫЙ

Их всех осудят строго.

ВАНЬКА

Давайте деньги, я отправлюсь.

УРЯДНИК

(доставая кошель)

С Богом!

ПИСАРЬ

(останавливая Урядника)

Постой!.. Он с Ванькой схож!.. И нет перста!..

СЫЩИК

Кулак тяжёлый!

ПИСАРЬ

Это неспроста!

СЫЩИК

Монеты любит, слишком разбитной!

ПИСАРЬ

Все деньги любят!..

СЫЩИК

Любят, но такой

За гривенник продал бы и отца!

(Ваньке)

Христопродавец!

УРЯДНИК

Что вы на купца?!

СЫЩИК

(Ваньке)

Да ты — разбойник!.. В мутной речке удишь!

ВАНЬКА

Хлебало-то закрой — кишки простудишь!

ПИСАРЬ

Ты — вор!

СЫЩИК

Чего смотрите?!

ВАНЬКА

Осади!

ТАТИЩЕВ

(о Ваньке)

Крепка Русь наша этими людьми.

Побольше б их — я б жил не беспокоясь.

Они надёжа царская и совесть.

Весь — благородство!..

Ванька «смущается».

Видно по лицу,

Греха не знает, хоть веки к венцу!

СЫЩИК

Ему на волюшке гулять недолго!

ТАТИЩЕВ

Он — гражданина образец!

ПРИДВОРНЫЙ

И долга!

СЫЩИК

Так это ж — Ванька!

ВАНЬКА

Ах ты конокрад!

Кричи, что я царю и Богу брат,

Что лебедем летал по небу кочет.
Что видел сам...

ПРИДВОРНЫЙ
Безвинного порочат.

ВАНЬКА
Плут на Руси найдёт чем оправдаться,
Скажите — честному куда податься?

ТАТИЩЕВ
Не беспокойся, мы закон блюдём.
Ты будешь трижды мной вознаграждён.
Правдивому везде живётся худо.
Ты жди, когда из этого сосуда
Добудем перстень... И, собрав народ,
Преступника повесим...

НЕ-НАШ
(так звали Нищего)
Не пойдёт.

СЫЩИК
Заговорил!.. Всевышнему хвала!..

НЕ-НАШ
Купца сказала: деньга пополам.
А если вздёрнут — вся деньга к нему.
Не щесно так.

СЫЩИК
Мошенник!
Придворный
Не пойму,
Кому здесь верить!

ТАТИЩЕВ
Все здесь хороши!

НЕ-НАШ
Моя не ела перстень!

ВАНЬКА
Не бреши!

УРЯДНИК
Вяжи его!.. Он — Осипов и есть!
(Хватает Ваньку.)

СЫЩИК
Татарин, а принёс благую весть!

ПИСАРЬ
(путаясь в цепях)
Купец нашёлся!.. Это чёрт безрогий!..

СЫЩИК
(Писарю)
Куда глядишь, освободи мне ноги!
Замки сыми!..

ПИСАРЬ
Сам вижу, не кричи.
Я рад помочь бы — он украл ключи.

*Из Ваньки вытряхивают ключи,
но сыплются кошель Урядника, часы,
брелоки и прочее.*

УРЯДНИК
Когда успел-то?

ПИСАРЬ
Вот так провиант!

ПРИДВОРНЫЙ
Мои часы!

ПИСАРЬ
Мой нож!

ТАТИЩЕВ
Мой бриллиант!

УРЯДНИК
Моя икона!

СЫЩИК
(восхищённо)
Ну и ловок, плут!

ПРИДВОРНЫЙ
Всех по миру пустил за пять минут.

*Воспользовавшись суматохой,
Не-наш убегает.*

ТАТИЩЕВ

Вот и сыскной приказ во всей красе.
Разбойники-то подставные все.
Все куклы!

СЫЩИК

Мы...

УРЯДНИК

Не поняли неужто —
Сие есть операция!.. Ловушка,
Чтобы схватить его!..

ВАНЬКА

Всё это байки!
...Я, генерал, сам предводитель шайки!..

ТАТИЩЕВ

(оторопело)

Неужто в переделках сам бывал
И тоже грабил?

ВАНЬКА

Нет!.. Я убивал!..

ТАТИЩЕВ

Как... убивал?!..

ВАНЬКА

Пускал в работу перья
Лишь для того, чтобы войти в доверье
К разбойникам!..

ТАТИЩЕВ

Молчи, покуда цел!

ВАНЬКА

Но, генерал, одна святая цель
Вела меня!..

ТАТИЩЕВ

Сам призовёшь беду!..

ВАНЬКА

Предать негодных Божьему суду!
Не люди это, а собачья свора.
Народ испорчен и погибнет скоро.
Растащат, словно бешеные звери,
Империю по косточкам!..

ТАТИЩЕВ

Не верю!..
К столбу его!

СЫЩИК

Да за такие вести
На шею петлю!..

ВАНЬКА

Я скажу, где перстень!

ТАТИЩЕВ

Постойте!..

УРЯДНИК

Вот городит огород!..

ВАНЬКА

Я знаю.

ТАТИЩЕВ

Где?

ВАНЬКА

Ты любишь свой народ?

ТАТИЩЕВ

Кого любить, повывелась порода!

ВАНЬКА

В твоих руках спасение народа.

УРЯДНИК

Кончай свою нелепую игру.
Где перстень?

ТАТИЩЕВ

Боже, я служу двору.
Любить прикажут, я люблю, а нет —
Казню!..

ВАНЬКА

Казни!.. Достойнейший ответ.
Казни... Казни!.. И я помочь берусь.
Есть человек!.. Вот кто погубит Русь.
Мотай клубок, а я дам в руки нить.
Там перстень!

ТАТИЩЕВ
Где?

ВАНЬКА
А надо заплатить!..

ТАТИЩЕВ
Я честь Руси не раз спасал в бою...
С кем говоришь?!

ВАНЬКА
За так не предаю.

ТАТИЩЕВ
Я до сих пор лишь вешал за доносы!

ВАНЬКА
Бесплатно только ветер листья носит.

ТАТИЩЕВ
Я жизнь тебе здесь подарил.

ВАНЬКА
Пустое.
В базарный день копейки жизнь не стоит.

ТАТИЩЕВ
Кто тот губитель?

ВАНЬКА
Посулихин — Кнут!
На всю Расею замахнулся, плут.
Бог милостив, жестоки только люди.
Убей его, иначе худо будет.
Он и без перстня, словно царь, богат.

ТАТИЩЕВ
Откуда знаешь?

ВАНЬКА
Он мой младший брат.

ТАТИЩЕВ
Ты не наград — презрения достоин.

ВАНЬКА
Платите, генерал.

ТАТИЩЕВ
Я — честный воин
И дворянин... И честь моих знамён...

ВАНЬКА
(прерывая)
Бойтесь?

ТАТИЩЕВ
Я достаточно силен,
Чтоб не бояться!.. Ты — Иуда!..

ВАНЬКА
Знаю.
Не предаю — от сердца отрываю.
Мне Кнут дороже матери родной.

ТАТИЩЕВ
Долг заставляет говорить с тобой,
А честь велит — повесить на осине.
Таких торговцев не было в России.
Христопродавец!
(Плюёт на Ваньку.)
Тьфу...Тьфу...Тьфу!..Ублюдок!..

ВАНЬКА
(спокойно вытираясь)
А как его, простите, бабы любят.

ТАТИЩЕВ
Кого?

ВАНЬКА
Кнута. Накиньте золотой
За это мне.

ТАТИЩЕВ
Убогий иль святой,
Не разберу... Одно скажу — не промах!
Ты будешь жить в темнице иль в хоромах,
Коль у тебя разбойники друзья!

ВАНЬКА
Да и тебе без Ваньки жить нельзя.

ТАТИЩЕВ
Помилуй Бог!..

ВАНЬКА

Я ловок и умён.
В миру имею несколько имён.
Находчив, подл, увёртлив, непристоен, —
А это, генерал, чего-то стоит!..

ТАТИЩЕВ

Так где ж они?

ВАНЬКА

Скажу, а ты запомни:
Безбожник Кнут разбойничал на бойне.
Халява у сапожника, а Штырь —
У кузнеца... Я предлагаю мир.

ТАТИЩЕВ

Тебе в аду быть!

ВАНЬКА

Знаю, не в раю.
Не подлых я людей вам предаю.
Как есть убийцы все на чистом глазе.
Кнута возьмите. Он не Стенька Разин.
Он в воду не швыряет слабых жён,
На месте душит.

СЫЩИК

И вооружён.

ВАНЬКА

К тому ж из выдающихся умов.
Я назову ещё пять-шесть домов.

ТАТИЩЕВ

Пять мало!.. Я их должен всех повесить.

ВАНЬКА

Платите, генерал, предам и десять.

ТАТИЩЕВ

И десять — мало!

ВАНЬКА

Это как задаток.
Добавьте!.. Назову ещё десяток.
С командой врываись и казни.

УРЯДНИК

Да как его казнить среди родни,

Где атамана любят?

ВАНЬКА

Есть же стих:
Мы больше любим мёртвых, чем живых.
Хотели заменить слова, да нечем.
Все люди смертны, а закон извечен.
Геройство и предательство сродни, —
Ты прикажи, а приведут они
Кнута в приказ.

ТАТИЩЕВ

Благословляю бестий
На дело правое — мне нужен перстень.

ВАНЬКА

Добуду, генерал!. Чтоб мог начать я,
Ты выдай мне бумагу, и с печатью,
О том, что я в приказах не проситель,
А волей Бога — тайный доноситель!
Чтоб мне никто не учинял преград
В моих делах.

ТАТИЩЕВ

Я это сделать рад.
(Достаёт бумагу.)
Служи за веру. Не жалея отдачи!..
(Даёт Ваньке деньги.)

Татищев уходит.

*За ним Придворный, Урядник, Сыщик
и Писарь.*

ВАНЬКА

Какая сила в гербовой бумаге!
*(Спокойно пересчитывает деньги,
проверяя на зуб.)*

Не упустил счастливого момента!..
Я чувствую, что направляем кем-то.
Той силой тайной, яростной, как зверь,
Которую никто ещё не зрел.
Она одна могла меня сберечь.
У силы той невидимой есть меч.
Не виноват я, что в пыли дорожной
Меня вложили в золотые ножны!..
Товар не то, что у купца в палате,
А то, за что исправно деньги платят.
И если нет в кармане ни гроша,
Знай — продаются совесть и душа.

На них не ставят памятного знака.
Душа... она — как верная собака.

С утра на ярмарку отвёл, но — дудки! —
Вернулся к вечеру, она уж в будке!..

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

*Притон шайки атамана Кнута.
Разбойники пируют по поводу спасения
Ваньки. Марфа, подруга Кнута, обносит
всех вином. Ванька, Кнут, Штырь, Халява,
Камчатка, Лапа.*

МАРФА

(Поёт.)

По заснеженному по лесу,
Где деревья ниже пояса,
В небо тёплое, как мать,
Вылетает лебедь белая,
Вылетает лебедь белая
Землю крыльями обнять.

РАЗБОЙНИКИ

А на поле просяном
Бьёт копытом чёрный лом,
Ох, никак!..
Яму роют,
Яму роют
Три охотника!..

МАРФА

Видит в поле чистом — лебеди,
Нелюдимые, как нелюди,
Просо спелое клюют.
Опустили шеи длинные,
Словно братья горделивые,
Там, внизу, нашли приют.

РАЗБОЙНИКИ

А на поле просяном
Бьёт копытом чёрный лом,
Ох, никак!..
Яму роют,
Яму роют
Три охотника!..

МАРФА

Круг счастливый в небе делая,
Опустилась лебедь белая.
Подошла, как подплыла.

Видит: братья окаянные
Неживые, деревянные.
Краской мазаны крыла!..

РАЗБОЙНИКИ

А на поле просяном
Бьёт копытом чёрный лом.
Ох, никак!
Яму роют,
Яму роют
Три охотника!

МАРФА

Нарисованные лебеди...
Ах, охотники... вы — нелюди!..
Что ж, стреляйте — я стерплю!
Взмыла с криком лебедь белая,
Круг прощальный в небе делая,
И упала на стерню!..

КАМЧАТКА

(подавая нож Ваньке)

Клянись быть братом!

ВАНЬКА

(разрезая себе руку ножом)

Я клянусь.

КНУТ

(разрезая свою руку)

Клянусь.

КАМЧАТКА

(соединяя их окровавленные руки)

Навек вы братья.

КНУТ

Обойдём всю Русь,
Из птиц заморских перья беребя.

ВАНЬКА

Недаром Бог со мною свёл тебя.
Пойду с тобою, только позови.

КАМЧАТКА

Пусть будет так.

КНУТ И ВАНЬКА

Клянёмся на крови!

ШТЫРЬ

Удачи, атаман!

КАМЧАТКА (*Ваньке*)

Целуй распятие.

ВАНЬКА

Ты мне не веришь?

КАМЧАТКА

Верю. Все мы братья,
Но верность постигаем у собак,
А подлость — друг от друга.

ВАНЬКА

(*целуя распятие*)

Это так.

КАМЧАТКА

А клясться-то сейчас любой горазд...

ВАНЬКА

Будь проклят Богом тот, кто нас предаст!
(*Кнуту*)

За добрые дела в моей судьбе
Я золотом решил воздать тебе.

КНУТ

Так насыпай!

ВАНЬКА

Сейчас придёт сюда
Купец армянский.

КНУТ

Экая беда —
Они ж вспугнут!

ВАНЬКА

Ты усьмири их норов:
Вели в кафтаны влезть без разговоров,
И пусть они торгуют, как купцы
В Макарьеве у нас.

КНУТ

Эй, молодцы,
Надеть кафтаны!.. Торговаться будем.
Вести себя подобно знатым людям
Под страхом смерти!.. Знаю ваш обычай, —
Чтоб без команды не хватать добычи!

Марфа выдаёт кафтаны.

Разбойники переодеваются.

Где пахнет жареным, они не спят.

ВАНЬКА

(*вслед Марфе*)

Лебёдушка от головы до пят.
Эх, Боже, награди меня отвагой!

КНУТ

Чего?

ВАНЬКА

Да, я гляжу, с такой... ватагой
Не на купца идти, а на редут.
Мы б шведов взяли!

Входит Купец.

Золото несут!

Вот и потеха телу и душе...

КУПЕЦ

Я думал, джан, меня не ждут уже.
Мне этот угол тёмный незнаком.

ВАНЬКА

Сказал и сделал — это мой закон.
Мы люди честные, не то что воры.
Садись, купец. Начнём переговоры.

КУПЕЦ

Оружья, пороха, в жемчужных нитках
Наряды, золото в листах и слитках.
Есть и вино... А твой товар какой?

ВАНЬКА

Торгую мёдом, дёгтем и пенькой.
Хотите в бочках иль в другой посуде?

ЛАПА
(*нетерпеливо*)
А золото с собою?

КУПЕЦ
Нет. На судне.

ЛАПА
...Да как же так?!

КУПЕЦ
Кого ни расспроси —
Ходить опасно стало по Руси —
Разбойники!..

ВАНЬКА
У них законы лихи.
(*Представляя «купцов»*)
Вот Кнут... купец. Прозваньем Посулихин.
На сотни вёрст торговые ряды.
Богат, что царь! А как сберечь труды?
Вот так и ходит босым, налегке
И всё богатство носит в кулаке.
Купец Камчатка. Этот для гостей
Торгует парусами всех мастей.
На бочку деньги — и айда на берег,
Штаны отвисли у него от денег!
У Лапы капитал того поболее.
Ещё бы!.. Он торгует ветром в поле.
Купец Халява тоже преуспел —
Первейший человек сапожных дел:
Подставит ножик — пикнуть не могли,
В один момент снимает сапоги.
Он — всем помощник. Ну и, наконец,
По скобяным изделиям купец
Прозваньем Штырь. Имеет он привычку
Не крест носить на шее, а отмычку!..
Так что тебе?.. Есть нож, а есть и вар
Расплавленный!..

Купец растерян.

КАМЧАТКА
Не нравится товар?

ВАНЬКА
Ты погляди, какие удалцы!

КУПЕЦ
Я слышал, джан, что русские купцы
До игр охочи.

ВАНЬКА
В этом наша статья —
В разбойничков мы любим поиграть
С заезжими...

ЛАПА
(*Ваньке*)
Чего ты льёшь елей?
Идёт на сговор к нам и без башлей!
Пусть катится, куда целы кости.

КНУТ
Прощай, купец, но жди нас скоро в гости!

Купец поспешно уходит.

ВАНЬКА
...Ни сыщика, ни соловья в округе,
А золото твоё осталось в струге.

КНУТ
Не дал работы ни ножу, ни пуле.

ВАНЬКА
Да, ловко с золотом тебя надули!

ЛАПА
(*передразнивая Купца*)
«...Есть золото в листах, а есть
и в слитках»!..

КНУТ
Купца повешу на жемчужных нитках.

ХАЛЯВА
Зачем же эдак пропадать добру —
Отдам ремень, а нитки приберу.

ВАНЬКА
Добычу рано начали делить.
Как атаман решит, тому и быть.

КАМЧАТКА
Мы не дадим уйти отсюда стругу.

КНУТ

Катите бочку!

(Выкатывают бочку с вином.)

Наливай по кругу!

И пусть сегодня нету ни гроша,

Но завтра...

(Поднимает кружку.)

Эй, посторонись, душа!

(Пьёт.)

Но завтра своего мы не упустим!

ХАЛЯВА

Козла не проведёте на капусте.

Коня не дали — оседлаем клячу,

Но не отступим!

КАМЧАТКА

Выпьем за удачу!

ЛАПА

Да сколь ни пьём, а всё удачи нет.

КАМЧАТКА

За Ваньку!.. Это он навёл на след!..

Все пьют, кроме Ваньки.

ВАНЬКА

(Кнуту)

Ты за купца меня не обессудь.

КНУТ

Своё возьму.

ВАНЬКА

О струге позабудь.

Что он вам дался, Лапа?

ЛАПА

Бес попутал.

А ты чего не пьёшь?

ВАНЬКА

На сердце смута.

Всё думаю, чём заплатить Кнуту,

Что братом стал.

ЛАПА

Пошли его к шуту!

Из петли вынуть — подвиг невелик.

Не доблесть делать то, что долг велит.

У сыщиков Кнут тоже не в почёте,

С него колодки срубишь — и в расчёте.

Такое между братьями не внове!

ВАНЬКА

А где ты, Лапа, промышляешь ноне?

ЛАПА

Мои угодья — пятая верста.

Беру добычу прямо у моста.

Пограблю ночку — и как ветром сдуло,

Лечу сюда!

КАМЧАТКА

(Ваньке)

Тебя что потянуло

В сысской приказ?

ШТЫРЬ

Готовил нападение!..

(Хохочет.)

ВАНЬКА

Услышал я — дают большие деньги

За голову мою... Обидный случай:

Тобой торгуют, а другой получит.

Ну, прихватил с собою молодца

И объявился... «Взять, — кричат, — купца!..

Он — Ванька!.. Он!..

«И, как блоху, под ноготь!»

Тут генерал как гаркнет им: «Не трогать!..

Вы так царя поднимете на вилы!

Он — благородный!.. Видно же по рылу!..

На нём ботфорты с золотым замком,

Да он с самой царицею знаком».

ХАЛЯВА

И ручку целовал?

ВАНЬКА

Да мы не в Польше,

Чтоб руки целовать. Берите больше!

КАМЧАТКА

Ну, врать горазд! Похлеще толчеи!..

ВАНЬКА

Да я за баней с ней гонял чай!

ХАЛЯВА
И как она?.. Эх, поглядеть и нам ба!..

КАМЧАТКА
Шалишь!

ХАЛЯВА
Ну... как?

ВАНЬКА
Да одним словом – баба!
Она на это дело мастерица.

МАРФА
Вот если б услышала вас царица,
Поотрубала б вам...

ХАЛЯВА
Прости нас, Боже,
За языки!

ВАНЬКА
Она ведь баба тоже!
Тебе б, как ей, на каждый день по платью,
Царице ты б не уступила статью.
Вельмож водила бы на поводу.

МАРФА
Недоставало кобелей в роду!

Все хохочут.

ВАНЬКА
(Кнуту)
Что грустен, атаман?

КНУТ
Мне горше пытки
Те жемчуга армянские и слитки.

ВАНЬКА
Забудь о них.

КНУТ
Там денег цело море!

ВАНЬКА
Где больше денег, там и больше горя.
Не струг армянский на воде, а клеп!..

КНУТ
Сарынь, за мною!

ВАНЬКА
Стойте! Он ослеп!

КНУТ
Я вас сегодня славно угощу!

ВАНЬКА
(падая на колени)
Не покидай меня!.. Не отпущу-у-у!..

КНУТ
Встань!

ВАНЬКА
Нет. Не встану!

КНУТ
Что завёл бузу?

ВАНЬКА
Так за ногой твоей и поползу.
Не отпущу. Не стану есть и пить!

КНУТ
(отшвыривая Ваньку)
Как атаман решил, тому и быть!
А ты не слышу!

ВАНЬКА
Брат мой!..

КНУТ
Не галди ты!

ВАНЬКА
Эй, православные!.. Чего глядите?
Остановите!

КНУТ
Лошадь без дороги
И та слабеет.

ВАНЬКА
Марфа!.. Падай в ноги!
Он навсегда уйдёт на этот раз!

МАРФА

Иван, ты знаешь, кто его предаст?

ВАНЬКА

Ты — первая!

МАРФА

ТЬфу на тебя!

ВАНЬКА

(вытираясь)

Чего?..

Все, все вы отречётесь от него.

КАМЧАТКА

(Кнуту)

Умрём с тобою!

ВАНЬКА *(Кнуту)*

Никому не верь.

Живёт в них — в каждом! — человек и зверь.

Один в шерсти, второй — совсем нагой.

Один спасает, предаёт другой!..

К большой воде сама катится Волга,

А голова — к петле... И ждать недолго!..

КНУТ

Да не вещай ты!

ВАНЬКА

Истинно глаголю:

Ты оставляешь здесь жену и волю.

Твоя тропа, травую порастая,

Не скроется, — гляди, какая стая

Пойдёт по ней... И каждый — волк, не лапоть.

За баню Марфу и за кофту лапоть.

А грудка у неё, как у ракши,

Навыкат вся!

КНУТ

Брат, не трави души.

Нет человека мне верней.

ВАНЬКА

И верно,

Ты говоришь об этом мне не первый.

Подчас мы только верною богаты,

Жаль, что рождаемся уже рогааты!

КНУТ

(подавая ему кружку)

Пусть небеса удачу мне пошлют.

Пей!

ВАНЬКА

За неё враги с тобой пусть пьют.

Они ведь ждут, чтоб атаман их резвый

И Марфу потерял, и разум трезвый.

А я — твой брат!

КНУТ

За перекатну голь!..

(Пьёт.)

ВАНЬКА

Пей, коли пьётся, а меня уволь!

КНУТ

Сарынь, за мною на армянский струг!

ВАНЬКА

В последний раз молю, как брат и друг,

Опомнись!

КНУТ

Не встревай. Я слово дал!

ВАНЬКА

Запомни — я тебя предупреждал.

*Кнут и Разбойники уходят.**Ванька и Марфа остаются одни.*

ВАНЬКА

Куда ты, Марфа?

МАРФА

Приберусь пока.

ВАНЬКА

Не очень-то ты держишь голубка,

Коль отпустила.

МАРФА

Боже, что я слышу?!

К утру вернётся голубь мой под крышу.

Вот и закат крылатый, — есть поверье,

Что прилетит.

ВАНЬКА

Ему подрежут перья,
И никакие знаки не спасут!

МАРФА

Подрежут крылья — снова отрастут,
А я дождусь... Так что не строй расчёты!..

ВАНЬКА

Моя меня вот так не ждёт...

МАРФА

Да что ты?!.
Неужто и не ждёт?

ВАНЬКА

Мне, что ни ночь,
И жизнь не в жизнь, и умереть невмочь.
Иль бодрствую, иль впал медведем
в спячку,
Не разберу... Жую всё ту же жвачку...
Мне бы тебя... Да сделать выезд
праздний...
Ты каждый день умеешь быть всё разной.
А мужику знай подавай новьё.

МАРФА

Всё норовишь схватить, что не твоё.

ВАНЬКА

Надул меня своим товаром сват.

МАРФА

Чего плетёшь?!. Ты вовсе не женат!..
(в сторону)
Вот мелет чушь, а за сердце задело...

ВАНЬКА

Женат иль нет... Тебе-то что за дело?
Ты мужика не спрашивай о многом:
Встань, отряхнись и отправляйся с Богом!

МАРФА

Так я ж — не курица!

ВАНЬКА

Одно у всех.

МАРФА

С тобой поговорить, как справить грех.
Зачем тебе искать во мне утеху.
Иди за золотом.

ВАНЬКА

А мне не к спеху!
Вот ты сама поторопилась, мать,
В лицо мне плюнуть... Как же целовать
Теперь ты будешь!. Я — твой господин.
(Приближается к Марфе.)
Чего дичишься?.. Всё конец один!
Всё к одному идёт на этом свете.

МАРФА

Я — женщина... Ты пользуешься этим.
Но я — жена!

ВАНЬКА

Ты не сочти за месть,
В лесу твоём разбойничков не счесть...
Тебя не раз терзали, как на бойне!

МАРФА

Я это позабыть хочу!

ВАНЬКА

Ты помни!..
Кнут это позабыл, ему и благо.
Неграмотному чистая бумага —
И то указ!.. Ты помни, Марфа, всех,
Кого ты пожалела.

МАРФА

Это грех.

ВАНЬКА

Грех, коли без любви. А я берусь
С любовью... Что ты?!.
Я тебя боюсь.

МАРФА

Я тебя боюсь.

ВАНЬКА

Будь кроткой в жизни, а в любви лиха.
Бойся тот, кто не свершал греха.
Пей радости, да будет полной чаша!
Кто всё познал, тому уже не страшно
Быть страждущему мужем иль женой.

Смерть мёртвых не страшит... Ну а живой
Пусть думает, что он единый в свете,
Который избежит суда и смерти,
И счастлив в заблуждении!

МАРФА

Откуда

Слова твои?... В тебе живёт Иуда!

ВАНЬКА

Кто жил до нас — всё нам с тобой сродни:

Слова едины и грехи одни.

Случалось всё до нынешнего дня,

Но не было несчастнее меня,

Как не было на свете слаще губ

Твоих, владычица!

(Пытается обнять Марфу.)

МАРФА

(отстраняясь)

О, как ты груб!

Родитель твой, случайно, не медведь?

ВАНЬКА

(наигрывая обиду)

И ты туда же? Как на мир глядеть?

Как жить? Все оскорбления одне —

Вы только зверя будите во мне...

Медведь ли он? — спроси об этом мать.

Но для чего, скажи, напоминать

Голодному, как мягок свежий хлеб,

Слепому, как прекрасен белый свет,

Горбтому, что у него есть горб...

Что ж, бейте, люди... бейте... я не горд,

Не я повинен, что живёт скотина

И птица в каждом!

МАРФА

(уступая)

Брось!.. Я пошутила...

Ну... успокойся...

ВАНЬКА

(не слушая её)

Каждому награда —

Рога да когти!

МАРФА

(в испуге)

Миленький, не надо!..

ВАНЬКА

...Что ты сказала?

МАРФА

То, что клином клина

Не вышибить!..

(Увлекая Ваньку.)

Иди!.. Вот губ малина.

Отведай мёда, солнцу налитого...

ВАНЬКА

Ещё не знал я лакомства такого.

Как муравейники поднялись груди...

МАРФА

Не обвини, Господь, меня во блуде.

Ослепни, солнце!

ВАНЬКА

Я не вижу света!

МАРФА

Молчи... То не тебе!.. Медведю это...

(Целует Ваньку.)

ВАНЬКА

Не затевай в любви пустого торга.

Умри в моих объятьях от восторга,

Любимых всех во мне одном милая...

Я знаю, эта сладость поцелуя

От сладости предательства... Ещё б,

Ты на спину ведь ляжешь и во гроб.

Все рвёшься из супружеских оков

И не себя клянёшь, а мужиков!

Появляется Не-наш.

НЕ-НАШ

Остановись!.. Послушай, дело худо.

На судне — сыщики!

ВАНЬКА

Пошёл отсюда.

МАРФА
Что он сказал?

ВАНЬКА
Не слушай. Всё он врёт!
(Обнимает Марфу.)

НЕ-НАШ
Не торопись. Хозяин не придёт.
Она теперь твоя на все века!

ВАНЬКА
Жизнь долгая, да ночь-то коротка!

НЕ-НАШ
Все с ружьями они.

ВАНЬКА
(отгоняя Не-наша)
Не суй свой нос
Куда не следует!

МАРФА
(вырываясь из объятий)
Блудливый пёс!
Какие ты слова в душе посеял,
Всё о любви... А сам чего затеял?!

ВАНЬКА
Да я ещё не знал счастливей дня!

МАРФА
Ведун, не заговаривай меня!

ВАНЬКА
Сам на меня нашёл любовный стих,
Вот и беснуется!..

МАРФА
...Ты продал их...

ВАНЬКА
Кто?

МАРФА
Предал!

ВАНЬКА
Я?!

МАРФА
А клялся в дружбе верной!

ВАНЬКА
Скажи, кто предал их сегодня первым?
Не прячь свои бесстыжие глаза,
Бог видит всё.

МАРФА
Меня он наказал.
Но даже он не знал, что ты предашь.
Братоубийца!

ВАНЬКА
Что?.. Гуляй, Не-наш!
(Достаёт нож.)
Знай, не пристало бабе нас учить.
Из пряжи нитку долгую сучить —
Вот ваше дело.

МАРФА
Говорит народ,
Что нитка та на петлю подойдёт.
Могу сейчас отмерить, и не скупю,
Для всех, кто предал!..

ВАНЬКА
Замолчи ты... Кукла!..
Я от любви, быть может, предавал,
А вот тобой кто только не играл!
Глянь, у тебя потёртые бока!
Чего ты мне плетёшь здесь про дружка?
(Подступает к Марфе.)

НЕ-НАШ
Зачем тебе дырявая посуда?
Оставь её.

ВАНЬКА
Ты здесь?.. Пошёл отсюда!

НЕ-НАШ
Мне Бог сказал: беги к нему, спаси!

ВАНЬКА
Отец не знает, что содеял сын.
Пошёл.

Не-наш прячется.

МАРФА

Опомнись! Кнут твой кровный брат.
Бог не простит.

ВАНЬКА

А в чём я виноват?
У каждого из нас своя дорога,
И всё что ни содеял, всё от Бога.

МАРФА

За дьяволом, негодник, ходишь следом.

ВАНЬКА

Да замолчи ты!

МАРФА

Бог тебе неведом.
За пазухой носить на брата камень!..

ВАНЬКА

Отстань!

МАРФА

Да ты...

ВАНЬКА

Заткнись!..

МАРФА

Ты, Ванька, — Каин!..

Ванька бьёт Марфу ножом.

Ты Ка-ин...

ВАНЬКА

Раскричался, дурёха!..
Я так живу... Что?.. И живу неплохо.

Я тоже кукла... Только сил в избытке...
Эй, кто там дёргает меня за нитки?..
Не отзывается... И в сердце смута.
Рождён был добрым я, да бес попутал!
Я бесом в Каины произведён.
С ним предаю я, им и защищён!..
Я — Каин, да!.. Такой мне выпал стих,
И содрогнётся мир от дел моих!..

*Появляется Не-наш. Первый актёр
снимает с себя парик Ваньки Каина.*

Я больше не могу... Всему есть край.
Прости...

АКТЁР

(играющий Не-наша)

Тогда про Авеля играй!..
Ведь Каина и не было вовек.
Стыдись, актёр!

ПЕРВЫЙ АКТЁР

Но я же — человек.
Здесь что ни слово — сердце наразрыв!

АКТЁР

О, как мне, брат, понятен твой порыв.
И я б хотел играть полегче повесть,
Да не могу — не позволяет совесть!
Надень парик, чтоб люди на земле
Не забывали о великом зле
Предательства, и дело доверши:
Мир подними до собственной души!

*Первый актёр надевает парик Ваньки
Каина, уходит. Не-наш уносит тело
Марфы.*

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

*Дом Ваньки Каина. Ванька сидит перед
кукольной ширмой. Входят Татищев
и Придворный.*

КУКЛЫ-БАБЫ

Вот титька, вот другая..
А вот сама кладовая!..

КУКЛЫ-МУЖИКИ

Вот локоть, вот другой,
А вот ключ от кладовой!

ТАТИЩЕВ

Нашёл забаву!..

ПРИДВОРНЫЙ

Жгут, как кипятки!
Я бы купил себе таких пяток.
Какие девки-то, и все в поре.
Такого не увидишь при дворе.
Там жилы тянет из себя кастрат
За золото.

ТАТИЩЕВ

И здесь не без затрат.
Откуда деньги, чтобы в чистом поле
Возвесть такое?

ВАНЬКА КАИН

Всё по Божьей воле.
Для гнева генералу нет причин.

ТАТИЩЕВ

Бог дал тебе богатство, дом и чин,
Так ты служи и Богу и казне.
Лишь стоило раз отвернуться мне,
Как он завёл: театр, хор, медведя!..
К тебе в Москву императрица едет,
А ты чем занимаешься?!

ПРИДВОРНЫЙ

Да полно!
Ты думаешь, она о перстне помнит?

ТАТИЩЕВ

Средь бела дня и то о перстне бредит.
Я думаю, она за ним и едет.

Татищев уходит.

ВАНЬКА КАИН

Императрица?.. К нам?.. В Москву?..
Сама?..
О Господи!.. Мне б не сойти с ума!..
Аж страх берёт, представляю лишь на миг:
У нас в Москве открыли лавку книг!

ПРИДВОРНЫЙ

По книгам вся учёность и видна.

ВАНЬКА КАИН

Зачем мне книги, есть уже одна.

ПРИДВОРНЫЙ

Нужны другие.

ВАНЬКА КАИН

Говори невежде,
Что книги разные, ведь буквы те же!
Так книги может продавать любой.
Переставляй лишь буквы меж собой!

ПРИДВОРНЫЙ

Ты можешь это подтвердить примером?

ВАНЬКА КАИН

Не приставай. Учи меня манерам.
Скорей!

ПРИДВОРНЫЙ

Наука эта нелегка.
Нам начинать придётся с языка.

ВАНЬКА КАИН

Так начинай. Чего ты?

ПРИДВОРНЫЙ

Значит, так:
Вот эта буква будет «мягкий знак»!
Раз поглядев, запоминай навеки!..

АКТЁР

(сбрасывая с себя кафтан Ваньки)

Ты что, забыл в каком с тобой мы веке?!
Все эти знаки появились позже!

ПРИДВОРНЫЙ

Не выставляй своей учёной рожи!
Я знаю сам, что были «ерь» и «еры»,
Что Аристотель жил до новой эры,
Что не было термометров из ртути.
Бери кафтан и отвечай по сути!

АКТЁР

(надевая кафтан)

Дай реплику.

ПРИДВОРНЫЙ

Вот то-то!.. Значит, так:
Вот эта буква будет «мягкий знак»!

ВАНЬКА КАИН

Что? Мягкий знак?.. Какая ж это буква?..
 Аз, буки, ве́ди — вот она азбу́ка!..
 Так и кастрат за мужика сойдёт,
 Ты мне давай тут не смеши народ.
 Я в детстве на снегу слогами пи́сал,
 А чтоб бумагу портить, вон — есть писарь.
 От грамоты одна напасть на Русь.
 Три буквы знаю — ими и пишу́сь.
 Нам, православным, хватит и креста.
 А чтоб слова молоты, даны уста!

ПРИДВОРНЫЙ

Не торопись, ведь ты ещё не вник.
 Есть знак и твёрдый...

СЫЩИК

(войдя)

Принесли парик!

ВАНЬКА КАИН

Теперь пойдёт по-крупному игра!..
(Берёт парик.)
 А тот ли?..

СЫЩИК

Тот. С французского двора.
 Другого нет.

Сыщик уходит.

ВАНЬКА КАИН

Годится.

ПРИДВОРНЫЙ

Вот дела...
 Его ведь сам Людовик надевал.

ВАНЬКА КАИН

(перед зеркалом)

Теперь мне твой Людовик сват и кум.

ПРИДВОРНЫЙ

Под ним быть должен королевский ум!

Ванька надевает парик.

Появляется Сыщик.

СЫЩИК

Где Ванька Каин?

ВАНЬКА КАИН

Как оно наделось?..
 Не Ванька я тебе, а — ваша светлость!..
 Эх, темнота!.. Вот книгу полистай-ка.

СЫЩИК

Прошу прощенья, ваша светлость Ванька!

ВАНЬКА КАИН

(манерно)

Откуда в вас такая неумелость?..

СЫЩИК

Позвольте обратиться, Ванька светлость!

ВАНЬКА КАИН

Не Ванька светлость я...

СЫЩИК

(прерывая)

Вот маета!..

ВАНЬКА КАИН

Не видишь — наша светлость занята!

Сыщик уходит.

Себя не узнаю!.. И что за идол?
 И лысину прикрыл, и спрятал придурь!
 Я чую королевские замашки,
 Отныне кофе буду пить из чашки!
 Вот что на свете посильнее книг.
 Ты — сам учёный, если есть парик!
 Иди себе по миру налегке,
 Все двери настезь, если в парике!
 Да что там двери!.. С этою приметой
 Я встретиться могу с Елизаветой.

ПРИДВОРНЫЙ

Не торопись! Она сильней Минервы.
 Парик достал, а где возьмёшь манеры?
 «Пожалуйста» не скажешь!..
 Надо — «Плиз!..»
 Тут без меня опять не обойтись.

ВАНЬКА КАИН

(давая Придворному кошель)

Ты дай совет, чтобы спина не гнулась.

ПРИДВОРНЫЙ

Манер не знаешь, нажимай на грубость.

Я при дворе болтался до седин.

Различен способ — результат один!

ВАНЬКА КАИН

Ох, не уйти с тобою от греха.

Как начинать-то?

ПРИДВОРНЫЙ

Ясно!.. Со стиха.

Враз падай на колени и реки!

ВАНЬКА КАИН

Колени есть... Не знаю ни строки!..

ПРИДВОРНЫЙ

Да свой парик посеребри золой...

Стихи такие... Повторяй за мной:

«Москва едина, на колена

Упав, перед тобой стоит.

Власы седые простирает,

Тебя, Богиня, ожидает,

К тебе единой вопия:

...Я жду щедроты твоя!..»

ВАНЬКА КАИН

«Я жду щедроты твоя,

К тебе единой вопия!..»

Входит Татищев.

ТАТИЩЕВ

(Придворному)

Ну, как учение?

ПРИДВОРНЫЙ

Напрасный труд!..

ТАТИЩЕВ

Что так, светлейший?

ПРИДВОРНЫЙ

Генерал, он — туп!

ВАНЬКА КАИН

Ты почему меня не похвалил,

Ведь я вчера всю ночь тебя поил.

Я знал: огня не высечь без кресала.

Совсем в народе совести не стало...

ПРИДВОРНЫЙ

Все в этой жизни, дорогой, непросто.

ТАТИЩЕВ

(Ваньке)

Сколь допросили?

ВАНЬКА КАИН

Двести девяносто

И восемь нынче!

ТАТИЩЕВ

Отчего, ответь мне,

Разбоев стало больше?

ВАНЬКА КАИН

Шутят, черти!

Ведь шутники водились завсегда,

Ну, там убьют кого... Что за беда?

Или ограбят враз какого психа.

Чтоб наших знал... Но в основном всё тихо!

Ведь я служу, не ведая покоя.

Входит Сыщик.

СЫЩИК

Позвольте доложить, признались двое

Под пытку.

ТАТИЩЕВ

Признались в чём?..

СЫЩИК

Как — в чём?!.

Что перстень воровали!

ТАТИЩЕВ

Где ж он, чёрт,

Где перстень-то?

СЫЩИК

Ещё пытаем трёх.

ВАНЬКА КАИН

А как себя ведёт мой пустобрёх?

СЫЩИК

Отпетый, доложу тебе, бандит!
Ни слова нам, всё про себя бубнит.
Не слышит ничего, хоть по лбу тресни.
«Отстаньте, — говорит, — слагаю песни!
Во мне, — крик, — просыпается эпоха!..»
Что взять с него?

ВАНЬКА КАИН

Не трогай пустобрёха!
Дай пива бак да покорми вдвойне,

Сыщик уходит.

(Татищеву)

Он песни сочиняет обо мне.
Одна, замечу, о сыновнем долге,
Другая — «Вниз по матушке по Волге»!
Вчера сложил, не очень вышло, право, —
«Ой, не шуми, зелёная дубрава...»
Я сам не знаю этих ихних правил.
По шее двинул — думаю, поправит.
А если провиденье снизойдёт,
То и народ наутро запоёт.
Так что, прошу прощенья, вы не правы —
Бог дал мне дело, только не дал славы.

ТАТИЩЕВ

Но на тебя мне жалобы приходят.

ПРИДВОРНЫЙ

Я проверял. Напраслину возводят.

ТАТИЩЕВ

Мне бьют челом, что ты и сам в набег
Пойти не прочь!

ПРИДВОРНЫЙ

Честнейший человек.
От зависти клеветают.

ВАНЬКА КАИН

Это точно.
(Придворному)
Я у твоей графини был той ночью.

ПРИДВОРНЫЙ

Ты б хоть молчал, чтоб не было позора...

ВАНЬКА КАИН

Я ж тебе графа делал, а не вора!
(Татищеву)
Ещё что слышно?

ТАТИЩЕВ

Среди прочих бед
Пропала дочь поповская трёх лет.

ВАНЬКА КАИН

Что говорить... Детей воруют лихо,
А в остальном у нас в округе тихо!..

Сыщик вводит Трезвенника.

ТАТИЩЕВ

А этот что?

СЫЩИК

Не заплатил подушный.

ТАТИЩЕВ

Не заплатил?

ВАНЬКА КАИН

Однако слишком ушлый.
Не под таких я подводил статью...
(Хватает Трезвенника.)
В чём виноватый, говори!..

ТРЕЗВЕННИК

Не пью!

ВАНЬКА КАИН

Ни пиво, ни полпиво и ни мёд?

ТРЕЗВЕННИК

Нет.

ВАНЬКА КАИН

Вот злодей!

ТРЕЗВЕННИК

Здоровье не даёт.

ВАНЬКА КАИН
Смертоубийца!.. Лиходей!.. Расстрига!..

ТРЕЗВЕННИК
Не виноват я...

ВАНЬКА КАИН
Ты страшней, чём иго.
Тебя в котле сварили б в старину.
Вот, поглядите, кто зорит страну!
Тебя не убивать, толочь бы в ступе!..

ТРЕЗВЕННИК
За что?

ВАНЬКА КАИН
Ты... государственный преступник!
Не пьёт — и вроде б дело сторона.
Радеет о здоровье?... А страна?!
Ты что, не знаешь, что мы все должны
Пить ради пополнения казны?
Страна беднеет, можно ль быть беспечным?..
Войска разуты, и стрелять им нечем!
Императрице платья не пошить!..
Да что тебе об этом говорить,
Ты ж утром похмеляешься росой!..

СЫЩИК
Он трезвенник, а всё одно косой!

ВАНЬКА КАИН
«Здоровье не велит»!.. В твои-то годы...

ТРЕЗВЕННИК
Что делать?... А кривой я от природы!

ВАНЬКА КАИН
Башка-то есть, и ум, поди-ка, резвый,
Ты можешь Русь себе представить
трезвой?!
Не можешь?... То-то!..

СЫЩИК
Шкуру снять живьём!

ВАНЬКА КАИН
За пиво платим — этим и живём,
А ты... как из гнезда на землю выпал!..

СЫЩИК
Вот взять меня, так я три нормы выпил!
Так и живу, не закрывая рот,
А почему?... Затем, что патриот!.

Сыщик уводит Трезвенника.

ВАНЬКА КАИН
Пока мы пьём, он дошагает быстро
До канцлера, а то и до министра!.

ПРИДВОРНЫЙ
Но я-то знаю, то напрасный труд.
Там — патриоты все!

ТАТИЩЕВ
Там не поймут!
Плетей ему и напоить ретиво!

Сыщик вводит Пивовара.

С чем этот пойман?

СЫЩИК
Сука!.. Варит пиво!
Гуляет вся округа обалдело.

ВАНЬКА КАИН
Дурить народ — твоё ли это дело?!
А для чего, скажи мне, государство?

ПИВОВАР
Так я варю не пиво, а лекарство
И выношу мещанам на похмелье,
А без того в работе нет уменя!

ВАНЬКА КАИН
Нашёл занятие — спаивать с ума.
На это есть империя сама.
Какой негосударственный народ:
Один сам варит, а другой не пьёт.
И не поставь надёжные щиты,
Так доведут страну до нищеты!..

ТАТИЩЕВ
Плетей!

Пивовара уводят.

Я объявляю в сотый раз
Кабачным целовальникам наказ:
Лихого опасенья не держать
И питухов, пусть пьют, не отгонять!

Сыщик вводит Фальшивомонетчика.

Кто там ещё?

ВАНЬКА КАИН
Чем промышлял, бездельник?..
Ну!..

ФАЛЬШИВОМОНЕТЧИК
Изготовкой самодельных денег.

ТАТИЩЕВ
И знал ли ты, чем это всё грозит?

ФАЛЬШИВОМОНЕТЧИК
От царских отличишь — тогда казни.

СЫЩИК (*Ваньке*)
А что, как не отличны ненароком?

ВАНЬКА КАИН
А ну, покажь!

Берут монеты. Разглядывают.

Да здесь же лишний локон!

ПРИДВОРНЫЙ
И поворот не тот!.. И грудь покруче!..
Чего же так?

ФАЛЬШИВОМОНЕТЧИК
Да я хотел как лучше.
Чтоб больше соответствовать природе.

ВАНЬКА КАИН
Вот образованность к чему приводит!
Небось иконописец — не иначе,
Где б он ещё так руку насобачил!

ФАЛЬШИВОМОНЕТЧИК
Перерисую всё, лишь дайте волю.

ВАНЬКА КАИН
Но мне тогда вступить придётся в долю.
Давай с тобой договоримся так:
Я глаз кладу на дело, ты — талант!
Иди, трудись!..

Фальшивомонетчик уходит.

ТАТИЩЕВ
Казнить его!

ВАНЬКА КАИН
Что?! Шиш!..
Вот ведь не хочешь, чёрт, а согрешишь.

ТАТИЩЕВ
Всё государство развалил Бирон...

ВАНЬКА КАИН (*разглядывая деньги*)
Все говорят, от них один урон,
А я вот думаю себе иначе:
Чем больше денег, тем страна богаче.
Их не казнить, а кланяться б им в пояс.

ТАТИЩЕВ
Пойти взглянуть, не видно ль царский
поезд.

Татищев уходит. Придворный идёт за ним.

СЫЩИК
Косой не пьёт!

ВАНЬКА КАИН
Заставь иль пореши.

СЫЩИК
Пьян пустобрёх, но дело завершил.

ВАНЬКА КАИН
И хорошо ли?

СЫЩИК
Он отдал на суд
Трёх сыщикам, так до сих пор поют.
Уж все грехи свои отмыли в песне!

ВАНЬКА КАИН
А пустобрёх тебе признался в перстне?

СЫЩИК
«Не брал!» — кричит.

ВАНЬКА КАИН
Заперся, гад ползучий.
Но ничего... Он за труды получит...
И как их только создаёт природа?
Талант, подлюка, выкрал у народа,
Да так, что не заметили пропажи.
Спасибо господу, что я на страже.
Я — Ванька Каин!

СЫЩИК
Как прикажешь быть?

ВАНЬКА КАИН
Плетьми ворюгу до смерти забить.

СЫЩИК
А с песней как же?

ВАНЬКА КАИН
Не жалеть чернил.
Вели писать: народ, мол, сочинил.

Сыщик уходит.

Мне Бог не дал, как вам, образования,
Но воспалил во мне одно желание:
Я принятым хочу быть ко двору,
И там, коль суждено мне, я умру!
Хочу навек во тьму я погрузиться,
Ослепнув от очей императрицы,
И, отстегнув с накидки лёгкой брошь,
Сменить её на перстень!

Сзади вырастает Кнут.

КНУТ
Здесь умрёшь!..
Но прежде мне ответь, как на суде,
Как перед Богом...

ВАНЬКА КАИН
Что ты?

КНУТ
Марфа где?

ВАНЬКА КАИН
Тьфу, напугал!

КНУТ
Не лстись на Божью милость!
Где Марфа?.. Ну!

ВАНЬКА КАИН
Я думал, что случилось!
Вчерашнего не просят нынче снега.
Уже растаял. Слишком долго бегал.
С кем только жизнь её не повенчала...

КНУТ
Что ты плетёшь?.. Опомнись!

ВАНЬКА КАИН
Для начала
Была со мной!.. Ей-Богу!..

КНУТ
Подь ты!.. Подь!..

ВАНЬКА КАИН
А кто был после, знает лишь Господь.

КНУТ
Убью!..

ВАНЬКА КАИН
Постой. Не много в том труда.
Ты вспомни: я тебя предупреждал.
Я умолял: не уходи!.. Но ты
Меня не слушал — пожинай плоды!

КНУТ
Ты что, пророк?

ВАНЬКА КАИН
Куда мне?! Много проще
И пострашней.

КНУТ
Так кто ты?

ВАНЬКА КАИН
Я — доносчик.
В мои силки твоя попалась банда.

КНУТ

Глядит в глаза и не стыдится, падла!
Ответь, где Марфа?.. Видишь этот нож?
Он на тебя наточен.

ВАНЬКА КАИН

Не убьёшь!
И рыба сдуру мечется в садке.
Ты у меня давно на поводке.
Я на тебя давно уже донёс,
И что случись со мной — с тебя весь
спрос!

КНУТ

Ты был мне братом!.. Мой защитник
первый...

ВАНЬКА КАИН

Князья мне служат правдою и верой,
А ты здесь кто, чтобы судить так строго?..

КНУТ

Ты бы донёс, да некому, на Бога...

ВАНЬКА КАИН

Я за тебя все деньги взял вперёд,
Но ты сбежал... А мне опять расход!..
Какой же ты, позволь спросить, мне брат?

КНУТ

Выходит, я кругом и виноват!
Ну, погоди... Мне нечего терять!

ВАНЬКА КАИН

На что тебе сдалась эта тать?

КНУТ

Но где она?.. Я должен видеть всё ж!..
(Хватает Ваньку)
Ты мне сейчас ответишь иль умрёшь!

ВАНЬКА КАИН

Стой!.. Пощади!.. Не знаю, видит Бог!..

*Кнут замахивается ножом,
но в это время раздаются фанфары.
Вбегают Татищев и Придворные.
Кнут замирает в нерешительности.*

ТАТИЩЕВ

Императрица!..

КНУТ

(отпуская Ваньку)
Чтоб ты сам подох!..
Сюда?.. Неужто?.. С нами Божья сила!..

ВАНЬКА КАИН

(сидя на полу)
Чего она ко мне так зачастила?..

ПРИДВОРНЫЙ

Она уж близко!..

КНУТ

(растерянно)
Эй, вставай скорей!

ВАНЬКА КАИН

Ты замахнулся, так убей!.. Убей!..
Убей, чтоб знала и императрица,
Что у неё в империи творится!
Хотел убить, а смотришь оробело...
В доносчики подался я для дела.
Взгляни на дом мой, прогляди сто глаз —
Дворец, и только!.. Не сыскной приказ!
Все чтут меня.

ПРИДВОРНЫЙ

Не к месту этот спор!

ВАНЬКА КАИН

Я с сыщиками — сыщик, с вами — вор!
А ты всё бродишь средь болот и весей...

ТАТИЩЕВ

Я должен был давно тебя повесить!

ВАНЬКА КАИН

Меня повесить?.. Генерал, но разве
В России нет отмены смертной казни?
Зачем же я кричал истощно «слово»?..
Кругом обман?

ТАТИЩЕВ

Указа нет такого.
Но если надо, топим как котят.

ВАНЬКА КАИН
Указа нет, а головы летят!

ТАТИЩЕВ
Не тех ты званий и не тех кровей!

ВАНЬКА КАИН
Что ты — милорд, заслуги нет твоей.
Могло ль на свет явить вдруг подлеца
Прелюбодейство твоего отца?
Конечно, нет. Он из английских лордов
И поставляет ко двору милордов.

*Татищев не заметил, как Ванька надел
ему на палец перстень Елизаветы.*

А что до генерала — я им буду!

ГОЛОСА ПРИДВОРНЫХ
— Он обнаглел совсем!
— Урод!..
— Ублюдок!..

ТАТИЩЕВ
ТЬфу на тебя!..

КНУТ
(в сторону)
Вот растравил гусей!..

ПРИДВОРНЫЕ
— Тьфу!..
— Тьфу!..
— Вон!..
— Прочь!..

ВАНЬКА КАИН
Вы купленные!.. Все!
И оттого меня вам не прогнать!..
Уж потерпите!.. Можете плевать,
Коль легче вам от этого!.. Вот Русь!..
Ну, ничего!.. Спасибо... Я утрусь.
Но бойтесь мести божьего огня,
Я вас заставлю целовать меня!

*Появляется Елизавета.
Ванька падает на колени и ползёт к ней.*

«Москва едина, на колена

Упав, перед тобой стоит,
Власы седые простирает,
Тебя, Богиня, ожидает...»

ЕЛИЗАВЕТА
Мой Бог! Какая страстная натура!
Кто ты такой?!

ВАНЬКА КАИН
(падая Елизавете в ноги)
Да замолчи ты, дура!
«К тебе единой вопия...
Я жду щедроты твоя!..»

ЕЛИЗАВЕТА
Что это значит?... Объясни, Татищев...
Шут новый?

ТАТИЩЕВ
Нет!

ЕЛИЗАВЕТА
А кто?

ПРИДВОРНЫЙ
Известный сыщик!

ТАТИЩЕВ
Простите, граф, скажу вам не в укор,
Он мне известен более как вор!
Не понимаю, что вы с ним связались?

ВАНЬКА КАИН
В них не рассудок говорит, а зависть!..
С них пудра сыплется, так ищут повод,
Чтоб отомстить за то, что Каин молод,
Красив, да и умен!..

ТАТИЩЕВ
Чего он мелет?

ПРИДВОРНЫЙ
Но каждый ловит счастье, как умеет!..

ТАТИЩЕВ
Она сейчас его умерит пыл.

ЕЛИЗАВЕТА
Ты здесь кричал, что «я вас всех купил»?..

Быть может, ты, придворных полоня,
Устроил всё, чтобы купить меня?

ВАНЬКА КАИН

Не смею этим и побеспокоить.

ЕЛИЗАВЕТА

Так сколько, сыщик, я могла бы стоить?

ВАНЬКА КАИН

В парчовом платье или неглиже?

ЕЛИЗАВЕТА

Как есть!

ВАНЬКА КАИН

Но ты торгуешься уже,
А значит, хочешь сбывать мне свой товар.

ТАТИЩЕВ

Клянусь, сейчас случится с ней удар!

ВАНЬКА КАИН

Но я служу за жизнь, а не за страх.
Имей в виду, я при таких деньгах,
Что и тебе подобное не снилось.
Но, уповая лишь на Божью милость,
Я это здесь осмелился сказать.
Господь со мной, а он не даст соврать.

ЕЛИЗАВЕТА

Ты говоришь предрезкие слова.

ВАНЬКА КАИН

Вели казнить, но выслушай сперва.

ЕЛИЗАВЕТА

Откуда ты такой на свет явился?

ВАНЬКА КАИН

Так, матушка, господь распорядился.
Слезой горючей дни мои омыты...

ЕЛИЗАВЕТА

Чего ты ищешь у меня?

ВАНЬКА КАИН

Защиты!

ЕЛИЗАВЕТА

Защиты у меня?.. Как интересно,
Искать защиты, не найдя мне перстня!

ТАТИЩЕВ

Куда ему?.. Я сам найти не мог.

ЕЛИЗАВЕТА

А между тем, Татищев, вышел срок!

ТАТИЩЕВ

Нелёгким оказалось это дело,
И голова недаром поседела!

ЕЛИЗАВЕТА

Что ты ответишь, сыщик?

ВАНЬКА КАИН

Это — мелочь!
Все ловкость рук решает, а не смелость.
Глаза твои не лучшие на свете...
И государство стянута — не заметишь,
Здесь, у императрицы на виду!..
А перстень что?.. Прикажешь, я найду.
Произнеси вот этими устами
Приказ.

ЕЛИЗАВЕТА

Они приказывать устали!..
А знаешь, что с тобою приключится,
Коль ты обманешь здесь императрицу?..

ВАНЬКА КАИН

Приказывай!.. Я жду.

ТАТИЩЕВ

Ну и бахвал!

ВАНЬКА КАИН

Я клятву роковую Богу дал,
Когда он с пальца твоего исчез,
Что я найду его!

ТАТИЩЕВ

Он шут!.. Он бес!..

ВАНЬКА КАИН

Что толку, что ты дожил до седин?
Кто перстень прячет, знаю я один.

ЕЛИЗАВЕТА

И ты его мне можешь указать?..

ВАНЬКА КАИН

Вели-ка генерала обыскать!

ГОЛОСА

- Не забывайся!
- Что?!
- Ни в коем разе!..
- Мы здесь в гостях, а не в сыском приказе!

ВАНЬКА КАИН

Я не обучен тонкой сей науке...
Поэтому прошу: покажь-ка руки!

ГОЛОСА

- Пускай потешит!..
- Что за бред?
- Где стыд?

ВАНЬКА КАИН

Что это, генерал, у вас блестит?

ТАТИЩЕВ

Здесь?.. Орден. Ты умрёшь непокаянным!

ВАНЬКА КАИН

Не там.

ТАТИЩЕВ

А где?

ВАНЬКА КАИН

На пальце безымянном!

ТАТИЩЕВ

(увидев на своей руке перстень)

Воистину отец его — медведь.
Он в перстень мог меня всего продеть!..
Свидетель Бог!.. Он видел!..

ВАНЬКА КАИН

Не шути!

Свидетели должны быть во плоти.

(Снимает с пальца Татищева перстень.)

Твой перстень?

ЕЛИЗАВЕТА

...Мой!..

ПРИДВОРНЫЙ

Он счёты с ним сведёт!

ВАНЬКА КАИН

Кто ищет, генерал, — тот и крадёт!

(Подходит к Елизавете.)

Прошу тебя!..

(Надевает перстень ей на палец.)

Не верила небось?..

Не плата это — только первый взнос.

ЕЛИЗАВЕТА

Ты возвратил мне молодость былую.
Приблизься... Я при всех тебя целую!..

(Целует Ваньку.)

ГОЛОСА

- Ах, браво, браво!..
- При такой красе
- Грех не поцеловать...

ЕЛИЗАВЕТА

Целуйте... Все!

Ваньку целуют придворные.

ГОЛОСА

- Спасибо, брат!
- Нашёл туза в колоде!
- Иль петлю он схлопочет, или орден.
- И званье получил, и положение!

ТАТИЩЕВ

А мне за что такое унижение?

Теперь и мне быть под его пятой?

ЕЛИЗАВЕТА

Вы поглядите, это же — святой!

ПРИДВОРНЫЕ

- Святой!
- Святой!..

ТАТИЩЕВ

Напрасно мне сказали,

Что, Ванька Каин ты, ты, Ванька, — Авель!..

ВАНЬКА КАИН

Да говори, что сам Господь я кряду!..

ЕЛИЗАВЕТА

Ты можешь выбрать сам себе награду!

ВАНЬКА КАИН

Смешно сказать, мне ничего не надо.
Твой поцелуй — вот высшая награда!
На мне сиять всегда он будет вроде
Рубина... Нет... Он — в изумрудах орден!..

ЕЛИЗАВЕТА

Но все они тебя поцеловали.

ВАНЬКА КАИН

Их поцелуй лживы, как медали.
Глаз радуют они, а рассмотри:
Снаружи золото — и хлам внутри!..

ЕЛИЗАВЕТА

Не матушку обрёл ты, а сестру.
Прошу явиться завтра ко двору!
Уходит. За ней — Татищев и придворные.

ВАНЬКА КАИН

(Кнуту)

Ты слышал — приглашён я ко двору!..

КНУТ

Возьми все деньги!
(Высыпает деньги.)

ВАНЬКА КАИН

Взяток не беру!

КНУТ

Здесь есть и марки!.. Ты не будь спесивым.
Бери, бери!..

ВАНЬКА КАИН

Что говорить — красивы!
Но мне их, Кнут, ведь не на стенку вешать.
Хоть ты и атаман, а всё — невежа!
Зачем мне этот... как его... Потсдам?..

КНУТ

Судьба лиха!

ВАНЬКА КАИН

России не предам!
Не потому, что не сниму там кассу,
А лишь за тем, что нет в Европе квасу.
Так что скажи мне что-то поновей
Иль золото давай, оно верней.
Да вылезай из своего тряпья.
В своём я — словно вылез из репья,
А мне нельзя!.. Ведь завтра поутру
Мне как-никак являться ко двору!
И мне нужна с верховной властью
смычка.
А нервы потрепал, прости, — привычка!
И корень ем, и валерьянку пью,
А не убью кого, так и не сплю!
Глаза косят и дёргаются брови.
Уж возраст!.. Надо думать о здоровье.
А ты, негодник, вздумал нож занести!..

КНУТ

Прости меня... Хошь, землю буду есть?

ВАНЬКА КАИН

Земля не виновата.

Доносится песня

«Не шуми, мати зелёная дубравушка».

Брат мой Кнут!..

Ты слышишь песню?.. Обо мне поют!..

КНУТ

Я свой позор, позволь мне, кровью смою!

ВАНЬКА КАИН

Ты мог убить народного героя.
Народного... Вот так-то, старина.
Да не позволит этого страна!
(Ударом ножа сзади убивает Кнута.)
Песня смолкает.

Я б пожалел тебя, да ты — убийца.
А завтра будет вновь императрица.
Сама Елизавета, а не кто-то.
«Как служишь?» — спросит. «Вот моя работа!..»
И орден мне!..
Эй ты, чего умолк?..

Песня доносится снова.

Да... подступает к сердцу холодок...
 За чьи грехи и за какую мзду
 Мой чёрный всадник натянул узду?..
 Смирил мой норов, силу и отвагу,
 Я без него не делаю ни шагу.
 Мне ничего не надобно на свете.
 Хотел дышать свободно, словно ветер!..
 Где?.. Кто она, таинственная сводня, —
 Рождён быть всадником, я сам осёдлан!
 Прирос к горбу мой непосильный груз.
 Казалось мне, вот-вот освобожусь,
 Вот-вот придут иные времена,
 Но всё больней врезались стремени!..
 За все грехи мои грядёт расправа —
 Не ад крошечный и не смерть... А — слава!
 Не сон ли это?.. Сон!.. Но что за бред?
 Нет на земле несбыточного!.. Нет!
 И можно необъятное объять,
 Лишь стоит только сильно пожелать.
 Так пожелать, стерпев сто тыщ обид,
 Чтобы глаза летели из орбит!
 Но, люди, люди, кто из вас поймёт:
 Достичь желанья — погубить его.
 Но что поделать — всё на свете смертно,
 А тьмы бояться — не увидеть света!..

*Ванька берёт куклу Каина,
 Кукольник — куклу Бога.*

КАИН
 Куда ведёшь?

БОГ
 Как мне тебя ни жалко,
 Ты извини меня — законы жанра, —
 На виселицу, хочешь ты или нет!

КАИН
 Постой, создатель! Это не ответ.
 Конечно, если надо — я готов,
 Но ведь должна-то побеждать Любовь.
 Чего-чего, а я законы знаю!

Бог и Каин приближаются к Древу Познания.

БОГ
 Висеть тебе!

КАИН
 И слушать не желаю!
 Ты должен проявить ко мне участие.

БОГ
 Тебя повесить — разве то не счастье:
 Спасти людей и наказать порок.

КАИН
 Но всё же — человек ты или Бог?

БОГ
 Да ни к чему теперь такой вопрос.

КАИН
 Как ни к чему?.. Я б на тебя донёс,
 Явившись к Господу, всё б снова начал.
 Ты думаешь, на небесах иначе?
 Иль ангелы, по-твоему, не люди?
 Всё в этом мире повторяться будет.

Куклы аплодируют.

ПЕРВЫЙ АКТЁР
(снимая парик Ваньки Каина)
 Всё, господа! Я завершил!. *(Кланяется.)*

ТАТИЩЕВ
 Нет!.. Дудки!..

ПЕРВЫЙ АКТЁР
 Верните маски!

ТАТИЩЕВ
 Что ещё за шутки?!
 В кошмарном сне такое не приснится!

ЕЛИЗАВЕТА
 Какие маски? Это наши лица!

ТАТИЩЕВ
 Ты всех нас оскорбил!.. Всех оболгал!..
 Откуда взялся этот балаган?

ПЕРВЫЙ АКТЁР
 Но это — миф!..

ТАТИЩЕВ
 Я знаю вас!.. А ну-ка,

Немедля забирай всех этих кукол:
Купцов, святых!.. Им всем одна дорога
С ворами!

(Разбрасывает кукол по сцене.)

ПЕРВЫЙ АКТЁР

Генерал, побойтесь Бога!
Ведь это всё — народная игра!

ТАТИЩЕВ

Нам, государыня, идти пора!..

ПЕРВЫЙ АКТЁР

А я-то, люди, думал, что в России,
Чем выше власть, тем больше, значит, силы.
Лишь скипетр возьми — и ты свободен,
Но власть имущих тоже кто-то водит!..
Так стоило ль всё это затевать?
Кричать охрипшим сердцем... задохнуться,
Гонясь за призраком любви... иль вдруг,
Зажав в кулак последние копейки,
Богатым стать на миг... не видя хлеба,
Быть сытым... предавать... казнить,
И каждый раз всерьёз... на тонких жилах
Водить не куклу — собственную душу
И быть непонятым... Но в сотый раз
Давал я волю сердцу и уму —
То, что в наш век не нужно никому!

(Собирает разбросанных кукол.)

Мир — балаган. Живые только куклы.
Смешно и горько. Может, Ванька прав?..
Что скажешь, Авель?.. Ты молчишь... Ты утром
Воскреснешь вновь в руках моих, чтоб быть
Опять убитым к вечеру... Так будет,
Пусть смертны мы — бессмертен балаган!..
Ты, Каин, завтра будешь убивать,
Как и сегодня, и кричать истощно:
«Что за дела?.. Уже убить нельзя!..»

А я — актёр. Я должен в жизнь взглядеться!
Любить тебя всей ненавистью сердца!
И куклой стать, шагая в ногу с веком,
И всё-таки остаться человеком.
И нам за это платят золотым.
Мы продаёмся, да!.. Но кто сказал,
Что так уж плох товар наш?.. Чем он хуже
Сельдей и пива, мёда и тарани?..
Вам душу?.. Не подходит?.. Ответшала...
Мысль не свежа?.. И кровь не горяча?..
Так проходи с улыбкой палача
Да и глазей с лихим народом вместе,
Как веселимся мы на Лобном месте!..

Актёры гасят светильники.

P.S. Автор гравюр к драме в стихах Константина Скворцова «Ванька Каин» — Народный художник России Владимир Александрович Носков.

СВИРСКИЙ

1

Свирский был очень богат.

Досказать бы: и счастлив, ведь вряд ли одно отрицает другое, но всё решает суть счастья. Когда оно — победы и власть, то купюры здесь — первое дело. С любовью и безмятежностью по-другому. Деньги для них не помощники, а обстоятельство без знака «плюс» или «минус».

Жизнь Свирского складывалась хлопотно с самого начала, в известном любому дельцу порядке. Сначала долго и каторжно работаешь, чтобы сколотить капитал. Но этого мало, состояние нужно удержать, ведь деньги — золотые волки, не поддаются приручению и всегда готовы бежать. К тому же они должны расти, матереть, поэтому удерживать мало — надо дать им утекать так, чтобы они возвращались, и постоянно искать им пищу.

Голова дельца с утра до вечера занята мыслями о том, в какое производство вложить, какой дом купить, что построить на своём побережье и прочее, прочее, и дальше, дальше.

Жена от Свирского ушла давно, в пору безденежья. Остальных женщин он не помнил. Помнил только, что они были. Бесспорно красивые, а главное, умели заставить его на время забыть о делах. Когда мысли о бизнесе возвращались, красавицы в тот же миг теряли свою привлекательность и загадку.

Загадка — вот, что влекло Свирского. Но дамские тайны быстро разрешались, за ними почти всегда проглядывала несложная правда. Женщинам нравилось проводить время за его счёт, затем они хотели замуж и детей опять же за его счёт — вот и всё. Одна и та же разгадка, одно и то же разочарование, тупое, как игра с предсказуемым результатом, ему надоели.

Предпринимательство было для него чем-то вроде математических или шахматных головоломок, многоступенчатой комбинацией с тысячей острых ситуаций, где путей решения может быть несколько, и из каждого ответа вытекает новая задача. Расставшись с очередной земной богиней, он с тройным усердием брался за решение бизнес-ребусов, которое в качестве ответа предполагало приумножение капитала.

С годами получение прибыли отступило на вторые позиции, оказалось не единственной и, как ни странно, не главной целью.

Свирский давно понял, что не все обстоятельства в этой игре он может предвидеть и поэтому в полной мере просчитать итог. Мелкие, порой досадные случайности усложняли без того непростое решение задачи, делали её ещё более притягательной.

Они как бы намекали: человеку не всё подвластно и с предательской частотой возникали так виртуозно просто, глупо, что делец готов был хлопать в ладоши и восклицать: «Браво, Господи!»

В мире ничто не случайно, если полагаться на логику Бога. Вот бы и ему, Свирскому, стать таким богом-предпринимателем. Но Господа не перехитришь и не напросишься к нему в заместители...

Можно ли жить иначе, Свирский не думал. В мире наверняка есть что-то такое, что... не бизнес. Но разве это жизнь, когда нечего решать, распутывать, выстраивать и получать деньги?

Все удобства, что пришли к нему вместе с растущим состоянием, он воспринимал, как заработную плату. Ресторанами, виллами, яхтами он платил себе за решение задач. Но скоро эти радости принесли разочарования, тоже не печальные, Свирский ведь понимал: в мире всё конечно, и быстрее всего кончаются наслаждения. Ни один ресторан не мог заинтересовать его съестными изысками. Ни один автомобиль не вёз так, как Свирскому понравилось бы, ни один остров не окружил пейзажами, которые не обрыдли бы за неделю. Ни один стильный пуловер или пиджак не открывал Свирскому его образа с неожиданной стороны, а лишь подтверждал то, что богач всё о себе знает. О литературе, живописи, театре, музыке, спорте говорить нечего: всё это — рукотворный мир заведомо скуднее Божьего, считал он. Главное же разочарование состояло в том, что можно купить любую иллюзию ощущений и чувств.

Чтобы настолько пресытиться, надо прожить лет пятьсот или просто иметь много денег.

Интерес к гамбитам бизнеса в конце концов тоже притупился. Свирский свалил все дела на своего фирменного юриста — многолетнего помощника и единомышленника. Сам облачился в джинсы, простецкие сандалии, пристрастился к пешим прогулкам и бездумному зеванию по сторонам.

Однажды в витрине ювелирного магазина он увидел бриллианты. То есть, и прежде их видел и мог купить весь магазин, если бы захотел, но до сих пор искристые побрякушки не встраивались в шкалу его ценностей.

Свирский зашёл в салон. Продавцы не обратили внимания на зеваку в сандалиях — не видели в нём покупателя. Довольный, что никто не будет соваться к нему с предложениями лучших вещичек, он разглядывал бриллианты. Их радужный блеск походил на неразгаданную тайну несбыточной женщины и вместе с тем, на отточенные филигранные повороты бизнеса. В сияние хотелось погрузиться и смотреть на мир изнутри камня. Оправа мешала. Алмазные грани под разным углом, как в калейдоскопе образующие точно выверенные рисунки, стискивались металлом и придавали поэзии геометрии вульгарность, приземляли до категорий «продукт», «товар».

Очарованный, делец нехотя покинул витрины и в два дня по связям нашёл нужного человека. На все свободные деньги — те, что не участвовали в обслуживании обширной деловой империи — Свирский купил горсть бриллиантов и высыпал дома на кухонный подоконник. Несколько — почти все — были прозрачные, голубые. Счастливый обладатель драгоценных камней видел, как живой луч света нещадно изламывается в гранях, лохматится на радужные полосы, теряет живительную суть, служа красоте камня.

В горсти бриллиантов особо выделялись два — о, эти два... Чёрные, мерцающие гранями — завораживающие, если в них долго смотреть. Продавец рассказал, что чёрные алмазы — редчайшие подарки земли, загадочные случайности, ведь никто до сих пор не понял, не вызнал, где и как они залегают. Никакие геологические приметы

и закономерности не работают в поисках этих драгоценных осколков сердца планеты. Найти их можно только невзначай.

За эту информацию Свирский прилично доплатил и теперь рассматривал камни один за другим, благоговейно перекатывая на ладони, поднося к свету. Так он провёл несколько часов, забыв о том, что существует. А когда вспомнил, то нашёл себя бодрым и радостным. Первое знакомство с камнями походило на какую-то необыкновенно действенную, живительную душевную терапию. Её хотелось повторять. Свирский так и делал. Каждый вечер. И ночью, когда не спалось.

Постепенно любование бриллиантами стало сродни купанию в прозрачной балийской волне. Воображение погружало Свирского в камень, будто в воду. Прозрачные грани колебались, расходились круговыми волнами, искрясь мириадами брызг.

Иногда Свирскому казалось, что он внутри прозрачной хризантемы, пытается проникнуть в чашу лепестков, сосчитать их. Это было тоже приятно, а главное, невозможно — как раз по нему, никогда не искавшему лёгких путей, скорее рациональных.

Случалось, он не забирался в своих фантазиях так глубоко, просто рассматривал камешки под настольной лампой, может быть, как никто понимая андерсеновского Кая.

Свирский забыл, какой думал купить дом, чем обустроить побережье и в какие заводы вложить капитал. Деньги спрессовались в банке, как торфяные брикеты, окаменели, ожидая решения, а оно не принималось. Хозяин денежных брикетов день за днём бесцельно слонялся по городу. Возвращаясь в сумерках домой, он подносил бриллиант к ночнику клювом пинцета, брал лупу и мысленно растворялся в комбинациях плоскостей и радугах.

2

Однажды, во время такого эстетического пиршества в дверь позвонили. Свирский замер. Звонок повторился. Было странно, что сообщали о себе не в домофон. Консьерж тоже почему-то не известил его о гостях. Свирский был в замешательстве. Звякнули ещё и ещё раз. Звонок будто казнил Свирского, полосую по ушам резким звуком, а по душе — ножом. Надо было в секунду придумать, как спрятать бриллианты. Свирский накрыл россыпь салфеткой.

На пороге стоял незнакомец — не сосед — и умолял позволить ему поговорить с Галей. Свирский едва сумел вставить пару слов насчёт того, что юноша ошибся дверью. До взволнованного незнакомца дошло не сразу, он извинился и медленно повлачился вниз по лестнице, не вполне сознавая, куда ему теперь. Идея поинтересоваться у того же Свирского, не живёт ли Галя на других этажах, несчастного не настигла.

Свирский заперся и поспешил обратно к своим алмазам. Пока он говорил с незнакомцем, дверь всё время оставалась открытой. Обожаемые камни, пусть и под салфеткой, могли привлечь внимание непрошеного гостя.

«Почему расстроенный парень звонил именно сюда?» — внутренне холодея, спрашивал себя Свирский. Тоненькая, но быстрая, отравленная страхом струйка подозрений всачивалась в мозг. В конце концов, в душе прочно обосновалась боязнь, что однажды он вернётся с прогулки, а бриллианты украдены. Замотав их в бархатную тряпку, Свирский заметался с ней по комнатам на обоих этажах, придумывая, куда спрятать.

Устройство тайника в полу или мебели, установка хитроумнейшего сейфа требуют присутствия в доме посторонних, которые Бог знает как могут воспользоваться ситуацией.

Ужас между тем рос, креп, вил из души верёвки. Свирский решил везде носить бриллианты с собой. Некий тревожный покой на время дал передышку, но однажды, на бульваре делец услышал оклик: «Галья!» Голос показался знакомым. Свирский обернулся: за ним цокала каблучками девушка, её догнал парень, напомнивший недавнего визитёра — ухажёра какой-то Гали, может быть, этой. Парочка шла позади несчастного богача. Следила за ним? И может быть, уже давно? В душе опять склужился неприятный холодок.

После этого случая Свирскому стало мерещиться, что он читает в глазах прохожих ненависть и всеобщий убийственный заговор.

Купить пистолет, думал он, значит дать кому-то зацепку для размышлений. Когда-то ведь и Свирский решал ребусы конкурентов, даже более замысловатые, а тут — что отгадывать? Мужик покупает оружие, значит, дорожит жизнью. Почему? Есть, что терять. Так до камешков и додумаются.

Ходить с охраной — привлекать внимание, да и среди охранников разные бывают люди, мало, что ли, их послужило Свирскому за годы.

Привыкая, казалось бы, ко всяким напряжениям голова буквально распухала от ображаемых проблем и поиска решения, которого просто не было, ведь за каждым ответом выстраивалась цепочка новых страхов. Похоже, мозг не старался успокоить хозяина, а изощрялся, выдумывая разные боязни, превращал маяту Свирского в замкнутый круг.

Потянулись мытарства в поисках безопасного хранилища, но ни один банк не казался надёжным.

Свирский возненавидел жизнь за то, что в проблемную тайну рано или поздно приходится кого-нибудь посвящать. Почти в каждом деле всегда следует допускать некоторую долю доверия потому уже, что никакие бумажные договоры не страхуют от чьей-нибудь необязательности или нечистоплотности в делах.

И у него появился адвокат. Не тот, кому Свирский поручил свои заводы, дома и пляжи с отелями. Адвокат этот, Никита Витальевич, умел внушить доверие настолько, что клиент сходу попадал под гипноз респекта, просто жаждал выболтать всё сокровенное и попросить совета.

Никиту Витальевича ничей приход не мог бы вывести из самоуважительного, самоуверенного состояния духа, который обитал не только в породистом теле, а как бы и снаружи его — так и нёсся, так и лез в глаза и ощущения посетителя.

Кабинет был под стать владельцу — выдавал великое знание толка в жизни, понимание природы каждой вещи вокруг хозяина. Ничто в мире не случайно — так молчаливо сообщал офис и костюм, и самая фигура юриста.

Адвокат не спросил у странного клиента ни имени, ни документов. В глубоком, пристальном молчании выслушал, пообещав найти самое надёжное хранилище в самое короткое время. И действительно, позвонил через пару дней и пригласил полубезумевшего владельца алмазов на беседу.

Речь пошла о некоем Романе, физике или химике, или всё вместе.

— Этот учёный, то есть, раньше учёный, а теперь умелец широкого профиля, просто волшебник, — после допустимого приветствия сообщил адвокат Свирскому. — Он сможет устроить так, что ни один мошенник, вор, гений аналитики не догадается о существовании тайника. В общем, мастер на оригинальные штуки.

— А он не... — замялся Свирский.

— О, нет, поверьте. Рома — любопытный экземпляр человеческой породы... Есть люди, абсолютно равнодушные ко всему материальному, — гении, кто с самого начала живёт словно бы не в бренном мире. Для них земные радости, чины, слава равны

невзгодам и потерям, то есть, плохое и хорошее, благо и лишение стоят в одном, отдалённом от любимого дела ряду, потому принимаются с одинаковым равнодушием. Вы с первой секунды всё поймёте, как только увидите нашего кудесника.

В прежние годы Роман успешно работал над созданием какого-то преобразователя, но исследования оказались не нужны стране, и были свёрнуты. Учёный заперся в квартире, продолжая уже не нужный государству научный поиск, выходил только за продуктами. В ближнем магазине покупал молоко, батон и банку бычков в томате. В гастрономах, даже самых маленьких, давно уже появилась масса новой прельщающей снеди, но химик упорно брал молоко с булкой и любимые консервы.

Если бы однажды бычков не привезли или они оказались не в томате, Роман, наверное, растерялся бы, беспомощно обводя близорукими глазами полки, словно ища, за что ухватиться и не упасть, или чтобы мир не рухнул. Потом купил бы другое и съел, сидя за книгой, даже не почувствовав нового вкуса. Но к счастью или сожалению, в современных магазинах всегда всё есть, и химик упорно покупал одно и то же.

Одевался Роман небрежно, но по нынешнему времени это ничего для окружающих не значило. Он выглядел спокойным и отстранённым. Его не могли бы вывести из себя ни отставшая подошва ботинка, ни потеря кошелька.

Но гений не был равнодушным человеком, скорее наоборот. Он не чурался страстей, бурных эмоций, вёл жизнь, наполненную драматизмом, наслаждениями, разочарованиями; учёный бывал нежным и романтичным, занудливым и дотошным. Эту пеструю смесь эмоций во всей полноте красоты или уродства, болезненности или торжества он испытывал во время научных экспериментов: химических реакций, физических процессов, которыми пересыщен научный поиск, означавший для него самую жизнь.

Когда стране его находки негодились, он не умер, но умер бы, если однажды у него отняли бы возможность заниматься научными изысканиями, например, посадили в сумасшедший дом. Равнодушие общества для некоторых его членов зачастую — большое благо. Так что Роман жил, творил и был счастлив.

3

Свирский приехал к Роману. Пока он рассказывал о своей проблеме, лицо хозяина обшарпанной квартиры оставалось идиотски непроницаемым. Миллиардер засомневался, что имеет дело с нормальным человеком. У всех редких собеседников химика возникало такое ощущение.

Захотелось поразить этого непризнанного гения. Свирский пошарил за пазухой, развернул перед Романом тряпку, в которой носил алмазы, и сам невольно залюбовался ими: камни блестели тысячелетними непорочными слезами.

Лицо учёного изменилось, в нём появилось некое изумление, интерес. Химик-физик пошарил в столе, вытащил лупу, штангенциркуль или что-то в этом роде, стал рассматривать и замерять один из камней.

Свирский предполагал заметить алчный блеск в глазах Романа и даже увидел огонёк жадности, но совсем другого свойства, и досадно ему стало, что преклонения перед камнями учёный-чародей не разделяет. Впервые в жизни делец не чувствовал к этому человеку презрения, какое постоянно испытывал к людям, в том числе, к Никите Витальевичу. Свирский частенько, фигурально и буквально выражаясь, разжимал кулак с деньгами, драгоценностями перед женщинами или солидными мужчинами и всегда видел в их глазах одно и то же — жажду обладания. Только у мужчин,

как правило, сразу, а у неглупых женщин — не вдруг. Химик же смотрел как бы мимо алмаза, в свои мысли.

— Так что? Что? — вопрошал миллиардер. — Вы придумаете, как мне их сохранить?

— Угу, — безвкусно согласился умелец. — Пять миллионов это будет стоить.

Свирского такса удивила. Подсознательно он почему-то надеялся, что платить не придётся. Впрочем, Бог с ними, с миллионами. Свирского подмывало спросить, зачем столько, но вместо этого он сказал:

— Идёт.

Вытащил из кармана пачку банкнот и положил на стол. Химик-физик не притронулся к ним, встал, хотел, кажется, побыстрее проводить посетителя. Свирский ушёл, размышляя о странном изобретателе, хотя, сказать по правде, мало чем отличался от него внешне. К тому же, оба были одержимы.

Месяц, пока Роман не давал о себе знать, Свирскому звонил управляющий его немалым имуществом. Между прочими новостями Свирский узнал, что Никита Витальевич исчез. То ли на Кипр перебрался, то ли на благословенные Канары. Или ещё куда-то. «Жареным запахло», — подытожил управляющий. Свирскому было очевидно другое.

Конечно, адвокат не на Кипре и не на Канарах. Люди, дающие сильным мира сего неоднозначные советы, не уезжают в одночасье на острова на пару недель. Свирский понимал, что до конца своих дней не услышит о Никите Витальевиче и о том, что в некой стране на уединённой вилле, прежде битком набитой прислужгой и домохозяками, а в роковой час напрочь опустевшей, нашли тело известного российского адвоката...

Но вот изобретатель позвонил и пригласил к себе.

Физик-химик с фотоаппаратом на шее встретил Свирского в дверях и чуть ли не за рукав втащил в квартиру. Роман подталкивал пришедшего, торопя пройти в комнату. Гость прощал гению бесцеремонность, ведь за этим следовало нечто, несущее, наконец, душевное равновесие.

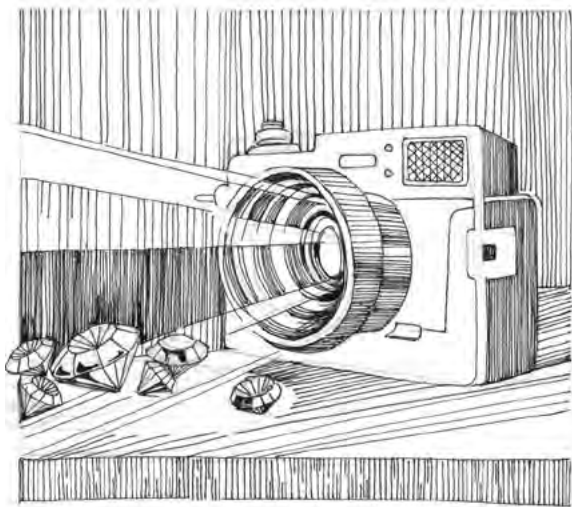
— Кладите ваши камешки сюда, — приказал хозяин, одним махом сметя со стола какие-то бумаги.

Из узкого пространства между столом и стеной был вынут кусок плексигласа и водружён на столешницу. Бизнесмен разложил на нём алмазы так, как указал Рома: на небольшом расстоянии друг от друга, по кругу.

— Задёрните шторы, — скомандовал физик дельцу и навёл объектив фотоаппарата на богатство.

Учёный долго целился, примеривался, наконец, два раза щёлкнул. На плексе вместо алмазов Свирский с ужасом увидел чёрные пластинки, похожие на карандашный грифель!

— О, Господи! Что вы наделали, — воскликнул делец.

— Не волнуйтесь. Это графит. У него тот же состав, что и у алмаза. Только теперь никто не позарится на ваше богатство.

До Свирского стал доходить смысл случившегося.

Химик достал футляр из-под очков и аккуратно сложил в него графитовые пластинки.

— Чтобы вернуть камням прежний вид, хорошенько наведите объектив преобразователя и щёлкните два раза, — напутствовал он Свирского.

Тот покосился на учёного.

— Вы дарите мне этот аппарат?

— Нет. Отдаю заказ. Он изготовлен на ваши миллионы. Старайтесь не трансформировать алмазы туда-обратно слишком часто.

Так и сказал: «миллионы», а не «деньги», пренебрежительно. «Что ж, имеет право», — думал Свирский, принимая преобразователь.

Делец пожал учёному руку и спустился к машине. Пока ехал, думал: гений, конечно, «вещь в себе», но как быть уверенным в его молчании? Он не болтун, это видно, не станет рассказывать, чем занимается. Но вдруг из презрения к клиентам когда-нибудь кому-нибудь да и обмолвится.

Свирский привычно похолодел.

Как же заставить умельца гарантированно молчать? Разве что...

Через несколько недель в газете делец наткнулся на некролог, из которого узнал, что химика звали Савельев Роман Сергеевич, что он был талантливым учёным, выступал на симпозиумах во всех частях света. На его разработках процветают пять самых продвинутых стран мира. Добрым словом вспоминают они русского Романа. Хоронить будут с приличной помпой.

Отныне о тайне не знал никто. Можно вздохнуть с облегчением и заняться, наконец, капиталом, но покой почему-то не наступал.

Свирский то и дело доставал коробку, разглядывал графит, сомневался, паниковал. Не выдержал и снова «сфотографировал» графит. Всё случилось: алмазы приняли прежний вид. Богач задохнулся от восторга. То ли от волнения, то ли от тусклого света ночника бриллианты показались Свирскому мутноватыми. Тот ревниво, страстно разглядывал под лупой каждую грань, каждое алмазное ребро. Но, слава Богу, всё оказалось нормально. Как всегда. Успокоившись, хозяин опять трансформировал заветное богатство в графит, сложил в коробочку и спрятал.

Так жил. Рад бы не смотреть на алмазы, но что-то беспокоило, и ревнивец снова и снова «оживлял» свои сокровища.

Однажды проснувшись среди ночи, Свирский рывком сел на постели с мыслью, что у него в Бутово живёт мать.

«Когда ж я был у неё последний раз?» — припоминал делец, кладя в кейс коробочку с графитом и преобразователь.

По дороге он накупил в магазинах продуктов, на придорожном стихийном рыночке сторговал вязаные гольфы.

Старушка открыла дверь и вроде бы не удивилась, увидев сына на пороге. Он давно не звонил ей, и она ему тоже, однако его приезд не обрадовал старую женщину.

— Что-нибудь случилось? — спокойно, даже пресно спросила мать.

— Просто... Долго не виделись, — промямлил Свирский. — Как ты?

— Как видишь, — безразлично ответила мать и прошаркала в комнату.

Свирский пошёл за ней, волоча пакеты с покупками тоже прямо в комнату, а не на кухню.

Мать опустилась в кресло и посмотрела на пакеты.

- Это тебе, — объяснил Свирский.
- Потом, — коротко сказала она. — Рассказывай.

В этой короткой фразе была вся она — старая леди Свирская, воспитавшая сына в одиночку, никогда ничего не просившая у окружающих ни для себя, ни для сына. Он много лет почти не звонил ей, да она и не требовала, не от чёрствости, не от того, что одинокая жизнь убила в ней способность любить, заботиться или хотя бы требовать этого к себе, а чтоб не навлечь на сына бед, не стать его уязвимым местом. Сейчас, когда он неожиданно оказался на пороге, она встревожилась, но постаралась не показать этого.

Глядя на мать, сын ощутил, как тяжело и долго болел своей корпорацией, капиталом. Именно болел, как всякий азартный игрок, ведь бизнес — игра, где можно всё потерять вместе с жизнью, но и выиграть баснословно много. Вначале этого пути он много раз проигрывал, восстанавливался, поднимался, анализируя упущения, и пытаясь понять правила игры. Потом понял: чтобы побеждать, нужно играть по своим правилам. Он их выработал и менял, когда считал нужным.

Понимала ли это мать? Он не знал. Не знал, что для неё всё гораздо проще — она любила сына и ждала, принимая стремления, промахи и победы как часть его личности.

— Рассказывай, — повторила она, и Свирский почувствовал себя школьником, вынужденным объяснять, за что получил двойку.

Отовсюду, чуть ли не теми же материнскими глазами на него смотрела старая мebelь, фарфор и бронзовые подсвечники на подоконнике, которых он в детстве боялся.

Свирский вздохнул и поведаль, что считал нужным, не привирая, не смягчая ситуации, иначе старушка не поверила бы. Потом они пили чай с принесённой им вкусынятиной почти в молчании, изредка перебрасываясь ничего не значащими фразами. Перед уходом он попросил мать взять его фотоаппарат и коробку.

- Что мне с этим делать? — спросила она.
- Просто сохрани.

Мать велела ему оставить фотоаппарат в спальне на гвоздике от висевшей на нём когда-то картины, коробку с графитом сунула в первый ящик массивного векового стола.

— Прощай, — сказала мать. — Не уверена, что смогу хранить твои вещи десять лет, но сколько Бог отпустит, буду, ты меня знаешь.

Сын кивнул, подавив желание крепко обнять маму и покрыть поцелуями её почти облысевшую голову. Но тогда она бы точно растревожилась, потому что это походило бы на вечное прощание.

4

Вскоре после визита к матери Свирского посадили в тюрьму. На десять лет. С конфискацией. Стараниями его доверенного управляющего. Свирский точно не понял за что, хотя удивился, что к делу не привязали смерть химика. На заключительном заседании судья обстоятельно описывала вину подсудимого, тот не слушал. Его занимала, как ни странно, интуиция. Он всегда полагал, что предчувствия — бабьи выдумки. То есть, интуиция существует, но не как ясновидение — это он считал бредом недалёких женщин.

Интуиция, полагал он, вполне объяснимая вещь, оттачивается в человеке, когда тот становится асом в каком-нибудь деле. Мастер высокого полёта может заранее предугадать развитие событий в бизнесе, в лечении, если речь идёт о медицине, так везде, во всём.

«Но почему я вспомнил о матери именно тогда, когда надо мной нависла тюрьма? — спрашивал он себя. — Я не мог этого ни знать, ни чувствовать — был с потрохами поглощён алмазами... Мама сказала: «десять лет хранить не обещаю»... Откуда она знала, почему сказала именно «десять лет»?»

Зрители, каких привлёк суд над магнатом, расценивали его отстранённость по своему, дескать, потерять богатство, загреметь в тюрьму — это любого в ступор загонит.

Свирский меж тем наоборот, вроде как просыпался. Будто бы последнее время он спал, окружённый алмазной пылью, и вот его кто-то грубо растолкал...

Однако новая полоса жизни под стражей тоже — не явь. Предстояла долгая мучительная летаргия...

Свирскому стукнуло сорок пять, когда он вышел из тюрьмы. На самолёте его доставили в Москву, где все обвинения были сняты. В зале судебных заседаний, куда освобожденец явился уже как пострадавшая сторона, на скамье подсудимых сидел его доверенный управляющий, тоже смотревший, как когда-то Свирский, себе под ноги, осмысливая перемены. Оправданный ничего не чувствовал ни к подсудимому, ни к ситуации.

Дельцу вернули не всё состояние, которым он когда-то владел, но это много больше того, что осталось бы в лучшем случае при худшем адвокате... Он встретил это

известие не так равнодушно, как свершившееся возмездие, — досадовал, что теперь опять нужно кому-то что-то поручать, продавать, сдавать в аренду, словом, заниматься устройством богатства. На сей раз он поручил дела юристу — даме, вызволившей его из тюрьмы.

Ещё в заключении Свирский узнал о смерти матери. Похоронами, квартирой и другими делами занималась адвокат — спокойная ухоженная женщина, Лариса Аркадьевна. Её незадолго до своего ухода из жизни наняла мать. Дама-юрист после суда долго подробно отчитывалась перед подопечным, что сделано и что предстоит.

Поигрывая ключом от квартиры, Свирский смотрел на адвокатессу и соображал, красивая она или нет. Неожиданно он прервал разговор, ничего не решив насчёт красоты, забыв поблагодарить спасительницу, отправился на кладбище.

Умиротворённый строгой кладбищенской тишиной, Свирский рассматривал фотокарточку на памятнике. Он решил, что фотографии не передают живых человеческих черт, особенно паспортные — именно с такой карточки сделан мамин надгробный портрет. Человек выглядит на нём так, будто во время съёмки уже был покойником, только с открытыми глазами.

Свирский размышлял, а с души постепенно спадало сонно-вялое безразличие. Становилось вроде бы легко, но вместе с тем, досадно, горько и ещё как-то, — он не знал, как назвать...

На обратном пути, подходя к воротам, делец увидел в стороне памятник важному для него человеку. Издалека, не зрением, а предчувствием он не прочёл — понял надпись на гранитной плите. То была могила Романа. Свирский вспомнил алмазы, свою болезненную трусость и вздохнул.

На кладбище лежали два человека, мама и Роман, которых Свирский знал и не знал — не понимал, как и всю когорту людей, кто любил, любит не деньги, живёт не для них, мерит жизнь не ими...

Мамина квартира встретила Свирского насторожённым эхом от любого, даже кроткого движения, словно не доверяла пришельцу. Он обошёл комнаты, окинул рассеянным взглядом мебель, покрытую сизым слоем пыли. Ему стало жаль, что он почти ничего не знал о маминой жизни, юности, о том, что и кого она любила. Самый близкий, родной человек оказался немалой загадкой для него. В груди у Свирского загло.

Он не поехал к себе в квартиру, остался на несколько дней в маминой — вспоминал проведённое здесь детство. Свирский пока не знал, вернётся ли в бизнес, и вообще не решил ещё, чем заняться. Хотел собраться с мыслями, но не получалось. Лариса Аркадьевна, Лора, как называли её сотрудники её же собственной юридической конторы, то и дело отчитывалась лично и по телефону о сделках, договорах. Свирский не хотел вдаваться в подробности, его устраивало всё, что она делает, но та с упорством отличницы рапортовала о свершениях. Он наблюдал за её спокойными, скупыми движениями, слушал низкий голос, изучал брови, глаза.

А потом влюбился. Чувство навалилось, накатило на него и сжало не хуже тюрьмы. Но из тюрьмы он хотел выйти, а из плена любви — нет, разве что мёртвым.

Лора догадалась о его чувстве и была спокойна, а он жаждал удивлять её. В ресторан она с ним сходила, но на Мальту лететь отказалась и в Лиссабоне, как оказалось, отдыхала ещё до встречи с ним. Ему мучительно хотелось, чтобы она в нём нуждалась, но она ничего не просила, ни на что не сетовала. Он добивался её восхищения, изумления или хоть смущения. А ничего не было. И Свирский возжелал обратно своё могущество, свои дома, побережья. Он готов был купить киноконцерн, сеть ювелирки, построить на морском дне виллу, лишь бы Лора посмотрела на него с интересом.

Ему стоило труда получить её согласие на свидание, а получив, он едва не стоял на голове, рад был, напялив ошейник, пристегнуть поводок к запястью любимой.

Отношения не складывались счастливо ни для Лоры, ни для Свирского. Она терпела его, а он проклинал себя, хотел сбежать и не мог. Она перестала отчитываться перед ним о делах и планах, — он сам наезжал к ней в контору каждый день.

Однажды она сказала: «Я ухожу». Оборвала воображаемую собачью цепь, без которой он не мыслил жить. Он стал судорожно придумывать способ удержать Лору. Сходу отмёл предложение кругленького счёта, покупку острова и яхты — этим её не удержишь, а только ускоришь уход. Надо сотворить что-то такое... Свирского осенило. Он вспомнил про алмазы.

«Постой, я хочу тебе кое-что показать», — взволнованно выпалил Свирский, быстро отыскал очённый футляр, высыпал на скатерть графит. Возлюбленная смотрела так, словно уже ушла. Несчастный богач сорвал со стены фотоаппарат-преобразователь и два раза щёлкнул. На столе во всём великолепии засверкали прежние хозяева его души. Свирский взглянул на милую, надеясь хоть на проблеск живого интереса. Женщина изобразила подобие улыбки, произнеся:

— Мило. Прощай.

И ушла. Он пригоршней сгрёб алмазы, хотел запустить в закрывшуюся дверь, но опомнился, развернул дрожащую ладонь. Камни помутнели, оплавившись и походили на мутные стёклышки. Но это не страшно, это слёзы глаза застыт...

Он бросил богатство на стол и, даже не подумав запереть дверь, пошёл за водкой. Месяц назад предпочёл бы хорошее вино, но теперь — водки. Пил, не торопясь, обстоятельно, как когда-то строил миллиардную империю, которую и сейчас, с оставшимися барышами ещё можно возродить. Пьянея, богач думал о странной игре судьбы: его «проходные» женщины были абсолютно чужими для него людьми, но он с первой минуты знал о них всё. А о двух любимых — маме и Лоре, — ничего не понял. Дамы, не падкие на богатство, оказалось, не такая уж редкость: один Свирский любил двух. Маму он ещё как-то мог понять или хоть домыслить мотивы её жизни, но любимую... Чего Лора от него ждала? Почему он её об этом не спросил? Наверно, не успел. Маму тоже не успел. Может, Роман объяснил бы, но его не вернёшь. Никого из них не вернёшь...

Свирский пил вприглядку на бриллианты. С каждым стаканом они казались всё более пошлыми, как женщины-собутельницы. Тогда он полил их водкой, чтоб им тоже было пьяно, и заснул тут же, за столом.

Довольно поздним утром очухался и понял: водка не помогла и не помешала. Алмазы лежали на высохшей газете. Свирский взял преобразователь и, не стараясь точно наводить объектив, ритмично, как автомат, нажимал и нажимал кнопку пуска. Графит превращался в бриллианты, те — в графит. К вечеру алмазы, вместо того, чтобы в тысячный раз превратиться в графит, треснули. Камешки раскололись на кусочки, те рассыпались в крошку. Крошка — в пыль.

Тремя пальцами Свирский взял щепоть алмазного песка, просыпал обратно на газету, оделся и вышел в ночной гудящий город. Непрерывный городской шум не проник в Свирского, потому что вместо души у него образовалась чёрная дыра, убивающая свет и звук в самом начале, ни на волос не пропуская их в свою смертельную тишину и пустоту. Начисто опустошённый, будто мумия, он бродил по проспектам, забрёл в городской парк. Уличные шумы туда не проникали. На длинном пруду, обрамлённом парком, горбился пешеходный мостик.

Свирский взошёл туда и стал смотреть вниз, перегнувшись через перила. Обзор с этой стороны застилала темень, потому что вокруг пруда густели старые развесистые

ракиты, заслоняя фонари по берегам. Вода казалась абсолютно чёрной сродни душевной пустоте, заворачивала, обезволивала. Свирский не мог отвести взгляда от жидкой тьмы. Он вспомнил своё алмазное безумие, страхи, Романа, маму, разорение и тюрьму. «Господи, как я устал», — подумал он, с отчаянной, страшной отрадой осознавая, как легко можно заставить память замолчать. Глубина манила его, обещая долгожданный отдых и покой.

С другой стороны моста в волнах рябили неоновые огни. Извиваясь, в пруду купалось сияющее слово «Кристалл». Наверное, это вывеска кафе, а некогда так называлась корпорация Свирского.

С трудом сбросив тенёта сумасшедшей мысли, привязавшие его к темноте воды, он тяжело, словно деревянный, перебрёл на ту сторону моста, откуда читалось название кафе. Память вытолкнула на поверхность сознания прежнего Свирского, молодого и решительного, кто с весёлой злостью лавировал в зыбях бизнеса, словно серфингист под гребнем волны. Он вспоминал свои виртуозные победы над конкурентами и, забывшись, усмехался. Потом вернулся мыслью к алмазам. Когда-то Свирский читал про их удивительное родство с графитом.

«Алмаз и графит — одно и то же — углерод. Они же и антиподы: алмаз — самое твёрдое на земле вещество, графит — самое мягкое, и так дальше во всём: во внешнем виде, прозрачности, цене. Разве не то же и люди? Одни тверды под ураганами жизни, другие изламываются от любого прикосновения. И есть преобразователь — судьба с её могучими обстоятельствами. Она постоянно пытается превратить алмаз характера в графит и наоборот. Что любопытно, не по одному разу. У судьбы для этого много превратностей. Тут тебе пируэты бизнеса, страхи и страсти, тюрьма, потери».

Ночь загустела, небо стало непроницаемым, таким, словно рассвет наступит только по окончании жизни. Но неоновые рекламы сияли, наивно провозглашая, что темень ничего не значит, и предлагая пёстрый выбор способов убийства времени. Темнота воды тоже предлагала, но способ, а не выбор. Может, вообще самая большая роскошь в жизни — выбор...

На столе в старой малогабаритной квартире, на пахнущей водкой, сжухшейся газете соляным конусом искрилась алмазная пыль.

ЮРИЙ МАНУСОВ

ОЦИФРОВКА ВРЕМЕНИ

Эту вещь — роман, не роман — я не мог не начать писать, ибо ничего не надо было придумывать. В полной мере я испытал на себе и что такое любовь, и что такое слава, и что такое бессилие, и что такое безысходность. А каково было находиться на волоске от смерти? Однако и само время оказалось настолько насыщено невероятными событиями, что пройдя через их горнило, я не мог остаться простым созерцателем. Желание осмыслить и даже переосмыслить и свою жизнь, и вообще человеческую и подвигло меня взяться за компьютерное перо. Предлагаю вниманию читателя начало своей «Оцифровки времени», над которой продолжаю работать, и которая даётся мне с большим трудом.

Солнечные лучи, пробиваясь через густую крону клёна, озаряли стоявший на подоконнике экзотический цветок, который мне предстояло поливать раз в два дня. Вчера, проводив семью на море, остался на хозяйстве один. Это радовало — никто не одёрнет. Мог ещё поспать, мог почитать детектив, а мог посмотреть в интернете фильм, до которого не доходили руки.

Потянувшись, повёл взглядом по золотистым обоям с тeneвым рисунком от оконной рамы. Что же выбрать? Увы, из всего перечисленного — ничего. Не могу попусту тратить время.

Вскочив с дивана, забросил постель в шкаф и стал делать зарядку. Растягивал эспандер, подтягивался на турнике, катался спиной по жёстким шипам резинового коврика. Коврик был спасением, ибо массу времени приходилось проводить за компьютером.

Приняв душ и позавтракав, уселся в кресло перед монитором. Ещё раз подумал — семья уехала, никто не отвлечёт от работы. Но...

Беззаботный июль каждый год оказывался адом. Ты проваливаешься в себя, не хочешь, а проваливаешься. И в самой глубине тебя жжёт, терзает, рвёт на части всё тот же вопрос: кто ты есть в этой странной материи, из которой был соткан и обрёл способность мыслить? Мыслить о том, что имеются тебе подобные, что с ними надо как-то сосуществовать, что они зачем-то себя воспроизводят.

Размышлял об этом ещё школьником. И не только размышлял, но и записывал. Первый дневник появился в тринадцать лет. Начинался он с описания пионерского костра, треск которого накладывался на ритмичные звуки баяна и убаюкивающее шуршание морских волн. Я не пел со всеми, а вглядывался в усыпанное звёздами

небо, и мне казалось, что родина моя где-то там, в глубинах вселенной, а на землю я попал по чьей-то злой воле, лишённый памяти о своих истоках. Как теснила меня моя оболочка, а вот сознание, казалось, проживало сразу во всех временах — прошлых и будущих. Ощукая в себе этот парадокс, постоянно задавался вопросом: как использовать свою жизнь, в которую сам не просился? В школьном сочинении на тему «Какая у тебя мечта» одноклассники писали, что хотят стать достойными строителями светлого будущего. Я был конкретен, написав, что мечтаю снять фильм о своём мироощущении. Мысль эта родилась в ту звёздную ночь у костра, и я даже запел на радостях, влившись в общий хор и подхватив крылатую строчку: «Клич пионеров — всегда будь готов!».

С тех пор много воды утекло, фильм снял, но легче не стало. Люди действуют так, словно сами себя создали: знают, куда идти, что делать и каким быть будущему.

Любой замысел ничтожен. Чтобы описать человечество достаточно двух слов, и слова эти давно известны — суeta суeta. Двумя словами характеризуется и человек: «моё» и «хочу». Горы сотворённого за тысячелетия лишь толкуют эти слова, а их вершины способны разве что пощекотать нервы.

Включил компьютер. Тянуло заглянуть в интернет, но я знал, что ворвись в меня посторонний мир, тут же разрушится собственный. Разрушителем мог послужить и неожиданный телефонный звонок, и стук дрели за стеной, и простой вопрос жены. Но хуже всего, когда отталкивала от стола трудность самой работы, и тогда, чтобы не страдать из-за собственного бессилия, я вставал и начинал заниматься хозяйством, однако осознание теряемого времени вызывало боль, которая ставила вопрос ребром — или ты будешь работать, или вообще забросишь всё к чёрту. Хотел бы забросить, но тот же внутренний чёртик предрекал ещё больший ад, откажись я от самого себя по собственной воле. В вынужденных простоях меня действительно жёг этот пламень, а вот спокойствие наступало лишь при удаче, но длилось недолго, чёртик всегда находился невдалеке и грозно размахивал непогашенной головешкой.

Нахлынувшие после сегодняшнего сна мысли не давали приступить к работе. И ведь сколько лет пытаюсь избавиться от этой неразрешимой головоломки про вечные вопросы бытия, но она, словно назойливая мелодия, вновь и вновь изматывает меня. О своей неуспокоенности писал в письмах приятелям, но их мало интересуют подобные темы, а старинный друг так вообще обвинил меня в кокетстве, ибо не понимал, как могут юношеские вопросы занимать взрослого человека. Лично его земная жизнь устраивает. И мою жену — тоже. Радуетса солнышку, детям, внукам, кормит птичек, кроша на подоконник хлеб, и верит, что голуби приносят весточки с того света. И я хотел бы верить, но как? Волшебную палочку и царство небесное ставил в один ряд, хотя ничего и не отрицал, считая, что пока не откроется тайна мира, любая фантазия имеет право на существование. Сам фантазировал с детства, более того, свои фантазмагии снимал — сначала на плёнку, потом на кассеты, наконец, на цифровые носители. Не расставался с камерой ни на день, и если поразмыслить, то накопившийся материал вмещал в себя целую эпоху. Монтировал из него семейные ролики, однако целиком на свет не вытаскивал: не находил для столь длинной эпопеи удобоваримой формы. Но вчера вдруг засосало под ложечкой: кассеты стареют, надо их продублировать. Чтоб не передумать, тут же перенёс коробки из кладовой в комнату. Выстроился целый штабель.

Оглядев его сейчас, раскрыл истрёпанную тетрадь, купленную ещё в прошлом веке, и побежал глазами по записям. Первые кассеты хранили материал, переведённый на видео с киноплёнки. С них и решил начать оцифровку.

Согласовав магнитофон с компьютером, щёлкнул мышкой по ярлыку монтажной программы и, не став ждать, пока она загрузится, открыл папку с музыкой и подвёл стрелку к песне «Июльское утро» группы «Юрай хип».

Впервые услышал в юности эту вещь, ставшую для меня с тех пор не просто лучшей композицией, а некой магической вибрацией, к которой я обращался в исключительных случаях. Такой случай сегодня и был — ожидала не просто работа, предстояло погружение в запечатлённую память.

С первых же аккордов ощутил мистический трепет, что случалось со мной каждый раз, и каждый раз моё воображение уносило меня к морю, где я, замороженный восходящим солнцем, ежесекундно менявшим краски воды и неба, чувствовал себя альбатросом, то машущим от восторга крыльями, то медленно планирующим от налетавшей внезапно тоски.

Вступил солист, и переливы его голоса, имевшие умопомрачительную амплитуду, прижали меня к волнам, но когда голос взлетел до невероятной высоты, я вновь вознёсся в небо и долго парил там, любясь открывшимся простором, и лишь с окончанием голосовой партии опустился вниз и кружил в беспамятстве до последнего звука этой, казавшейся бесконечной, коды.

Не заметил, как на стол накапали слёзы. Смахнув лужицу ладонью, растёр мокрое место рукавом.

Слёзы выступали каждый раз, ибо «Июльское утро» навсегда связалось у меня с событиями как романтическими, так и трагическими.

Отслужив в армии, я поступил в радиотехнический вуз и летом после сессии поехал работать вожатым в пионерлагерь, находившийся на берегу Азовского моря. В то время вода была чистейшей, на дне виднелась каждая ракушка, и дети, купаясь, легко ловили руками барахтавшихся в песке бычков. Но вот в штормившем море нелегко было что-то разглядеть. Когда Игорь, так звали одного из вожатых, нырнул в высокую волну после быстрого танца чертей для готовящегося праздника Нептуна, никто и бровью не повёл. Всполошились дети — главный чёрт долго не всплывает. Лишь тогда, осознав случившееся, физрук, плаврук и я побежали к морю. Поиски ничего не дали, и мы, обессиленные, повалились на песок. Продолжала нырять вожатая, вывести её из воды не удалось, она рыдала и билась в истерике — у них с Игорем была любовь. Нашли тело вызванные спасатели, нашли не сразу, тело отнесло в сторону подводным течением, позже врачи установили причину смерти — сердечный приступ.

В тот же вечер я сидел с детьми на отрядной веранде, а из стоявшего перед нами магнитофона тихо лилось «Июльское утро». После трагедии, отвечая на детские вопросы своих подопечных, всколыхнул собственные: способен ли я жертвовать собой во имя чего-то или ради кого-то; дано ли мне чувство любви во всей его полноте; есть ли у меня, наконец, призвание к режиссуре — после окончания школы пытался поступить в кинематографический вуз, но попытка оказалась неудачной. Однако, вопреки сомнениям, продолжал запечатлевать пусть пока и узкоплёночной кинокамерой будоражившие меня кадры: буйство красок на небе, россыпи бликов на море, фейерверки эмоций на лицах. Снимал институтский улей, пирушки друзей, стройные ножки на танцах и опять — лагерь, куда приезжал теперь каждое лето.

Неожиданно в глазке камеры увидел ступавшую по песку нимфу и одновременно почувствовал исходящий от неё магнетизм. Качнувшись вперёд, вдруг услышал внутри себя магическое звучание: «There I was on a July morning looking for love...», по-русски: «Июльским утром я искал любовь...».

Первый раз я влюбился в детском саду. Девочка ответила взаимностью, и мы даже объявили о свадьбе. Потом влюблялся в школе, в армии, в институте. Последняя влюблённость случилась в этом же лагере за год до встречи с нимфой. Полюбились молоденькая вожатая, называвшая себя Жар-птицей. Каждую ночь мы парили под звёздами, и нам казалось, что так будет всегда. Отрезвление пришло по окончании смены — ко мне. Объяснив Жар-птице, что семья затруднит мой путь к цели, которая и так не близка, предложил ей отнестись ко всему, что было, как к развлечению. Ответом послужила пощёчина, а через много лет я обнаружил в почтовом ящике красочный конверт, из которого достал два розовых листочка. Писала Жар-птица, писала в романтическом стиле. Она так и не смогла вырвать меня из своего сердца и поэтому, даже имея мужа и детей, была несчастлива. Извинившись за пощёчину, порадовалась, что семья не помешала мне достичь цели. В заключение пожелала здоровья своей школьной подруге, чему я не удивился, ибо видел в альбоме жены их совместную фотографию. Пока шло письмо, болевшая раком Жар-птица умерла.

Захотев немедленно перенестись в то июльское утро, когда в кадре неожиданно появилась нимфа, оказавшаяся одной из приехавших на новую смену вожатых, начал оцифровку именно с этой кассеты.

Окрестил незнакомку нимфой из-за длинных волос, хотя обладательницу такой гипнотической энергии мог бы назвать и Саломеей, и Таис Афинской, и Клеопатрой, а когда она, никак не отреагировав на кинокамеру, продолжила мягко ступать по песку, увидел в ней ещё и гаремную танцовщицу. Да она и была танцовщицей, танцовщицей прирождённой, хотя и не обошла хореографическое училище стороной, и я, потеряв голову, стал снимать её от зари до зари, танцевавшую без устали: то в платьях бальных, то в одеяниях восточных, а то прикрытую одними лишь волосами.

Следующая кассета начиналась с видов осенней рощи, а следом шли кадры, где я и уехавшая со мной танцовщица разыгрывали влюблённых: бежали навстречу друг другу, обнимались, кружились, падали, катились по траве, целовались, и в финале я нёс свою избранницу на руках. Эту сценку мы повторяли снова и снова с целью накопления планов для монтажа.

Запечатлеть нас на память я попросил своего институтского друга Мишеля, с которым мы снимали игровые короткометражки для студенческих смотров художественной самодеятельности, но, увы, проявленная плёнка оказалась в крапинках, отчего я расстроился и вернулся к ней только в следующем веке, чтобы перевести на видео, а всерьёз занялся материалом лишь при появлении компьютерного монтажа. Крапинки теперь воспринимались не как брак, а как ретро-эффект, и в результате получилась истинно хроникальная зарисовка, которая, к моему удивлению, не оставляла равнодушным ни одного человека, а знавших нас близко поражала ещё и наличием в семейном архиве таких редкостных кадров из нашей молодости.

В то время я брал свою танцовщицу за руку, и она никогда не спрашивала, куда мы идём, почему остановились, почему не дошли. Ни разу не слышал от неё слова «нет», ни разу — «не хочу», зато постоянно слышал смех. Лёгкая, летящая, она радовалась каждому мгновению и, прожив его, тут же выбрасывала из головы. Никак не мог найти имя под её образ. Паспортное не подходило, а подобные «саломеям» и «клеопатрам» крали у неё индивидуальность. Поиски не прекращал, и неожиданно пришёл на помощь фильм «Золото Маккены», в котором я был начисто сражён неистойвой индианкой по имени Хешке. Смотрел его со своей танцовщицей, и после окончания сеанса, когда мы вышли из кинотеатра и ещё не успели сказать ни слова,

у меня вдруг вырвалось: «Ты вылитая Хешке». Она пожала плечами: «Может быть». Внезапно понял, имя — найдено. Схватил её за руку. «Ты — Хешке, понимаешь?! Теперь ты моя Хешке!». В ответ услышал: «Понимаю, теперь я твоя Хешке».

Она так и останется с несклоняемым именем Хешке, с ним родит девочку, потом — мальчика, даже внуки будут называть её — баба Хешке; она станет Хешке и для моих друзей, которые не спросят, откуда взялось это имя, ибо все посмотрели «Золото Маккены» и все запомнили индианку, в большей степени — у озера, где она, нагая, страстно целовала главного героя.

Недавно решил поинтересоваться судьбой актрисы, исполнившей эту роль, но увидев в Википедии фото восьмидесятилетней Джули Ньюмар, невольно вернулся к мысли о безжалостном убийце — времени. Представшее передо мной морщинистое лицо несколько не походило на то, молодое в обрамлении чёрных волос, перехваченных красной ленточкой. Я вдруг подумал, что тема времени-убийцы будет полезна моим студентам, и на очередной лекции предложил им внимательно посмотреть на свою руку и увидеть её через сто лет, съеденную червями. Выждав пару секунд, сказал, что если вы, разглядев свою костлявую фалангу, содрогнулись, то именно к этому призывал древний мудрец — помнить о смерти. Не давая студентам расслабиться, попросил их продолжать смотреть на руку, но теперь взором инопланетян шаровидной формы. Какой же отвратительной могла бы показаться таким пришельцам человеческая кисть с ужасающими пальцами-шупальцами, однако чуть позже, пережив шок, эти космические шарики могли бы и рассмеяться, обнаружив на уродливых отростках ещё и раскрашенные во все цвета радуги накладные ногти. Не ожидал, что девушки окажутся на грани нервного срыва.

Нет, я не потешался над бедными студентами, им как будущим документалистам вменялось в обязанность смотреть на всякую вещь незамутнённым взглядом.

Подобным даром обладала Хешке. Каждый раз она созерцала как нечто невиданное простейшие явления: выплывавшее из-за горизонта солнце, катавшуюся в волне ракушку, взлетающую с ладони божью коровку, удивлялась, радовалась или, наоборот, огорчалась, если горизонт, к примеру, был затянут тучами. Этот дар включал в себя и обратный взгляд — нежелание видеть нарушенной привычную гармонию. Ей колол глаза белевший на клумбе окурок, её нервировало косо висевшее полотенце, она не успокаивалась, пока не находила нужное положение для цветка на подоконнике, вертя горшок и так и сяк, и, боже упаси, чтобы без неё украшали новогоднюю ёлку, а уже в компьютерный век не поднималась с кресла, начнись хоть пожар, пока на экране монитора не заканчивался салют от сложившегося паяса. Она и сама была как салют, ибо всегда несла с собой праздник. Её природная энергия позволяла ей выдерживать любую нагрузку, а чувства не желали ведать моральных преград, походя на морские волны, бесстрашно катившиеся к берегу, хотя и понимавшие, что могут вдребезги разбиться об утёс. Запретный круг очерчивался только её собственными ощущениями. Всегда открытая и абсолютно бесхитростная, она не допускала и мысли получить выгоду за чей-то счёт, чуралась любых интриг, искренне сопереживала убогим и не убогим и, не задумываясь, оказывала им помощь. Сама же при всей своей энергии не имела защитного экрана и легко могла быть поражена, однако и с нанесённой раной оставалась беззлобной и переживала боль вдали от посторонних глаз. Даже от меня. Но как ни пряталась она за свою улыбку, я всегда чувствовал её состояние, ибо ещё в лагере поразился почти полному совпадению наших сущностей. Мы одинаково смотрели на мир, на семью, на воспитание детей; оба ревностно относились к работе, получали удовольствие от

книг, не представляли себя без искусства, уважали чужую свободу и были предельно тактичны по отношению друг к другу. В одном не сходились — в ревности. Не раз получал удар локтем в живот за непроизвольно брошенный взгляд на девичьи ножки. Вечером она удивлялась — откуда синяк? А утром, июльским утром через много лет Хешке произнесёт голосом, полным тоски: «Я бы умерла самой счастливой женщиной на свете, не будь между нами Алёны».

С трудом выдержал тогда её взгляд, и теперь, вспоминая его, каждый раз хватаюсь за голову, желая повернуть время вспять и вырезать из жизни этот кусок кошмара. А начало ему положила найденная моей женой видеокассета. Нет, светопредставление началось раньше, когда невероятным образом мне удалось снять задуманный ещё у пионерского костра фильм и тем самым осуществить свою, казалось бы, фантастическую мечту. Однако вместо того, чтобы кричать: «Ай, да сукин сын!», «я очутился в сумрачном лесу, утратив правый путь во тьме долины». Не Пушкин, а именно Данте выразил моё душевное состояние, грустные нотки которого впервые прозвучали после столичной премьеры моего фильма накануне раздела так называемой шестой части суши.

Не верил своим ушам, слушая выступавших на пресс-конференции известных кинокритиков. Меня ставили в один ряд с выдающимися режиссёрами, говорили, что картина станет событием в кинематографе, не уставали перечислять её достоинства. О ней писала пресса, делались передачи на телевидении, в кинотеатрах страны проводились специальные показы, в том числе в моей кинематографической альма-матер, где страсти в завязавшейся после окончания просмотра дискуссии просто кипели. Бурное обсуждение фильма проходило позже и в американских университетах. Неоднозначно воспринимались как сюрреалистическая форма ленты с её гротесковым монтажом, так и многослойное содержание, простиравшееся по выражению кинокритиков — от микрокосма до макрокосма.

И это был не осознанный сон, это была реальность.

Посыпались приглашения. Позвал в гости даже скандальный британский кинорежиссёр, увидевший мою картину на одном из московских показов. Но я лишь улыбнулся, ибо режиссёр и представить себе не мог, какие мытарства ожидают советского человека, желающего посетить капиталистическую страну. И вообще, после безумного кинематографического марафона у меня в принципе не осталось желаний, разве что желание отоспаться. Не дали.

Оператор моего фильма, Сергей, подвёл ко мне импозантную женщину и представил её как директора не одного десятка художественных фильмов, снятых на Одесской киностудии. Звали женщину Феодосия, что в переводе с греческого означало «богом данная», и эта «богом данная» безо всяких предисловий сказала, что у неё есть деньги для съёмки народной комедии на алкогольную тему, сценаристом и режиссёром которой она хотела бы видеть только меня. Не мог не усмехнуться, сообразив, что инициатором здесь выступил Сергей, читавший мою комедию, которую я не родил бы и в страшном сне, не произошёл в стране винно-водочный апокалипсис.

Сюжет анекдотически-мистический. Каждое утро закоренелый пьяница, работающий токарем, обнаруживает в своём станке бутылку водки. Каким образом она там оказывается, не может понять никто. Внезапно токарь сталкивается с незнакомцем, который заявляет, что бутылка попадает в станок из подземного мира и является наградой за умение рабочего человека напиться до чёртиков. Эти же чёртики поручили ему как старшему исполнять любые желания героя. В действительности же, незнакомец и его законспирированные помощники служат власть предержащим,

от которых получили задание сделать из пропойцы телевизионного любимца народа с целью выдвижения этой заводной игрушки в руководители страны.

На предложение Феодосии снимать фильм по своей собственной вещи я ответил честно, что мне как режиссёру комедийный жанр чужд, поэтому переносить сценарий на экран не возьмусь, да и устал я смертельно.

Вслушав мою тираду, «богом данная» заявила, что все жанры хороши, кроме неоплаченного, и назвала размер причитающегося мне гонорара. От услышанной суммы я впал в ступор. В образовавшейся паузе Сергей, перехватив у Феодосии эстафету, бодро сказал, что организация съёмок будет на высшем уровне, напрягаться никому не придётся и, щёлкнув пальцами, добавил, что мне предоставляется возможность пригласить в картину любых отечественных звёзд.

Выбитый из седла кавалерийским наскоком одесситов, я промямлил что-то нечленораздельное, и это «нечленораздельное» посчитали моим согласием. Но оказалось, что ещё до него Феодосия договорилась с театрами о читке моей комедии, ибо Сергей передал ей нашу беседу, в которой я совершенно абстрактно называл имена актёров, подходивших для ключевых ролей, и уже на следующий день именно они, прослушав текст и вдоволь насмеявшись, дали согласие сниматься. Устроил их и гонорар.

Начавшаяся работа, за которую я как автор нёс полную ответственность, исключала мою робость перед народными артистами. Видел перед собой лишь исполнителей, обязанных точно выполнять поставленную перед ними задачу, но в то же время получивших от меня возможность для импровизации. В ответ ловил уважительные взгляды, что придавало моим действиям уверенность, а после последнего режиссёрского «Снято!» я даже прослезился от их благодарственных аплодисментов.

Аплодисменты заслужила и вся группа, ведь когда приехавшие в Одессу актёры ознакомились с графиком работы, предполагавшим закончить съёмочный период за одиннадцать дней, они дружно посмеялись. Сколько метров плёнки расходуется в смену на том же «Мосфильме» народные артисты знали не понаслышке, а этот фильм содержал в себе не только множество разноплановых объектов, но и сложные массовые сцены с погонями и каскадёрскими трюками. Услышав скептический смех, Феодосия развернула собравшихся на пляж кинозвёзд и твёрдо сказала, что никакая это не фантазия, а точный расчёт, спрос с каждого будет строгий, и если за время работы кто-нибудь из них окажется подшофе, то лишится не только премии, но и части гонорара. Резко вытянувшиеся лица не могли не подействовать на безапелляционный тон уже не просто администратора, не смевшего даже пикнуть на актёров, а человека-диктатора, называемого теперь непривычным для отечественного уха голливудским словечком «продюсер», и Феодосия, постучав по деревянной столешнице и примирительно улыбнувшись, добавила, что после окончания съёмок мучительное для кинематографических сибаритов долготерпение будет вознаграждено двухдневным застольем в открытом море на борту специально арендованного для этой цели океанского лайнера.

Так и произошло. Глядя на знаменитых актёров, я до сих пор не мог поверить, что работал с ними в качестве режиссёра, да ещё принимал от каждого похвалу. Неожиданным оказалось для меня и то, что во время съёмок передавалась из уст в уста легенда, в которой герой, то есть я, своей московской картиной, напичканной всякими постмодернистскими штучками, не только разметал рамки социалистического реализма, но и надругался над всеми законами марксистско-ленинской эстетики, надругался ни где-нибудь, а в цитадели советского кинематографа — Центральном Доме кино, и теперь до моего уха не раз долетал шепоток — «молодой

гений», а Феодосия, лично слышавшая хвалебные речи столичных кинокритиков,отреагировала на эти дифирамбы конкретным делом, начиная с обстановки режиссёрского кабинета, где рядом с письменным прибором в стиле какого-то там Людовика стоял редчайший для того времени персональный компьютер, и кончая предоставленными мне для проживания апартаментами, в которых мой сын дошкольник, лишь переступив порог, понёсся по коврам; жена, наоборот, пошла медленно, как по музею; а шестнадцатилетняя дочь, шагнув к величественному креслу, опустилась в него принцессой.

Привезти семью предложила та же Феодосия, а чтобы я не отвлекался, побеспокоилась о санатории, именно побеспокоилась, так как предназначался он только для членов ЦК. Была в моём распоряжении и машина с водителем, и ломился холодильник от продуктов с Привоза, и поили меня истинно индийским чаем, но...

По приезду в Одессу Феодосия заговорщицки сообщила мне, что сценарий в том виде, в каком он есть, не пойдёт, и попросила убрать из него власть предрежащих, а метаморфозы, происходящие с героем, посоветовала выдать за его сон, в котором чудеса творит не политтехнолог со своей командой, а наделённая колдовскими способностями подружка пьяницы.

Потрясённый беспардонным вторжением непрошенной советчицы на чужую территорию, я не нашёл ничего лучшего, как пуститься в полемику, и стал доказывать Феодосии, что вместе с водой будет выплеснут и ребёнок. В ответ услышал, что ребёнок здесь как раз лишний. Не найдя убедительных аргументов, я в сердцах бросил, что фильм в таком случае окажется интересным только умственно отсталым. И на этот пассаж у истинной одесситки нашёлся козырь, мол, по её секретным данным, умственно отсталых значительно больше, чем я себе представляю. Внезапно повысив голос, Феодосия заявила, что переписанный сценарий должен лежать у неё на столе не позже завтрашнего вечера.

Так со мной ещё не разговаривали. Не собираясь ничего менять, решил тут же распрощаться, но опытная директриса, предвидя моё негодование, быстро добавила, что для режиссёра, снявшего гениальную картину, не будет катастрофой сделать простой лёгкий фильм. Поразительно, но этот дешёвенький крючок, наверняка заготовленный заранее, привёл меня в замешательство, ибо Феодосия, нисколько того не подозревая, зацепила им совсем другой нерв. Не раз и не два я говорил жене, что стоит мне перенести на экран свою выношенную вещь, как после неё начнётся просто работа. Для женщины это значило, что муж, наконец, перестанет витать в облаках и, опустившись на землю, повернётся лицом к семье. Не знаю, повернулся ли, но когда семья оказалась в Одессе, дочь шепнула мне: «Какая мама счастливая».

Феодосия выжидающе молчала, а я вдруг представил руки Хешке, складывающие в сумку нераспечатанные денежные пачки — мой аванс, и увидел, как она боится поднять глаза, чтобы не встретиться с моими. А ещё я увидел, как мы летим на самолёте, летим домой, но совсем не с тем чувством, с которым летели пятнадцать лет назад в центр страны, где возводился самый большой в мире автозавод. Мне ничего не останется, как вернуться в цех, а получив зарплату и впридачу к ней целую простынь продуктовых талонов, я отправлюсь к пустым магазинным прилавкам в надежде отоварить эти блеклые квадратики. Нет, счастье не отвернётся от Хешке, просто она будет растягивать его, как растягивают дети жевательную резинку.

Не сказав Феодосии ни слова, направился к двери, а через час ко мне примчался Сергей и, к своей радости, застал меня за работой.

Я сдался, но успокоиться не мог. После начавшихся съёмок, возвращаясь в свои апартаменты, падал на кровать и, зарывшись лицом в подушку, мучительно клял

себя за позорное отступление — ведь я сам не оставлял камня на камне от таких вот пустышек и удивлялся, почему режиссёр до сих пор жив.

Решил не указывать своего авторства, но облегчения не почувствовал, и лишь на стадии монтажа, когда появилась возможность ежедневно встречаться с семьёй, самоедство пошло на убыль. Забирал детей и Хешке из санатория, и мы, гуляя по городу, заходили в кафе, посещали музеи, фотографировались. Не обошли стороной и знаменитый оперный театр. А в один из вечеров сын, играя шишкой, внезапно размахнулся и кинул её под ноги идущему навстречу темнокожему мужчине. Тот от неожиданности метнулся в сторону. Хешке погрозила шалунишке пальцем и, дождавшись пока мужчина скроется, сказала сыну, что этот человек иностранец, и бросок в него шишкой, похожей на гранату, может послужить причиной для войны между нашими государствами. А на следующий день в стране произошёл путч. И когда мы с женой, увидев по телевизору противостоящих боевой технике людей, стали рассуждать чуть ли не о конце света, малыш дёрнул маму за платье: «Это потому что я вчера шишку бросил?».

К счастью, конца света не произошло, но произошло нечто подобное с выходом моей комедии на экран. В залах не просто смеялись — гоготали, а чуть позже фильм перекочевал в подземные переходы, где на пиратских кассетах по-хозяйски разместился между голливудскими блокбастерами. Мало того, картина не раз демонстрировалась по телевизору, попав в обойму популярных отечественных комедий, и уже в эру интернета прочно обосновалась на многочисленных сайтах.

Феодосия оказалась провидицей, но не во всё. Распалась страна, лишив и меня, и жену родины. За чертой осталась моя тбилисская улочка, по которой я поднимался вверх на своих ещё неустойчивых ножках, вцепившись в руку бабушки; и за чертой осталась приазовская речка, обтекавшая скифский курган, на котором будущая Хешке плела веночки из диковинных цветов. Пограничные зоны, пусть и условные, да с неписаными таможенными правилами, образовались и в нашем городе. Если раньше жилые комплексы имели лишь адресное деление, то теперь они стали территориями самоопределившихся банд, названия которых автоматически привязались к числовым наименованиям этих комплексов: «двадцатидевятники», «тридцатники»... До «шестидесятников», к счастью, не дошло, иначе преступную группировку могли бы спутать с поколением физиков и лириков.

Вернувшись из Одессы, я впал в депрессию, но причина её крылась не в метаморфозе со страной, а в полной бесперспективности собственной жизни. Фильм, выношенный с детства, был снят, мечта осуществилась, а делать картины, подобные одесской, не позволяла совесть, да и где? Киностудии обанкротились и впали в летаргический сон.

Лишившись цели, а заодно и смысла существования, пришёл к выводу, что мечта должна оставаться недостижимой, быть миражом, факелом, светом в конце тоннеля, а я поспешил, вышел из тоннеля до срока, и увидел, что желанный свет заливает пустоту.

По инерции забирал сына из садика, дежурным поцелуем встречал по вечерам жену, работавшую во дворце культуры; вполуха слушал по телефону дочь, поступившую в театральный вуз после окончания школы экстерном.

Сомнамбулический сон прервала встряхнувшая страну шоковая терапия, которая вмиг обеднив народ, обесценила и мой лежавший на сберкнижке гонорар. Мне оставалось либо умереть, либо идти работать.

Подумал о родном кузнечном заводе, и не столько о нём, сколько о ребятах из своей бывшей бригады, с которыми съел не один пуд соли. Встретили бы с радостью,

но узнав, что я пришёл не в гости, онемели бы. С чего это вдруг состоявшийся режиссёр решил вернуться в электромонтеры? Отделался бы шуткой, зачем кому-то знать, что режиссёр, выплеснув на экран всю свою накопленную с детства боль, оказался полностью опустошённым, тем более, что ребята всегда видели перед собой неутомимого весельчака, непревзойдённого выдумщика и готового на всё заводи́лу. Они не ошибались. Как ни странно, я находил в себе два абсолютно разных начала. Первое, прочертив путь к цели, исключало какие бы то ни было соблазны; второе, наоборот, познав земные радости, желало вечного праздника. Но что поразительно, оба этих начала оставались бессильными перед чувством ответственности, теснившим во мне все другие чувства. Когда родилась дочь и возникла острая необходимость в собственном жилье, которое нигде нельзя было получить, кроме как на развернувшейся в степи стройке века, я немедленно оказался там, отложив в долгий ящик и мечту о фильме, и огонёк от свечи, каждый раз волшебным образом игравший на сахарном ободке бокала, из которого, вертя в пальцах соломинку, я любил потягивать коктейль, беседуя с друзьями обо всём и ни о чём под тихо звучащий блюз.

По существу моя жизнь начиналась с нуля.

Осознание этого пришло сразу же по прилёту, когда я вместо привычного здания аэропорта увидел прилепившийся к краю заснеженного поля домик и, войдя в него, обнаружил в заледенелых стенах предельно скученных людей, которые со своими потёртыми чемоданами, сумками и рюкзаками походили на беженцев, навсегда оставивших свои жилища.

Не желая тесниться, вышел наружу и, пройдясь взад вперёд, двинулся к остановке, хотя слышал, что автобус придет нескоро. А в обложном тучами небе не прекращался гул самолётов, которые, вынырнув из серой завесы, приземлялись у чёрта на куличках, и шагавшая издали очередная партия переселенцев так растягивалась по вычищенной ветром белизне, что казалась цепочкой муравьёв, направлявшихся к забытой на белой скатерти сдобе. Пришло в голову, что среди сплошных тёмно-серых одежд мой ультрамариновый «вранглер» делает меня белой вороной.

Для некурящих время движется медленней, а я был некурящим. Внезапно услышал за спиной смехок и, обернувшись, увидел парня, отогревавшего своим дыханием замёрзшие пальчики девушки. Вдруг эта обыденная сценка словно выбила из моих мозгов пробку, и я неожиданно представил, что нахожусь не в забытом богом уголке, а на какой-нибудь далёкой космической станции, куда прибывают не просто земляне, а самые отважные из них, решившие на этой чужой, обдуваемой ледяными ветрами планете построить город, и тем самым сделать первый шаг к завоеванию человечеством вселенной. Непроизвольно и сам ощутил в себе горделивое состояние первопроходца, которое не ослабло и на пути в город, хотя и автобус был переполнен, и мотор выпускал бензиновые пары. А уже на автостанции, когда я пересел на трамвай, и он помчался по бескрайнему полю вдоль огромных котлованов и сверкавших сваркой гигантских корпусов, почувствовал себя ещё и библейским вавилонянином, заморожено глазеющим на возводимую до небес башню. Словхавшись, осознал, что сравнение с башней неуместно и, вернувшись к реальности, нащупал в кармане паспорт с выпиской из родного дома, где в малюсенькой квартирке моих родителей-учителей ютилась Хешке с годовалой дочкой. Ради них я готов был вгрызаться в землю, месить сапогами грязь и даже пробивать головой стену. Однако больше пришлось летать, ибо после первого же знакомства с заводом у меня за спиной будто выросли крылья.

Сразу же впечатлило пространство: гигантские станины кузнечных прессов отстреливали сотнями лучиков, рождённых световыми потоками, щедро лившимися

через прозрачную крышу нескончаемого корпуса; и не могли не заморозить зеркальные панели электронных блоков, вставленных в виде ящичков в железные шкафы, которые секциями выстроились вдоль всей линии прессов, и хотя на второй половине широченного корпуса ещё заливались фундаменты, невольно сравнил это великолепие со своим первым в жизни цехом, где я, сбежав на завод от школьной муштры после восьмого класса, сверлил детали на станках, пригодных только для сдачи в металлолом. Но что удивительно, меня нисколько не угнетали ни эти станки времён сталинской индустриализации, ни низкие потолки с задымлённым пространством, ни голые стены с замасленными окнами, ни земляной пол с вдавленными в него стружками, ибо я полагал, что производство таким быть и должно. Картина не изменилась и до моего призыва в армию, которую я вспомнил, как только увидел шкафы с электронными блоками. Подобную технику, считавшуюся секретной, я обслуживал, проходя службу в специальном полку связи. Подумал, а почему бы и здесь, благодаря своему опыту да диплому радиоинженера, не заниматься тем же. Вовремя подумал. Оказалось, что таких специалистов кот наплакал, и хотя меня направляли работать станочником, в трудовой книжке появилась запись «электромонтёр по ремонту и обслуживанию электрооборудования». Однако это оборудование требовалось ещё запустить, и мы, зарывшись с головой в электрические шкафы, не вылезали из них до самой сдачи первой очереди завода. Мы — это похожие на меня ребята, начавшие новую жизнь в переполненных общежитиях, но верившие, что обязательно построят свой собственный дом и обязательно посадят возле него дерево. А пока они тосковали по уже рождённым сыновьям. И я тосковал по своей доченьке.

Каким теперь бесконечно далёким казался мне прощальный вечер с друзьями, которые никак не могли поверить, что я уезжаю надолго и, быть может, навсегда. Мы называли себя скитальцами в поисках истины, называли ещё со времени проживания в студенческом общежитии, и разговор наш чаще всего начинался с обсуждения какой-нибудь новинки, будь то кино, проза или поэзия. В тот последний вечер нас зацепил сценарий Андрея Тарковского «Гофманиана» о писателе и композиторе Эрнесте Теодоре Амадее Гофмане, и больше всего — тост главного героя о конвульсиях человеческой души, но сейчас меня охватывал ужас от финала, где умиравший сказочник силился вспомнить лицо своей юной возлюбленной, которое исчезало для него навсегда, и в этой юной девушке я видел свою жену — любимую, желанную и недостижимую.

Письма от Хешке, казалось, шли вечность. Читал их со слезами на глазах и всё повторял про себя: девочка моя, девочка моя, девочка моя...

Что творила разлука! Такой муки ещё не испытывал. Иногда хотелось послать всё к чёрту и мчаться домой к своей девочке. Как сумасшедший бросался к двери, но каждый раз падал от нокаутующего кулака разума, который сам же и приводил меня в чувство, шлёпая мокрым полотенцем по щекам — ты не должен сдаваться, не должен, ты не слабак.

Производительность линии прессов приближалась к проектной мощности, и я стал подумывать, как использовать накопившиеся отгулы. Внезапно пришла авантурная мысль — а не слетать ли домой и не забрать ли Хешке к себе, оставив дочь у родителей?

Загоревшись этой идеей, решил заранее подыскать для своей танцовщицы место хореографа — не идти же ей в отделочницы. Первым делом отправился в недавно построенный дворец культуры и в просторном фойе с летним садом и журчащими фонтанчиками сразу же увидел красочно оформленный стенд с расписанием работы

творческих коллективов. Ознакомившись с длинным списком, понял, что с танцами здесь полный порядок. Это же подтвердил и художественный руководитель дворца, но я, цепляясь за соломинку, стал быстро перечислять достоинства Хешке и так разошёлся, что вознёс свою танцовщицу до небес. Худрук, расплывшись в улыбке, дружелюбно сказал: «Ладно, когда жена приедет, приходите». Не стесняясь, потёр друг о друга ладони и, выскочив в коридор, пошёл танцующей походкой вдоль игравших искорками шероховатых стен и волшебным отражавших люминесцентный свет отполированных дверей. На одной из них заметил альбомный лист. Подойдя ближе, прочёл: «Не стучать, входить сразу». Не мог не оценить сдобренный юмором призыв и, приоткрыв дверь, увидел за круглым столом молодых людей и декламировавшую стихи девушку. Внезапно поймал на себе острый взгляд сидевшего у окна парня в расстёгнутом чёрном кожаном пиджаке, под которым туго облегалась грудь такого же цвета нейлоновая водолазка. Неожиданно вспомнил, что это волевое лицо занимало четверть страницы местной газеты, которая рассказывала о режиссёре молодёжного театра, гремевшего по всей стройке. Подумал, почему бы не познакомиться с неординарной личностью и, переступив порог, направился к свободному стулу, а когда меня спросили, пишу ли я стихи, и я ответил, что умею только рифмовать, и до приезда сюда снимал короткометражные фильмы, режиссёр ещё более пристально посмотрел на меня, а в конце вечера подошёл и, представившись, предложил поехать с ним в его театр-студию. Лучшего продолжения я не видел и, согласно кивнув, последовал за режиссёром, а у двери мы, словно сговорившись, разыграли сценку из «Мёртвых душ», когда Манилов и Чичиков уступали друг другу дорогу.

Режиссёр был одержим желанием создать собственный театр и, сунув в рюкзак сапоги, а в карман ветровки диплом института культуры, в первых же рядах примчался на стройку, чтобы лично заложить фундамент под свою мечту. Фундамент закладывать не пришлось, ибо руководство завода, само заинтересованное в достойном досуге для молодых горожан, тут же выделило энтузиасту целый этаж общежития, который в кратчайший срок был перестроен под театр, и теперь, оказавшись в нём, я увидел оригинально оформленное фойе, уютный зрительный зал с чёрным сценическим карманом, костюмерные, артистические, мастерские и, наконец, кабинет хозяина, где помимо стола, стульев, дивана и шкафа возвышались стеллажи с книгами.

С первых же минут знакомства нам обоим стало ясно, что мы одной крови. А когда я посмотрел поставленные режиссёром спектакли, побывал на его репетициях, да распил с ним не одну бутылку спиртного, мне вдруг пришла в голову мысль, что этот боевитый молодой человек идеально подходит на роль главного героя в моём пока ещё воображаемом фильме.

И друг мой Колька, так звали режиссёра, сыграл эту роль. На обсуждении картины в Доме кино его даже спросили, не из Голливуда ли он. Николай ответил скромно: «Нет, из самодеятельного театра». Увы, окружённый корреспондентами герой и подумать не мог, что совсем скоро его детище, отвесив прощальный поклон, уйдёт со сцены без цветов и аплодисментов, но с долгами за электричество, а дававший ему зелёный свет автозавод сам будет обесточен отпущенными на свободу ценами, и чтобы совсем не потерять театр, режиссёр предоставит опустевшие площади успешным участникам игры «купи-продай», которая в одночасье станет всенародной. Правда, не для всех. Ни я, ни жена коммерческой жилкой не обладали, подтверждением чему служил пример из недавних советских времён. Подаренные Хешке импортные сапожки оказались ей велики, и мы, решив продать их, отправились

на вещевой рынок, но по причине обоюдной стеснительности даже не расстегнули сумку. Именно стеснительность была клеймом нашей непригодности к коммерции. Подумать только, не сумели продать дефицит, который оторвали бы с руками.

Теперь дефицита не стало, но не стало и денег, и в тот момент, когда я раздумывал о возвращении на кузнечный завод, внезапно зазвонил молчавший целую вечность телефон.

Сняв трубку, я услышал голос начальницы родного мне пионерского лагеря, правда, теперь уже не пионерского, а оздоровительного и не родного, а находившегося на чужом берегу. Начальница, дежурно поговорив о жизни, спросила о планах на лето, и я ответил, что ни у меня, ни у жены особых планов нет, и тогда она сказала, что приглашает нас в лагерь всей семьёй, и, как в старые добрые времена, нашему режиссёрско-танцевальному тандему придётся совмещать отдых с работой. Хешке дома не было, но я, уверенный в её согласии, не стал оттягивать с решением и сказал, что мы готовы приехать. Столь скорый ответ обрадовал начальницу, и она объяснила, с какой целью приглашает именно нас. Большинство путёвок, очень даже недешёвых, приобрела зарубежная фирма, а чтобы путёвки были куплены и в следующем году, иностранным детям необходимо будет увезти с собой массу впечатлений. Я выпалил, что по-другому и быть не должно, и напомнил начальнице про те же старые добрые времена, когда она сама видела, с каким настроением покидали лагерь и вьетнамские дети, и немецкие, и особенно дети из Польши, которых папы-чиновники наскоро отправляли за тридевять земель от тлетворного влияния Лехи Валенсы и его «Солидарности». Начальница весело сказала, что это были цветочки, а вот теперь будут ягодки, так как иностранные дети приедут в украинский лагерь ни откуда-нибудь, а из России. Не мог не рассмеяться и, пожелав начальнице удачи, попрощался. Только я положил трубку, как вновь услышал звонок, но уже в дверь.

С горящими глазами в квартиру ворвался куда-то запропастившийся Коля-Николай и выпалил, что человек, который арендует у него помещения, прочитал мой сценарий и даёт деньги на его экранизацию, причём хочет, чтобы фильм снимал именно я.

Сразу вспомнил Феодосию с её предложением о съёмке комедии, и вспомнил, что ещё во время своей учёбы в институте кинематографии принёс Николаю машинописную копию своего сценария, которая пошла по рукам и ко мне не вернулась, а написан был донельзя закрученный детектив со стрельбой и взрывами.

Усмехнувшись, я сказал, что заказчик вряд ли себе представляет, в какую сумму выльется ему этот фильм, требующий и профессиональной студии, и профессиональных актёров. Коля протестующее замотал головой и объяснил, что, во-первых, заказчик даёт деньги только с тем условием, что ему достанется роль главы мафии, так как он с детства мечтал быть артистом, во-вторых, его устроит фильм, снятый на видео, ибо кинотеатры приказали долго жить, и, в-третьих, он готов взять на себя всю организационную часть. Продолжая улыбаться, я похлопал Николая по плечу и сказал, что желаю заказчику удачи, но сам в этой аванюре принимать участия не буду. Коля выпалил, что я полный идиот, нельзя отказываться от таких денег, и вдруг, резко изменив тон, спросил, какая сумма может потребоваться, если фильм всё же снимать на видео. Желая похоронить эту бредовую идею, назвал фантастическую сумму, отчего энергичный переговорщик приуныл и, потоптавшись, направился к двери. Внезапно обернулся: «Это с учётом режиссёрского гонорара?». Я засмеялся: «Нет, гонорар режиссёра потянет на квартиру». Коля кивнул и исчез. А на следующий день, когда мы с Хешке, перебирая вещи, решали, что будем брать

с собой в лагерь, в дверь позвонили, и сын, ожидавший друзей, побежал открывать. Замок щёлкнул, и до меня донеслось: «Папа, это к тебе». Выскочив в коридор, я увидел двух бугаёв, которые, переступив порог, опустили на пол огромную сумку и, не сказав ни слова, вернулись в подъезд. Крикнул им: «Вы кто?!». Ответом послужила захлопнувшаяся дверь. Шагнув к сумке и приоткрыв её, я обомлел от денежных пачек и сразу же понял, от кого они. Прямо в шлёпанцах кинулся за непрошенными визитёрами, но выбежав из подъезда, увидел лишь удалявшуюся иномарку. Возвратившись в квартиру, поспешил к телефону и, нервно сняв трубку, набрал номер театра. В ответ услышал длинные гудки. Встав, поплёлся в коридор. Затащил сумку в зал и поставил её у раскрытого чемодана с набросанной в него одеждой. Вдруг схватил попавшиеся мне на глаза ласты и стал ими хлопать. Подошла жена и, приложив ладонь к моему лбу, сказала, что я вот-вот потеряю сознание, а ей хотелось бы узнать, что случилось. Отбросив ласты, быстро пересказал Хешке наш разговор с Николаем и закончил выводом, что режиссёр погорелого театра обвинил меня вокруг пальца. Жена, подумав, ответила, что ничего страшного не произошло, в лагерь она поедет одна, а после сессии к ней присоединится дочь и спокойно её подменит. Не ожидая такого поворота, я возмущённо спросил, не шутит ли она, а если не шутит, то должна понимать, что только сумасшедший может взяться снимать фильм на голом месте. Хешке, не меняя голоса, сказала, что я никогда другим и не был. Обозлившись, подскочил к сумке и демонстративно застегнул её. Жена пожала плечами, мол, как знаешь. Неожиданно подал голос сын: «Папа, неужели ты вернёшь эти деньги?!». Я опешил. Выпавший из моего поля зрения мальчик смотрел на меня встревоженными глазками, и мне вдруг стало ясно, что ни один из моих доводов не будет для ребёнка убедительным...

Ничего не сказав, отправился на кухню варить кофе. Достал джезву, набрал в неё воды, поставил на огонь.

Услышал голос Хешке: «Ласты будешь брать в лагерь?». Крикнул, что не возьму ничего, так как всё своё ношу с собой. Сын тут же разгадал мой философский посыл и влетел на кухню с возгласом: «Купишь мне «Денди»?». Ответил: «Куплю». Мальчик не успокоился: «Только японской сборки». Я кивнул: «Конечно, японской». С криком «ура» сын убежал.

Отпивая из чашки кофе, корил себя за вчерашний сумбур, и вообще за всю свою жизненную неразбериху. Корил в тысячный раз, хотя прекрасно понимал, что причиной всему являлся конфликт между моим чувством ответственности перед семьёй и желанием оставаться самим собой.

ЕЛЕНА ЧЕРНЯЕВА

МОЁ УКРАИНСКОЕ ДЕТСТВО

СЧАСТЬЕ

Заломив картуз набекрень, идёт по Никопольской улице дядя Микола. Этот картуз будто прилип к нему навечно. Дядя Микола родился где-то на границе между Молдавией и Западной Украиной, а там особенная приверженность к головным уборам.

Молдаване ли, «западенцы» ли, как у нас их называли, тем и характерны, что ходили в шляпах, хотя жители Днепропетровщины тоже шляпы носили — «брылыки» соломенные, но только в жару, в душное палящее лето. Так вот, дядя Микола отличался не только своим картузом, который не снимал с головы никогда, а тем, что «золотые руки» имел, мастером был на все случаи жизни. Чуть что сломалось, чуть что кому понадобилось — табуретка ли, стол ли, двери ли, окна — все к нему бегут, просят. А он никому не отказывал за символическую плату, а то и вовсе бесплатно. По дружбе строгал табуретки. И, вы, не поверите, обычно он хмурый был, сердитый какой-то в своём картузе, а тут словно преобразался весь, сиял как солнце молодое, с радостью строгал свои табуретки.

И тогда я, будучи ещё ребёнком, решила, что человек дело своё должен с радостью делать, только тогда он может быть по-настоящему счастливым.

Нет уже в живых дяди Миколы, да и Украина теперь не та, не счастливая благополучная страна с певучим говором её жителей, а раздираемая противоречиями, больная, измученная, несчастная. И всё-таки никак не забыть ту картинку из детства. Солнечный день и дядя Микола на веранде со счастливой улыбкой строгает свои табуретки...

ЛАПСЕРДАК

Мне нравилось в детстве это волшебное слово — так бабушка называла коричневый дедов пиджак. Он ей так глаза намозолил, что она бесконечно говорила:

— Хфёдор, ну сними ты его, этот лапсердак, одень, как человек порядочный, приличную вещь.

Дед же никак не хотел одеваться в предлагаемую ему «приличную» вещь и продолжал жить в своём коричневом пиджаке. Лапсердак на нём, худющем, длинном, сидел препросторно, охватывал деда, как змей, как сказочное чудовище из страны Лапсердари — думала я.

А ещё дед любил в этом лапсердаке сидеть на «ослоне» — так бабушка называла длинную лавку у заборчика — и рассказывать мне сказки.

И тогда мне казалось, что дед вовсе не на «ослоне» сидит, а восседает на осле, как мудрый философ. А я всё спрашиваю и спрашиваю его бесконечно, ибо у меня возраст «почемучки». Говорят, потом это проходит, но у некоторых остаётся на всю жизнь. А дед всё говорит и говорит, и речь напоминает шуршание камешков у реки. А я слушаю и наблюдаю за его пиджаком: дед повернётся — и пиджак за ним косится, сядет прямо — и пиджак выпрямляется.

А сказки у деда порой странные были. Одна и та же могла обрастать всё новыми и новыми подробностями, а иногда кардинально меняла и свой смысл. Так, курочка Ряба вместо благородной несущки превратилась в злую колдунью, и снесла она золотое яичко только для того, чтобы дед с бабушкой перессорились. А бабушка, услышав такое, говорила:

— Хфёдор, ну шо ты дитю такую гадость лепишь, чи с глузду съехав?

И я представляла, что «глузд» — это такой конь, серый в яблоках, на котором дед всё ездит и ездит, а потом вдруг съезжает куда-то вниз и падает.

А ещё дедов лапсердак напоминал собой подарочный мешок волшебника. В нём — необъятном, со множеством карманов — всегда находилось место и для румяного яблочка, и для конфетки в блестящей обёртке для меня.

Были в нём и другие сокровища: перо какой-то птицы, ржавый гвоздик, засушенный цветок, монетка иностранная.

— Это, — говорил дед, — осталось от немцев, когда мы их гнали до Берлина.

И я представляла, что немцы — это такие рыжие тараканы, которых мой дед вместе со всеми куда-то гнал.

Много лет прошло с тех пор: и дедов лапсердак давно где-то истлел, и самого деда давно нет, но я иногда думаю, а может, ушли они вместе — дед и его лапсердак — в волшебную страну Лапсердарию, где живут сказки...

СТИХИЯ

Стоит дед. Поза портретная. Взгляд леопарда. На рынок собирается!

Встрепетом белой простыни охлаждён слегка, бабушка вешает бельё на верёвку, закрепляя прищепками:

— А шо, Хвёдор, груши визмеш ещё?

— Возьму! И «Белого наливу» тоже и вишню жовту!

— А малину, звечора собирала, визьми!

Все эти фрукты расфасованы по корзинам, которые дед бережно прикручивает к багажнику велосипеда и, едва ли не пританцовывая, отправляется на рынок при вокзальный. В последнее время что-то зачастил он туда. Бабушка не нахвалится: «Хозяин! Копейчину старается зробить!».

Остановится проходящий московский поезд — народ путешествующий к прилавкам подходит, приценивается.

— Почём, дед, груши? — спрашивают.

— Три карбованца, — отвечает.

Подошла дамочка, тоже спросила. Выкладывает нужную сумму и берёт груши себе. Дед же засмотрелся на зыбь её шёлка зелёного, окаймлённого кружевом. Бюстик приличненький размера этак шестого завлекательно навстречу взгляду его устремился.

— А вишню жовту не хотите? — дед смущается, однако глаз оторвать от бюста не может. Пробует дама экзотику эту, пальчиком давит вишню и улыбается, как солнышко ясное.

Дед обомлел весь, несуразное что-то бормочет.

— Вы с поезда?

— Да, нет, живу рядом! А сад мой пропащий. Груши посохли и яблони тоже, вдовицей живу, одна...

— Ой, бедолашка! А звать то вас как? Может помочь, если надо? Приведу вам в порядок садочек! — а сам всё не сводит очарованных глаз с зелёного шёлка.

— Ну, так приходите! Я с Привокзальной улицы — рядом. А зовут Серафима.

Неделя проходит, другая и третья... Бабушка волнуется в поисках деда.

— Десь забиг бедолага, а може уже и живого не ма! Може за гроши прибылы в кушах десь валяється, тлие? — и плачет непрерывно.

Но соседка, баба Олёна, сказала ей, что видела, как Хвёдор в «приймах» у той Серафимы, шо же два роки як чоловика сховала.

— Ой, моя ненько! — бабушка тут причитать дико стала. — Я ж ей зарази, шипки вси побыю! — и направилась рьяно в сторону улицы той Привокзальной, где разлучница проживала.

Приходит. Дед ей навстречу, весёлый такой. В беленькой майке, у старенькой груши подрезает ветки сухие, заборчик у клумбы им же ровненько сколочен. И Фима выходит с кружкой компота навстречу:

— Холодненький, пейте! — птичкой поёт.

А бабушка плюёт в личико это нахальное, вцепляется в волосы темнокудрой соперницы подлой. А та всё визжит — не разнять их, будто кошек дерущихся. В финале бабушка нервно калиткой хлопает:

— Смотри, приползёшь ещё, Хвёдор!

И точно, приполз: недельки через три или четыре. У Фимы другой ухажёр появился — моложе, она и выгнала деда, а тот с горя денатуратом аптечным обпился, и вот — у калитки стоит и плачет:

— Прости меня, Вера! Возьми обратно. Я торговать на вокзале больше не буду! То было со мною, как будто стихия, поверь же мне, Вера! С тобою пив вику прожили мы, Вера!

Конечно, простила, восьмой десяток дед разменял, и надо ж — влюбился! Не знает границ и запретов эта страсть, в любую минуту поймать она может, и мучить, и мучить. Точно — стихия...

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ВЕЧЕР

Дед с кряхтением из пальто как из шоколадного кокона вылез наружу. Приподнявшись на цыпочках, я заглянула в карман его тёмный. Там мешочек с подарком есть для меня.

Раздевается дед в прихожей, тщательно снег обметая с бот своих тёмных, растирает ладони, от холода чуть покрасневшие — ходил без перчаток. А в комнате уже накрыт стол в ожиданье гостей.

Нынче праздник. Улыбаются все, на столе много всего. А дед, между тем, уже сел. Стул под ним как-то крякнул сразу, будто поприветствовал деда. Дед корпусом повернулся к соседке, что-то сказал ей на ухо, та улыбнулась, белые зубы представив и избугривши улыбною полные щёчки.

Стол накрыт кружевной скатёркой. Главное блюдо на нём — селезень! Бабушка тщательно семеринкой его начиняла. Запечённые крылья сверкают золотисто-коричневым цветом, и весь селезень украшен петрушкой. Кажется, крикнет сейчас и вылетит в форточку.

Сели. Бабушка говорит: «Почитаем молитву!». Все повторяют за ней, чтоб пища была во благо. Дед не особо старается, на селезня жадно глазами взирает и мысленно уже раздирая утиного мужа на части...

Я наблюдаю как кто ест. Дед то яблоко режет, то селезня широким ножом разрезает, кидая куски на цветастое блюдо. С улыбкой-прищуром ко мне обращается:

— Зелёного хрону хочешь, Олёнок? Смачный вин до селезня буде!

Топотошит нетерпеливо дедов племянник, весь в нетерпенье:

— Где же наливка?

— Буде наливочка з вишнёвого чистого соку! — бабушка, угадав, ему отвечает и тут же несёт из погреба холодную наливку в терракотовом разрисованном ярко кувшине. Уютно, Сердечно. Что может быть лучше, чем стол, за которым собралась вся родня на праздник?

Столько лет пронеслось, пролетело, а это во снах мне являются даже: и дом старый дедовский, тот ужин рождественский за общим столом, все молодые, живы. В памяти живы, навечно.

ГРУШЕВЫЙ ДЖЕМ

Жёлтую кожу с груши сорта «Дюшес» дед срезал тонким ножиком. Бабушка варить грушевый джем собиралась. Я наблюдаю за ними. Неспешно ведётся беседа, они вспоминают о прошлом. В корзинах сплетённых стоит лето, снятое с деревьев старого сада, готовое к тому, чтобы быть убранным в погреб. В погребе пузато уселась огромная красно-оранжевая тыква. Банки стоят на крышках, вверх дном, чтобы, остывши, попасть на полки и полочки.

А дед по просьбе бабушки полез на чердак и что-то там долго делал. А когда стал спускаться, то оступился и полетел на землю. Придя в себя, спросил: «А лестница цела?».

Я, пятилетний философ, наблюдаю, мне всё интересно.

Вдруг дед со свирепой, лоб перерезавшей складкой, говорит: «Олёнок, до библиотеки идём?»

И вот мы в сокровищнице, где столько книг! Я стою очарована.

Книжная скорпионша Хельга Львовна распоряжается сокровищами. Дед выбирает мне книжку почему-то про танк. Библиотекарьша улыбается, но не решается отговаривать деда, зная его упрямство. Возвращаемся радостные.

Дома дед читает мне книгу. Так понравилось! Оказалось, что танк не простой. Забытый с войны, он был найден в болоте. Герой, нашедший его, при помощи танка воюет с городским начальством, запрещая сносить дом дореволюционной постройки, разрушает танком ограду у озера, где рыбачил только председатель местного совета, национализировав озеро в свою пользу. И много другого хорошего совершил герой с помощью этого танка.

Когда же я выросла и обнаружила эту книжку (дед её почему-то так и не вернул в библиотеку) то увидела, что не было в ней тех приключений, что рассказывал дед, это была техническая книжка про устройство танка Т-34. Все истории с танком дед выдумал сам для меня. Вот она сила воображения!

* * *

Весна. Проснулся город древний. Забегаю
В вагон последний в голубом трамвае.
Кондукторша спешит всех обилетить,
Снег тает за окном, уносит ветер
Какие-то клочки изорванной афиши —
Цирк «DU SoLEIL» приехал из Парижа.
А в лужах воробьи играют — акробаты,
И дарит щедро март — Козьма Скоробогатый —
Надежду на Любовь, на яркое горенье,
Не торопись, Ассоль, терпение-терпенье!
Растает скоро снег, сосульки с крыш сорвутся,
И, может, для любви и принцы все проснутся.
Трамвай по рельсам мчит, вокруг всё оживает
И радует меня, и в детство возвращает.

Я и сегодня вспоминаю разлапистое кресло в комнате деда — оно косилось на меня, но было добрым сказочным зверем и пахло лаком, недавно покрывшим его. Во всём есть тайный знак, тайное зерно. И в каждом предмете, и в каждом человеке. Я всю жизнь собираю эти зёрна, и они становятся пазлами дивной картины, которая называется — жизнь. Не так ли — зерно к зерну становятся вкусным бабушкиным хлебом. К грушевому джему впридачу.

ПОЭЗИЯ

ВАЛЕРИЙ ХАТЮШИН

МЫ РОСЛИ НА РУИНАХ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

* * *

Август, август, зачем же так скоро?..
Ведь ещё не настала пора...
Сонной тенью немного укора
загустели твои вечера.

Август, август, озёрная свежесть,
дрожь листвы на опавших цветах...
Мы, мой друг, замечаем всё реже
прежний блеск в приземлённых глазах.

То ль с тобой мы своё отлетали,
хоть в душевных порывах — легки,
то ль полей поседевшие дали
слишком стали для нас далеки...

И не манит спокойного взора
золотая заката игра...
Август, август, зачем же так скоро?..
Ведь ещё не подходит пора...

ИРКУТСК

*В Иркутске сходятся две реки:
Иркут и Ангара*

Бежит на север сильная, просторная
двух быстрых рек холодная волна...
Соединила здесь сама история
времен непримиримых имена.

Став Октября неосторожным пленником,
дань отдаю вождю и Октябрю...
И вижу: выше памятника Ленину
величественный памятник Царю.

Нет, на Руси монархия не свергнута.
В ней Царь и вождь скрепились на века.
По улицам Урицкого и Свердлова
я вышел к монументу Колчака.

Здесь две реки в один поток сливаются.
Его никто не в силах развернуть...
Здесь два пути страны соединяются
в единый, вечный, неразрывный путь.

ВОДА БАЙКАЛА

Я по нему опять тоскую...
Как долго я спешил туда!..
Была подобна поцелую
Байкала чистая вода.

Вошли в меня сердечной новью
и Ангара, и Усть-Уда...
Как свет небесный Подмосковья —
Байкала синяя вода.

Но если в воздухе кружилось
ненастье хмурое, тогда
в стальном дыханье шевелилась
Байкала серая вода.

Теперь в сибирской ностальгии
душа пребудет навсегда.
Скрывает столько тайн России
Байкала чёрная вода...

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

Последняя любовь — души живая тайна,
сокрытая от всех, безмолвна и грустна.
Я помню этот день.

Мы встретились случайно,
когда в дождях цвела московская весна.

Подвальное кафе писательского дома...
И терпкое вино за столиком в углу...
— Как странно, до сих пор
я с вами не знакома, —
сказала и, чутьём недремлющим влекома,
глазами отдалась неясному теплу...

Как странно... Было всё необычайно странно...
Взаимное тепло и глаз, и рук, и губ...
— Нам будет нелегко, — я ей сказал туманно.
И в чувствах, и в словах я был несносно скуп.

Уж столько лет прошло. Безмерная разлука
хранит тепло любви в своих мечтах и снах...
И пишет мне она с тоской: «Какая мука...»
Я отвечаю ей: «До встречи в небесах»...

* * *

Ты пишешь мне: «Всегда твоя» —
привычно и не осторожно.
В тисках земного бытия,
мы знаем, это невозможно.

Мы знаем, в бренности земной,
здесь, где бессмертно только Слово,
ты не моя и я не твой,
как не хотели б мы иного.

Судьбу не изменить уже.
Но скоро, слившись, точно реки,
одна душа в другой душе
поймут без слов: теперь навеки...

ПЕРЕКЛИЧКА

Анатолию Аврутину

Подлый мир отказался от наших святынь —
в этом мире другие святыни.
И куда ты свой взгляд беспокойный ни кинь —
всем Россия чужая отныне.

Мир блефует в придуманных снах
и во лжи,
в однополой убийственной страсти...
Где-то детство моё в колосющейся ржи
притаилось, как в маленьком счастье,

засиделось у речки, уснуло в лесу,
закружилось в цветах на лужайке...
Я за пазухой детство, как птаху, несу,
чтоб о нём рассказать без утайки.

Чтоб светилось оно в этих строчках простых,
согревая глаза дорогие,
чтобы в детях, рождённых при песнях иных,
билося вечное сердце России.

Я под пенье сверчка на печи засыпал,
под рассказы о плотнике-деде...
Нам динамик из чёрной тарелки вещал
о вожде, о труде, о Победе...

Мы росли на руинах великой войны,
со страной возвышаясь и каясь,
нас безродные пичкали чувством вины,
от святынь и побед отрекаясь.

Ныне в наших домах тех динамиков нет.
Мы умней и трезвей стали ныне.
Нас в искусственный свет
заманил Интернет...
Но в душе — неизменны святыни.

* * *

Перед Распятьем я Бога просил:
«Господи, дай мне успеть,
дай мне набраться немыслимых сил —
духом врагов одолеть.
Господи благостный, сколько же их,
подлых, сплочённых во зле,
недругов этих безумных моих
здесь, на родимой земле!..»
Тихо ответил Он мне: «Отойди.
Кайся и плачь во Христе.
Раньше Меня никого не суди.
Я ради всех на Кресте».

НАПОСЛЕДОК

Памяти

Дмитрия Хворостовского

Как молоды мы были, как молоды мы были...
Хмельные наши кони летели в небеса...
Мы ожиданьем жили, мы Родину любили,
мы слышали в эфире родные голоса.

Пленительные песни, живительные звуки
ласкали нашу юность, бодрили нашу плоть.
Не знали мы ни скуки,
ни той сердечной муки,
что сможем со слезами
в судьбе перебороть...

Как искренни мы были...
По мощным волнам плыли...
Казались неземными заморскому уму...
В заоблачных юдолях, в сиянье лунной пыли
мы ярко проходили сквозь золотую тьму.

Блестит ещё неброский
ноябрьский снег московский...
Затихших губ усталость
и щёк запавших мел...
Остыли наши кони...
Но Дима Хворостовский
во мгле рекламных пауз
нам напоследок спел...

ДАР ЛЮБВИ

В минуты слабости душевной
в себе глушил я резкий жест.
Перед толпой нещадно-гневной
Он за меня всходил на Крест.

Когда в заклатье поруганья,
жестокый суд людской кляня,
я уходил от наказания, —
Он осуждался за меня.

Не отвести беду руками.
Когда в меня под смех и вой
со всех сторон летели камни,
Он закрывал меня собой.

Я слово правды не нарушу,
стремленье верен одному —
свою, ещё живую душу,
как дар любви, вручить Ему.

АНГЕЛЫ РОССИИ

Мягкие игрушки на снегу погоста...
Всем лесам и весям, всей России слышно:
ангелы Беслана, ангелы «Норд-Оста»
под метелью марта плачут в «Зимней вишне».

Мы застыли снова под дыханьем вышним,
мы опять склонились под огнём незримым...
Детский смех не слышен
в чёрной «Зимней вишне»,
детский смех задушен едким жёлтым дымом.

И трепещут свечи в мартовской метели.
И снега слезятся всей бескрайней ширию.
Мягкие игрушки в небо улетели.
Ангелы России плачут над Сибирью.

Соберём в ладони гроздь зимних вишен
и оставим божьим птицам возле храма...
Ангельский, последний будет вечно слышен
голос в телефоне: «До свиданья, мама...»

ОДУВАНЧИКИ

Разгулялась весна ненаглядная
в майских, чистых, нежарких лучах.
И прохожей глаза шоколадные
заставляют забыть о годах...

Я и вправду, наверно, не стар ещё —
не сгибаюсь под грузом годов...
Мы, как прежде, присели с товарищем
возле речки меж птичьих кустов.

Разложили закуску нехитрую
на душистой, на свежей траве...
А речушка вечерней палитрою
вся сияет в своём естестве.

Накатали винца по стаканчику,
бросив крошки синицам в кусты.
А за речкой горят одуванчики,
эти первые в поле цветы...

ПОСЛЕДНИЙ ДОЛГ

Как же много, друг, хотел успеть я!..
Но река уходит под снега...
За чертой семидесятилетия
ждут меня иные берега.

За спиной — большая жизнь земная,
время взлётов, песен и утрат.
В новый путь зовёт стезя иная...
Нам осталось, друг, взглянуть назад.

Нам осталось, друг, с тоской припомнить
золотые в юности деньки.

И ещё — последний долг исполнить
всем пустым наветам вопреки.

Долг последний, лёгкий и безмерный,
как итог сердечных наших сил, —
сбережём в душе своей бессмертной
всех, кто в мире долънем нас любил.

Мы с тобой, по прошлому тоскуя,
этот свет, мой друг, храним в крови,
чтоб навеки их любовь земную
слить с живой рекой своей любви.

От редакции:

Дорогой Валерий Васильевич! Набережные Челны и весь Татарстан рады поздравить тебя, талантливого поэта, редактора русского патриотического журнала «Молодая гвардия» со свершившимся юбилеем — 70-летием. В счастливые семидесятые годы прошлого столетия твоя творческая судьба начиналась на строительстве КамАЗа, где ты работал монтажником и занимался в легендарном литературном объединении «Орфей». Мы были вместе. В одном строю остаёмся и сейчас, как представители первого послевоенного поколения. Твои стихи полны лиризма и честного гражданского звучания. Будь!

Николай Алешков

ЕВГЕНИЙ СЕМИЧЕВ

СВЕТ НЕ УБЫВАЕТ

* * *

Апрель.
Канитель.
Гололёд.
Все девушки дружат со мной.
Душа от восторга поёт
И воздух пропитан весной.

Не надо за счастьем бежать.
Лишь только шагнул за порог,
С двумя удалось полежать,
А третьей подняться помог.

Мой взгляд их внезапно сразил.
Такая вокруг кутерьма.
За хлебом пошёл в магазин
И напрочь свихнулся с ума.

В разгаре апрельского дня
Под птичий всполошенный гам
Все женщины любят меня –
К моим припадают ногам.

Болят от ушиба плечо
И кругом идёт голова.
Не помню, что было ещё.
До дома добрался едва.

Тряхнул, так сказать, сединой.
Рванул сквозь весну напролёт.
Все девочки дружат со мной.
Капель.
Акварель.
Гололёд.

* * *

1.

Морена оттаяла –
Марина Цветаева!

2.

Россия — оторвавшаяся льдина
От океанских ледовитых льдов,
Извечная судьбина и година
Сирот несчастных и суровых вдов.

И ты стоишь печальная на кромке
Стихов гремучих и дремучих снов,
А под ногами острые осколки
Земных и человеческих основ.

Неистовая, хрупкая горячка,
Принявшая небесный Божий Дар.
Сцепились насмерть белая горячка
И красный полыхающий пожар.

Марина — ледовитая морена,
Залёгшая в глубинные слои.
Твоей судьбе и море по колено
И все тебе чужие и — свои.

* * *

Самолёт мой, кукурузник –
Мой небесный тарантас.
Почту сельскую погрузит,
А потом посадят нас.

Все уселись. Все на месте.
Бабка с рыжею козой
Животину трижды крестит,
Окропив её слезой.

Командир — пилот бесстрашный
С дерзким взором молодца
Говорит: «Не плачь, мамаша,
Всех доставлю до крыльца».

Бабка крестится и плачет.
Самолётик тарахтит.
Как кузнечик, он проскачет
И по небу полетит.

Улыбаясь, молча млеет
На борту народ живой.
А коза от счастья блеет
И качает головой.

* * *

Когда слышу в спину «Жень!» —
Окликает детство.
Счастья полную сажень
Загребаёт сердце.

Визг щенячий пацанья.
Дружеская свалка.
Боже! Это не меня.
Господи! Как жалко.

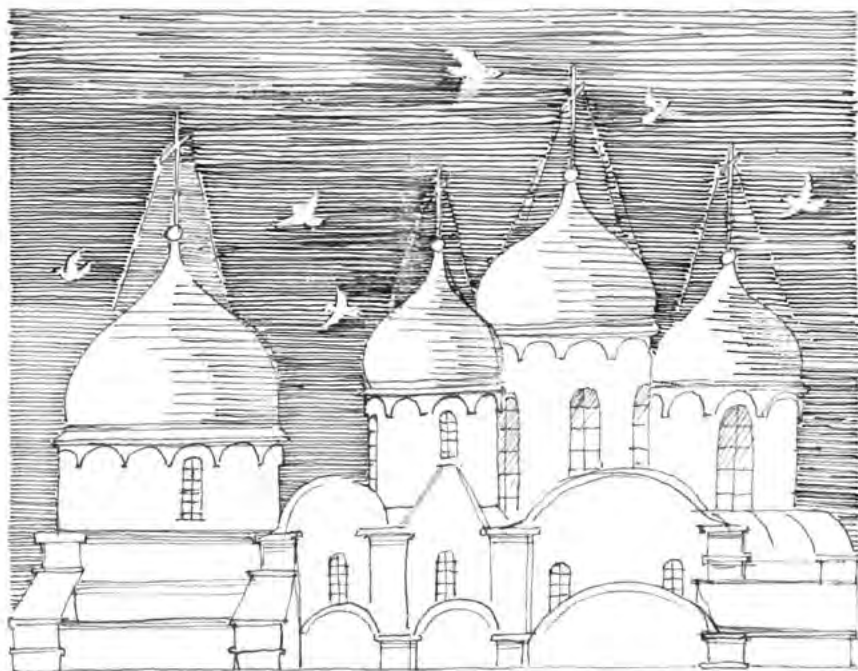
Но в небесной глубине
Свет не убывает.
Боже! Это же ко мне
Ангел мой взывает.

* * *

В небе вольные птицы
Рассекают простор.
В белой Божьей рубашке
Софийский собор.

С покаянною дрожью
На молитву встаю.
Мне за пазухой Божьей
Хорошо, как в раю.

В жизни брэнной и тяжкой
До скончания лет
Всем нам служит рубашкой
Божий праведный свет.

На пиру и на плахе
 Русский зла не таит,
 В белой отчей рубахе
 Перед Богом стоит.

И в Господней вселенной
 Осеняют простор
 Крест нательный нетленный
 И Софийский собор.

* * *

Листобоем напролом
 В дом вломившись спозаранку,
 Осень за моим столом
 Стелет скатерть-самобранку.

Ломит тучный каравай
 И поводит томно бровью.
 Говорит: «Отец, давай
 Выпьем за твоё здоровье!»

— За здоровье! — Я не прочь,
 Хоть глаза твои — туманы,
 Но к здоровью приторочь
 Спирта полные стаканы.

Коли ты — родная мать,
 Невзирая на погоду,
 Гулевать так гулевать! —
 Разбавлять не будем воду.

На двоих с тобой вдвоём
 Каравай судьбы разделим
 И отчаянно споём
 Колыбельную метелям.

Неспроста, не задарма
 Нынче праздник в доме нашем.
 А сварливая зима
 За окошком пусть попляшет.

* * *

Семинар поэтов молодых —
 Юных дней моих воспоминанье.
 Бьют меня товарищи под дых,
 Испытуя на излом дыханье.

Битым я не раз потом бывал.
 И, пройдя суровую закалку,
 Диафрагму натренировал,
 Укрепил характер и дышалку.

Выковал в себе бойцовский дух
 И широкий непокорный выдох.
 За меня дают сегодня двух
 Стихотворцев, в драках не добытых.

Я шагаю, млечностью пыля.
 Небеса мне — скатерть-самобранка.
 За моей спиной — вся земля
 И река разбойная — Татьяна.

Где, как тать, берёт меня в полон
 Город эН — фамильная обитель.
 И сибирякам земной поклон
 Шлёт один его исконный житель.

Предо мной — заснеженная мгла.
 Завывает вьюга ошалело...
 Город Омск морозом добела
 Раскалён до млечного предела.

Пролетел табун коней гнedyх
 Лет моих... И вновь меня встречает
 Семинар поэтов молодых
 Жадными горящими очами.

Соловьями критики поют...
 Внемя им душою нараспашку,
 Понимаю-чую: наших бьют!
 Обсуждают Тихонова Сашку.

Сашка — поэтический юнец
 Достопавной песенной Сибири.
 Рядом с ним сидит его отец —
 Кулаки тяжёлые, как гири.

Отчего-то очень жутко мне,
 Если он кого-нибудь ударит.
 Хорошо, что никакой родне
 Слова не дают на семинаре!

Я шепчу: «Сашок, держись родной!
 Даже если в драке будет жарко.
 Город Тара за твоей спиной
 И река искристая Аркарка.

И ещё — сибирская земля,
 Что природной силою питает,
 Где, небесной млечностью пыля,
 Русская поэзия ступает...».

ОСЛИК

Марине Ганичевой...

Лихо дьявол танцует чечётку.
 Мечет искры в крошечном аду.
 Я пошлю его, рыжего, к чёрту
 И другою дорогой пойду.
 Той дорогой, что всеми забыта,
 Где надрывно в лихую грозу
 Не грохочут, а плачут копыта,
 Вышибая из камня слезу.
 И пускай обо мне скажут после,
 Что он жизнь не ценил ни черта!..
 И был глуп и упрям, словно ослик,
 На себе вывозивший Христа.

* * *

Душа у меня молода
 Из хрупкого, тонкого льда.
 Когда лёд оттаёт,
 В душе расцветает
 Подснежников нежных града.

В душе у меня бирюза
 Прозрачная, словно слеза.
 Звонящее лето.
 И сполохи света
 Мои застилают глаза.

В душе у меня тишина.
 Душа несказанно пьяна.
 Небесная просинь.
 Бездонная осень.
 Во всём виновата она.

В душе моей снежная тьма.
 Наполнены всклень закрома.
 Сварливая печка.
 Замёрзшая речка.
 Горбатая ведьма — зима.

КНИГИ НАШИХ ДРУЗЕЙ

РИНАТ МУХАМАДИЕВ

«СВОИ ЛЮДИ»

Так называется сборник избранных рассказов известного татарского писателя Рината Сафиевича Мухамадиева, лауреата многих литературных премий, депутата Верховного совета РСФСР, защитника Белого дома в октябре 1993 года, автора нескольких десятков книг, переведённых на несколько языков мира, работавшего ранее председателем Союза писателей Татарстана, затем директором Таткнигиздата, а ныне главного редактора федеральной газеты «ТАТАРСКИЙ МИР». Радостно читать такую книгу, осознавая при этом, что, слава Богу, жива ещё настоящая литература, есть ещё бескорыстные люди, отдающие свою жизнь на создание духовных ценностей, которые будут питать-согревать не одно поколение читателей. Чётко ощущается гражданская и нравственная позиция автора, сюжеты поучительны, как восточные притчи, но благодаря высокой художественной форме не дидактичны. Тот самый принцип Аристотеля — развлекая, поучать. Как настоящее классическое произведение, книга пропагандирует вечные ценности человечества в конкретной судьбе, в конкретных обстоятельствах, когда человек обязан делать нравственный выбор. Одновременно на примерах показывается и почтение к старшим, как безусловно должное в поведении людей, и трудолюбие, и уважение к людям труда, особо отмечена терпеливость и миролюбивость татарских жён в семейных обстоятельствах. Поражает, конечно, спектр охвата различных сторон жизни и, соответственно, богатство и творческая неповторяемость художественных приёмов, столь органичных, что

мастерство кажется естественным природным голосом мастера. У каждого рассказа — своя вибрация, своя аура при сохранении единого стиля внутри произведения: от лёгкого юмора и самоиронии, подтрунивания над собой, что весьма характерно для татарского народа, до эпической восточной поэтики. Владение таким спектром говорит не только о наличии у автора литературного дара, но и о снисхождении на него за служение людям божественного ильхама-вдохновения. А детальное описание, например, приёмов резьбы по дереву, жизни животных или насекомых, выраженное с любовью и профессиональным знанием, опять-таки превращаются в нравственные уроки и в увлекательное познание, а не в сухой репортаж на основе полученной информации. Тот самый случай, когда литература воспитывает, при этом читатель не ощущает нарочитости захватывающего и радующего душу процесса. Одушевление животных в произведении вообще восходит

к высочайшим образцам этого жанра. Тут невольно вспоминаешь и «Прощай, Гульсары», и «Бима, чёрное ухо», и другие произведения. Очень много в этой книге волшебного узнавания, казалось бы, собственного бытия с удивительным порой совпадением деталей, вплоть до дословного совпадения каких-то фраз героев. Это говорит об умении автора охватить наиболее общие явления жизни во всём её многообразии, в результате чего многие полагают, что отдельные фрагменты написаны как будто о них. А умение передать задушевное звучание народных песен просто поражает своим магическим воздействием и достойно создания отдельной книги с явно богатыми познаниями автора книги с пластом фольклорной музыки.

Особо хочется остановиться на гражданской беспокойной позиции автора. Казалось бы, даже описания быта простых людей достаточно было бы при таком таланте для того, чтобы реализоваться, утолить свои творческие амбиции. Ан нет — неравнодушные честного человека, а не стороннего наблюдателя открыто заставляют его по закону совести говорить о несправедливости — социальной в данных условиях. И судит он преступивших алчностью и похотливостью отщепенцев общества (хоть и высоко-го административного ранга) самой высшей нравственной мерой, имея на это полное моральное право, являясь органичной частью своего богобоязненного народа, несущего веками сквозь угнетения и испытания чувство божественной справедливости. Читая эти рассказы, гордишься принадлежностью к этому чистому душой народу, сохранившему в центре России несмотря на все исторические и социальные катаклизмы свои нравственные основы, самобытность и традиции человеколюбия.

У большинства читателей нынешнего поколения ещё не утрачена связь с деревенскими корнями, а потому так знакомы и дороги узнаваемые картинки деревенского быта — многотрудного и очеловеченного во всех его проявлениях. Вспоминаются сразу и свои приключения, и ситуации прошлого, как будто и правда — отдельные страницы писались с твоей биографии. Но абсолютно все рассказы книги имеют сюжеты с неожиданными поворотами, непредсказуемостью, интригой, что очень украшает произведение. Без излишней детективной авантюры всё неожиданно и естественно, как частенько бывает в нашей непредсказуемой жизни, когда те или иные события и обстоятельства настигают нас врасплох, происходя как бы некстати, не вовремя. А уж как достойно мы выйдем из этих ситуаций, с какими потерями или уступками — это вопрос нашей внутренней цельности и нравственной зрелости.

Но общая мелодия книги, несмотря на весь драматизм судеб, мажорная. Нет безысходности, упадничества, так характерных для нынешнего искусства, когда человек чувствует себя брошенным и никому ненужным. Рассказы ценны примерами выхода из различных тяжёлых обстоятельств, не теряя чести и внутреннего мира, какую бы цену за это ни пришлось заплатить. Потому что автор и сам влюблён в жизнь, битый-перебитый ею, он полон надежд на лучшее, и душа поэта в нём по-прежнему не только рассказывает, но и поёт!!!

Предлагаем читателям «Аргамак» один из рассказов этой книги.

Хайдар Бедретдинов

РАННЯЯ ОСЕНЬ В ДЕРЕВНЕ

рассказ

Тётушке Фатыме показалось, что в окнах просиял свет, хотя день был пасмурным. Гостья застенчиво улыбнулась и сразу стала родной и близкой, хорошенькая, мягкая. Будто и встречались уже, и присмотрелись друг к другу. Угостить её захотелось вкусеньким, побаловать. Гостья! Слово-то какое ласковое.

Принесла из чулана копчёного гуся, творог и сладкую лапшу для чая. Благо, припаса — не истратила.

Удивила лёгкость в ногах. Приостановилась, прислушалась. Какая-то чистая пружинка сжималась и разжималась в груди: ведь ничего особенного не произошло, ровным счётом ничего поразительного не случилось, а всё-таки — зазвенела пружинка... И вот эта сухость в теле обнаружилась, словно отлетали золотистые луковые кожурки. Как не удивиться?

И в погреб спустилась, принимая горячим лицом холод снега. Повторяла: «Чем богаты... чем богаты...» Поставила на стол каймак, катык со сметаной. На плите закипала молодая картошка, парок кудрявился из-под крышки. Тёплый запах плыл по дому. А тут ещё и самовар зашумел, запел, блистая у печи боками, сыпал угольки на жестянку. Зазвенела посуда.

— Нет-нет, сюда садись, поближе к серёдке. Зачем жаться на табуретке. Нас двое, миленькая, ждатель больше некого, тебе и угощаться. Земля уродила, земля и угостила.

Гостья преодолела смущение, села лицом к окну и погладила ладонями скатерть. Поблизости пошумливал самовар и множил на зеркальной поверхности её лицо. От жара заалели щёки. Она и была похожа на дикое румяное яблоко, спрятавшееся было поглубже в листву, а солнечный луч выхватил его, откинув ветви: вот я, бери! И создавалось такое впечатление, что она, гостья, только что выскользнула из дождя, едва успела обогреться и обсохнуть. И вот собралась пить чай.

Тётушка Фатыма исподволь рассматривала девушку, точно между делом взглядывала, коротко, — не станешь же любоваться в открытую, как забавной картинкой! Переставляла чашки, резала хлеб, взмахивала полотенцем, а глаза, не упираться же им в стену, мелькали в сторону нежного лица девушки.

— Как зовут тебя?

Задать бы раньше этот вопрос, но побоялась быть навязчивой, грубой с порога, посчитала — выждать не помешает. Да и девушка выглядела растерянной, стояла углышком, вроде бы нежданная.

— Эльмира я, апа, — сказала девушка. Дрогнула уголками губ. — Можно звать Элей, как подружки зовут. Так попроще.

Ах ты, как говорит слаженно! Слово одно к одному ложится, вся такая подобранная и ладная. Ресницы длиннющие, глаза накрывают тенью, как ветерок их обдувает. Какого цвета глаза — и голубой цвет, и зелёный, но будто приглашенные глубокой тенью. Молодые глаза больше для света, им бы смеяться, перебегать с цветка на цветок, с подсолнуха на подсолнух... Почему-то именно он, подсолнух, возник и расцвёл над столом, так увидела тётушка Фатыма свою молодость. Лепестки закружились и опали среди чашек.

— А мне как обращаться к вам? — спросила девушка Эльмира. До чего уважительная, плеча коснулась, — Так хорошо у вас, просто чудненько. У вас лицо молодое, без морщин.

Возразить бы, но греют слова, ложатся на душу. В городе так положено, наверное, приветить человека, окружить со всех сторон теплом. Нет, там — суета, там — спешка, там — людей не сосчитаешь, где же поспеть с лаской да обхождением на каждого. Может, лишь к родственному сердцу так-то... Понеслись мысли одна за другой. С виду — пустяк, а переполошилась тётушка Фатыма, залетала, как опоздавшая птица над осенним полем.

— Была Фатымой до-олго, а теперь кто тётушкой, кто бабушкой называет. Всяко ладно, обиды не держу.

А сама следит насторожённо, ждёт, что скажет собеседница. Пускай наоборот скажет, польстит маленько, sluкавит. Ну, конечно, — дождалась.

— Ах, апа-душечка, да вы же просто прелесть. До бабушки вам ой как далеко! Невесты так улыбаются.

— Ох, золотко! — только и вздохнула тётушка Фатыма. Слова же погладили, утешили, потому что сказаны были так искренне, так простодушно, что не грех и обмануться. Окатилось лицо радостью, залучились глазки, рука потянулась к волосам убрать седую прядь. И тут же застыдилась тётушка Фатыма, обежав языком десны, спрятала внезапную улыбку — не все зубы целы, вот беда, чем похвастаешь? Прикрыла платочком уголок рта. И это движение, робкое и как бы опасливое, свойственное только деревенским женщинам, неожиданное и естественное, растрогало девушку ещё больше — ай да тётушка Фатыма!

— Спасибо, дочка, за речи твои сладкие. Как халвы поела, — сказала хозяйка. — В дом мой вошла, молоденькая. Красоту свою мне показала. Это же редкость большая, красота. Когда была молодой... Там сеном пахнет, свет к тебе ушёл. Прежде я на постой не пускала, боялась чего-то. Но тут уговорили, я и сдалась. Дескать, куда же молодость девать, как не под крыло старых, уж и не перечь, соглашайся. Неделя разве время? Картошку соберут — и попрощаешься. Одну тебя мне определили...

Не хотелось подниматься из-за стола, чаёвничала бы, казалось, до бесконечности, звенела ложечкой. Всё было желанно.

Постелила гостье в передней комнате, взбила перины из гусяного пуха — он так и заходил волнами под руками тётушки Фатымы.

— Женихи пусть приснятся, — сказала шёпотом. Девушка не услышала. Томилаcь, выглядывала на улицу.

Но когда и легли, продолжили разговор. Эльмира скорее отвечала, затихая, а тётушка Фатыма никак не могла успокоиться, придержать слова. Вместе с дыханием и журчала её речь. Так и поведала о прожитом в темноте надвигающейся неслышно ночи, доверилась.

Жизнь протекла как большая река. Нет, не протекла, а всё течёт, не больно-то показывая глубину. Чего только не было на её берегах, какие льдины сплыли вниз по течению, истаяли? Да на расстоянии что за удивление, вблизи же — изумляться и окатываться тревогой. А поверху глянуть — так вообще удивительного и в горсть не соберёшь. Однако жизнь и скопилась, даже похвальной грамотой не пометила, не выделила из своих, деревенских, вернее, подравняла и успокоила. Самая обыкновенная получилась жизнь — и труд, и слёзы, и радость, что же, по очереди в окна стучит, одному — чаще, другому — осторожнее.

В восемнадцать лет вышла замуж, а не успела до девятнадцати добежать — вдова. Весной сорок первого свадьбу отгуляли, через два месяца — война. Муж, Мухамметвали, только за топор взялся, чтобы обстроиться... Девичьи слёзы быстро сохнут, так говорят. Соль остаётся. Первое письмо пришло со станции Кукмор, это рядом, сорок вёрст всего — а уже соскучился Мухамметвали. Второе — из-под Москвы, третье — с Украины. А дальше — плачь, Фатыма, терзай подушку... До сих пор ждёт.

— Миленькая апа, а любила ли ты его? — вдруг спросила девушка.

Вот так сразу и нарушила налаженный было ход мысли: любила ли? Что ответить на простой вопрос? Как же слова подобрать? Разве потревожишь бывшее случайным огорчением?

— Любила ли, кто же о том знает... Песню споёшь — и то сладко. Ведь в старые времена не часто произносили такие слова. Это теперь не успеют познакомиться, а уже начинают любить с первого раза до могилы... У Мухамметвали была большая семья, но все друг друга держались, трудолюбивые. Целыми днями пропадали на колхозной работе... Хлеба в тот год уродились большие. Ночевали на сеновале. Там, наедине,

долго, очень долго разговаривали. Не могли уснуть. У Мухамметвали была одна мечта — осенью, когда кончим с уборкой, срубить сруб и поставить пятистенный дом, отделиться от отца. Я говорила ему: «Ну зачем пятистенный, пусть хоть маленький, только свой?» А он мне: «Зачем он нужен, если не пятистенный... В каждом углу по мальчику, от меня тебе наказ такой. Остальное, девочек, сама распоряжайся», — любил он шутить. А жизнь была крутая, как остывшее тесто, э-э-эх... и место присмотрели под фундамент, монетку зарыли. Гуляли. Сплели плетень. Весной картошку посадили. Да-а... Вон ведь как получилось, даже забеременеть не успела, совсем одна осталась.

— Вот этот дом! — вдруг оживилась тётушка Фатыма. — Стоит, не заваливается. Когда пришла победа и немного оправились, я сама его построила. Миром подняли. Помогли и родные, и колхоз. Хотела, чтобы пятистенный... по давней мечте. Казалось, что вернётся Мухамметвали. Как же подумать, что потеряется без вести! Живой был, упрямый... Нет, не такой, чтобы потеряться. Вернулись ведь те, кого давно похоронили и ждать перестали... Хотя не перестали, нет, доченька. Говорят, без надежды один шайтан живёт. На что же я-то жила? Поклялась ждать. Проводила его за деревню, до высокой горы. Оттуда вся деревня была видна как на ладони. Через клятву верности разве переступишь не споткнувшись? Ах, Мухамметвали, мужёнок драгоценный...

Журчал в темноте голосок тётушки Фатымы, печаль одолела постаревшее сердце — на дне его каждая беда лежит в сохранности. Травя нарождалась и сникала, утекало времечко. Только в истоке утолять жажду.

Были такие, что пытались как-то вмешаться в её судьбу. Рассуждали просто: отдала должное памяти — и хватит. А вдовий порог из золота, так говорят. Дверь лишь для видимости притворена. И в окошко, бывало, стучали из-под цветущей вишни. Но стоило взглянуть на довоенную фотографию, душа напрягалась в бесполезном ожидании. Да, конечно, знала уже — не вернётся, а всё ж таки... Наезжали бойкие люди из города, фотографию и увеличили. Вместе с мужем не удалось при жизни сфотографироваться. Так она им его снимок бледный вынесла, попросила увеличить. А они, как в сказке, и в костюм его принарядили, и галстук с неба сняли, и, что уж совсем необыкновенно, рядом с Мухамметвали тётушка Фатыма оказалась в облике невесты. Соединили... Озорники по святому делу. Очень хорошо придумали. Теперь есть на чём глазу задержаться, утешиться. Ведь такие живые рядышком, не поодаль, голова к голове присоединяется, клонится — глядят из отшумевших лет. Будто бы и дом обживают вместе. Ах, да что говорить, другого не было. Ни пылинки не легло на след Мухамметвали. Шайтан не попутал грехом. Дом вот позабыл о веселье. Никого не пускала на ночлег, уговаривай не уговаривай — ни в страду, ни в другую беспокойную пору. Девушку Эльмиру вот приголубила...

Тётушка Фатыма словно колыбельную пела. Она могла бы так сладко беседовать до рассвета, уж больно девушка пришлась по душе. Ей много не надо, был бы собеседник, не затворяющий слух.

Впрочем, Эльмира давно спала. И дышала тихо-тихо. Ни единого шороха не нарушало покоя. Тётушка Фатыма догадалась, что сама себе пересказывает жизнь — в который раз...

Она, неслышно ступая в шерстяных носках, прошла в малую комнату. Чтобы отвлечься, поставила тесто — будет чем порадовать гостью.

День родился солнечным, ясноглазым, как младенец. И облачко не туманилось. На выюнках лежала обильная роса.

Куры спустились с насеста, выходили по одной во двор, хлопали крыльями, отряхивая остатки ночи. Селезень щипал травку у забора, соблазнившись поблёскивающими капельками росы.

Гостья проснулась, когда на сковородке зашипело масло. Кому хочется расставаться с мягкой постелью? Необъятный пух ласкал грудь. Она только в щёлочки век процеживала утро, нежась в тепле. Лучи толпились на половицах, наклонно падая из окна.

Эльмира немного полежала, привыкая к новому положению, к тишине вокруг, запаху блинов, к лоскутной дорожке на полу. Жить предстояло бесконечно. Тут же захотелось посмотреть на себя в зеркало, как обычно. Она свесила ноги и покачала ими на весу. Погладила колени. Утренняя истома пробуждала желание. Она подкралась к зеркалу, рассыпав волосы. И вот отразилась вся в нём, освобождённая от ночной рубашки, очень неожиданная среди незнакомых предметов. Тело помаленьку охлаждалось. Эльмира любовалась собой, пересчитывая родинки. Такие минуты она всегда любила, но здесь всё выглядело иначе, точно облако света обволакивало её, возносило легонько, покачивало. Она мечтательно щурилась, причмокивала, как удивлённая девочка, то отступала назад, то придвигалась вплотную к зеркалу — вот только что видимы были тонкие лодыжки, а вот луч скользнул по плечу, сбежал вниз: какая она крепенькая, гладкая, руке приятно задерживаться в задумчивости.

— Встала, доченька? — окликнула её тётушка Фатыма, не показываясь из-за цветной занавески.

— Выспалась, апа-душенька! — с удовольствием отозвалась девушка. Накинула халатик, собрала волосы в горсть. Мелочи утреннего туалета доставляли ей наслаждение.

Наконец откинула занавеску. Хозяйка ахнула:

— Какая ты красивая!

Тётушка Фатыма дотронулась до плеча Эльмиры, будто желая убедиться, что сияние идёт именно от девушки.

— И как вы живёте совсем одна? — сказала девушка. — Никто вас не видит по утрам. И ведь не месяц, не год, а так долго-долго. Как представлю... Нет, даже представить страшно.

— Кто же выбирает для себя? Жизнь по-своему поворачивает. Пусть тебе пух под ножку стелется. А я уж потерплю.

— Зачем?

— Бог всё знает и сердцем движет. Для нетерпения уздечка есть.

— Какая уздечка?

— Долг, — сказала тётушка Фатыма. — Так-то, доченька.

— И вы за эти сорок лет ни разу не полюбили?

— Я мужняя жена, а не вертихвостка. Голова ещё в порядке.

Огонь из печи залетал на лицо, опахивал жаром. Кончики ушей тётушки Фатымы стали розовыми. Закрыла дверцу печки.

— Что за любовь без долга? Решето.

Стопка блинов росла под рукой. Почудилось, что отпугнула девушку.

— Ты открой окна, погляди пока на улицу. Я скоренько, скоренько.

— Денёк сегодня замечательный! — сказала девушка. — Ещё эту картошку собирать, вот наказание...

Солнце постепенно становилось похожим на медную начищенную миску. Вытягивались облака, стелились над лесом длинными перьями. Солнце, как будто прощаясь,

брызнуло по окнам ярким блеском и накрылось верхушками деревьев. И этот блеск ещё жил какое-то время моментальной вспышкой воспоминания.

Улеглась пыль от возвратившегося стада. Лишь на горке оставалось облачко от промчавшейся телеги.

Ещё бродили по улице облепившиеся овцы, тычась в ворота.

Тётушка Фатыма подоила козу. Поставила банку на стол. Какие могут быть хлопоты у одинокой женщины? Всё давным-давно отлажено, всё делают руки сами, без принуждения.

Вышла к воротам. Села на скамейку. Есть кого ждать.

«Неужели до сих пор собирают картошку? Свои, деревенские, вернулись к закату, чтобы встретить скотину... Не станут же принуждать заезжих трудиться дотемна, у тех и привычки нет... Скорее забава для них, вольным воздухом подышат, и ладно...»

Несколько раз вскипал самовар. Переставляла чашки с места на место. Вот сейчас, вот сейчас, думала. Чужой смех обманывал слух, опять сидела на лавочке. Непривычное беспокойство и смущало и притягивало тревогой.

«А не сходить ли к Зайнаб, у неё тоже постояльцы. Может, заскучала, вдвоём-то повеселее ждать. Во все года жили бок о бок, как погорельцы...»

И засемила тётушка Фатыма на Нижнюю улицу. Подол мешал быстрому движению. Забыла, когда бегала, — запыхалась. Сердилась на кочки.

Зайнаб рассмеялась, узнав причину поспешности.

— Растрясла кости, голубушка ты моя. Нашла о чём тревожиться. Молодым только и пропадать. Мои не слишком задержались. В клуб убежали. Хоть в дом зайди.

— Что я там не видала. Ждать пойду. Дороги-то две, какой пойдёт, не знаю.

— Чайку бы попили с мёдом, — настаивала Зайнаб. — Без тебя найдёт дорогу.

— Не скажи, не скажи, — заторопилась тётушка Фатыма.

— Совсем у тебя в голове туман, тропки перепутались. И зачем занозу ищешь?

Про Зайнаб поговорка была: «Всё на свете один аллах слышит, а потом уже и Зайнаб догадывается...».

До дому путь был короче, кочек и не заметила. Подгоняла мысль: вернулась, у дверей томится, ругается, чего доброго...

Пусто. Где она, горемычная?

На деревню опустилась темнота. Но тётушка Фатыма не оставила скамейку, следила, как огни рассыпались по окнам. «О аллах, помоги распутать узелки!» — совсем переполошилась одинокая женщина от свалившейся заботы.

Долго горел свет в доме. Кидалась на каждый шорох за дверь. А то и во двор выходила, высвободив ухо из-под платка. «И не предупредила. У кого спросить совета? Никому нет дела...»

Темнота между тем совсем заровняла углы. За цепочкой огней будто сразу лес начинается. Городскому человеку где разобраться в такой кромешности!

Может, задремала с вязаньем тётушка Фатыма, голова сама припала к подушке. Надолго ли? Только вздрогнула от шума машины возле окон. Отворила раму через цветы в голубые сумерки. Пахнуло свежестью. Брезжит уже.

Вблизи ворот стояла грузовая машина. Да не видать было, чтобы кто-то вышел из неё. В кабине, правда, разговаривали.

Так и выжидала, прижавшись к косяку. Попробуй вспомни, когда вот так дышала прохладой ранней осени. Боялась потревожиться: а вдруг заметят?

С внезапным щелчком отворилась дверца машины. На землю спрыгнули двое. Мужчина говорил баском. Приезжий, наверное, на пиджаке что-то поблёскивает: орден, что ли? А Эльмира озябла, но всё равно смеётся ласково. Он её укрывает, во-он какой большой, сильный. Что это, что это, на руки хочет поднять, озорник! У калитки остановились. Прощаются. Откуда же он взялся, ненаглядный, задерживать по ночам городскую девушку.

— Вы уж, апа-душечка, не ругайте меня, — запела с порога Эльмира, увидев одетой тётушку Фатыму. — Почему поднялись так рано? А я только и мечтаю поспать. Ноги отсырели, роса.

Всего несколько слов успела сказать Эльмира, и успокоилась тётушка Фатыма. Вполне достаточно, что жива-здоровая, целенькая вернулась. Зачем допытываться — где была и с кем? Не помutilись глазоньки. Да и по какому праву указывать молодости, назидать? И только сейчас стало понятным ожидание, тоска по исчезающему вдруг человеку. Видно, это с давних пор закрепилось в сознании, обожгло кровь — терять. Вроде бы ничего особенного: запоздала, с кем не случается, не своя ведь кровинка. Тётушка Фатыма ужаснулась самой возможности исчезновения.

Машина заурчала под окнами, как дверь в утреннем покое. Вспыхнули фары, озарив дорогу.

— По-оехал! — сказала Эльмира.

— Гуляли маленько, — посмеялась в ладошку тётушка Фатыма. — Дружите. Так и до свадьбы добежите.

Она готова была разделить с гостьей радость встречи с желанным.

— Ой, да что вы! — искренне удивилась Эльмира. — Просто было настроение.

«Стесняется девушка», — решила тётушка Фатыма.

— Из Казани вместе приехали? — не удержалась с вопросом.

— Не-ет, — сказала Эльмира. — Он тутошний. Может, из соседней деревни. Я за-была спросить. Да и на что мне?

Тётушка Фатыма как будто и не расслышала. Она уже осудила своё любопытство, полагая — о тайном не делятся вот так, впопыхах.

— Столько я передумала! И в лесу-то заблудилась, и ещё чего пострашнее... А он любит тебя, готов на руках носить. Я в окно видела. А слышать, нет, не слышала.

— До чего вы, апа, наивная, — улынулась Эльмира. Откинулась головой назад, тряхнула волосами. — Погуляли, и всё.

Потянулась вверх, закрыв глаза.

— Не дошла до постели, вот дурёха, — укорила мягко себя.

Дни ранней осени сгорают быстро, как спичка на ветру. Не успеешь оглянуться — вечер.

Эльмира поднималась рано и, наскоро перекусив, спешила в поле.

Тётушка Фатыма хлопотала по дому. Да и к зиме надо было готовиться — то в огород, то к печке, то половики вытрясти. Не на кого положиться. Вроде обычные заботы, но одна к одной — вот и дня осталось на доньшке. Вечера быстролётны. К тому же гостья живёт по своему распорядку: возвращается когда захочет. Пускай дышит на воле, в городе-то небось теснота и сутолока. Но поджидать её всё равно приятно, тревога миновала. Привыкла тётушка Фатыма к её беспечности. Зато будто и одиночества нет с ожиданием. Придёт, ясное дело. И эта определённая скрашивала монотонное существование. Сколько осеней было на веку. Приходили, озарённые, мелькали листьями. Однако за каждой мерещился холодный дух зимы, он и подгонял время.

Девушка Эльмира украсила собой сумерки.

В последний рабочий день она вернулась намного раньше. Отъезд её радовал, тени отлетали прочь.

— Ой, апа, скоро я покину вас. Думала, неделя эта не кончится. А как представлю, нет моей апы-душечки, просто плакать хочется.

— Бог даст, встретимся ещё. Дороги в клубок свиваются, к одному гнезду. Для глаза всё близко. От деревни до Казани и вздремнуть не успеешь. Однако для меня теперь всякий путь долог.

Пожилая женщина расчувствовалась, отдаляла день расставания, но он всё-таки наступил. Опять осиротеет дом. А дальше пойдут шуметь метели, обложат дом наглухо.

Эльмира ушла за занавеску охорашиваться и затихла там. Потом раздался голосок:

— Не разорваться же мне пополам... Я о том, апа, что идти мне надо. Конечно, неплохо было бы посумерничать вдвоём. В последний разок наговориться. Везде ждут. Последний день — пропащий день, одни переживания.

— О чём печалиться, разве я тебе приказываю? Сейчас на пригорках светло. Гуляй сколько вздумается, прощайся, — вздохнула тётушка Фатыма.

Не удержишь так не удержишь. Вон срок пришёл, и листья охватило пламенем.

— Но я постараюсь отбиться...

Эльмира не успела договорить. Только отдернула занавеску и приблизилась, сияющая, душистая, к тётушке Фатыме... Послышался гудок машины, продолжительный, бархатный.

Гостья захлопнула рот ладошкой, метнулась назад, к зеркалу, где всё было разбросано в беспорядке.

Хозяйка тоже изумилась: опять машина, но не грузовая. И гудок с гонором. Легковая машина! Отродясь такие не призывали у ворот.

— Ах ты... Куда подевалась... — нервничала, заталкивая вещицы в сумочку, Эльмира.

— За тобой! — сказала тётушка Фатыма. — Сам, наверное. — А кто «сам» — не задумалась. Спорхнуло с губ.

— Да за мной, за мной! Именно, сам! — с шумом выдохнула Эльмира. Будто мяч напоролся на гвоздь.

На цыпочках подкралась к окну, будто тётушка Фатыма в ту памятную ночь, но створки не откинула, а боязливо выглянула через герани, смахивая волосы с лица.

Гудок повторился. Человек ещё выждал. Потом стукнула калитка. Отворилась тихонько дверь.

— Есть кто живой?

На пороге стоял совершенно незнакомый гость. «Не тот, который на руках собирался носить...».

Тётушка Фатыма отступила в сторонку.

— Эльмира разве не у вас, апа? Я жену ищу.

Что за непостижимые слова произнёс этот внезапный человек. Разве у девушки Эльмиры есть муж? О аллах! Ни словом не обмолвилась об этом... Вот нелепица-то! Кому что померещилось — ему, ей? Может, оговорился...

У тётушки Фатымы закружилась голова. Она почувствовала слабость в ногах. Мяла, бессловесная, передник.

Выпорхнула Эльмира, щебечущая, захлёбывающаяся от радости. Кинулась в объятия мужа.

— Не утерпел, по маленькой Эльмире соскучился, — целовала она его щёки, вытягиваясь. — Понял, что без меня жить не можешь. Ворчун ты мой драгоценный! — Обернула смеющееся лицо к тётушке Фатыме. — Апа-душечка, это мой мужёк. Я же тебе о нём все уши прожужжала. Так люблю, так люблю. Всех, всех... Если есть машина, зачем ждать завтрашнего дня. Он у меня нетерпеливый, апа-душечка, и не в такую даль приехал бы. Всё высчитал...

Она трещала, трещала без умолку. Щёчки разрумянились от волнения.

Тётушка Фатыма не знала, куда себя деть. Переступала с ноги на ногу, глядела мимо гостей, как чужая в своём тёплом доме. «К Зайнаб, что ли, скрыться?» — возникла и тут же пропала мысль. Она же хозяйка прежде всего, какое ей дело до всяких тонкостей. Может, всё идёт как надо, как должно быть. Где их понять жалким умишком, который вовсе усох от одинокого затворничества.

Показалась она себе старой, никчёмной, подозрительной.

Пошла готовить чай.

Пригласила гостей к столу.

— Угощайтесь, — сказала задумчиво и зачем-то перевязала поплотнее платок. — За осенью придёт зима, куда денешься. Посидите уж без меня, к подружке схожу.

И глядел с фотографии Мухамметвали на её опущенные плечи.

Перевод Рустема Кутуя

АНДРЕЙ ФРОЛОВ

РОДИНА СТАНОВИТСЯ НУЖНЕЙ

БЕЗЫСКУСНЫЕ СТРОКИ

В слове «искусство» совершенно ясно слышится слово «искус»; по-русски «искусный» и значит «искушённый», то есть «знающий», «умелый», «опытный». Но, увы, в последнее время правильно и другое толкование «искусства» как несущего в себе искус, искушающего, соблазняющего простеца человека. Это относится, в первую очередь, ко всеобширной индустрии погибели — от «мастеров телевизионных искусств» до творцов так называемого «современного искусства» с его скотоподобными перформансами, прилюдными демонстрациями срама и фекалий. Слишком известна и определённая (тоже, кстати, «телеведущая» и «голубозэкранная») часть «современной литературы», подпадающая под «последнюю» категорию «искусства».

Поэтому, характеризуя строки Андрея Фролова как «безыскусные», хочется сознательно вывести его за скобки всех упомянутых «искусителей», это раз; ну и два — «безыскусные строки» это ещё и строки, в которых не видно нарочитого мастерства, не видно «как они сделаны»; кажется, будто они сразу так и написались, а вот это-то и есть, как мы понимаем, подлинное искусство, его результат.

Андрей Фролов сегодня наиболее известный поэт из города Орла писателей «среднего возраста». И дело не в количестве публикаций. Есть такие общелитературные банальности — «свой голос», «своя интонация». Да, это всё верно (как вообще у кого-то может быть «чужой голос?»), но в случае с Андреем Фроловым мы вправе говорить о более редком явлении — своей теме. А это уже серьёзная заявка на внимание читателя.

Если в двух словах её сформулировать — это остановившееся время наивысшего пика Советской цивилизации, так называемая «эпоха застоя». Именно оттуда бьёт свет в поэзию Андрея Фролова. Нет, не причитания и горькие сетования, не проклятия разрушителям страны, а именно свет — крепкой, осмысленной русской жизни. Может быть, это происходит ещё и оттого, что время наивысшего расцвета русской жизни в советскую эпоху совпало со временем детства и взросления поэта; в глаз ещё не понабились соринки взрослых разочарований и встреченных неправд. Оттого и мир тот (мир пригородной деревни и тесных дворишков старинной городской улицы) обретает у Фролова дополнительную подсветку. И стоит он и держится — мир деда, отца, старшего брата — крепким мужицким разумом.

Избу поставить — разом!
Работа не за страх.

*Гудит мужицкий разум
В мозолистых руках...*

*Прочищен, водкой смазан,
Под кнут поставлен — ну!
Сопит мужицкий разум,
Прёт на себе страну.*

Но и женской, исконно русской, материнской добротой держится незакатный мир детства поэта. Вот строки про владелицу «самых вкусных на деревне яблок» (следовательно, нещадно обрываемых мальчишками, как это было во все времена), бабуку Андреевну:

*И который год, не знаю,
Всё стращает пацанву:
— Вот ужо, кого спымаю —
Ухи-т начисто сорву!..*

*А потом вздыхает глухо
И, беседуя со мной,
Говорит:
— Дурна старуха —
Нешто слопать всё одной?*

Но есть и другие строки и другие интонации у того, почти уже былинного времени — в которых таится надлом и нравственная, если ещё и не порча, то совершенно точно — растерянность «позднесоветского» человека. «Растерянность», которая уже совсем скоро перерастёт в «потерянность» и унылый, обыденный разгул полуживотной чувственности, щедро поощряемой средствами массовой информации.

*Остывает пожар объятий.
Удручённо глядит луна.
Возлежат на одной кровати
Чей-то муж и ничья жена...*

*А в природе царит истома —
Дело явно идёт к зиме.
Где-то два беспокойных дома
Перемигиваются во тьме.*

Однако поэт, получивший духообразующий запас света именно в детстве, совершенно естественно и логично, уже в свою очередь, делится им со своим маленьким читателем. Поэтому немалую часть стихов Андрея Фролова составляют именно те, что обращены к новым и совсем ещё не большим русским человекам. Например, про «запрещённые» пироги:

*Но какой же запах вкусный!
И с самим собой в борьбе,
Я тещу: сестре — с капустой,
С мясом — папе и себе...*

*Мама громко нас ругает,
Отводя смешливый взгляд.
Если пахнет пирогами —
Значит в доме мир и лад!*

Может в этом и состоит сокровенное обращение Андрея Фролова: из светлого прошлого — через муть настоящего — в наше на глазах подрастающее и, хочется верить, тоже светлое будущее.

Алексей Шорохов

РАССВЕТНОЕ

Над туманом сад плывёт:
Вишни, облепиха...
Новый день больших забот
Народился тихо.

Он покуда ничего
Никому не должен.
Не омыл пока его
Беспризорный дождик.

Не нагруженный виной,
Еле-еле зримый,
День растёт очередной
И неповторимый.

БАБЬЕ ЛЕТО

Богом посланная милость —
Тёплый солнечный денёк.
Это лето зацепилось
Паутинкой за пенёк.

Продолжает труд тяжёлый
Забубённая пчела.
Пацаны бегут из школы
На окраину села.

Промелькнут по кособору —
Мимо пасеки, на брод.
А пескарь в такую пору
И на голый крюк берёт!

РЫБАК

С перегреву зарницами бредя,
День июльский отходит ко сну.
Напевая вполголоса, Федя,
Размахнувшись, бросает блесну.

Котелок, закипая, дымится:
Ох, ушица двойная густа!
Рыбы много пока в Моховице.
Федя знает такие места!..

Но не лезьте с расспросами к Феде —
Пропадут понапрасну труды, —
Он не слишком искусен в беседе,
Любит молча сидеть у воды.

Сырость гасит его сигарету.
Федя, пристально глядя во тьму,
Караулит бессонную реку...
Улыбаются звёзды ему.

КУЗЬМИЧ

Картина ясная вполне:
Запасы соли, спичек, мыла...
Соседка мрачно пошутила:
— Кузьмич готовится к войне...

«Кузьмич готовится к войне...»
Он три войны прошёл когда-то,
И нет надёжнее солдата
Ни в той, ни в этой стороне.

Ни в той, ни в этой стороне
Не обходилась так судьбина
Ни с кем: сперва лишила сына,
Затем — поминки по жене...

Пять лет поминки по жене.
И зимы, что невыносимы.
И одиночеством гонимый,
Кузьмич бредёт, как в полусне.

Кузьмич бредёт, как в полусне,
Туда, где люди, к рынку ОРСа.
А как не купишь, коль припёрся,
То, что доступно по цене?

А что доступно по цене?
Конечно, спички, соль и мыло...
Кузьмич соседке, что шутила,
Отдаст всё это по весне.

СТРОЙКА

Домишко скромный —
стена в кирпич
полгода строил
старик Кузьмич.
Село ворчало:
не тот, мол, пыл,
у Кузьмича, мол,
не хватит сил,
ровесник века —
не совладать...
Кузьмич кумекал,
где тёс достать.
Залил фундамент
и начал класть
на камень камень,
перекрестясь.
Стропила, кровля —
не на авось.
Забил к Покрову
последний гвоздь.
Приладил двери
и вытер пот:
— Ну, кто не верил?
Глядите — вот...
Присел в сторонке
и вдруг... чихнул.
Как о приёме
акт подмахнул.

* * *

Надсадно выла автострада,
Горячим выхлопом дыша, —
Через шоссе валило стадо
Размеренно и не спеша.

Тяжеловесны и угрюмы,
Как будто спали на ходу,
Коровы медленную думу
Жевали, точно лебеду.

И снисходительная жалость
К людской извечной суеде
В глазах косящих отражалась,
Как в застоявшейся воде.

ГЛУБИНКА

Сдвинув в сторону плетень,
Бог поставил мету
Из окрестных деревень
Именно на эту.

В холода дворы тесней
Прижимались к тыну,
Отмирали по весне,
Пережив годину.

Быт размерен, у людей
Вкусы простоваты:
Сговорясь, в апрельский день
Все белили хаты.

Дружно — вспашка,
Дружно — сев,
И любой при деле.
Здесь и немцы, обрусев,
Под гармошку пели.

ХОЗЯЙКА ЯБЛОНЕВОГО САДА

Много яблок по деревне.
Только знают пацаны,
Что у бабушки Андревны —
Просто диво, как вкусны!

И поэтому, наверно,
Успевает только треть
Урожая у Андревны
Окончательно созреть.

Шибко сердится Андревна —
Мол, коту под хвост труды, —
Собирая на варенье
Уцелевшие плоды.

И который год, не знаю,
Всё страшает пацанву:
— Вот уж, кого споймаю —
Ухи-т начисто сорву!..

А потом вздыхает глухо
И, беседуя со мной,
Говорит:
— Дурна старуха —
Нешто слопать всё одной?

* * *

Ивану Рыжову

В деревне Коровье Болото
Совсем не осталось коров,
Да и от деревни всего-то –
Двенадцать замшелых дворов.

Воюет старик-долгожитель
С колодезным журавлём:
– Помрём-то когда же, скажите?
Ведь всё же когда-то помрём...

Горбатятся крыши косые,
Хребтами белеют плетни...
Храни, Вседержитель, Россию!
И эту деревню храни.

СВАДЬБА

На два дома поделено счастье:
Невзирая на серенький дождь,
Шумно, весело едет венчаться
Из обеих семей молодёжь!

Чинны сваты, задиристы сваты,
Поцелуй по-русски – взасос,
На невесте шикарное платье,
Море радости, толика слёз!..

Всё путём, по обычаям древним:
Пир горой...
Да ведь речь не о том.
В этой, Богом забытой, деревне,
Почитай, уже есть третий дом!

* * *

Линялый август...
Встать до солнца,
Когда ещё в ознобе сад,
И пересуды у колодца
Вчерашние ещё висят;
Набросив – так, на всякий случай, –
На плечи дедовский бушлат,
Хрустя антоновкой пахучей,
Пробраться мимо спящих хат
За край села, где по-над лугом
Туман раскинулся ковром;

Брести в нём, влажном и упругом,
На колокольчики коров;
Ступить в дымящуюся реку
И плыть заре наперерез...
Каких же нужно человеку,
Помимо этого, чудес?

* * *

Родина любимей не становится
С добавлением прожитых годов.
По моей судьбе промчалась конница –
Глубоки отметины подков.
Выбоины тотчас же наполнила
Светлая небесная слеза.
Сердце от рождения запомнило
Родины усталые глаза,
Спрятанную в сумерках околицу
И дымки лохматые над ней...
Родина любимей не становится,
Родина становится нужней.

РЕПЕЙ

Под небом пыльным и сухим,
Меж двух сквозных степей,
Живёт адептом строгих схим,
Отшельником репей.

От зноя жилист он и чёрн,
Тревожен, как беда.
Корнями в выветренный дёрн
Вцепился навсегда.

Когда тебе у той черты
Случится проходить,
Не пожалей глотка воды
И дай ему попить.

ПОСОХ

В зоревых, тяжёлых росах,
В стылой сумеречной мгле
По земле блуждает посох,
Дыры делая в земле.
Сеет смуту и раздоры,
И судачат старики:
– Бродит в поисках опоры,
Твёрдой, праведной руки...

ТАТЬЯНА ПАРСАНОВА

МОЯ АФГАНСКАЯ ТЕТРАДЬ

* * *

Одним из сильнейших разделов первой книги стихотворений Татьяны Парсановой «В унисон с дождём» (автор живёт в Подмосковье) несомненно стал, казалось бы, далёкий по времени и совсем не женский афганский цикл.

Есть темы настолько тяжёлые для нашего сознания, что мы предпочли бы мало-душно забыть о них. Они уходят из поля публичной жизни, но не должны уходить из общенациональной памяти, ибо забвение в данном случае — форма предательства. Ведь мир вновь стоит на грани войны. В Донбассе она вплотную примыкает к нашим границам, в Сирии уже гибнут российские солдаты...

Женищина — «и мать, и сестра, и жена» (добавим к строке Солоухина — и невеста) не может молчать. Строки Татьяны Парсановой опаляют в любой из этих ипостасей. Горе матери остановилось вместе с её жизнью, в тот самый «Страшный день, когда домой с Афгана, // Сын вернулся в цинковом гробу». На оставшиеся тридцать зим пришлось только одна улыбка, предназначенная смерти: «И дойдя уже до грани зыбкой, // Рассмотрев вдали зовущий свет - // Расцвела счастливою улыбкой, // Понимая — боли больше нет...»

Среди героев цикла — и юные мальчики, брошенные в пекло чужой войны, и суровые командиры. У тех и других — только один выбор — не между жизнью и смертью, а между честью и бесчестьем. От каждой строки нельзя отвернуться...

Миясат Муслимова

* * *

Мы думали: два года — ерунда,
А у судьбы другие были планы.
И наши обещанья: «навсегда» -
Закрыли тенью «чёрные тюльпаны».

Зачем?! Домой вернулся, в цинк одет...
Меня на жизнь пустую сделав старше,

Познавши вечность в девятнадцать лет,
Любви земной и ласки не познавши.

Ружейный залп, взлетевший к небесам...
Хранящая молчание икона...
Кто подарил войну чужую нам,
И марш Шопена вместо Мендельсона?

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Здравствуй, Тánьча, моя.
 (Только Он так меня называл.)
 У меня все нормально. Служу.
 Ты мной можешь гордиться.
 Мы сегодня в ущелье...
 (замазаны строчки) Дувал
 Спас меня и ребят.
 Вот такая она — граница...
 Солнце здесь раскалённое,
 словно открытый огонь.
 Да и небо, представь,
 ну... какого-то пыльного цвета.
 Знаешь, хочется снега.
 Хотя бы снежинку в ладонь.
 Это вовсе не весело —
 вечное, жаркое лето.
 Мы здесь долг отдаём. Руку дружбы.
 Как нам говорят...
 Я порой сомневаюсь,
 гуляя по самому краю.
 Мы сегодня домой отправляли
 «двухсотых» ребят.
 Я, поверь, не боюсь.
 Потому что ты ждёшь меня. Знаю...

* * *

Пожелтевший листочек...
 На сгибах протёрся до дыр...
 Только он всё-равно
 всех сокроищ земных мне дороже.
 Улетает мой всхлип
 в равнодушно безмолвный эфир.
 И ползёт тишина
 безнадёгою липкой по коже...
 Задохнулась от боли.
 Читаю в стотысячный раз,
 Чтоб в стотысячный раз,
 словно в первый, в слезах захлебнуться.
 Я ждала.
 Не ждала! Я ведь жду тебя...
 Даже сейчас...
 Ну вернись же!
 Ведь ты обещал мне вернуться...

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Здравствуй Тánьча. Я жив и здоров.
 Это значит немало.
 Все уснули. А я не могу. Хоть немного устал.
 Вот подумал — тебя бы сюда...
 Здесь сгущёнки навалом...
 Ты бы ела её... Я бы губы твои целовал...
 Здесь по-прежнему жарко.
 Душман, однозначно, взбесился.
 В Чарикарской зелёнке
 хлебнули сегодня проблем.
 Много наших...
 А я под счастливой звездой родился-
 «Магазинов» хватило...
 И друг не подвёл — АКМ*...
 Завтра в горы...
 Как мне надоели враждебные горы...
 Мне бы в степь... Где ковыль...
 Где рассветы пропахли травой...
 До свиданья, родная.
 Свиданье...
 Оно уже скоро...
 Не успеешь соскучиться.
 Я уже рядом с тобой.

* * *

Ночь меня иссушила бессоницей злою.
 До края...
 И, сдаваясь тоске,
 зная точно итог наперёд,
 Я читаю всё это, и, душу свою разрывая,
 Возвращаюсь в далёкий...
 Счастливейший...
 Страшный тот год...
 Из искусанных губ
 тонкой струйкою кровь... ярко -ало...
 Запоздалый рассвет
 в призме слез виновато дрожит.
 Я успела соскучиться...
 Я до безумья устала...
 Как ты мог не вернуться?...
 Ведь ты обещал мне дожить...

* АКМ — автомат.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

«...Здравствуй, Тánча...»
Открыл сон страничку
далёкого прошлого
и трусливо сбежал.
Оставляя меня в тишине...
И опять... и опять я
пылиной беспомощной брошена
в той огромной и страшной...
сжигающей душу войне...

«...Здравствуй, Тánьча. Я жив.»
Голос твой шелестит так приветливо.
И мурашки по коже...
То ль страха, то ль радости след...
«...Вот представь, что сейчас
ты меня неожиданно встретила.
Только мы. Только клён.
И любимый наш ранний рассвет...»

По листку потолка потянулись
 слова вереницею...
Память бодро бежит
 по зазубренным строчкам письма:
«...Здесь сейчас тишина.
Непривычно чуть-чуть. Вот не спится мне.
Знаешь, Таньча, а я до сих пор
 от тебя без ума.

Мне приснилась вчера наша свадьба.
И ты в белом платьице.
Может всё же мы зря
отложили её на потом?
Время здесь по-другому.
Не как на гражданке. Не кáтится.
Здесь от боя до боя
мы счёт своим жизням ведём...»

* * *

Ветер взвыл за окном
как испуганный бешеный пудель...
Туча лапой мохнатую
звёзд погасила огни...
Этой свадьбы увы...
Никогда в нашей жизни не будет...
Никогда-никогда...
Только мы это знать не могли...

НЕЗАБЫТЫЙ БОЙ

«Духи» скрылись, как крысы,
в проломе дувала.
Неожиданно бой захлебнулся и стих.
И сказал лейтенант,
сплюнув горечь устало:
«Повезло. Потеряли не много... Трех.»

Пальцы тронула дрожь
запоздалого страха.
Мысль метнулась — рассвет...
Есть ещё полчаса...

Головою хотелось о камни... С размаха.
И, забыв обо всём — матом крыть небеса,
Все крушить, человеке теряя обличье,
Оттянуть, зачеркнуть судьбоносный изгиб,
Там где рухнуло небо, и друг закадычный,
Своей грудью тебя закрывая, погиб.

Мысли, полные яда...
 Мозг — скручивал в узел,
 Разбивал и развеивал веры гранит.
 И впервые боец так отчаянно трусил,
 Лишь представив на миг,
 что ему предстоит
 Возвратившись,
 войти в этот дом сиротливый,
 И пытаться живого себя оправдать.
 И не горбясь стоять.

Взгляд не прятать стыдливо –
Когда взвоят рассказом убитая мать.
И в девичьи глаза с золотой поволокой
Бить бедой. И проклятий выдюживать град.
И сказать, что отныне ей быть одинокой,
Что любимый вернул ей все клятвы назад...

Лето, вновь расшалившись, сжигает зарницы.
Звуки грома всё ближе. Надорван покой...
И седому полковнику снова не спится.
Крутит, крутит и крутит он в мыслях тот бой.

КРИЧУ ВОПРОСОМ В НЕБО

Кричу вопросом в небо.
Поневоле...
Зачем опять, ночами напролёт
Афган щепоткой щедрой сыплет соли,
На рану, что никак не заживёт.

Зачем опять — приветом злым оттуда —
Тревога... Ночь... Подбитый вертолёт...
А я надеюсь, что случится чудо,
И в этот раз мальчишкам повезёт.

* * *

Вывод войск... Чем дальше эта дата,
Тем вопросов больше... И вдвойне
Рвут сомненья старого солдата
Выжившего в той — чужой — войне.

Ночь, в окрасе горечи и хмеля,
Вновь несётся в ад афганских стуж:
Облака, как уши спаниеля,
Свешены с вершины Гиндукуш.

В неуюте грозного Саланга
Долгих-долгих двадцать девять лет,
Ищет необстрелянный салага
Есть ли там, в конце тоннеля, свет.

МАТЬ

Кто она, и как тогда всё было —
Старожилам помнится с трудом.
Вроде б говорили, что купила
На краю деревни старый дом.

Спряталась за каменным забором,
Равнодушна к мнению молвы,
К новостям соседским, сплетням, спорам...
Вечно в чёрном. С ног до головы.

За спиной о ней ходили слухи.
Говорили: тронулась слегка.
Кто б подумал, что тогда старухе
Было лет чуть больше сорока.

Вёсны, зимы чередой ходили.
Календарь листал за годом год.
Про старуху все давно забыли.
Ну, живёт и ладно. Пусть живёт.

В старый дом в морозный, тёмный вечер,
Гостьей долгожданной Смерть вошла.
Тридцать зим ждала старуха встречи.
Тридцать безнадежных лет ждала.

Потеплел старухин взгляд колючий,
Разглядев безносую в дверях.
«Слава тебе, Господи. Отмучил», —
Губы прошептали второпях.

Удивилась — так легко (аж странно)
Память вдруг вернула на бегу
Страшный день, когда домой с Афгана,
Сын вернулся в цинковом гробу.

И дойдя уже до грани зыбкой,
Рассмотрев вдали зовущий свет —
Расцвела счастливою улыбкой,
Понимая — боли больше нет...

Проводить безумную старуху
Собралось, привычно, полсела.
Обсуждали равнодушно, сухо —
Кто, откуда, кем она была,

Всё, что память выдала навскидку...
И вовнутрь благоговейный страх
Спрятали. Счастливую улыбку
У старухи видя на губах.

* * *

Словно в старом кино,
 чёрно-белые кадры погоста.
Солнце слепит глаза
 золотистою болью лучей.
Я пришла... Как всегда...
Трону холод гранита и просто

Помолчу о своём...
Заглядевшись на трепет свечей...

Это было вчера...
Или тысячу лет пролетело...

Строгий строй караула...
И крик, заглушающий марш...

И чужая война наши судьбы
рукой огрубелой

Разломала, как мякиш,
исполнив верховную блажь.

Мысли бьют по вискам, словно комья
земли в крышку гроба,
Сколько раз с той поры
расцветала сиренью земля...

И бежит по спине ненавистой
волною озноба –

Что по возрасту мне
ты годишься давно в сыновья.

Рассосало уже время
острую боль невозврата.

Я умею не плакать,
услышав случайно «Афган».

И забыв обо всём, я смотрю,
как сквозь мягкость заката,

Улыбается мне мой любимый,
«двухсотый» пацан.

* * *

Здесь воздух – и тот другой.

Здесь ветер – и тот притих.

Здесь память меня рукой

Железною бьёт под дых.

Здесь юность моя стоит,

Глядит в огонёк свечей,

Одета навек в гранит

«За долг», не понятно чей.

Здесь мы на одной волне –

Солдат и его вдова.

Он снова на той войне.

Я снова ещё жива.

Ещё мы наивны столь,

Не верим, что станем впредь –

Я старше его на боль.

Он старше меня на смерть.

МУЖЧИНЫ

Изогнулось небо коромыслом,
Льются в сердце запахи весны.
Собрались сегодня: Чёрный, Кислый...
Пацаны... Ну, право, пацаны...

Отчества остались за порогом –
Вовка. Сашка. Молоды ещё...

Только очень прямо, очень строго
За столом сидят к плечу плечо.

Первый тост, как водится, за встречу
Там – на заграничном вираже.

Жаль, что время всё-таки не лечит
Шрамы на израненной душе.

Только им понятные рассказы –
Чарикар... Баграм... Панджшерский пат...

И запнутся, не закончив фразы,
Спрятав боль в витиеватый мат.

Горькую плеснут в стаканы снова
И за тех, кто не пришёл с войны,
Третью пьют в молчании суровом
Взрослые, седые пацаны...

И пошло – машины и дорога,
Сыновья, друзья, работа, дом...
Рассказать мужчинам нужно много
Чтоб хотя б на миг забыть о том...

Накрывает вечер осмелевший
Темнотою законный вид.
О войне, когда-то отгремевшей,
Только сталь во взглядах говорит...

Меня зовут Алёна Новикова. Родилась и живу в Набережных Челнах, хотя корнями и душой в Нижнем Новгороде. Фотографией занимаюсь более 6 лет. Самым ценным в этом искусстве считаю прекрасно пойманную эмоцию ...живую, естественную и открытую.

Меня зовут Ольга Прокофьева. Родилась и живу в Набережных Челнах. В детстве занималась танцами, любила дизайн. После окончания института началась моя любовь к фотографии. Она продолжается до сих пор. Люблю снимать портрет, жанр и природу.

Как любое искусство, фотография отражает мировосприятие человека, особенности его воображения и отношения к жизни. Фотография воспитывает, позволяет увидеть то самое, что порой не увидишь привычным взглядом. Это особенная любовь, которая воплощается в каждом снимке. И, скажем по секрету, самые лучшие кадры — это случайные кадры.

Мы очень любим путешествовать, поэтому фотоаппарат — неотъемлемая часть нашего багажа. Через объектив, мы рассказываем о местах, которые посетили и о людях, которые попали под наш «прицел».

Писатель пишет «историю души человеческой» чернилами, а фотограф мгновениями, которые в кадре. И также, как книги, которые можно перечитать, мы пересматриваем фотографии, воскрешая в памяти образы, которые казались давно забытыми.

Фотография стала частью нашей жизни, любимой работой и вдохновением.

Гергетская церковь. Грузия. (Алёна Новикова)

Над облаками. Грузия (Алёна Новикова)

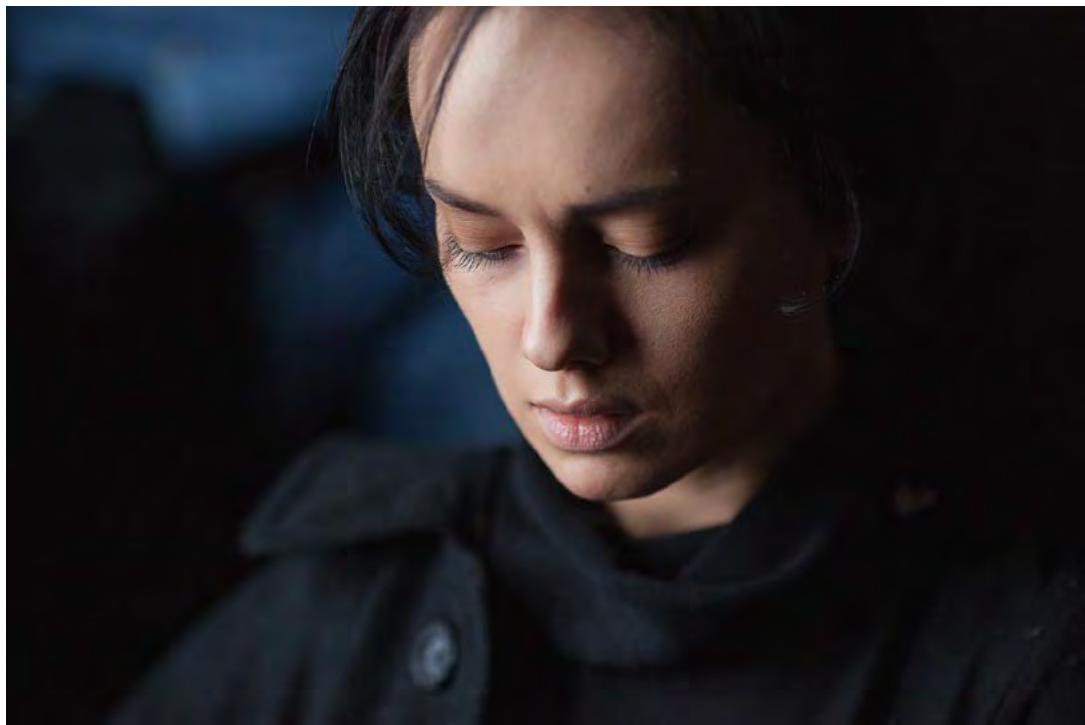
Вершина скалы «Зубы Шурале». Башкирия (Алёна Новикова)

Восход Его Величества Солнца. (Алёна Новикова)

С любимыми не расставайтесь (Алёна Новикова)

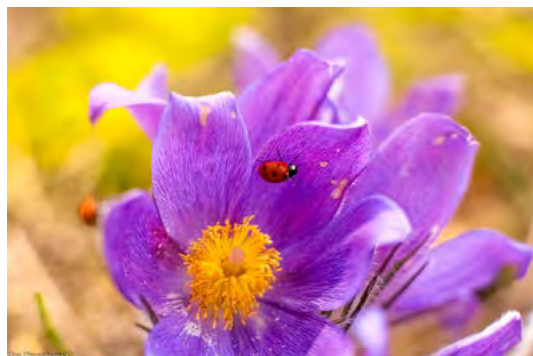

Драма. Портрет (Алёна Новикова)

ФОТОВЕРНИСАЖ

Сон-трава (Ольга Прокофьева)

Закат на Каме (Ольга Прокофьева)

ФОТОВЕРНИСАЖ

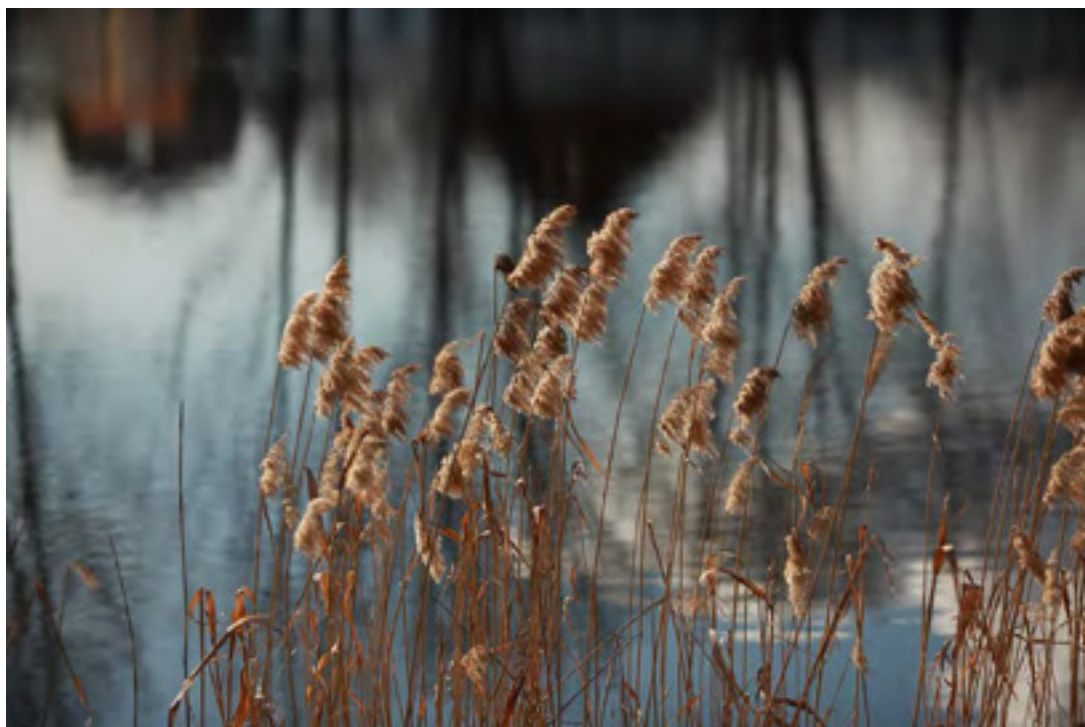

Зимняя сказка (Ольга Прокофьева)

Утки в пруду (Ольга Прокофьева)

Сумерки (Ольга Прокофьева)

«ТИХИЙ ДОН». К ЮБИЛЕЮ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ

ПЁТР ТКАЧЕНКО

«ЧУЖИЕ БОГИ В ЗЕМЛЕ СВОЕЙ», ИЛИ КАКУЮ БИБЛИЮ ЧИТАЛ М. А. ШОЛОХОВ

ЛИТЕРАТУРА КАК ИСТОРИЯ

Принято считать, что роман М. А. Шолохова «Тихий Дон» ценен, прежде всего, своей исторической правдой и фактологической достоверностью, что он является не только художественной летописью, но и источником исторических сведений. При этом предполагается, что историчность романа более важна и более драгоценна, чем собственно его художественность, образность, чем его духовно-мировоззренческая основа, вне которой постичь творение духа невозможно. Да и понятно, ведь по давней недоброй позитивистской и материалистической традиции считается, что образность, художественность — это нечто вроде украшения, некое изящество и благозвучие, и не более того. А потому, это — нечто необязательное. Хорошо, мол, когда оно есть, но можно вполне обойтись и без него... И всё бы ничего, если бы такое упрощённое представление не было столь распространённым, не становилось на наших глазах всеохватывающим и подавляющим. Если бы оно, в конечном счёте, не искажало в общественном сознании саму природу и сущность литературы.

Между тем, историчность и достоверность произведения художественного является только непременным условием для образного постижения и изображения жизни. Можно даже сказать, что там, где историк заканчивает своё дело, художник его только начинает. Это — вовсе не укор историкам, у которых свои задачи, это особенность восприятия образности, искусства вообще. Ведь те или иные исторические сведения мы можем почерпнуть не только из художественной литературы. Более того, из других источников мы можем почерпнуть более надёжные факты. А потому, если историчность почитается конечной целью прочтения литературы, то получается, что литература, вроде бы, и ни к чему. Словно можно обойтись и без неё... В то время как художественность, образность дают человеку то, что никакая иная форма сознания ему дать не может, являясь основным условием интеллектуального развития человека. Ведь только через образное, духовное воззрение мы можем приблизиться к тайне человеческого бытия. Так было изначально, так остаётся всегда. И там, где в силу каких-то попущений и допущений, происходило отступление от духовной природы человека, а это не однажды в истории бывало, происходило крушение цивилизаций и падение народов.

Как неизбежное следствие утраты смысла существования. Потому Христос и говорит притчами, то есть образами и иносказаниями, что многим людям не дано знать тайны Царства Небесного, то есть смысла своего существования, без чего человек жить не может: «Потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют» (Евангелие от Матфея, 13;13). «Все сие Иисус говорил народу притчами, и без притчи не говорил им» (13; 34). То есть, притчевое, иносказательное, образное мышление есть верный путь к постижению тайны человеческого бытия.

И наоборот, когда город крепкий, «великая блудница, сделался жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу», тогда уничтожается и искусство: «И голоса играющих на гусях и поющих, и играющих на свирелях и трубящих трубами в тебе уже не слышно будет; не будет уже слышно в тебе никакого художника, никакого искусства, и шума от жерновов не слышно уже будет в тебе» («Откровение святого Иоанна Богослова», 18: 22). Стало быть с уничтожением искусства прекращается и шум жерновов, то есть всякая хозяйственная жизнь...

В наше позитивистское, материалистическое время духовный смысл жизни, да и самой истории оказался заслонённым иными, побочными, второстепенными явлениями и соображениями, далёкими от существа человеческого, оказался загромождён «цивилизацией». Вот характерное, типичное суждение исследователя Сергея Семанова, влюблённого в «Тихий Дон», составившего реестр, список героев, персонажей романа, преклонявшегося пред мудростью автора и встречавшегося с ним: «Поражает удивительная, не имеющая подобия в классической даже литературе, историческая достоверность шолоховских описаний. Они таковы, что «Тихий Дон» является не только художественной летописью, но и историческим источником по изучению великой русской революции» («Православный «Тихий Дон», М., «Наш современник», 1999).

Заметим, что творение художника является, по автору, источником для изучения революции, а не опорой для постижения духовного смысла бытия. Так оказались перепутанными начала и концы в этом материалистическом мире.

Как видим, предпочтение отдаётся роману как историческому источнику, а не как величайшему творению человеческого духа. Его невероятная образность, духовно-мировоззренческая основа подразумевается чем-то само собой разумеющимся, не требующим объяснений. На самом же деле, именно эта основа романа в первую очередь требует объяснения, уяснения и постижения. Именно она осталась всерьёз не рассмотренной и, по сути, не изученной. При всём при том, что какие-то исторические аспекты М. А. Шолохов постиг намного глубже, чем собственно историческая наука. Скажем, то же вёшенское восстание, которому в романе отдаётся столь много места. «Автор становится исследователем, — справедливо писал Ф. Бирюков, — опередившим по ряду научных откровений профессиональных историков». В. Васильев: «Почти не нашедший места в отечественной исторической литературе, вёшенский мятеж и сегодня известен нам благодаря «Тихому Дону», где ему отведена едва ли не четверть романа» («Тихий Дон», М., Военное издательство, 1995). И вовсе не случайно вёшенское восстание остаётся не постигнутым нашей исторической наукой с такой глубиной, как это сделано М. А. Шолоховым в «Тихом Доне». Оно изначально не соответствовало и до сих пор не соответствует тому представлению о революции и Гражданской войне, которое было принято как «каноническое», в согласии с господствовавшей официальной идеологией. И остаётся таковым вплоть до сегодняшнего дня. Ни в коем разе не хочу упрекнуть глубоких и честных исследователей. Они изучили «Тихий Дон», насколько это было тогда возможно, исполнив свой долг.

Даже такой проницательный и смелый критик и литературовед, как Н. Федь, видевший всемирный характер революции и Гражданской войны в России, писавший

о том, что автор «Тихого Дона» «раньше и глубже всех осознал весь трагизм исторического бытия XX века — века всеобщего кризиса, особенно — сознания», всё-таки остаётся преимущественно на историческом, а не духовном понимании романа: «Шолохов судит с исторической точки зрения: братоубийственная война носит преходящий характер, и не является отражением сущности человеческой природы». («Парадокс гения», М., «Современный писатель», 1998). В этом суждении особенно наглядно видно, как чисто «исторический» подход к «Тихому Дону» не проникает в его истинный, духовный смысл. Ведь в братоубийственной войне, наоборот, духовная природа человека сказывается и проявляется в полной мере. Да и преходяще ли братоубийство со времён Каина?.. Иначе почему герои «Тихого Дона», обеих противоборствующих сторон, называют друг друга не только политическими противниками, но Каинами? В равной мере. Причём, не только в разговорах, но и в официальных документах (в приказе № 100, приведённом в тексте романа). Мы ещё коснёмся этого аспекта, а пока обратим внимание на то, что многие участники революционной драмы объясняли происходящее не тем или иным революционным «учением», получившим распространение, не той или иной идеологией, а именно библейскими представлениями. Скажем, И. Бунин в «Окаянных днях»: «Каин России, с радостно-безумным откровением бросивший за тридцать серебрянников всю свою душу под ноги дьявола, восторжествовал полностью»...

Оценка же «Тихого Дона» с точки зрения победителей или побеждённых в братоубийственной Гражданской войне не может быть объективной, полной и окончательной. Так же, как не может быть объективной оценка земного бытия человеческого по логике Каина или Авеля исключительно. Не потому, что у каждого «своя правда», а потому, что то и другое не есть целое, а лишь часть его, лишь одна сторона человеческого бытия и природы человека...

Да и в «Тихом Доне» этот библейский смысл происходящего является, можно сказать, основным. Дед Гришака задаёт Григорию Мелехову отнюдь не риторический вопрос: «Бог — Он вам свою стезю укажет. Это не про наши смутные времена Библия гласит?». Но именно этот основной библейский смысл «Тихого Дона» остался, по сути, не объяснённым.

Пётр Палиевский, считавший так же, что в «Тихом Доне» дана «как бы точка зрения самой истории», справедливо писал о том, что художественный мир М. А. Шолохова «так трудно уловим для профессионально-литературного подхода, столь пространённого..» («Шолохов и Булгаков», М., ИМЛИ РАН «Наследие», 1999). Да и как могло быть иначе, если литературоведение и критика, как никакой иной вид творчества, зависимы от господствующей идеологии и от расхожих представлений, нередко ложных. Как может быть иначе, если материалистическое миропонимание, насаждаемое огнём и мечом, кажется, окончательно восторжествовало, подавляя и отбрасывая всё живое. Причём, насаждаемое издавна и не только властями, а «лучшими» людьми, «прогрессистами», революционными демократами и всякого рода революционерами. Разумеется, во имя «цивилизации» и «прогресса». В литературоведении и критике высшим критерием почитался «исторический» подход. А «против антиисторизма» велась борьба на уничтожение. Хотя «историзм» этот был лишь соответствием догматам официальной, господствующей идеологии.

Литературовед Л. Якименко в своё время писал о том, что «Тихий Дон», как поистине великое произведение, «стал в современном литературоведении и критике одним из решающих испытаний для исследователя», так как исследователь «сталкивался с рядом сложных вопросов, рождённых взаимодействием действительности и искусства» («Вопросы литературы», № 7, 1968, «Литература и современность»,

М., «Художественная литература», 1969). То есть, по отношению к М. А. Шолохову оценивался исследователь. Проходил «проверку» по оценке: «свой» или «чужой»... Получалось нечто вроде круговой поруки, когда исследователю воздавалось по его отношению к писателю, помимо, конечно, деклараций о величии его творения. Такая «методология» трагедию Григория Мелехова видела в трагедии «неверного, ошибочного выбора»: «В романе вершится суд истории над Григорием Мелеховым, суд с точки зрения победившей революции, со всеобъемлющих позиций коммунистического идеала». Надо понимать, насколько исследователь следовал поиску в «Тихом Доне» идеологического идеала, по этому он оценивался. Но очевидно, что это был не «суд истории», а суд тех, кто взял на себя право говорить от её имени. Да и был ли идеал «всеобъемлющ»... Как увидим далее, в «Тихом Доне» вершится не суд «истории», а Божий Суд...

И поскольку Григорий Мелехов является безусловным выразителем народного отношения к происходившей трагедии, то и судился, по сути, народ, не желавший принимать такие «идеалы», в которых не находилось места Богу, да и самому народу. В этом и была истинная причина трагедии, а вовсе не в том, что неразумные герои романа не понимали всех выгод следовать чуждому им «идеалу»...

И вот «цивилизация» и «прогресс», в конце концов, восторжествовали. Но оказалось, что — ценой умаления человека, когда опять «всякая плоть извратила путь свой на земле»... Не слишком ли большая плата?

Как может такое материалистическое сознание постичь творение духа, если вера для него — это нечто несуществующее и якобы заменяемое «наукой»: «Такое отношение к событиям, теориям и даже вымыслам, когда они принимаются за достоверные и истинные без доказательств. В этом смысле вера — антипод знания». И это при том, что всякий человек не может жить без веры по самой своей природе. А коль веры «нет», то религии, по которым народы жили и живут тысячелетиями — и вовсе какие-то недоразумения: «Это — одна из форм общественного сознания, извращённое, фантастическое отражение господствующих над людьми природных и социальных сил... корни религии связаны с чрезвычайно низким уровнем экономического развития, в результате чего человек постоянно чувствует себя зависимым от сил окружающей его природы» («Краткий словарь по философии. М., Политиздат, 1982).

То есть, религия и вера, надо полагать, лишь следствие низкого уровня развития человека. А стало быть, они отомрут непременно. Вот догмат самонадеянного разума.

Такое «учение», отрицающее саму природу человека, то есть, исключающее самого человека из жизни, разве не является неким вывихом лукавого разума? Ведь тем самым, оно, вопреки уже имеющемуся опыту, опять и снова выстраивает себе на погибель всё ту же мыслительную, в разных формах проявляемую, Вавилонскую башню.

Мне даже кажется, что если бы «Тихий Дон» был прочитан в своё время с точки зрения духовно-мировоззренческой, через библейские представления, столь явные в его тексте, если бы критикой и литературоведением был представлен духовный смысл романа, а не подгонка его под историю «классовой борьбы», согласно революционной теории, это, конечно, не остановило бы его хулителей, но осложнило бы их неприглядную деятельность. Несоответствие «передового» учения тому, что в действительности есть в романе, было бы более очевидным.

А нападки на «Тихий Дон» и его автора начались изначально, с 1929 года, когда до завершения романа было ох, как далеко — целых двенадцать лет. Апологеты позитивизма, материализма и безбожия, столь преобладавшие в обществе, сразу же учуяли в «Тихом Доне» и его авторе угрозу и опасность своим плоским, а то и откровенно

примитивным воззрениям и убеждениям. Само появление «Тихого Дона» обнажало ничтожество их воззрений. И они повели борьбу против романа и его автора. И этого очевидного факта не могут скрыть никакие декларации о поисках «правды». Это и есть истинная причина нападков на «Тихий Дон», начавшихся изначально, задолго до его завершения. Нынешние же его ниспровергатели являются лишь продолжателями неприглядного и несправедного действия.

Характер «установления авторства» романа «Тихий Дон» не выдерживает никакого научного уровня — ни исторического, ни филологического, ни текстологического. Это — за пределами науки. Но ведь этим лукавым поделкам отдавалось предпочтение. Они вполне серьёзно публиковались в толстых литературных журналах. Нет ничего удивительного в том, что после такого и подобного литературного блуда толстые журналы, как уникальное явление нашей российской культуры, перестают существовать.

Николай Михайлович Фёдоров в своей, уже помянутой книге «Парадокс гения», насчитал пять покушений на М. А. Шолохова... Здесь, меня, конечно же, упрекнул в конспирологическом подходе, как якобы для серьёзного исследования недостойного и недопустимого. Эта «боязнь» конспирологии не может не удивлять. Все, как межгосударственные отношения, так и внутриобщественные противоборства так или иначе состоят из конспирологии — стремления скрыть нечто от соперника или как теперь иронически говорят, «партнёра», ввести в заблуждение, выдать происходящее в каком-то ином, а не в его истинном значении, чтобы, в конце концов добиться своего интереса. И это вполне естественно и понятно. Непонятно и абсолютно ничем не мотивировано другое: почему разбирать, анализировать, что называется, распутывать эти сокрытые перипетии якобы не достойно серьёзной науки? Не потому ли, и не для того ли, чтобы происходившее оставить не на фактологическом и метафизическом уровне, а на идеологическом или и вовсе демагогическом, чтобы никогда не добраться до истины? Похоже, что так. Но теперь когда, казалось бы, известны многие факты, когда кажется, открылась возможность не впасть в новую идеологизированность, которая ещё хуже прежней, что уж столь наивно «снизвергать» «Тихий Дон»?.. Необразованные, нечуткие, но тщеславные люди десятилетиями занимаются сальеризмом и смердяковщиной. Видимо, не ведая о том, что тем самым, они рассказывают не о «Тихом Доне», не о его авторе М. А. Шолохове, а о себе. Всему свету демонстрируют своё интеллектуальное ничтожество, нисколько этого не стесняясь. Значит, их пониманию недоступно то, что естественно для всякого живого человека: не то, что входит в уста оскверняет человека, а то, что выходит из уст оскверняет человека. Или же делают это умышленно, вполне осознавая, чем именно они заняты. Но делают это потому, что на него есть «спрос». Такое вот самоутверждение. Любым, каким угодно образом заявить городу и миру о своём существовании. Но это ведь ещё более постыдно, чем духовная слепота и нищета...

«ТЕМА» ПРАВОСЛАВИЯ

Рассмотрение «Тихого Дона» в русле библейских представлений менее всего следует сводить к бытовой стороне. Мы не можем духовный смысл «Тихого Дона» сводить к обывательскому вопросу о том, в какой мере М. А. Шолохов был человеком верующим. Такой вопрос ничего не выясняет. К тому же он некорректен, так как пути гения неисповедимы. Отсюда недалеко и до вовсе упрощённого представления: коль он жил в атеистическое, безбожное время, значит, он был атеистом. Если в молодости

венчался с Марией Петровной в храме, значит — чуть ли не насильно. На этот счёт нет никаких свидетельств. Как и должно в вопросах веры. Это только слабые натуры ссылаются на то, что их так учили, запрещали верить и читать Священное Писание. Оправданием это быть не может. Значит, истины не особенно и хотелось, если запрет стал препятствием к ней. Кто хочет, тот может.

Конечно, можно с определённой достоверностью установить, где Михаил Александрович мог читать Библию в своё атеистическое время. Обучаясь в Богучаровской гимназии, он жил на квартире учителя Закона Божия Д. Тишанского, у которого была богатая библиотека. В станице Каргинской брал книги из библиотеки священника о. Виссариона. Общение с учителем Д. Тишанским могло быть случайным. Так совпало, что он оказался у него на квартире. Совсем иное дело, когда он, молодой человек, сам брал церковные книги для изучения у священника о. Виссариона. И надо полагать, постигал Священное Писание под влиянием этого священника.

Тесть Шолохова Громославский был псаломщиком Букановской церкви, у которого тоже была церковная и богослужебная литература. Да мало ли где мог писатель читать Библию, живя в Москве и на Дону и имея широкий круг общения. Важно другое. С какой целью он обращался к библейским текстам в романе. Какие художнические и мировоззренческие задачи разрешал таким обращением к Священному Писанию. А такие задачи, безусловно, были. В каждом случае вполне определённые. И не такие очевидные, как это принято считать. Да, М. А. Шолохов, судя по тексту «Тихого Дона», хорошо знал Священное Писание. С самой юности у него было много возможностей читать Библию. Он много общался со священниками. Сама жизнь сводила его с ними. Но кто именно дал ему ту Библию, которую он использовал в работе над «Тихим Доном» мы, видимо, никогда не узнаем. Да это, может быть, и не столь важно пред тем фактом, что писатель выбрал именно такую Библию, что, уже не могло быть случайностью.

Текст «Тихого Дона» однозначно говорит о том, что писатель не просто хорошо знал Священное Писание. Библия была для него не только историческим источником, какой она является для людей «просвещённых», мыслящих «прогрессистки». Иначе, почему основным содержанием романа «Тихий Дон» стало отношение к Богу и к вере? То, как люди сохраняют веру и как и почему её теряют. Как и почему бунтуют против Бога. Другое дело, что этот аспект «Тихого Дона» в силу известных идеологических обстоятельств упорно не замечался и игнорировался. Причём, эта основная сторона романа игнорировалась не из страха, а потому, что исследователи, сами томимые безверием, не считали её важной. А это — совсем не то, что просто запреты. Но это к выдающемуся творению отношения уже не имеет... Вот главное, избранное М. А. Шолоховым в романе. А ужасы происходившего, безобразие войны — уже только неизбежное следствие этого: отпадения людей от Бога, утраты ими веры. Точнее, следствие того, что они стали верить иным, чужим богам в родных пределах. Так как без веры человек, как существо не только природное, социальное, но и духовное жить не может, точнее будет говорить не об утрате веры, а о смене веры — *своей природной на чужеземную*. А это уже совсем иное состояние человека и его положение в мире.

Что пред этим, так глубоко постигнутым в романе М. А. Шолоховым, ответ на вопрос о том, был ли он верующим. Ответом на такой вопрос это не устанавливается, а потому он просто риторический...

Нельзя сказать, что в последнее время исследователи не уделяют внимания христианской, православной основе «Тихого Дона». Вот и сборник статей появился «М. А. Шолохов и православие». (М., 2013). Исследователи, хотя зачастую декларативно, не подтверждая свои выводы анализом текста романа, но совершенно справедливо

утверждают, что православная основа «Тихого Дона» есть постижение и изображение писателем народной жизни: «Сознательное принятие автором «Тихого Дона» христианских принципов и ориентиров как данности народной жизни» (Н. И. Стопченко). «Он показал своих персонажей как воплощение народных православно-христианских ценностей, которые складывались веками и стали кодексом нравственного и социального поведения» (А. П. Чалова). «Мы можем с полной уверенностью и ответственностью утверждать, что «Тихий Дон» и иные произведения писателя являются истинно православными художественными произведениями» (С. Н. Семанов). Но после столь долгого атеистического времени в официальной идеологии такие крутые «возвращения к вере», обращения к Богу не могут не иметь своих издержек, даже в писательской среде. Это надо отметить обязательно, так как ниспровержение Бога может быть и в форме, вроде бы, возвращения к Нему. В этом нет ничего удивительного, «ибо многие придут под именем Моим»... Кажется, об этом — стихи С. Хохлова: «Какая страшная эпоха./ Хоть плачь, а нету ничего. / Спасибо, нам вернули Бога/ Ниспровергатели Его». К сожалению, даже в писательской среде обращение к вере понято лишь как «тема»: «Мы не можем обходить, да и не обходим тему православия, тему веры». Была у нас в литературе производственная тема, деревенская, военная, а теперь наступило время «тем» веры, «тем» православия. Но вера не может быть просто «темой» литературы. Так же, как вне христианского мировоззрения невозможно понять золотой период русской литературы XIX века, да и литературу последующего времени. О «теме» веры в литературе может говорить тот же атеист, сориентировавшийся в связи с новой ситуацией в обществе, когда обращение к Церкви стало престижным и выгодным. Впрочем, мне приходилось уже писать об этом на страницах «Литературной газеты» — «Нас отравившая свобода» (№ 17, 2014).

Или — распространено самое общее представление, а потому и беспредметное, нечто вроде, — «просто хорошая литература» это и есть христианская, православная. В духе «общечеловеческих ценностей», которые «всегда будут находить отклик в сердцах читателей». (Казалось, что эти пресловутые «общечеловеческие ценности», сыгравшие столь трагическую роль в нашем недавнем прошлом, уже забылись...) А потому и «советская литература была по сути христианской, хотя и советской» (Александр Сегень, «Зарядиться человечностью», «Литературная газета» № 28, 2018). Словом, «человечность» и есть православие... Прямо скажем, слишком уж приблизительно, настолько приблизительно, что невольно возникает вопрос: а при чём здесь христианство? Понимать христианское как нечто вообще хорошее и только — этого явно недостаточно для его постижения. Или это новая риторическая форма его игнорирования? Уверовать — это не только познать «любовь», «добро» и «человечность», но и то, что Он несёт «не мир, а меч». И это — не фигура речи, а трагическая участь. Как у А. Блока: «Пред ликом родины суровой я, закачаюсь на кресте»...

Соотношение веры и художественного творчества во всём своём драматизме давно постигнуто в русской литературе. А потому я отсылаю читателей к удивительному и загадочному стихотворению М. Ю. Лермонтова «Молитва» («Не обвиняй меня, Всесильный...») и к последним стихам выдающегося поэта нашего времени Юрия Кузнецова «Поэт и монах», оставленным нам, как завещание...

Надо сказать, что «непонимание» литературы было всегда и является в определённом смысле естественным. Оно заложено в самой природе литературы, призванной постигать духовный смысл жизни и духовную сущность человека, которые в повседневности заслоняются и подменяются иными, второстепенными представлениями. А потому некоторая противопоставленность жизни и литературы неустранима.

А. Блок называл это «великим вопросом»: «Великий вопрос о противоречии искусства и жизни существует искони». Об этом же писал в «Русской мелодии» М. Лермонтов, свой поэтический мир представляя как «мир иной»: «В уме своём я создал мир иной./ И образов иных существование,/ Я цепью их связал между собой,/ И дал им вид, но не дал им названья». Н. Гоголь несколько иронически писал: «Знаете ли, что в Петербурге, во всём Петербурге, может быть, только человек пять и есть, которые истинно и глубоко понимают искусство, а между тем в Петербурге есть множество прекрасных, благородных, образованных людей». В дневнике 1915 года М. Пришвин записывает: «Понимающих литературу так же мало, как понимающих музыку, но предметом литературы часто бывает жизнь, которой все интересуются, и потому читают и судят жизнь, воображая, что они судят литературу».

Однако материалистическая критика это естественное свойство литературы определила и выставила чем-то беспредметным и несуществующим — «искусством для искусства». Мол, это нечто, чем художники занимаются между собой, а читателям знать об этом и вовсе без надобности. В то время, как учить людей понимать искусство, литературу — является первейшей задачей педагогики.

Такое противоречие жизни и литературы было всегда. Но совсем иные времена наступили, когда восторжествовало материалистическое воззрение с его безбожием, богоборчеством и атеизмом. Но и тогда такое насилие могло исказить многие представления, но не отменить природы литературы: «Поэт — величина неизменная... сущность его дела не устаревает» (А. Блок). Но «вредный характер нашей литературы», как иронически писал Н. Страхов, сохранялся и тогда. То есть, оставаться собой, не теряя своего предназначения, не подпадать под влияние иных, упрощённых представлений: «Ничего нет мудрёного, что ни наши ретрограды, ни наши прогрессисты одинаково не понимают дела, совершаемого литературою; понятно также, почему они всячески преследуют её и унижают: она им мешает, заслоняет им свет» (Н. Страхов).

И поэт остаётся наедине со своим «старинным делом», которое не устаревает. И от него одного зависит, устоит ли он, впадёт в соблазны этого мира или нет. Никаких оправдательных и извинительных доводов тут быть не может: «Мой крест несу я без роптанья:/ То иль другое наказание?/ Не всё ль равно? Я жизнь постиг;/ Судьбе как турок иль татарин,/ За всё я ровно благодарен/ У Бога счастья не прошу/ И молча зло переносу» (М. Ю. Лермонтов).

А потому в оценке произведения художественного следует апеллировать не к «жизни», что кажется неоспоримым, не к тому, насколько изображаемое соответствует действительному, словно литература занята натурализмом, а — к духовной природе человека, к тому, как она сказала и проявилась в тех или иных исторических обстоятельствах, к народному самосознанию, к литературной традиции, к образной природе самой литературы. Иначе мы обязательно будем устраивать над персонажами «суд истории», словно ею самой уполномоченные, и обязательно из такого суда выйдет то, что, скажем, Григорий Мелехов сделал «неверный, ошибочный выбор»...

Это вовсе не какая-то отвлечённость, якобы уводящая от реальной жизни, а непременное условие всякого искусства, которое постигает жизнь лишь в той мере, в какой оно остаётся искусством. Иначе мы впадаем и вовсе в какую-то тупость Н. Чернышевского о том, что яблоко настоящее лучше нарисованного. Это, безусловно, духовная и интеллектуальная капитуляция пред многообразием и сложностью мира и человека.

Никаких чисто утилитарных, узкопрактических задач литература не имеет. Кто вмещает ей эти задачи, тот, может быть, и невольно, её искажает и способствует её вытеснению из общественного сознания.

Наверное, о «Тихом Доне» можно сказать и так, как писала о нём критика и литературоведение советского периода истории, что в романе исследуется социальная природа человека. При этом социальности отдавалось явное предпочтение перед духовностью. А потому такая оценка романа хотя и верная, но далеко не полная. Можно сказать и так, что «в книге большого художника соотносится родное и вселенское, частное и общечеловеческое». Но вот каким именно представлялось это соотношение родного и вселенского теоретиками и идеологами той поры, было довольно странным, если не страшным: национальное якобы должно смениться интернациональным, а потом и общечеловеческим. Именно смениться, именно взамен. Но, как известно, как уже проверено жизнью, без родного и вселенского без надобности. Да его и не бывает этого, якобы несущего благо «всеединства». Хотя его зловещий призрак висит над человечеством как искушение и проклятие во всякого рода глобализациях. Это только некоторым «религиозным» философам да революционным демократам представлялось, что национальное в народе является препятствием на пути к прогрессу, что оно ограничивает и обособляет. А потому и предлагался рецепт народного самоубийства, через трудновообразимое «национальное самоотречение» (В. Соловьёв). Но общечеловеческая казарма или тюрьма намного страшнее каких бы то ни было «тоталитаризмов» в отдельных странах и народах... Так как утрачивается всякая возможность сокрушения их извне.

В том-то и дело, что в человеке и в народе воплощается и родное, и вселенское в единстве, и одновременно, а не взамен. А потому, в «Тихом Доне» и нет обещанного литературоведами и, вроде бы, ожидаемого перехода «национального в интернациональное — общенародное, а затем в общечеловеческое» (Л. Ф. Ершов, Е. А. Никулина, Г. В. Филиппов, «Русская советская литература 30-х годов», М., Высшая школа, 1978). Замены национального интернациональным, как якобы более драгоценным, не произошло, и не происходит. И не может произойти. Изображённое в «Тихом Доне» кричаще противоречит этому наивному и умозрительному представлению, тотальное навязывание которого, стоило русскому народу таких больших трагедий и неисчислимых жертв...

И всё бы ничего, если бы такое, только «социальное» прочтение «Тихого Дона» не искажало его смысл, по сути, на прямо противоположный. Вот расхожее представление: Григорий Мелехов «отринул старый мир, а правды нового мира, утверждающегося в борьбе, крови и страданиях, он не понял, не поверил ей, и в конце концов оказался в страшном одиночестве» (Л. Якименко. «На дорогах века», М., «Художественная литература», 1978). Да не было ещё этого «нового мира», и никто не знал, каким он будет «после всего этого». Не по предписаниям же исключительно революционных догматиков он создавался, а народом, «творчеством масс». После краха державы новый мир утверждался в борьбе уже с той самой революционной «теорией», которая разрушила жизнь.

Это такие недалёкие люди, как Мишка Кошевой, вооружившись революционной догматикой, наделённые властью, продолжали крушить всё вокруг себя. Григорий Мелехов наоборот говорит Кошевому: «Так в семнадцатом году говорили, а теперь надо новое придумывать!».

То есть, коль старый мир разрушен, пора создавать новый, налаживать жизнь, а не продолжать её разрушение. Но такие люди с революционным сознанием как Мишка Кошевой, захваченные революционным анархизмом, на это не были способны, а потому и продолжали свержать, разрушать, воевать... Для них важнее было, по их ограниченности, торжество догматики, а не новой жизни. Что же касается «страшного одиночества» Григория Мелехова, то несущих правду всегда немного и они всегда

одинок. Ну а правда, как понятно, определяется отнюдь не парламентским большинством... И она остаётся в романе за такими как Григорий, а не за такими начётчиками как Мишка Кошевой.

Но самые проницательные читатели и критики «Тихого Дона» и в советский период утверждая, что это «сама история», вместе с тем чувствовали поднимающуюся с его страниц мощную, невероятную силу народного духа, удивлявшую тем, как она могла сохраниться, как могла уберечься после духовных и социальных потрясений: «Происходит поэтическое чудо, которому трудно дать логическое объяснение» (А. Макаров, «Поколения и судьбы», М., «Советский писатель», 1967).

«НЕПРАВИЛЬНЫЕ» БОГИ

Мне-то всего лишь и хотелось сказать о том, что «Тихий Дон» М. А. Шолохова — уникальное явление во всей русской литературе. Это не исторический, не семейно-бытовой, не военный роман, каким его пытались и всё ещё пытаются выставить. Мне-то всего лишь и хотелось указать на то, что без рассмотрения его библейской и православной основы невозможно понять, что именно изображено в романе, что он вообще собой являет. Мне-то и хотелось всего лишь призвать исследователей, если такие ещё сохранились, отбросить позитивистскую, материалистическую основку, как бесполезную, и заняться духовным смыслом «Тихого Дона». Но основные понятия в нашем общественном сознании всё ещё остаются истолкованными в согласии с революционным сознанием, то есть превратно. Слишком далеко мы уклонились от первоначальных и истинных представлений о человеке и о литературе. словно не замечая того, что история русской литературы у нас выстроена в согласии с историей революционной борьбы, «освободительного движения» в собственной стране. По сути, история народа, духовный смысл истории варварски подменён историей революционной борьбы, что чревато новыми потрясениями. На такой мировоззренческой основе невозможно само наше народное и государственное бытие...

Роман «Тихий Дон» — о революции и Гражданской войне, о грандиозной духовно-социальной катастрофе. А это значит, что надо честно рассмотреть природу всякой революции, как феномена мировой истории, выявить её духовный смысл, а не повторять идеологемы самих революционеров, формулируемых ими в своё оправдание. Наша история и наша народная судьба принадлежит не только им. Судя по революционному XX веку, по итогам двух в одном веке сокрушений русской государственности, она им принадлежит менее, чем кому бы то ни было.

Я не против революций. Да и смешно было бы «хотеть» или «не хотеть» их, если это — неуправляемая стихия, с которой и царям не совладать. Что делать, коль они наступают с железной неизбежностью и причины их не вполне ясны. Предлагавшиеся социальные причины — о равенстве и братстве это — не причины. Социальные только объяснения их — не объяснения. Я всего лишь о том, что истинные причины революций люди должны хотя бы приблизительно понимать. Правда, это понимание и знание, как уже бывало, не удерживало их от соблазнов и ровным счётом ничего не изменяло...

Первое и главное: всякая революция имеет духовную природу и первопричину, а не социальную. Социальные проблемы встают потом, на развалинах разрушенного революцией. Это — прежде всего бунт против Бога. Революционер отрицает существующий порядок вещей, существующую государственность вне зависимости от того, отвечают

они интересам народа или нет. Он строит «новый мир», точнее декларирует его строительство. То есть, берёт на себя дела Божеские. Ставит себя на место Бога...

Цель революции — разрушение существующего порядка вещей. И других целей она не имеет. Всякая революция по самой природе своей является понятием отрицательным. Она разрушает существующий уклад жизни. И уж только потом на его развалинах, на иных идеях и, как правило, другими людьми ценой невероятных усилий, страданий и жертв создается новый уклад жизни, никому пока неизвестный. «Понятие революции есть отрицательное, — писал Сергей Булгаков в сборнике «Вехи», — оно не имеет самостоятельного содержания, а характеризуется лишь отрицанием ею разрушаемого» (М., 1909). Никакого «созидательного разрушения» не бывает. Этот оксюморон придуман идеологами революции в своё оправдание. Да, после разрушения наступает созидание, но уже не на революционных идеях. Совсем иных, даже тогда, когда официально декларируется революционность. Никакая революция не достигает декларируемых её вершителями целей свободы, социальной справедливости, равенства. В результате революции выходит не то, что ожидалось.

Революции являются следствием преобладания в обществе и в народе некоего отвлечённого, умозрительного образа мира, насильственное насаждение которого не может не вызывать конфликты и катастрофы. Это — уклонение от естественного порядка вещей, что чуждо природе человека и законам его земного бытия. Декларации же о том, что революция совершается для народа, в его интересах является обыкновенной идеологической уловкой: «И нельзя поверить — этому положительно противоречит множество фактов, — чтобы социальная революция производилась только для блага народа, чтобы это было только гуманистическое движение, выразившееся в искажённых формах» (Н. Бердяев). Это, кстати, хорошо понимает и Григорий Мелехов, говоря о том, что «спутали нас учёные люди». То есть, «учёные люди» принесли такую «теорию», такой образ мира, на котором он существовать не может... Это «теория» разрушения, а не созидания. Декларации о том, что она якобы освобождает человека от гнёта, абсолютно не соответствуют реальности.

Революционер приходит в этот мир не познавать его, а переделывать. Причём вне зависимости от того, каков этот мир, порочен он или совершенен. Причина его деятельности, его бунта находится не в мире, а в нём самом.

Почему революционер, борющийся за свободу человека, в конечном счёте, умаляет человека? Это имеет глубокую духовную и метафизическую основу. Ведь человек создан по Божьему образу и подобию. Снизвергающий Бога, разве оставит в покое человека?.. Революционер, ставя себя вместо Бога, тем самым хочет, чтобы люди были по его образу и подобию, а не по Божьему. И ведь «исправляет» людей, предпринимает безумие «перековки» их. А как иначе, если его цель и задача — исправление рода человеческого... Такая декларация свободы и вместе с тем умаление человека объяснима тем, что революционное «учение» строится «на признании безусловного примата общественных форм пред естеством человеческого духа» (М. Гершензон, «Вехи»).

Свобода же человека выходит из всей его жизни, если выходит вообще. Это вершина всего его развития. Революционер же поступает наоборот, начинает со «свободы». Причём, не в качестве идеала, а потому, что его воззрения на метафизическом уровне свободы не предусматривают и не предполагают...

Какой-то непростительный блуд ума и соблазн души. Причём, не зависящий от уровня цивилизации общества, образованности людей. Это такой феномен, который не изживается образованием и наукой. Он присутствует во всяком обществе всегда, изменяя свои формы проявления. И вызывается отнюдь не социальной несправедливостью и не тем, что «душа моя страданиями человеческими уязвлена стала».

Скорее, какой-то неизбывной потребностью, заложенной в человеке, заявить о себе в этом мире. Одерживая верх, революционер устраивает такую диктатуру, приносит такие страдания человеческие, какие не идут в сравнение с дореволюционными. Да и понятно, ведь разбуженный в народе анархизм, пробудившийся хаос, надо гасить любой ценой, забывая и об идеалах, и об идеологии, обо всём...

И. Бунин заметил, что все революционеры какие-то одинаковые и неизменные. И, действительно, поражает однотипность «учения» революционеров всех времён. Но это и вселяет надежду на то, что люди в массе своей, в конце концов, постигнут его истинный смысл.

В. Белинский в письме к В. Боткину 8 сентября 1841 года писал: «Новый мир открылся предо мною. Я всё думал, что понимаю революцию — вздор — только начинаю понимать... Но смешно и думать, что это может сделаться само собою, временем, без насильственных переворотов, без крови. Люди так глупы, что их насильно надо вести к счастью. Да и что кровь тысячей в сравнении с унижением и страданием миллионов». Примечательно для «великого критика», что этот открывшийся ему новый мир и счастье революции сопровождался странным вопросом: «А русские ли мы? Мы люди без отечества». И — ещё более странной враждебностью к искусству: «У меня рождается какая-то враждебность против объективных созданий искусства». И это закономерно. Такова тёмная сила этого революционного «учения», что она выжигает вокруг себя всё живое... Это неизбежный комплекс революционера.

В мире много беззакония и несправедливости, человек далеко несовершенен и совершенство его не зависит от цивилизации и прогресса. Скорее, наоборот. Это несоответствие и противоречие может становиться роковым... Я же говорю только о природе революции, об этом великом самообмане, свидетельствующем о том, на каком низком уровне развития мы все ещё находимся.

О том, что всякая революция в истории человеческой цивилизации имеет именно такой смысл, свидетельствует тот факт, что революционер непременно разочаровывается в итогах революции, разочаровывается в результатах им же содеянного. Это очень важное обстоятельство, свидетельствующее о том, что его идеи изначально были столь упрощёнными и даже примитивными, что ни к какому положительному, созидательному результату привести и не могли. Но поди ж ты, верили в созидательную силу того, что несло в себе только разрушение. Хотя лучшие умы пытались их переубедить в этом. Как мы теперь знаем, очень многие из тех, кто жаждал революции, надеялся на её благотворное обновление жизни, приближал её, сразу же разочаровались в ней. И теперь, дабы не признать свою непредусмотрительность, а по сути, интеллектуальную несостоятельность, революционер перекладывает вину на внешние обстоятельства, на то, что революция пошла «неправильно». А пойдя она «правильно», то принесла бы благотворные плоды. Какая наивность и умозрительность...

Этот мыслительный комплекс революционера, или кодекс — поражает своей умозрительностью и абсолютной оторванностью от реальной жизни. Сводится он к следующему. В благотворном огне революции должно сгореть всё плохое, а хорошее — остаться. Как слепая беспощадная стихия должна всё это разделить, им, кажется, и в голову не приходило, настолько ослеплял их положительный смысл революции.

Л. Толстой отмечает в дневнике 1905 года. Заметим, в дневнике, куда заносятся самые сокровенные мысли: «Революция только та благотворна, которая разрушает старое только тем, что уже установила новое... Русская революция должна разрушить существующий порядок, но не насилем, а пассивно, неповиновением».

Из этого откровения великого писателя мы узнаём, что революции бывают благотворными и, видимо, неблаготворными. И что революции бывают без насилий. Но если так, то это уже не революция, а нечто иное. И что примечательно, уже в самом начале революционной эпохи Л. Толстой «распознал» «обновляющую» силу революции, её мировое значение и преемственность: «Как французы были призваны в 1790 году к тому, чтобы обновить мир, так к тому же и призваны русские в 1905». На эту обновляющую силу французской революции, как и всякой иной, можно привести чудовищный факт, прямо-таки символ революции. У тогдашней передовой европейской революционной элиты было увлечение, говорящее о её необыкновенной прогрессивности, или даже шик — переплетать книги, в том числе и священные, человеческой кожей. В музее Карнавале в Париже, хранится датированный 1793 годом небольшой томик конституции Первой французской революции, переплетённый в человеческую кожу... Была такая «техника» официально разрешённая в XVII веке, в среде высших сословий сохранившаяся даже в XIX веке («Загадки истории», № 39, 2017). Вот он, символ, образ революции — конституция в переплёте из человеческой кожи...

Н. Бердяев писал о том, что Л. Толстой «морально уготовлял историческое самоубийство русского народа» и что «Толстой сам, вероятно, ужаснулся бы этому воплощению своих моральных оценок». Ужаснулся бы тому, что сам уготовлял или нет, этого мы знать не можем. А вот с другим суждением философа нельзя не согласиться: «Возвышенность толстовской морали есть великий обман, который должен быть разоблачён». Уже хотя бы потому, что эта «мораль» находится вне православного народного понимания вещей этого мира.

Александр Блок просит благословения у Богородицы на своё неустаревающее дело поэта, на свой жизненный путь: «Ты, поразившая Деницу,/ Благослови на здешний путь./ Позволь хоть малую страницу/ Из книги жизни повернуть./ Дай мне неспешно и не лживо/ Поведать пред лицом Твоим,/ О том, что мы в себе таим,/ О том, что в здешнем мире живо». И в то же время не отвергает земную Церковь, принимая её такой, какова она есть. Другой ведь нет, и только она является, скажем так, — посредником между человеком и Богом:

*Но не за вами суд последний,
Не вам замкнуть мои уста.
Пусть церковь тёмная пуста,
Пусть пастырь спит, я до обедни
Пройду росистую межу,
Ключ ржавый поверну в затворе,
И в алом от зари притворе
Свою обедню отслужу.*

Л. Толстой в отличие от А. Блока отвергает земную Церковь, всю её обрядность, считая её излишней, отвергает посредническую роль Церкви между человеком и Богом. От веры же совсем, вроде бы, и не отрекается. Но желает получить её лично от Бога, без всяких там «посредников», хотя прямое общение с Богом для смертных невозможно. Хотел писатель того или нет, осознавал он это или нет, но тем самым, он уподоблял себя Моисею, который говорил напрямую с Богом, и получал от него для людей Откровение Завета, «которого Господь знал лицом к лицу» (Второзаконие, 34:10). Или писателя Л. Толстого Господь тоже знал «лицом к лицу»? Зная Пятикнижие Ветхого Завета Моисея и оставленные Л. Толстым писания о «поисках Бога»

и смысла жизни, мы можем однозначно говорить о том, что они не идут ни в какое сравнение по своему духовному и интеллектуальному уровню. И что самонадеянность писателя Л. Толстого была ничем не оправданной. Он лишь принял, оправдал и обосновал наметившееся в то время несчастье каинитского отпадения людей от Бога, а не противостоял этому несчастью. А потому характеристика ему дана абсолютно верно: «Зеркало русской революции», но не «эхо русского народа», каковым является другой, поистине великий русский поэт — Александр Сергеевич Пушкин. Бога ведь «не ищут». В Него верят или отвергают Его. «Искание» Бога характеризует первую стадию сомнения в Нём и дальнейшее неизбежное отпадение от Него...

«Несвоевременные мысли» великого пролетарского писателя М. Горького — то же разочарование результатами революции, свойственное почти всякому революционеру: «Всюду, внутри и вне человека, опустошение, расшатанность, хаос и следы какого-то длительного Мамаева побоища». Странная нелогичность: уготовлял побоище, звал бурю, пробуждал безумство, а потом удивлялся, что именно это наступило. Впрочем, М. Горький «разрешил» всё просто и безмерно цинично — жестокость революции он отнёс на жестокость русского народа: «Жестокость форм революции я объясняю исключительно жестокостью русского народа». Попутно надо отметить, что русофобия революционера является неизбежной спутницей его специфического сознания. Ведь революционной ломке препятствует самобытность народа, его дух. Но жестокость и цинизм по отношению к своему народу потрясают: «Как евреи, выведенные Моисеем из рабства Египетского, вымрут полудикие, глупые, тяжёлые люди русских сёл и деревень — все те, почти страшные люди и место их займёт новое племя — грамотных, разумных, бодрых людей» (М. Горький). Кто действительно был «полудиким» и «страшным» — народ, вынесший и преодолевший уготовляемое ему «счастье» или писатель, несущий такую «просвещённую дичь» со всей определённой показав революционный XX век. Но подобной человеконенавистнической селекции, которую пророчил русскому народу великий пролетарский писатель, слава Богу, не произошло...

Как человек с революционным сознанием, которому мешает всё народное, да и сам народ, М. Горький учуял в «Тихом Доне» эту подлинно народную стихию: «Когда читаешь даже такие талантливые попытки дать более или менее связную картину Гражданской войны ...как «Тихий Дон» Шолохова... всё-таки получаешь впечатление, как будто у нас из превосходного бархата делают портянки» (Письмо Е. И. Хлебцевичу, апрель 1929 года, СС в 30 т., Т. 30, М., ГИХЛ, 1956).

Какие они всё-таки единообразные, люди с революционным сознанием, как самонадеянны в своих примитивных человеконенавистнических идеях. Как неизменны эти «идеи» у представителей разных эпох, словно писаны они под копирку. Ну разве отличается чем русофобия великого пролетарского писателя М. Горького от русофобии современного либерального радикала Д. Быкова? Их суждения не то, что сходны, но абсолютно идентичны: «Россия — бросовая страна с безнадёжным населением... Большая часть русского населения ни к чему не способна, перевоспитывать её бессмысленно... Российское население неэффективно. Надо дать ему возможность спокойно спиться или вымереть от старости» (Д. Быков).

Д. Быков издаёт «Горького» в серии ЖЗЛ. Это вполне понятно и закономерно, ведь они родственные, революционные натуры, единомышленники, люди революционного типа сознания, которое во все времена и эпохи остаётся неизменным.

Невольно задаёшься вопросом: а почему нынешние неореволюционеры, верные ленинцы и горьковцы нисколько не стесняются, высказывая такие глупости? Не может же этого не понимать тот же Д. Быков, человек образованный и далеко не глупый, что это, скажем так, нехорошо по отношению к любому народу, тем более к русскому,

среди которого он живёт? И особенно в виду опыта революционного XX века. Или в самом деле уверовали в то, что пришёл «реванш»?.. Какая наивность... И приходишь к выводу, что это говорится не для «населения» России. А для ненавистников России вовне. Так они выражают им свою лакейскую преданность и верность. И всё это — всё то же ветхозаветное — служить иным, чужим богам в своей земле...

З. Гиппиус, стихи которой любил М. Горький (стихи А. Блока он не любил, считая их переделками из Верлена), хотя «её писания можно ценить, но их трудно любить» (Г. Адамович), в стихотворении «14 декабря 17 года», посвящённом декабристам, выразила и революционную «преемственность» и разочарование революцией нынешней:

*Простят ли чистые герои?
Мы их завет не сберегли.
Мы потеряли всё святое:
И стыд души, и честь земли.
Мы были с ними, были вместе
Когда надвинулась гроза.
Пришла Невеста. И Невесте
Солдатский штык проткнул глаза.*

Да, революция — невинная Невеста, это уж слишком. Какая-то беспечная романτικότητα, слишком уж не романтическая. Действительно «потеряли всё святое»... И только А. Блок в статье «Интеллигенция и революция» напомнил революционной «интеллигентщине» о её вкладе в катастрофу, постигшую народ и страну: «Значит рубили тот сук, на котором сидели? Жалкое положение: со всем сладострастием ехидства подкладывали в кучу отсыревших под снегами и дождями коряг — сухие полешки, стружки, щепочки; а когда пламя вдруг вспыхнуло и взвилось до неба (как знамя), — бегать кругом и кричать: «Ах, ах, сгорим!».

Архетип всякой революции изложен в книге пророка Даниила. Царю Вавилонскому Навуходоносору, создавшему царство и сделавшему золотого истукана, снились сны. И хотя значение снов никому не было дано открыть, кроме богов, значение сна, тем не менее, толкует царю Даниил, из сынов иудейских. Толкование это сводится к тому, что как и отец Навуходоносора, так и он сам верят в «неправильного» Бога — в золотого истукана, а не в царя небесного, и значит, их царство должно быть разрушено, а они — убиты. Так и свершается: «И ты славил богов серебряных и золотых, медных и железных, деревянных и каменных, которые ни видят, ни слышат, ни разумеют, а Бога, в руке Которого дыхание твоё и у Которого все пути твои, ты не прославил. За это и послана от него кисть руки, начертано это писание. И вот что начертано: мене, мене, текел упарси. Вот и значение слов: мене — исчислил Бог царство твоё и положил конец ему. Текел — ты взвешен на весах и найден очень лёгким. Перес — разделено царство твоё и отдано Мидянам и Персам. Тогда по повелению Валтасара, облекли Даниила в багряницу и возложили золотую цепь на шею его. И провозгласили его третьим властелином в царстве. В ту же самую ночь Валтасар, царь Халдейский был убит» (5: 22–29).

Чем этот архетип, этот библейский сюжет отличается от того, по которому была разрушена Россия с помощью марксизма и провокационной по сути «теории» классовой борьбы, вносящей смуту в общество? Разве только тем, что там в качестве аргумента выдвигается истинный, живой бог, а здесь — «правильная» теория, идеология, «учение», которое всесильно, «потому что оно верно»: «Марксистская идеология

стала для Запада тем тараном, с помощью которого разрушался социокультурный базис военного противника. Ясно, что этот «запрещённый приём» мог быть использован только против страны, которую по большому цивилизационному счёту, своей не считают. Но сама эффективность данного приёма связана была с тем, что внутри страны были найдены достаточно влиятельные и активные силы, которые и сами не считали её «вполне своей», связывая своё незримое отечество с Западом» (А. С. Пана́рин. В сб. «На перепутье (новые вехи)», М., «Логос», 1999).

Разве отличается чем-нибудь этот библейский архетип от того, как сейчас одна великая держава вмешивается в жизнь других стран и народов, под предлогом отсутствия у них «демократии» и «прав человека»? Войны, революции, перевороты как велись и свершались за своих «правильных» богов, за свою веру, так и теперь свершаются за свой образ мира, за свою идентичность, за свою ментальность... Это — прежде всего. А из этого уже выходят так называемые экономические и национальные интересы... Но первопричина, которой пытаются «оправдать» насилие и агрессию — это «неправильные» боги.

Кажется, исследователи пришли уже к стойкому выводу, что на месте убийства последнего русского царя Николая II и его семьи в Ипатьевском доме в Екатеринбурге была начертана эта сакраментальная библейская фраза из книги пророка Даниила. Рукой какого Валтасара она была начертана? Значит тот, кто совершал это преступление, знал библейский смысл происходящего. Знал истинную природу и значение революции. Более того, был уверен в том, что именно по библейскому сюжету всё и свершается, а идеология — это так, — средство, приманка, прикрытие для достижения зловещего замысла завоевания страны...

Совершенно на тех же примитивных постулатах была совершена очередная революция в России 1991–1993 годов, либеральная и криминальная. Ведь что обещалось на мировоззренческом уровне? Обещалась вовсе не модернизация экономики, не построение более совершенного общества, и не только сокрушение советской цивилизации, как якобы «тупиковой». Обещалось сокрушение, уничтожение тысячелетней России: «Мы взяли за ломку тысячелетней российской парадигмы несвободы» (А. Н. Яковлев). Обещалась смена — подумать только — «исторической ориентации» страны, причём по западному образцу, при которой предполагалось даже уничтожение России: «Россия сегодня имеет уникальный шанс сменить свою социальную, экономическую, в конечном счёте историческую ориентацию, стать республикой «западного» типа... Свои проблемы мы должны решать сами, и, если с ними не справимся, мир спокойно отнесётся к крушению российской цивилизации» (Егор Гайдар, «Государство и эволюция», М., Евразия» 1995). Какая-то и вовсе даже логическая несваримость у этого творца новой революции. Апологию революции шулерски называл «эволюцией»... Конечно, это — своеобразный тип мышления, точнее душевного недуга, «смердяковщины», то есть отцеубийства, постигнутого Ф. М. Достоевским. Вот на какой «идеологии» была совершена «либеральная» революция нашего времени. Как и предшествующая, 1917 года, о чём писал Н. Бердяев: «Лакей Смердяков был у нас одним из первых интернационалистов, и весь наш интернационализм получил смердяковскую прививку». Понятно и законно недоумение и возмущение молодого, здравомыслящего исследователя и политика Александра Хинштейна: «Но я, убей Бог, всё — равно не понимаю: почему во имя свободы непременно требовалось уничтожить страну?» Да, действительно это трудно понять, ибо это — недуг души и сознания, не поддающийся ни рациональному объяснению, ни метафизическому анализу. О прикрытии его демагогией о всесильности «рынка» А. Хинштейн пишет точно: «Время показало, насколько примитивно-идеалистически, а порой

и преступны были такие воззрения» («Конец Атлантиды...», М., «Торговый дом «Абрис», 2018).

Если чем и отличается сюжет «либеральной» революции нашего времени от библейского архетипа, то только тем, что это убийство собственной страны и своего народа, предлагалось не представителями других народов, а, вроде бы, своими согражданами. Впрочем, и библейские времена знали эту хитрость брать себе людей «из среды другого народа», таких, которые «служили чужим богам в земле своей». И это при том, что весь Ветхий Завет буквально вопиёт предупреждениями и размышлениями не служить иным, чужим богам, ибо это губительно. То есть, не впадать в труднопредставимое вообще «национальное самоотречение» (В. Соловьёв). «Берегитесь, чтобы не обольстилось сердце ваше, и вы не уклонились, и не стали служить иным богам» (Второзаконие, 11:16). Да это всегда присутствовало в народном самосознании, скажем, в известной песне: «Растерял, потерял я свой голосочек/ Ой, по чужим садам летучи./ Горькую ягоду клюючи...».

Революция совершается не по «учению», не по «теории». В результате её выходит то, чего никто не ожидал. И свершается не от недостатка, а от избытка, когда есть что «экспроприировать»...

И всё-таки революция в России произошла, что называется, по писанному, была предсказана абсолютно, с пугающей точностью. Но не в «передовых» писаниях революционеров. Они-то как раз «пророчили» совсем не то, что вышло. Революция была предсказана русскими писателями, видевшими в ней катастрофу и несчастье.

А вот то, почему эти пророчества не предотвратили революции, не удержали от падения — личность, народ, государство — это сложный, скорее психологический, чем исторический аспект, не нашедший своего осмысления и объяснения. Видимо, потому, что снова торжествуют опять-таки «прогрессивные» и «передовые» «теории», народное же самосознание снова выставляется как нечто консервативное, якобы только мешающее нашему продвижению по пути цивилизации и прогресса.

Оговорюсь ещё раз: я — только лишь о природе революции, о её сущности, а не о том, возможна ли она теперь и когда может быть возможной. Видимо, возможна. Особенно в виду того, что само понятие революции, кажется, окончательно утрачено. Им называют всё что угодно. При этом, преобладающим представлением всё ещё остаётся, что революция — это хорошо... Потому и появляются в толкованиях революции «настоящие» и «ненастоящие». «И Крым и Донбасс стали по-настоящему народной революцией» (Алексей Анпилов, «Завтра», № 32, 2018). Какая же это революция? Зачем называть этим грозным словом, имеющим отрицательное значение, священное право людей защищать свою жизнь? Ну, может быть, — освободительное движение, но не революция же. Но в результате такой подмены мы имеем то, что происходящее там не определено словом. Но коль нет слова, определяющего происходящее, то и само дело оказывается под вопросом. Так что это — вовсе не игра слов.

И поскольку те воззрения, согласно которым революция — это «хорошо» и «священно», то автор газеты «Завтра» А. Анпилов и пытается обосновать и оправдать «революцию» с помощью «Псалтири»: «Не убоюсь зла, потому что Ты со мной, Твой жезл и Твой посох — они успокаивают меня». Но в «Псалтири» говорится о Боге, революционер же Бога свергает... Получается революция с Богом? Такого в истории ещё не бывало.

И тут же — взывания к «Русской революции», (А. Анпилов), то ли происходящей, то ли грядущей... За этим взыванием просматривается одно — неразличение и неопределение ныне происходящего. Революция у нас произошла в 1991–1993 годах.

После неё, как и после всякой революции, начинается реставрация, то есть созидание новой, никому пока неведомой государственности. После революции начала прошлого века, 1917 года, первые признаки реставрации начались через семнадцать лет. После революции нашего времени этот процесс подзатянулся. Вот уже четверть века продолжается вялотекущая либеральная революция. Хотя некоторые реставрационные признаки безусловно происходят. Это — неотвратимый закон. Двух подряд революций не бывает, даже если кому-то этого очень хочется.

А потому звать к революции тогда, когда этого хочется, а не тогда, когда это объективно необходимо, когда в обществе мучительно и трудно идут реставрационные процессы, значит дезориентировать людей, отвращать их от участия в этих реставрационных процессах.

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАСКОЛА

Видимо, мы действительно переживаем теперь какой-то, пока неведомый, но очень важный период своего цивилизационного существования, когда окончательно уяснилось, что теми материалистическими понятиями и представлениями, которыми оперировали ранее, объяснить человека невозможно. Ведь человек объяснялся в основном как социальное явление, а не духовное. А он — не «материальная скотина» (Н. Гоголь). Наиболее проницательные умы ищут сегодня духовный смысл нашей истории и нашей жизни. Это время утраты и обретения смысла своего существования. Видимо, действительно «Время беззаветной веры в моральный и социальный прогресс человечества, добытый с помощью позитивного знания, уходит» (А. Щипков. «Литературная газета», № 19, 2018).

Причём, этот невятный период касается не только России. Это некое общемировое явление утраты смыслов, та «мировая чепуха» (А. Блок), которая обернулась в своё время Первой мировой войной.

На этом фоне для нас всё усложняется тем, что состояние и положение страны в нашем общественном сознании до сих пор не определено. Прошла четверть века после очередной революции в России, на этот раз либеральной, со всеми её родовыми признаками, когда «разрешаются» вопросы власти, собственности и идеологии. Но и столько времени спустя, в общественном сознании так до сих пор и нет консолидированного ответа на вопрос о том, что же именно у нас произошло — «контрреволюция» или новая «революция»? Решили, что это не столь уж и важно... Но за каждым из этих понятий стоит прямо противоположный порядок вещей, действий и образа жизни. А жизнь необъяснённая проваливается в небытие...

Кто скажет, не является ли этот, наш материалистический период в истории человеческой цивилизации, всего лишь кратким эпизодом, неким малым зигзагом мировой истории? Да и что всего лишь двести лет растления духа и бунта разума в сравнении с бесконечностью жизни?.. Ведь мы надеемся жить, надеемся на то, что перебредём эту моровую полосу «опаснейшей из болезней государственного и общечеловеческого целого» (Н. Бердяев).

Совсем иное, чем у революционеров, понимание революции и Гражданской войны предстаёт со страниц «Тихого Дона» М. А. Шолохова. Иное понимание жизни вообще. Вся жизнь в романе протекает по православно-церковному, народному календарю. Всё делается непременно с Богом и крестным знаменем. Друг друга приветствуют не иначе, как с именем Божиим: «Здорово ночевали. Здорово живёте — Слава Богу». Чинно семействами идут в церковь. Солдаты становятся на молитву.

От вечерни в грозу, крестьясь, спешат старухи. Даже детская припевка со Христом: «Дождик, дождик, припусти./ Мы поедem во кусты./ Богу молитца,/ Христу поклонитца». Божье имя не сходит с уст казаков, что называется на бытовом уровне: «Царица небесная, прости меня грешницу», «Заброди с Богом», «Истинный Бог — правда». Даже потом, когда шла жизнь на «сбыв», и человека убивали не иначе, как перекрестясь...

То или иное событие, то или иное дело связывается не с днём месяца, не с числом, а с тем или иным «праздником»: «С Троицы начался луговой покос», «На осенний мясоед назначили свадьбу», «После Покрова стоял выпавший снег», «Ростепель держалась до Михайлова дня», «На второй день Рождества взломало Дон», «До Пасхи о войне не было ни слуху, ни духу»...

Крестное знамение сопровождает человека с рождения до смерти. И даже после смерти остаётся с ним... Иногда кажется и вовсе дежурное, по привычке, вроде бы, творимое, оно тем не менее присутствует с человеком постоянно.

Вот и вовсе комическая ситуация. Пантелей Прокофьевич во время сватовства совершает нечто невообразимое. Видимо, от волнения и всей значимости переживаемого момента: «Пантелей Прокофьевич хотел зачем-то перекреститься, но заскорузлые клешнявые пальцы, сложившись в крестное знамение и поднявшись до половины следуемого пути, изменили форму; большой чёрный когтястый палец против воли хозяина нечаянно просунулся между указательным и средним, и этот бесстыдный узелок пальцев воровато скользнул за оттопыренную полу синего чекменя, а оттуда извлёк схваченную за горло красноголовую бутылку».

И — другое крестное знамение, которое осталось с казаком и после его смерти: «Григорий глянул на третью подводу. Он не угадал мёртвого, но руку с восковыми жёлтыми от табака пальцами приметил. Она свисала с саней, чертила тальний снег пальцами, перед смертью сложенными в крестное знамение».

В разных видах сопровождает человека крестное знамение. Но совсем другая жизнь наступает, когда его не бывает, когда его забывают или когда оно перестаёт что-либо значить...

Это был мир, уклад жизни, складывающийся веками. И этот такой, казалось, незыблемый и прочный мир подлежал уничтожению. Уже рушился на глазах. И люди не знали и не понимали, почему это происходит. Не могли поверить в то, что такое может быть... Что предлагалось вместо него, взамен? Да, новое. Но, разве лучшее и более совершенное? Нет. Предлагался мир без Бога. Но этого никак, ни при каких обстоятельствах не могли принять люди. Вот первопричина трагедии. Не сопротивляться такому безумию люди не могли. Толкователи же «Тихого Дона» зачастую представляли, да и представляют дело так, что казаки по своей отсталости не могли различить, а значит и принять, якобы благотворную «новую жизнь».

Удивительным и невероятным, а по тем временам, кажется, и вовсе невозможным является то, что в «Тихом Доне» М. А. Шолохов приводит молитвы. Три молитвы: «Молитва от ружья», «Молитва от боя» и «Молитва при набеге». Казаки — второочередники с хутора Татарского отправляются на войну, на фронт. Ночевали они на хуторе Ея. Хозяин — высокий дряхлый дед, участник турецкой войны стал наставлять их, как надо вести себя в бою, чтобы уцелеть, остаться в живых. Для этого «надо человечью правду блюсть». Правда же эта состояла в том, чтобы чужого на войне не брать, женщин упаси бог трогать, а ещё молитву такую знать, которая убержёт от смерти. И старик убеждал казаков во всесильности молитвы своим опытом и примером: «Смерть за плечами, как перемётная сума, висела, и жив остался через эту молитву».

Казаки усердно переписывали молитвы, хотя и не все из них. Привязывали их на гайтаны повыше нательных крестов: «Увезли казаки под нательными рубашками списанные молитвы. Крепили их к гайтанам, к материнским благословениям, к узелкам со щепотью родной земли, но смерть пятнала и тех, кто возил с собою молитвы». Но те, кто оставался жив, нисколько не сомневались в том, что спасли их именно молитвы...

Можно понять удивление Сергея Семанова. Это действительно загадочно: как в «безбожную пятилетку» и во время новых гонений на православие и Церковь, могли быть вообще опубликованы молитвы в «Тихом Доне»: «Почему такое случилось, шолоховцами не объяснено. Полагаем, что без сил небесных тут не обошлось». Ну, конечно же, всё в руке Божией. Только ответ на этот вопрос вовсе не обязательно ждать от «шолоховедов», тем более от тех из них, кто просмотрел ранее и эти молитвы в романе и вообще библейскую основу «Тихого Дона». На него скорее могли бы ответить богословы, философы, психологи. Ведь заповеди Божии хорошо известны, никакой тайны не составляют. И весь вопрос в том, как человеку в них поверить.

Что же касается до обстоятельств публикации молитв в «Тихом Доне», то они могли быть такими. Редакторы и издатели, для которых эти молитвы ровным счётом ничего не значили, что-то вроде пережитка прошлого, могли пропустить их в качестве примера и назидания. Смотрите, мол, в какую «глупость» ещё совсем недавно верили тёмные, необразованные люди, пока свет «нового мира», воссиявший вместе с революцией, не «вразумил» их... Хотя и при такой логике вопрос Сергея Семанова всё-таки остаётся...

Как видно по всему, М. А. Шолохов основательно думал над тем, какие именно богослужебные и церковные тексты приводить в романе. Вот и молитвы приводит, не какие-то расхожие, а редкие: «Пример крепкой народной памяти на указанные молитвы, обнародованные Шолоховым в «Тихом Доне» просто потрясает. Не обнаруженные в известных науке изданиях (у Майкова и др.), они вдруг записываются в идентичном шолоховскому варианту в 1962 году. И не на Дону, а в деревне Рубцово Архангельской области от Вишняковой А. С. 1888 года рождения (см. «Русские заговоры и заклинания»), Материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг. Под редакцией проф. В. П. Аникина — М., издательство МГУ, 1998, № 2394, 2397, 2399» (Владимир Васильев).

Да, конечно, нехорошо, коль простоватый, весёлый, нравственно здоровый человек Прохор Зыков, доведённый нуждой до крайности, пустил Библию на самокрутки: «Новый завет был, такая святая книжка — тоже искурил, Старый завет искурил. Мало этих заветов святые угодники написали». Можно увидеть в этом и кощунство. Но это ещё не беда. Жизнь от этого ещё не сдвинулась со своей основы. Ведь есть дед Гришака, который хранит и знает Священное Писание, примеряет его на происходящие события, вразумляет людей. Беда наступает тогда, когда хранитель веры, народного духа дед Гришака как мученик погибает за веру. Но это свидетельствует о торжестве веры, а не о её пресечении...

Среди хуторян, как и всегда, как и везде, есть и такие, которым Бог только мешает. Скажем, такие как Дарья: «Мне он, Бог, зарази ни к чему, он мне и так всю жизнь мешал». Но не они определяли и определяют общую жизнь хутора, общества, народа.

В «Тихом Доне» убедительно показано то, как нехотя, что ли, но неизбежно люди отпадают от своей исконной веры. И не сами по себе, но под воздействием внешних влияний и складывающихся обстоятельств. Казаки, уже участвуя в революционном безбожном деле, вместе с тем ещё носят кресты и считают себя верующими. Участники экспедиции Подтёлкова говорят: «Большевики — большевиками, а в Бога веруем».

А «широколицый красногвардеец» похвально: «Я перед тем, как из Ростова выйти, в церкву ходил и причастие примал». Видимо, это свидетельствует о том, что люди ещё не знают, что совместить одно с другим невозможно. А, может быть, представить не могут, поверить не могут, что такое вообще может быть, когда, как великое благо и необходимость, их будут жёстко и свирепо понуждать огнём и мечом отречься от Бога. Да и как в это поверить, если это невозможно, если такого меж людьми быть не может. Но невозможное оказалось возможным. Ну а потом уже осеняли себя крестным знаменем перед тем, как убить человека. «Врага», разумеется.

Как бы прологом к предстоящим вскоре трагическим судьбам казаков предстаёт Страстная неделя или Великая седмица. В народе её называли ещё Страшной неделей: «В ночь на Пасху небо затянуло черногрудыми тучами, накрапывал дождь. Отсыревшая темнота давила хутор... Подмерные удары церковного колокола отбивали «двенадцать евангелий». Это последняя неделя великого поста, предшествующая Пасхе, посвящённая страданиям Спасителя. Торжественное богослужение этой недели, установленное в древние времена, следует евангельской истории земной жизни Христа. Страстные Евангелия — это благовестие о страданиях и смерти Христа, выбранное из всех евангелистов и разделённое на двенадцать чтений, по числу часов ночи. Это указывает на то, что верующие должны всю ночь провести в слушании евангелий, подобно апостолам, сопровождавшим Христа в Гефсиманский сад. Но казаки ещё не знали, что совсем скоро этот страшный путь Спасителя станет и их путём... Предстоящие трагические испытания сравниваются со страданиями Спасителя, уподобляются им. Это и есть страдания Христовы, выпавшие теперь и им.

Вовсе не случайно, что одновременно со страстным всеношным стоянием в храме, параллельно М. А. Шолохов изображает и другую жизнь, незримо проходившую в хуторе. Вечером в завалухе Косой Лукешки, у которой квартировал Штокман, собирался разный люд. После долгого отсева, отбираются самые недалёкие и ничтожные, человек десять казаков. Среди них, «Штокман был сердцевиной, упрямо двигался он к одному ему известной цели». Сначала резались в подкидного дурака. Потом Штокман «подсунул» книжку Некрасова, затем Никитина. А потом он «подложил» запретную, «гнусного вида беспереплётную тетрадку» — «Краткая история донского казачества», в которой было писано и про Пугачёва, и про Разина, и про Кондратия Булавина. «Добрались и до крайних времён», до казачества вообще: «Доступно и зло безвестный автор высмеивал скучную казачью жизнь, издевался над порядками и управлением, над царской властью и над самими казаками, нанявшимися к монархам в опричники. Заволновались, заспорили».

Так, в малом кругу казаков во главе со Штокманом зарождалась крамола, готовая поразить весь казачий мир. Ведь и одна заразная бактерия может погубить весь здоровый организм.

Здесь в высшей мере примечательно то, что поводом и причиной для волнения и возмущения немногих казаков стала их собственная история, искажённая и тенденциозно изложенная, а также русская литература...

Революция в России носила все признаки иноверного завоевания народа и страны. Во всяком случае, была предпринята попытка такого завоевания. Отсюда, главным образом, весь трагизм происходящего. Ведь так просто духовная и культурная идентичность личности и историческая ориентация страны и народа не меняются. Ну а как же иначе можно расценить то, что снизвергалась прежде всего народная вера, православие, разрушались храмы, а вместо веры с жестокостью и остервенением насаждалась марксистская революционная «теория», которая, якобы могла объяснить человека. На это революционеры обычно отвечают: а кто всё это делал, сами

и делали... Да нет, не так. Десятилетиями, в течение почти двух веков — в культуре, в литературе, в образовании, в воспитании исподволь насаждалось революционное, каинитское сознание, которым в конце концов, люди не могли не быть отравлены. И когда они начали бесноваться, указуют на них и говорят: так они сами... Как это происходит, как берутся люди «из среды другого народа», описано в Библии. Там — опыт тысячелетий жизни человечества. Потому Библия и запрещалась, что содержала этот опыт, который революционерам мешал, обнажал всю несостоятельность их «теории».

В этом отношении примечательна и удивительна тайна вёшенского восстания, которому в «Тихом Доне» уделено столь много внимания и места. Никакой тайны, конечно, нет. Всё убедительно представлено в своём истинном смысле в романе. Тайной она является в том смысле, что так и не стала достоянием общественного сознания, так и не постигнута историками, литераторами, толкователями революции и Гражданской войны в России...

В самом деле, коль монархия оказалась свергнутой, государственность разрушенной, надо было как-то выходить из революционного анархизма. Здесь и стало проявляться то творчество масс, о котором революционеры столь много говорили. В казачестве родилась «формула»: «Советы без коммунистов». То есть против советской власти казаки не выступали: «Воевать нам с вами не из чего. Мы не против Советской власти, а против коммуны...». Более того, оставили Советы, как форму власти, даже в обращении слово «товарищ» оставили. Даже в знаках различия попытались соединить, примирить «красное» и «белое»: на папах крестом красная и белая нашивки. Но были против идеологии, которая отрицает веру и Бога. Открыли фронт, по получили геноцид казачества: «Вёшенская — как окружная станица — стала центром восстания. После долгих споров и толков решили сохранить прежнюю структуру власти. В состав окружного исполкома выбрали наиболее уважаемых казаков, преимущественно молодых... Были образованы в станицах и хуторах советы, и, как ни странно, осталось в обиходе даже, некогда ругательное, слово «товарищ». Был кинут и демагогический лозунг: «За Советскую власть, но против коммуны, расстрелов и грабежей». Поэтому-то на папах повстанцев вместо одной нашивки или перевязки — белой — появилось две: белая накрест с красной...».

Казалось бы, что это новое народное государственное творчество, новая власть будет всячески поддерживать. Но она, блюдя «чистоту» революционной теории, в которой не было места народу, и повела с ним жесточайшую борьбу. «Чистота» теории для неё была дороже самого народа... Такое самоуправление народа революционной власти, оказывается, было не нужно, так как нарушало «чистоту» революционной теории. Вышколенный на таких представлениях Мишка Кошевой, не управлять собирается, а делать совсем иное. Способный лишь на то, чтобы в революции и в войне найти какие-то свои личные выгоды, он, наконец оказался у власти, не зная, что с нею делать: «Боже мой, каким же сукиным сыном был он всё это время, когда рылся в земле, не поднимая головы и по-настоящему не вслушиваясь в то, что творилось кругом... Злой донельзя на себя, на всё окружающее, Мишка встал из-за стола, опра-вил гимнастёрку, сказал, глядя в пространство, не разжимая зубов: «Я вам, голуби, покажу, что такое Советская власть!».

И показывал. И показывали такие же недалёкие люди, как он, вышколенные Штокманами.

Удивителен персонаж в «Тихом Доне» — дед Гришака, дед жены Григория Мелехова Натальи. Он участвовал в турецкой кампании 1877 года. За боевые отличия под Плевной и Рошичем имел два Георгия и Георгиевскую медаль. Доживал век свой

у сына Мирона. Пользовался на хуторе всеобщим уважением за ясный до старости ум, неподкупную честность и хлебосольство. Дед Гришака всё время читает Библию, Евангелие. Под образами у него — стопка церковных книг. Близким это его чтение Священного Писания не вполне понятно. Сноха его, жена сына Мирона, Лукинишна так и говорит Григорию: «Живой, а кубыть трошки умом начал мешаться. Так и сидит дни-ночи напролёт святое писание читает. Иной раз загутарит-загутарит, да так всё непонятно, церковным языком...» Таким «тронутым» он кажется снохе. В хуторе же он пользовался всеобщим уважением именно «за ясный до старости ум». Но дед Гришака хотя и жил неприметно и «остатки жизни тратил на воспоминания», не только читал Библию, но давал свою оценку происходящему с высоты постигнутого им в Священном Писании. Чутко улавливал перемены, происходящие в жизни, распознавал их истинное значение, что остальным было пока неизвестно. Дед Гришака был хранителем духовной основы этой жизни. И как потом выяснится — мучеником за веру, погибая от руки ретивого революционера Мишки Кошевого, со словами Священного Писания на устах...

Григорий Мелехов зашёл проводить деда. Дед Гришака был непременно с Библией: «В горенке сидел дед Гришака, читал затрёпанное, закапанное воском, в кожаном переплёте Евангелие». Читал же он церковные книги основательно, отмечая наиболее важное. В таких книгах никаких помет делать нельзя. А потому отмечали то или иное место воском. Потому в романе Евангелие — «закапанное воском». Дед Гришака — в народном мире, изображённом в «Тихом Доне», занимает особое и исключительное положение. Он значимей и превышает даже священников. Вот он негодует в связи с тем, что поп плохо правит службу в храме, «никудышний служака» и видит в этом знак и признак ослабления веры: «Беда!». А вот священник, отправляющийся на фронт, в полковые духовники, наоборот, говорит о том, что вера в народе крепнет: «Семья, знаете ли, бедный приход. Вот и еду в полковые духовники. Русский народ не может без веры. И год от года, знаете ли, вера крепнет». Прямо противоположная оценка происходящего в действительности. Прав оказался дед Гришака.

«Дед Гришака держал на коленях Библию. Из-под очков в позеленевшей медной оправе он глянул на Григория, открыл в улыбке белозубый рот:

— Служивый? Целенький? Оборонил Господь от лихой пули? Ну, слава Богу. Садись».

И тут между ними происходит примечательный разговор о Библии. И о жизни, о происходящем в ней. Дед Гришака, который «топтал землю шестьдесят девять лет», говорит Григорию, что ему «ить уже под сто пошло». Смее утверждать, что этот их разговор является основным, ключевым для уяснения духовного смысла «Тихого Дона».

Дед Гришака спрашивает Григория и сам же отвечает: «А через чего воюете? Сами не разумеете! По Божьему указанию всё вершится. Мирон наш через чего смерть принял? Через то, что супротив Бога шёл, народ бунтовал супротив власти. А всякая власть — от Бога. Хучь она и анчихристова, а всё одно Богом данная». Замечу, что ранее дед Гришака говорил иначе, только о том, что эта власть антихристова...

И тогда дед Гришака начинает читать Григорию книгу пророка Иеремии — «Слово, которое изрёк Господь о Вавилоне и о земле Халдеев через Иеремию пророка», не сомневаясь в том, что это про наши времена Библия гласит... Приведу это место «Тихого Дона», где цитируется книга пророка Иеремии и в виду его чрезвычайной важности для понимания основного смысла романа и потому, что этого текста читатели не найдут ни в одном современном издании Библии, как, впрочем, не найдут и в дореволюционных её изданиях. И у них есть редкий случай сравнить текст книги

пророка Иеремии, приведённый в «Тихом Доне» М. А. Шолоховым с доступными им изданиями Библии. В «Тихом Доне» написано так:

— Ты не смеись, поганец! Людей на смерть водишь, супротив власти поднял. Грех великий примаешь, а зубы тут нечего скалить! Ась?.. Ну, вот то-то и оно. Всё одно вас изнистожут, а заодно и нас. Бог — он вам свою стезю укажет. Это не про наши смутные времена Библия гласит? А ну, слухай, зараз прочту тебе от Еремии — пророка сказание...

Старик жёлтым пальцем перелистал жёлтые страницы Библии; замедленно, от-
деляя слог от слога, стал читать:

— «Возвестите во языцех, и слышано сотворите, воздвигните знамение, возопийте, и не скрывайте, рцйте: пленён бысть Вавилон, посрамися Вил, победися Миродах, посрамишася изваяния его, сокрушишася кумиры их. Яко прииде нань язык от севера, той положит землю его в запустение, и не будет живяй в ней от человека даже и до скота: подвигнушася, *отидоша*»... Уразумел, Гришака? С севера придут и вязы вам, вавилонщикам, посворачивают. И дале слухай: «В тыя дни, и в то время, глаголет Господь, приидут сынове Израилевы тии, *и сынове Иудины вкупе ходяще и плачуще* пойдут, и Господа Бога своего възыщут. Овцы погибшие быша людие мои, пастыри их совратиша их, и сотвориша сокрытися по горам: с горы на холм ходиша».

— Это к чему же? Как понять? — спросил Григорий, плохо понимавший церковно-славянский язык.

— К тому, поганец, что бегать вам, смутителям, по горам. Затем, что вы не пастыри казакам, а сами хуже бестолочи — баранов, не разумеете, что творите... Слухай дале: «Забыша ложа своего, вси обретающийи их снедаху их». И это в точку! Вша вас не гложет зараз?

— От вши спасенья нету, — признался Григорий.

— Вот оно и подходит в точку. Далё: «И врази их рекоша: не пощадим их, зане со-
гресиша Господу... Отыдите от среды Вавилона, *и от земли Халдейски изыдите*, и бу-
дете яко козлища пред овцами. Яко се аз воздвигну, и приведу на Вавилон собрания
языков великих от земли полунощныя, *и ополчатся нань: оттуда пленён будет*, яко
же стрела мужа силна искусна не возвратится праздна. *И будет земля Халдейска в раз-
грабление, вси грабители ея* наполнятся, глаголет Господь: Зане веселитесь и велере-
чиваете, расхищающе наследие моё...».

— Дед Григорий! Ты бы мне русским языком пересказал, а то мне непонятно, —
перебил Григорий.

Но старик пожевал губами, поглядел на него отсутствующим взглядом, сказал:

— Зараз кончу, слухай: «...Скакаете бо яко тельцы на траве, и бодосте яко же волы:
Поругана бысть мати ваша зело, и посрамися родившая вас: се последняя во языцех
пуста и непроходна, и суха. От гнева Господня не поживут вовек: но будет весь в за-
пустение, и всяк ходяй сквозе Вавилон подивится, *и позвиждет над всякою язвою*
его». (Выделено мной — П.Т.)

— Как же это понять? — снова спросил Григорий, ощущая лёгкую досаду. Дед Гри-
шака не отвечал, закрыл Библию и прилёг на лежанку.

Григорий, раздосадованный не только непонятными словами Библии, но и на са-
мого деда Гришаку, вышел из горенки. И нашёл поначалу всему этому простое, рас-
хожее объяснение: «И вот сроду люди так, — думал Григорий, выходя из горенки. —
Смолоду бесются, водку жрут и к другим грехам прикладываются, а под старость, что
ни лютей смолodu был, то больше начинает за Бога хорониться. Вот хучь бы и дед
Гришака. Зубы — как у волка. Говорят, молодым, как пришёл со службы, все бабы
в хуторе от него плакали, и летучие, и катучие — все были его. А зараз... Ну, уж ежели

мне доведётся до старости дожить, я эту хреновину не буду читать! Я до библиев не охотник».

Тот факт, что человек к старости приходит к Богу, является, по сути, одним из доказательств бытия Божия. Перейдя море житейское, немало нагрешив, как и дед Гришака, по мнению Григория, человек обращается к Богу. Не из одного же страха и беспокойства перед конечностью человеческой жизни, пред вечностью, разумом непостижимой. Мог бы обратиться к какой-то высшей силе вообще. Но человек обращается к Богу.

И всё же потом, возвращаясь с Натальей от тёщи, думал о разговоре с дедом Гришакой о таинственных, непонятных «речениях» Библии. Шли, чужие друг другу больше, чем когда бы то ни было. Наталья естественно злилась на Григория, так как ей стало известно, что на фронте он пьянствовал и гулял. Григорий принимает её упрёки, ссылаясь на то, что и «вся жизнь похитнулась» и на то, что всё у него «помутилось в голове...». Но вместе с тем, услышанное от деда Гришаки, соотносит с происходящим и с собой: «Вот и твой дед Гришака по Библии читал и говорит, что, мол, неверно мы свершили, не надо бы восставать. Батю твоего ругал». На это Наталья сердито ответила: «Дед — он уже умом рухнул! Теперь твой черёд». Расстроенный непониманием, Григорий говорит о своём состоянии: «Я сам себе страшный стал... В душу ко мне глянть, а там чернота, как в пустом колодезе...».

Эта важная сцена беседы Григория с дедом Гришакой противостоит в романе другой — гибели деда Гришаки. Он ведь читал Священное Писание не только Григорию Мелехову, но и Мишке Кошевому. Более того, Кошевому читал не только из книги пророка Иеремии, но и из книги пророка Исаии. Но тот, в отличие от Григория, не задумался над услышанным, над таинственными «речениями» Библии, а просто застрелил старика — хранителя духовной основы жизни. Застрелил потому, что этот мудрец и пророк мешал ему строить «новую» жизнь без Бога.

Но это место в «Тихом Доне» примечательно ещё одной важной особенностью. Дело в том, что текст книги пророка Иеремии, приведённый М. А. Шолоховым в романе, не совпадает с современными изданиями Библии, как, впрочем, и с дореволюционными...

В музее-заповеднике М. А. Шолохова в станице Вёшенской, как я узнал, никаких изданий Библии не оказалось. Но я нашёл издание Библии, текст которой совпадает с тем, который приведён М. А. Шолоховым в «Тихом Доне». Нашёл в частном собрании, у одного моего доброго московского товарища. Это — «Библия сиречь книги Священнаго Писания Ветхаго и Новаго Завета». Это — переиздание Библии 1666 года, вышедшее в 1751 году. Но в таком случае это, уже само по себе, многое изменяет в понимании «Тихого Дона» вообще.

Эта Библия вышла в год знаменитого церковного Собора 1666–1667 годов. Собор растриг и проклял Аввакума в Успенском соборе Кремля. В 1667 году на Соборе вселенские патриархи произнесли анафему всем, кто не согласился с исправлением богослужебных книг и не принимал новую обрядность. Раскол Русской православной церкви и последовавший за ним раскол русского народа на две непримиримые части состоялся. Это мрачное дело продолжают цари Алексей, Фёдор, Софья, Пётр I...

Библия же эта — до «реформенная». То есть, та, по которой жили старообрядцы. Нет никаких оснований утверждать, что М. А. Шолохов читал именно это её издание. Он читал такую же, находящуюся в этой, старообрядческой традиции. До Алексеевско-Никоновской «правки», точнее, порчи церковных и богослужебных книг.

Совершенно ясно, что М. А. Шолохов в работе над «Тихим Доном» обратился именно к такой Библии вовсе не случайно. Уже самым выбором её писатель однозначно

и ясно указал, какой духовной, исторической традиции в истории России он придерживается. Кроме того, тем самым, он не просто сравнил Раскол с новой революционной катастрофой России, но показал последнюю, как неизбежное продолжение Раскола. Это, пожалуй, самый главный мировоззренческий аспект «Тихого Дона». Подтверждений ему множество в тексте романа. Вот почему столь часто в «Тихом Доне» встречаются казаки-староверы, причём в связи с разрешением самых важных и принципиальных вопросов. Эти, отстоявшие друг от друга на два с половиной века трагедии — Раскол и революция — носили все признаки духовной агрессии и катастрофы.

Для такого их сопоставления и уподобления есть все основания. Ведь и феномен российского казачества оформился окончательно после Раскола, в результате его. А потому постижение революционной трагедии русского народа через трагедию казачества стало для писателя естественным.

Революционное крушение России в начале XX века является прямым следствием Раскола Русской православной Церкви и народа в XVII веке и продолжением его. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн (Снычев) видел прямую взаимосвязь между двумя этими несчастьями Церкви, народа и государства: «Расколом принято называть происшедшее во второй половине XVII века отделение от господствующей Православной церкви части верующих, получивших название старообрядцев или раскольников. Значение Раскола в русской истории определяется тем, что он являет собой видимую отправную точку духовных нестроений и смут, завершившихся в начале XX века разгромом русской православной государственности».

Да об этом прямо говорится в тексте «Тихого Дона»: «В угрюмом молчании слушали могучую песню потомки вольных казаков, позорно отступавшие, разбитые в бесславной войне против русского народа».

Вот тут действительно невозможно не прийти в изумление. Как могло так произойти, как случилось, что всё это было опубликовано в столь безбожное время, при тотально господствующей атеистической идеологии?.. Видимо потому, что революционеры состояли не из одних таких как Мишка Кошевой, видевших в революции лишь возможность самоопределения. И не из одних таких, неистовых, как Штокман, который, двигался к одному ему известной «цели». Среди революционеров было немало, действительно образованных людей, хорошо знавших Библию. И они не могли не видеть и не могли не осознавать, что «Тихий Дон» — это приговор их революционному делу... Они могли не допустить его в общественное сознание. Но если публикация «Тихого Дона» всё-таки состоялась, значит, это произошло действительно по Божию Провидению... Нам не дано постичь это своим бедным разумом. Мы можем лишь надеяться на то, что Господь вразумил самых разумных из революционеров. И поскольку Божие дело нам неведомо, мы можем предположить логику таких возможных революционеров, от которых зависело обнаружение «Тихого Дона».

Да, «Тихий Дон» М. А. Шолохова — это приговор революции, происходящему сейчас. И появление его теперь нежелательно, так как будет не мобилизовывать людей, а наоборот отвращать их от борьбы за светлое будущее. Но по самому большому человеческому, цивилизационному, историческому счёту писатель с Дона Шолохов, неизвестно откуда взявшийся, которого, после всего происшедшего в России, вроде, и быть не должно, — безусловно прав... В мировом, в библейском значении эти революции и смуты имеют именно такой смысл, какими он их изобразил... Но мы-то думаем быть не только «сегодня», но и всегда... А потому не будем гонителями истины. То, что он сделал, уже никуда не денешь, уже не утаишь. Спрячем пока истинный смысл его писания за его истолкованием, таким, чтобы большинство людей не поняли и не догадались о том, что постиг и что явил им этот человек...

Надо хотя бы кратко назвать причины Раскола — самой большой трагедии в истории русского народа. Его характер и особенности. И его значение в нашей многотрудной истории вплоть до сегодняшнего дня, ссылаясь на обстоятельные исследования последнего времени.

Всё началось с так называемого византийского соблазна или как ещё называют эту блажь, — византийской прелестью. Возникла идея, совершенно неосуществимая, что было ясно уже при её возникновении, — объединить весь православный мир под единое государственное начало. Создать Великую Греко-Российскую восточную империю со столицей в Константинополе, возглавляемую русским царём. При этом произошла подмена русской идеи, согласно которой Москва — Третий Рим — выступала хранительницей чистоты православной веры. Эта же идея объединения была истолкована чисто политически. Но для этой цели надо было унифицировать русскую и греческую церковные практики. Причём, по образцу греческой. Привести в согласии с греческой обрядность и главное — правку церковных и богослужебных книг.

Совершенно справедливо пишет Б. П. Кутузов, что это был форменный церковный погром: «Реформа была навязана Русской Церкви искусственно, реформа не обоснована ни богословски, ни канонически... является по сути преступлением по отношению к Русской Церкви и обществу... Для проведения церковной реформы вообще не было никаких оснований. История показала, что константинопольский престол был лишь приманкой, чтобы склонить русских к проведению церковной реформы» («Церковная «реформа» XVII в. как идеологическая диверсия и национальная катастрофа», Барнаул, 2008).

В результате такой «реформы» русский народ раскололся на два враждующих лагеря. Цинизм состоял в том, что людей, устоявших в своей вере, — старообрядцев — обозвали раскольниками, якобы отступивших от веры и якобы виновных в том, что народ оказался расколотым. Староверы жестоко преследовались. Церковная литература была переполнена их обличением. Критика «реформы», вплоть до 1917 года, была невозможной и выставлялась как выступление против официальной церкви.

А. В. Пыжиков отмечает, что «в середине XIX века Россия по сути уже была расколота. Когда в конце 1840-х годов правительство отправило по стране несколько исследовательских комиссий, выяснилась ужасающая картина: миллионы русских людей не считали себя приверженцами официальной церкви и крайне враждебно относились к действующей власти. Целые губернии были охвачены раскольничьей фрондой... По сути, была выстроена вторая, параллельная Россия» («Грани русского раскола», М., Концептуал, 2016).

И только полвека спустя после церковных «реформ» власть озаботилась легализацией Раскола в административном отношении. Акт от 8 февраля 1716 года установил запись и двойное налоговое обложение раскольников — двойной оклад. Со времён Екатерины II государство прекращает давление на староверов. В 1800 году уже при Павле I было учреждено единоверие, особая форма отношений синодальной церкви и староверов. И только в 1971 году поместный собор Русской православной церкви отменил клятвы, анафематствования старого обряда. Но и до сих пор в нашем научно-историческом обиходе старообрядчество выставляется как нечто маргинальное, якобы не затрагивающее основ духовной и государственной жизни, «в трудах учёных оно традиционно предстаёт в качестве некоего этнографического чулана, откуда время от времени извлекаются свидетельства далёкой старины» (А. В. Пыжиков). Даже трёхтомный энциклопедический словарь «Христианство» и после Собора 1971 года, пытается убедить мирян, что «старообрядчество есть последование церковной старины в той области, которая касается не существа веры, а внешней церковной жизни, то

есть всего того, что относится к церковному чину и благоукрашению, а равно и церковным обычаям» (т. 2, М., Большая Российская Энциклопедия, 1995).

Вячеслав Козляков в книге «Царь Алексей Тишайший» пишет: «Сторонники старой веры тоже ни в чём не отличались от адептов появившегося официального православия» (М., «Молодая гвардия», ЖЗЛ, 2018). Такая вот историческая «толерантность», говорящая о том, что истинно верующие люди, отстаивать свою веру не должны... Между тем, как честным исследователям давно было ясно: «На вопрос: кто вызвал раскол русской Церкви, кто расколол её, отвечает история и выносит в лице своих наиболее объективных исследователей старообрядчеству оправдательный приговор» (И. А. Кириллов. «Правда старой веры», Барнаул, 2008). Книга написана в 1914 году.

Выдающийся философ, мыслитель нашего времени А. С. Панарин писал: «Церковный раскол XVII века породил опасную цивилизационную трещину в России. Настоящим хранителем цивилизационной самобытности России стала старообрядческая оппозиционная церковь. При этом любителям отождествлять самобытность с косностью и отсталостью следует сразу же напомнить: наиболее перспективные эволюционные сдвиги в России, связанные с зарождением народного предпринимательства, самостоятельного, не зависящего от власти гражданского общества, твёрдого в правилах «третьего сословия», имели своей социокультурной основой именно старообрядчество. Оно породило по-настоящему крепкие и яркие характеры: устойчивые нормы поведения, высокую мотивированность. Напротив, противоположная, сразу же ставшая политически и идеологически господствующей сторона, участвующая в расколе, дала «господскую церковь», в которой канона и ритуала с самого начала было больше, чем подлинной веры» («На перепутье (Новые веки)», М., «Логос», 1999).

Этот малый экскурс в судьбу и историю старообрядчества совершенно необходим для прочтения «Тихого Дона». Из него видно, что старообрядчество занимает центральное место в русском народном самосознании. И главное — М. А. Шолохов в революционной трагедии своего времени видел продолжение Раскола, покушение на народные начала жизни. И в своём романе «Тихий Дон» он изображает, как это нестроение совершается и как человеком преодолевается.

Когда уже стало ясно, что чему противостоит в этой расстраивавшейся жизни, когда вполне определились, кто есть кто в этой, как говорит писатель, войне против русского народа, он третью книгу «Тихого Дона», вроде бы вдруг, начинает с эпического описания «великого раздела», начало которого «намечалось ещё сотни лет назад... Только в 1918 году история окончательно разделила верховцев с низовцами»... Говорится о «великом разделе» между верховцами и низовцами, но соотносится этот раздел с тем расколом народа, который произошёл от раскола Церкви.

Именно казак-старовер, подводчик даёт оценку деятельности революционеров — Штокмана, Ивана Алексеевича, Мишки Кошевого. Они выехали из хутора Чеботарёва в Усть-Хопёрскую. Штокман начал разговор с подводчиком с пустяков. Но скоро перешли к главному. Казак-старовер и говорит: «Ваша власть справедливая, только вы трошки неправильно сделали...». На недоуменный вопрос Штокмана подводчик отвечает: «Потеснили вы казаков, надурили, а то бы вашей власти износу не было. Дурасного народу у вас много, через это и восстание получилось». И далее казак-старовер рассказывает, как в станице Букановской комиссар Малкин расстреливает казаков, несправедливо обращается с народом, что «этот Малкин чужими жизнями, как Бог распоряжается»... Примечательно, что по представлению подводчика Малкин этот самодурствует, а такие права ему от Советской власти не даны: «Мандаты, небось, нету на такие подобные дела...».

В церковной «реформе» XVII века правка богослужебных книг, «книжная справа» занимает центральное место. Б. П. Кутузов пишет, что «шла не правка книг, а их

порча». И подтверждает это конкретными текстуальными примерами. Кроме того, как неопровержимо доказано исследователями, источником, образцом для правки были не древние рукописи из Византии, а современные греческие книги, напечатанные в Париже и в Венеции. Это уже однозначно говорит о том, что эта «правка» была предпринята как духовная агрессия против Русской православной церкви, русской государственности и русского народа... Потому и остаются труднообъяснимыми та жестокость, с которой эта «реформа» проводилась и то зверство, с которым преследовались «раскольники» настоящими раскольниками и отступниками...

Есть факты поразительные в истории нашей духовности и нашей государственности. Как известно, Иерусалимским патриархом для «правки» книг в Алексеевско-Никоновскую «реформу» был рекомендован Арсений Грек. Он воспитывался в иезуитской коллегии в Риме, неоднократно переходил из православия в латинство и обратно, принимал и магометанство и униатство... То есть, для столь важной работы, как правка церковных книг, — он никак не подходил. Вокруг этого в церковных кругах шла, как видно, борьба: «Его арестовывают и отправляют в Соловецкий монастырь. В 1552 г. прибывший на Соловки Никон освобождает этого еретика и религиозного авантюриста и делает его правщиком и переводчиком богослужебных книг» (Б. П. Кутузов). Факт поразительный, говорящий о том, что эта «книжная справа», действительно, была «идеологической диверсией»...

Но самое удивительное и, казалось бы, невозможное состоит в том, что аналогичная «правка» церковных и богослужебных книг в нашей истории уже была. Когда великий князь Василий III, отец первого русского царя Ивана IV Васильевича Грозного предпринял правку книг, он запросил у афонских старцев прислать ему знающего человека. Был выбран Максим Грек, не знающий ни русского, ни церковно-славянского языков. То есть, опять-таки, для такой работы абсолютно неподготовленный. Два года находясь в Крыму, он готовился к этой миссии, но как оказалось, не книжной, а скорее идеологической и политической. Его келья превратилась в пристанище оппозиционеров к верховной власти. За еретическую правку книг он был осуждён двумя церковными Соборами. Впрочем, почему-то канонизирован в наше время, к 1000-летию Крещения Руси... Эта странная миссия Максима Грека на Руси обстоятельно показана в монографии выдающегося историка И. Я. Фроянова «Драма русской истории» (М., Издательский дом «Парад», 2007). В монографии так же даны текстологические примеры «правки» книг Максимом Греком...

Однотипность этих миссий, этих «книжных справ» говорит сама за себя.

А потому на вопрос о том, какую Библию читал М. А. Шолохов, работая над «Тихим Доном», следует ответить, что писатель читал настоящую Библию, не правленную в Алексеевско-Никоновскую «реформу». Ведь даже те отрывки из книги пророка Иеремии, которые приведены в «Тихом Доне», в сравнении с современными изданиями Библии, как, и с дореволюционными, вызывает множество вопросов, свидетельствует, мягко говоря, о небрежном отношении к тексту Священного Писания.

Приведу только некоторые примеры. В современных изданиях Библии: «Возвестите и разгласите между народами и поднимите знамя». В Библии 1666 года, текст которой совпадает с шолоховским: «воздвигните знамение». Совершенно ясно, что это не одно и то же. В назидание поверженным вавилонцам говорится о том, что они прыгали, резвились бездумно как телята и бодались как волы, вот и пришла им за это расплата, отмщение: «Скакаете яко тельцы на траве и бодосте яко же волы». В нынешних текстах: «Прыгали от радости, как телица на траве, и ржали как боевые кони». В первоисточнике, как видим, вовсе не телица, а телята, и откуда-то взялись боевые кони. Такая замена ничем не оправдана, так как волы — животные жертвенные...

Вот павший, разрушенный Вавилон в современных изданиях Библии: «Всякий, проходящий чрез Вавилон изумится и посвищет на все язвы его». Непонятно, почему всякий, увидевший развалины Вавилона, посвищет. В первоисточнике: «Всяк ходяй сквозь Вавилон подивится и позвиждет над всякою язвою его». Позвиждет — это, видимо, — позвиздание — осмеяние, освистание. То есть, всякий проходящий через развалины Вавилона, освищет его, в смысле — осмеёт.

Есть и принципиальнейшие расхождения в переводах Библии, имеющие важное значение для понимания Божеского устройства мира. В ныне издаваемых переводах Библии говорится о том, что Господь раскаялся в том, что сотворил человека на земле: «И раскаялся Господь, что создал человека на земле, и воскорбел в сердце Своём» (Бытие, 6; 6). То есть, Бог якобы совершил «ошибку», создав человека, которую потом «исправляет», изгоняя первых людей из рая, допуская братоубийство Каином Авеля, посылая, наводя водный Потоп, чтобы все, что есть на земле лишилось жизни: «И сказал Господь: истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил... ибо Я раскаялся, что создал их» (Бытие, 6;7).

Но Господь не раскаивался в том, что сотворил человека на земле. Истинно верующий человек не может даже мысли допустить о том, что Бог может совершить «ошибку». Это невозможно. Он размышлял о том, как сотворить человека. Вот как в оригинале, мало чем сходном с переводами: «И помысли Бог, *яко сотвори* человека на земли, *и размысли*». То есть и подумал Бог, как сотворить человека, и поразмышлял. Иными словами, Господь думает о том, как сотворить человека. Но он не раскаивается в своём творении. Господь не говорит, как именно Он создал человека, Он говорит лишь о том, что сотворяя человека, Он хорошо подумал, а значит, таким именно человек и должен быть, каким Он его создал.

Но и сегодня православные читают о «раскаянии» Господа, допуская мысль, что Он может «ошибаться». Если допустить, что Он «ошибался», создав человека, то «можно» подвергнуть сомнению и сотворённый им мир и начать его «переделывать» по своему усмотрению... Вот где таится мировоззренческий исток «оправдания» бунта против Бога. Но Господь однозначно говорит о том, что созданный Им мир, будет существовать вечно: «Впредь во все дни земли сеяние и жатва, холод и зной, лето и зима, день и ночь не прекратятся» (Бытие, 8; 22).

Приводя в «Тихом Доне» истинный, неуправленный текст Священного Писания, М. А. Шолохов, разумеется, знал, чем отличается дореформенный текст Библии, что это была за борьба, в результате которой, такая «книжная справа» была всё-таки совершена. Знал, что это была борьба против православия и русской государственности. Об этом однозначно свидетельствует сам текст «Тихого Дона».

Продолжение следует.

ЦВЕТАЕВСКИЙ ТЕПЛОХОД

Мне 49 лет. Я плыву из Москвы в Елабугу. У меня за спиной... О, все мои беды, проблемы, сомнения просто ничтожны по сравнению с теми, что были за спиной у неё, 49-летней Марины Цветаевой, отплывающей из Москвы в Елабугу ровно 65 лет назад, 8 августа 1941 года.

Пароход назывался «Александр Пирогов». По словам очевидцев, он был замаскирован зелёными ветками, это было бы даже красиво, если б не знать, для чего сделано... Москву уже бомбили, и эта наивная маскировка была от предполагаемого налёта фашистских самолётов.

Марина Ивановна панически боялась бомбёжек, боялась за судьбу сына. А Мур, услышав слова матери о решении эвакуироваться, пишет в дневнике: «...Я не ожидал от матери такого маразма. Она говорит, чтобы я «не обольщался школой...». У неё — панические настроения: «лучше умереть с голоду, чем под развалинами». Она говорит, что будем работать в колхозе. Идиотство! Какого чёрта работать в колхозе — неужели она думает достать себе пропитание этим? ...Утром я ей совершенно ясно и определённо и точно сказал, что в Татарию не поеду. Она ответила, что меня не спросит...».

Такая обстановка была в семье накануне отъезда.

Её провожали Борис Пастернак и Виктор Боков. Когда они спросили, есть ли у неё с собой еда, она сказала: «Буфета разве на пароходе не будет?». Боков побежал покупать пирожки...

8 августа 1941 года Георгий Эфрон записывает в дневнике: «Нахожусь на борту «Александра Пирогова», который плывёт по каналу Москва-Волга. После трагических дней — трагических, главным образом, из-за отсутствия конкретных решений и почти фантастических изменений этих решений, после кошмарной погрузки на борт мы, наконец, отчалили. ...Всего путешествие продлится 8 дней. Окончательное место назначения город Елабуга, на реке Каме. ...Довольно паршиво, но всё, что я мог сделать, чтобы противостоять этому отъезду, я сделал, включая угрозы, саботаж отъезда и вызов на помощь общих друзей...».

8 августа 2006 года. Мы тоже плывём по каналу Москва-Волга. Это гидротехническое сооружение просто поражает! Корабль заходит в узкий «пенал» шлюза, и вода начинает понижаться на 7–8 метров. Стоишь на палубе и потихоньку опускаешься вместе с теплоходом в этом коридоре, определяя по его мокрым стенам, насколько глубоок шлюз. Затем противоположные ворота открываются — и плывём дальше.

Канал решил проблему водоснабжения Москвы. Сейчас 60 процентов воды, которую потребляют москвичи и предприятия российской столицы — это волжская вода!

На 128-километровой трассе канала — 11 шлюзов, 40 плотин, 8 водохранилищ, 5 насосных станций, 8 гидроэлектростанций, всего 240 сооружений. Строился канал с 1932 по 1937 год и, конечно, кроме «технического» памятника — это горький памятник сталинской эпохи.

Любовалась ли Марина Ивановна помпезными воротами шлюзов? Или, глядя на эти берега, вспоминала дочь, мужа, сестру, которые были репрессированы?

Наш теплоход, повторяющий последний путь Марины Ивановны, называется «Герой Александр Головачёв». Сюда, на третьи Международные Цветаевские чтения, собрались те, для которых имя Цветаевой стало не просто любовью, а, наверное, судьбой. Почти сто человек из разных стран мира и регионов России.

Интересно, что почти каждый пассажир «Цветаевского теплохода» так или иначе географически представлял какой-то отрезок жизненного пути поэта.

Директор культурного центра «Дом-музей Марины Цветаевой» в Борисоглебском переулке Э. С. Красовская вместе со своими сотрудниками представляла Москву, где родилась и выросла Марина. Директор музея семьи Цветаевых в Тарусе Е. М. Климова — город детства сестёр.

Л. Б. Владимирова, кандидат медицинских наук, руководитель «Литературной гостиной» Одесского Дома учёных была, можно сказать, посланцем благословенного Волошинского Крыма, где познакомилась Марина со своим будущим мужем Сергеем Эфроном. Недолго были они вместе, недолго были счастливы и, может быть, одно из таких мест, кроме Коктебеля — город Александров Владимирской

области, где сёстры Марина и Ася жили с мужьями и детьми в 1916 году. Александровский музей сестёр Цветаевых представляла на конференции учёный секретарь Э. Б. Калашникова.

Война, революция, эмиграция... Свою книгу «Марина Цветаева в Чехии» привезла из Праги исследователь жизни и творчества поэта Г. Б. Ванечкова.

Из Германии приехала Лилия Цибарт, организатор Цветаевских костров в этой стране. Лилия родилась и жила в Актау Карагандинской области. Вместе с дочерью они сняли фильм «Сказочный Шварцвальд» по главам «Воспоминаний» А. И. Цветаевой.

В Париже живёт сейчас Ирина Ивановна Емельянова, преподаёт русский язык в Сорбонне. Она дочь Ольги Ивинской. Тем, кто знает и любит творчество Бориса Пастернака, не надо объяснять, что значила эта женщина в его судьбе... Ирина Ивановна долгие годы дружила с дочерью Марины Цветаевой — Ариадной Эфрон.

Из зарубежных гостей очаровала всех Сельма Анзира, переводчик произведений М. Цветаевой на испанский и мексиканский языки, она живёт в Испании, в Барселоне.

Любовь Мистрюкова, врач из Минска, везла в Елабугу землю с тех мест, где погиб в 1944 году сын Марины Цветаевой Георгий (об этом чуть позже).

Я представляла Казахстан, Павлодар — город, связанный с жизнью Анастасии Цветаевой. Я была счастлива познакомиться на конференции с теми, кто дружил с Анастасией Ивановой. Это Доброслава Анатольевна Донская — почётный профессор московского Института гуманитарного образования, член Российского дворянского собрания. Это Ирина Сергеевна Исаева, доктор сельскохозяйственных наук, помогавшая А. И. Цветаевой в работе над книгой «Неисчерпаемое». Это литературный секретарь А. И. Цветаевой, искусствовед Станислав Айдинян. Все они, конечно, знают о нашем городе, о том, что живёт здесь внук Анастасии Ивановны — Геннадий Васильевич Зеленин, с которым они не раз встречались в Москве «у бабушки Аси».

На конференции были люди, имена которых для любого цветаевода — просто легенда. Кандидат физико-математических наук Лев Мнухин, писатель из Казани Рафаэль Мустафин, директор Болшевского музея Зоя Атрохина... Это и Даниил Санников, доктор физико-математических наук, сын замечательного русского поэта Григория Санникова. В Данииле Григорьевиче соединились для меня два дорогих имени. Его отец дружил с Павлом Васильевым, а мать (в девичестве Назарбежан) — с Мариной Цветаевой...

Наше путешествие было и горьким, и одновременно — бесконечно радостным, ибо не так уж часто собираются воедино столько единомышленников, понимающих друг друга с полуслова. Наверное, Марина была бы рада, узнав про этот «Цветаевский теплоход»...

Ах, как ёкнуло сердце, когда наш корабль отчалил от пристани, и между кормой и берегом появилась узкая полоска воды, потом она начала расширяться, расти... Почувствовала ли Марина в этот миг, что уплывает из своей любимой Москвы навсегда, навечно? Или всё же надеялась вернуться?..

* * *

Мы разместились в комфортабельных каютах, нас накормили прекрасным ужином... 65 лет назад, конечно, всё было по-другому. Георгий пишет в дневнике: «Мы плывём в 4-м классе — худшем. ...Мы спим сидя, темно, вонь, но не стоит заботиться

о комфорте — комфорт не русский продукт. ...В смысле жратвы — хлеб с сыром, пьём чай. Мне на вопрос жратвы наплевать. Но чем будет заниматься мать, что она будет делать и как зарабатывать на жизнь?».

Давно уже пытаюсь разгадать тайну её ухода, я вчитываюсь в скупые строки воспоминаний очевидцев, пытаюсь убедить себя, что она всеми силами цеплялась за жизнь, что не плыла в Елабугу на верную гибель. На пароходе она распродала свои вещи, мотки французской шерсти. «Собирала деньги на первое время житья в новых местах», — пишет в своих воспоминаниях Галина Алперс. Значит, хотела жить! А, может быть, собирала деньги, чтобы оставить их потом сыну?..

Первые часы путешествия все мы просто стояли на палубе, у перил, смотрели на отдаляющуюся Москву, на закатное солнце, на волну за кормой. Смотрели — и молчали... Мы шли дорогой Цветаевой.

Утром состоялось торжественное открытие чтений. Как заметил кто-то, наша встреча — конечно, праздник, но там, внутри, это берег уплывающий...

Как сказала на открытии Галина Данильева, замечательный поэт, цветаевед, старший научный сотрудник Московского Дома музея Марины Цветаевой: «Нам честь и участь быть окликнутыми...».

* * *

После обеда 9 августа мы подплывали к Угличу. Удивительной красоты храм — с красными стенами и синими куполами, стоит на берегу, это церковь «Димитрия на крови»...

Сойдя на берег, убеждаешься, что россияне наконец поняли выгоду расположения своих городов на туристических маршрутах. Туристический бизнес процветает. На пристани встретили нас весёлые мужички с гармошкой. Вдоль берега — нескончаемые ряды с сувенирами, одеждой, угличскими часами... Продавцы идут в ногу со временем, с иностранцами бойко торгуются по-английски.

И перед входом в Угличский кремль русские народные песни представляет ансамбль в народных костюмах, артисты добросовестно отрабатывают свой хлеб... Как тут не бросишь денежку в лежащую на земле кепку!

Но вот из века 21-го попадаешь в век 15-й. Сказочный Углич, один из древних городов России. Его основание относят к 937 году, когда посланец княгини Ольги выстроил крепость на высоком берегу Волги.

С Угличем связано одно из страшных и трагических событий русской истории, здесь был убит младший сын Ивана Грозного, семилетний Димитрий. Его зарезали средь бела дня, во время прогулки. Возмущённые горожане расправились с убийцами, а потом комиссия, приехавшая из Москвы, определила, что мальчик «погиб сам, играя с ножичком...». Горожан за «самоуправство» жестоко наказали, и даже колокол, возвещавший о беде, сослали в Сибирь, вырвав ему «язык»...

Сейчас на месте гибели мальчика стоит церковь. Разрешили нам в ней ударить в огромный колокол, возвращённый в Углич из ссылки лишь в 90-е годы ушедшего века. И колокол загудел, воскрешая картины истории...

О, этот угличский колокол, символ поэтов всех времён! Власти и режимы заставляли их молчать — «вырывали язык», ссылали в тьмутаракань... И всё же — пусть через века! — их горячее набатное слово услышат, их правду поймут.

Как мечтала Марина Ивановна, возвращаясь в 1939 году из Франции на родину, быть услышанной — найти своего читателя! Увы, стихов не печатали, книг не

издавали, пришлось зарабатывать на жизнь переводами. Режим обрекал на поэтическую немоту...

9 августа 1941 года Георгий Эфрон пишет в дневнике (по-французски): «Плыви, плыви... И мы плывём. К какой судьбе? Самое глупое то, что вода обычно вкладывает в наши уста слова вроде «судьбы», «будущего» и т.д. Но, кстати, куда я плыву? Я даже, собственно, не знаю. Всё зависит от... всего. Что будет делать мать? Где она будет жить в связи со своей работой: в Елабуге или в Казани? Есть ли десятиклассная школа в Елабуге? Все эти вопросы теснятся в моей бедной голове...

... Главный вопрос — вопрос работы для матери, чтобы обеспечить «жильё и питание», да и плату за мою школу». (Заметим в скобках — у 16-летнего Мура не возникает и мысли о том, что можно поискать работу и для себя...).

И дальше в этой записи — аналитические и откровенные признания автора, позволяющие во многом понять его поведение, взаимоотношения с матерью и другими людьми: «Одним словом: я не люблю людей. 99% людей мне представляются чудовищными существами, это какие-то наросты, раны. Они мне противны. Я всегда в них, в их мнениях, в их манере выражаться распознаю какой-нибудь недостаток или тик, которые мне представляются уродливыми и доминирующими в личности их обладателей. Я жажду гармонии... Плыви, плыви... Пойду на палубу второго класса».

* * *

Утро 10 августа. Мы в Ярославле. У памятника Некрасову экскурсовод, конечно, прочёл хрестоматийное: «О Волга, колыбель моя! Любил ли кто тебя как я...».

Ярославль, основанный в 1010 году, входит в Золотое кольцо России. Смотреть его нужно не один день (а тем более не полдня, как мы)... Но, тем не менее, успели мы и прогуляться по набережной, и сфотографироваться в белоснежной беседке на высоком берегу Волги, и полюбоваться на ковёр из цветов на «стрелке» — традиционном месте отдыха горожан. Успели посмотреть храмы постройки 17 века: церковь Благовещения, церковь Спаса на городу, Фёдоровский кафедральный собор, церковь Михаила Архангела. Архитектура каждого храма — неповторима, схожесть лишь в одном — зелёные купола. В церкви Ильи Пророка (тоже 17 век), которая стоит на центральной площади города, мы побывали внутри, восхитились её убранством, уникальной росписью на стенах. На одной из них изображён конец света: ангелы сворачивают небо. Подумалось о Марине. Наверное, её состояние было близким к этой картине. На земле правил Сатана. Ангелы сворачивали небо...

10 августа 1941 года «Александр Пирогов» сделал остановку. Мур описывает в дневнике, как пассажиры парохода бросились к колхозникам, которые, «пользуясь войной, продают овощи по немыслимым ценам». Отношения с матерью всё ухудшаются: «Мать, забыв о своём упорном желании уезжать, теперь уже говорит о возвращении в Москву. Она говорит, как я говорил в Москве, что люди, едущие в Елабугу, богаты и смогут устроиться и хорошо жить. ... Словом, все как-то устроятся, кроме нас. По правде говоря, перспективы у нас плохи. Я же отказываюсь говорить с матерью о будущем. Я ведь действительно всё это предвидел: и перемену её настроения, и то, что она не на своём месте ни на этом пароходе, ни в Елабуге, я всё предвидел; и я всё сделал, чтобы не уезжать... Она же всё сделала, чтобы уехать, и ей это удалось. Если это ей не нравится, так ей и надо».

* * *

Организаторы третьих Международных Цветаевских чтений, которые назывались «Творчество М. И. Цветаевой в контексте европейской и русской литературной традиции» — Елабужский государственный музей-заповедник и Елабужский Государственный педагогический университет, мэр города Елабуги Ильшат Гафуров сделали всё для того, чтобы поездка стала незабываемой. Восемь дней на теплоходе были насыщены до предела. Работа научной конференции сменялась остановками и экскурсиями, каждый вечер была культурная программа. С нами ехали прекрасные московские актёры: Елена Муратова, доцент института современного искусства, мастер художественного слова, актриса театра киноактёра, и Евгений Радомыслинский, профессор школы-студии МХАТ, которые показали два спектакля: «Поэт Марина Цветаева» и «Цветаева и Пастернак». Во время спектаклей мгновениями казалось, что это сами Борис и Марина перед нами, их жизнь, их любовь...

Незабываемый вечер романа подарили Жанна Кондратенко и Анатолий Лиховицкий, солисты вокальной студии «Орфей» из города Королёва.

В один из вечеров Станислав Айдинян показывал фильм «Сердце поёт» с участием своего отца Артура Айдиняна, очень известного в 50-е годы певца, рассказал о нём много интересного.

Были презентация новой книги Натальи Громовой «Дальний Чистополь на Каме...» и вечер памяти Лидии Либединской.

Был поэтический вечер поэта, председателя русской секции Союза писателей Татарстана Лилии Газизовой и поэта из Москвы Алексея Смирнова.

Дочь известного советского поэта Владимира Луговского Людмила Владимировна Голубкина представила фильм об отце «Жить, жить — любить» (реж. Али Хамраев). Луговской, кстати, в годы войны был в Алма-Ате, участвовал в работе над фильмом Эйзенштейна «Иван Грозный». «Песнь опричников» в фильме — на его стихи.

Словом, теперь остаётся только удивляться — как мы успели так много за восемь дней? Кажется, что эти спектакли, экскурсии, презентации, заседания длились уж никак не меньше месяца...

А ведь ещё были неформальные встречи, знакомства, беседы...

* * *

11 августа. Наш «Александр Головачёв» подплывает к Нижнему Новгороду. Все высыпали на палубу, фотографируются — очень уж красива панорама высокого волжского берега со стенами Новгородского кремля. На набережной стоит огромный памятник Валерию Чкалову. Установлен он был через два года после его гибели, в 1940 году. Значит, пассажиры парохода «Пирогов» тоже видели этот памятник...

«Петербург — голова, Москва — сердце, а Нижний Новгород — карман России», — так говорили о знаменитых нижегородских ярмарках. В начале 20 века с 15 июля по 15 августа в этот город ежегодно съезжались до 200 тысяч человек! То, чем торговали на ярмарках, смогли мы увидеть в музее истории города. Кстати, самой выгодной была торговля солью, так что солепромышленники из казахских степей были вполне вознаграждены за дальний путь...

Как рассказала экскурсовод, пять столетий назад на слиянии Волги и Оки был заложен каменный кремль. Более 20 раз его осаждали враги, но ни разу не смогли взять! Длина стен (вместе с башнями) нижегородского кремля больше двух километров,

высота стен с зубцами — 12 метров, башен — от 18 до 22 метров, а толщина стен на уровне земли — 5 метров! Настоящая средневековая неприступная крепость!

Сейчас сохранилось 12 башен из 13-и. Мы побывали в Димитриевской башне. «Посмотрите под ноги, — сказала наш очаровательный гид. — Обратите внимание на кирпичи!». Кирпичи под ногами были побольше современных, а приглядевшись, можно увидеть в них круговые полосы, так как замешивались они вручную. Между кирпичами — светлый «цемент», сделанный исключительно на яйцах. Вот и лежат эти кирпичики уже 500 лет, не белеют, не рассыпаются, как современные... И ещё тысячу лет простоят!

На рейде в Горьком «Александр Пирогов» стоял два дня. Должно было подойти другое судно, которое повезёт эвакуированных дальше. «На борту делать ни черта, решительно, — пишет Мур в дневнике. — Теперь-то мать начинает осознавать отрицательные последствия своего безумия, заключающегося в том, что мы уехали почти без предварительной подготовки... Я с огромным трудом достал хлеба в Горьком — эвакуированные должны иметь соответствующую бумагу. Все те, кто едут с нами, её имеют. Самая большая разница между нами и остальными членами эшелона Литфонда в том, что у них с собой много денег, у нас же очень мало. Мы вынуждены есть одну порцию супа на двоих».

Несмотря на трудности, сын Цветаевой всё же отмечает окружающую их красоту: «Погода прекрасная, Волга сверкает... Волга очень красивая река, действительно красивая...». Марина Ивановна, видимо, этих красот уже не замечала... С нервотрёпкой и неразберихой они пересели на пароход «Чувашия».

* * *

Вместе со своими новыми друзьями Соколовским и Сикорским 15 августа Георгий гулял по Чебоксарам (где была в это время мать, он не пишет). Город ему очень понравился: «Городок чистенький, с заводами и красивыми видами на Волгу, город-образец, который оставил очень хорошее впечатление... Даже есть кафе, кино, театр...».

И нам, через 65 лет, столица Чувашии понравилась чрезвычайно — город поразил чистотой, уютом, низкими ценами и... своей картинной галереей. Здесь мы увидели полотна Левитана, Коровина, Репина, Сурикова, Шишкина, Айвазовского и многих-многих других корифеев русской живописи. В одном из залов, где представлены картины русских передвижников, меня ждала неожиданная встреча. На стене в широкой золочёной раме висела картина «Горный пейзаж. Дорога в Крым» Виктора Павловича Батурина (1863–1938), долгие годы жившего в Павлодаре, учителя Павла Васильева! Это была словно встреча с близким человеком! Как оказалась картина Батурина в далёкой Чувашии? Видимо, вместе с другими полотнами её передали из Москвы в период организации Чебоксарского музея.

Ещё один «привет из Казахстана» я получила в геологическом музее Чебоксар. Музей действительно уникален, в нём более 3200 экспонатов — камни, минералы из всех уголков мира. А основой послужила коллекция, которую более 20 лет собирал, а семь лет назад подарил городу геолог, лауреат Госпремии Нуриян Аюпович Андрбаев. Удивительные по красоте камни, немало их геолог привёз из Казахстана — Джекказгана, Жайрена, Джамбула, Карагайлинского месторождения. Это малахит, самородная медь, хризопразы и много других.

И главный экспонат музея — огромная друза аметиста — тоже привезена из Казахстана! Камень лежит на отдельном столе, к нему подводят посетителей, предлагают приложить к его поверхности ладонь и почувствовать, как он отдаёт тепло

и «заряжает энергией». Я, конечно, тоже «подзарядилась» казахстанским солнышком, тем более что почти всю дорогу наш корабль сопровождали дожди...

Ещё мне понравился в Чебоксарах сказанный экскурсоводом афоризм, принадлежащий одному из известных чувашских купцов 19 века Прокопию Ефремову: «Не дремли, не плошай, не обижай!».

* * *

Георгий Эфрон, при его требовательности и нетерпимости к людям, высоко отзывался о Дмитрие Сикорском, с которым подружился на теплоходе: «Сикорский очень приличный парень, очень современный, умный, сильный, он умеет говорить, и он остроумный...». А Марина Ивановна сблизилась с матерью Димы — Татьяной Сергеевной Сикорской, замечательной переводчицей, которая вместе с мужем — С. Болотиным сделала достоянием русских слушателей многие песенные шедевры зарубежной классики. Т. С. Сикорская писала дочери М. Цветаевой Ариадне Эфрон в 1948 году (письмо отправлено в Рязань, где жила после отбытия срока в лагерях Ариадна Сергеевна): «...В течение 10 дней пути мы очень сблизились с Мариной Ивановной, читали друг другу стихи, грустили о Москве. Она иногда подходила к борту нашего маленького пароходика и говорила: «Вот так — один шаг, и всё кончено». Мне было даже трудно утешать её тогда — мы все были в очень тяжёлом настроении...».

Большие надежды возлагались на Казань. У Марины Ивановны была бумага от директора Гослитиздата на имя директора Татарского издательства о том, что Цветаева — «переводчица высокой квалификации». Был шанс устроиться на работу. Мур пишет в дневнике ещё 11 августа: «Я твёрдо буду добиваться перевода в Казань. Единственное, что я знаю, это что Казань город с университетом, столица автономной республики. Как бы она ни была убога, Казань всё же большой город, в каком-то смысле культурный центр. Во всяком случае, там мы сможем найти больше занятий, чем в Елабуге...». Но 16 августа, когда пароход стоит на рейде в Казани, Мур благоразумно размышляет: «Сегодня утром мать хотела высадиться в Казани на свой риск и страх, со всем багажом, всё оставить при речном вокзале и попробовать тут же устроиться в Казани, не доезжая до Елабуги. Но я разгромил этот план как слишком рискованный — вдруг ничего не получится?». Они решают ехать до конца — в Елабугу, там оценить обстановку, а потом уж при необходимости вернуться в Казань...

* * *

Наш Цветаевский теплоход подплывает к Казани, издалека виден белоснежный кремль... В этом городе находится музей одного из моих любимых поэтов — Евгения Боратынского, очень хочется в него попасть!

«Вдоль да по речке, вдоль да по Казанке...». На этой самой Казанке, в конце 10-го — начале 11-го века возникло поселение под названием Керман. Это был северный форпост могущественного тогда государства — Волжской Булгарии.

В 2005 году Казань широко отпраздновала своё 1000-летие. Прекрасный современный город, в котором, словно драгоценные камни в золотой оправе, сохранены исторические памятники — такова сегодня столица Татарстана. По историко-культурной ценности и сохранности культурного наследия Казань относится к классу «А» (как Москва и Санкт-Петербург). Кстати, в современных постройках увидела я много

похожего на нашу новую столицу. Цирк, как и в Астане, в форме летающей тарелки. В стеклянной «пирамиде» (правда, поменьше казахстанской) разместился культурно-развлекательный комплекс. Метро в Казани — пока самое короткое в мире.

Но, конечно, туристов больше привлекает старина — кремль, древние постройки.

На территории Казанского кремля к 1000-летию города была построена красавица-мечеть Кул Шариф. По архитектурному замыслу она напомнила мне павлодарскую, но, конечно, более грандиозна.

Рядом с мусульманскими святынями здесь и святыни христианские. В июле 2005 года в Казани Патриарх Алексей II передал верующим Чудотворную Казанскую икону Божией матери. Удивительное путешествие иконы по миру заслуживает отдельного рассказа — Англия, Америка, Португалия, Ватикан... В августе 2004 года папа Иоанн Павел II передал икону в дар русской Православной церкви. Мы поклонились этой святыне в Крестовоздвиженском соборе Казани. Большая очередь верующих стоит перед иконой с ликом Божией матери и Младенцем на руках, богатая риза иконы — великолепной ювелирной работы, украшена более чем тысячей драгоценных камней...

Я поставила свечку за упокой рабы Божией Марины.

Анастасия Ивановна написала после смерти сестры: «Марину убило неверие в Бога...».

Православию в жизни сестёр Цветаевых был посвящён интереснейший доклад, сделанный на конференции Доброславой Анатольевной Донской: «Господь и Бог, я жажду чуда...».

К сожалению, в музей Боратынского я не попала — слишком краткой и насыщенной была наша экскурсия по Казани. Что ж, есть повод приехать сюда ещё раз...

* * *

К вечеру подплываем к Болгару. В 140 километрах от Казани на высоком берегу Волги лежат руины этого древнего города. Вечер просто сказочный: тишина, зеркальная гладь Волги, воздух, настоящий на разнотравье, которым не дышишь, а просто пьёшь его и не можешь напиться...

Великий Болгар, возникший в IX–X веках, был экономическим, политическим и культурным центром Волжской Булгарии. Здесь находилась ставка хана, чеканились монеты, бурно развивались ремёсла... В пригород Болгара под названием Ага-Базар приезжали купцы из Средней Азии, Ирана, Византии, Китая.

Сейчас на месте древнего города — исторический памятник Болгарское городище и небольшая деревня Болгары, жители которой нет-нет, да отроют у себя на огороде какую-нибудь историческую ценность. (Экскурсовод по секрету сообщила, что этой весной, копая огород, сосед обнаружил золотой браслет...). Разумеется, на территории городища ведутся официальные археологические раскопки, ведь каждый метр земли хранит здесь следы материальной культуры прошлого. А с «чёрными археологами» ведётся беспощадная борьба...

Мечети, мавзолеи, ханская усыпальница, Чёрная и Белая палаты, ханская баня. Особенно нам понравился последний объект — остатки бани, говорящий о том, как жили тут люди много веков назад. Это было каменное здание с отопительными каналами, керамическими трубами, печью из песчаника. Пол подогревался, и моющиеся ходили в деревянных сандалиях. Для забора воды с торца здания был устроен водоём. Бани были местом общения, своеобразным клубом.

В мавзолеях поражает мастерство древних строителей — полусферические купола созданы, словно из кружев, из маленьких туфовых кирпичиков. Для улучшения

акустики в углах Восточного мавзолея поставлены керамические трубы — голосники, а в Северном мавзолее резонаторы устроены в форме объёмных сосудов. В этом мавзолее — выставка эпиграфических памятников — надгробных плит. Со всей территории городища собраны эпитафии. Все они начинаются словами о Всевышнем: «Он живой, Который не умирает, а всё живущее умрёт...».

Когда мы поднялись по 150-и ступеням на самый верх большого болгарского минарета и любовались, как солнце, плаваясь и сверкая, садится в волжскую воду, у меня зазвонил сотовый телефон. Все вздрогнули — так нелепо было это чудо цивилизации среди древнего покоя, умиротворения и тиши ны. Звонили мои домашние (где Казахстан, а где Болгар!). И сразу, несмотря на волжские красоты, захотелось домой, на Иртыш...

И всё же, скучать по дому было некогда. Дни и вечера были заполнены до предела... Одно из самых ярких впечатлений — авторский вечер Виктора Леонидова. Если кто-то смотрел фильмы Никиты Михалкова «Русский выбор» и «Русские без России», наверняка вспомнят песни, звучащие в конце каждой серии. Так вот, их автор-исполнитель тоже путешествовал с нами. Виктор Владимирович не просто бард. Он кандидат исторических наук, сотрудник Российского Фонда культуры, автор шести книг и более 500 статей по культуре русского зарубежья. В. Леонидов представил свой новый диск «... стране, оставшейся в названиях...». А его песня «Елабуга» звучала и на теплоходе, и в Чистополе, и на закрытии Цветаевских чтений в Елабужском университете:

*Над берегами раскинулась радуга,
Дождь наконец-то не льёт...
Сердце заволжское, здравствуй, Елабуга,
Город последний её...*

* * *

К пристани Чистополя причалили рано утром, а вечером предыдущего дня, уже в сумерках, проплывали Берсут. На высоком, заросшем лесом берегу виднелись какие-то строения, кусочек пляжа. Здесь, в Берсоте, был интернат для эвакуированных детей. В июле 1941 года из Подмоскovie на Каму были отправлены пионерлагерь и детсад Литфонда. Многих родителей даже не успели предупредить. Да и сами дети, особенно детсадовцы, не поняли, что происходит. Известный актёр Алексей Баталов, который в детстве тоже попал в Берсут, вспоминал: они думали, что их просто перевезли в другой пионерский лагерь...

На борту нашего теплохода находился человек, для которого Берсут и Чистополь были не только названиями, а частью жизни. Даниил Григорьевич Санников рассказывает:

— Борис Алперс, профессор ГИТИСа, писал о моей маме Елене Санниковой (Назабекян): «Она покончила с собой через два месяца после того, как покончила с собой таким же образом Марина Цветаева в соседней Елабуге. Они заранее договорились об этом при своих встречах в чистопольской эвакуации». Конечно, «заранее договорились» — это его домысел, хотя на тему смерти разговоры несомненно велись... О том, что они встречались в Чистополе, когда Цветаева приезжала туда на три дня, есть несколько свидетельств. Прежде всего, это свидетельство Галины Георгиевны Алперс, жены Бориса Алперса. В 1985 году она написала воспоминания о том, как она ехала вместе со Цветаевой на пароходе, как она должна была сойти

в Елабуге. Алперс пишет: «К концу пути я твёрдо решила, что в Чистополе я сойду на берег и, вопреки всем запретам, там и останусь... Я самовольно выгрузилась со всеми вещами на берег и заявила, что дальше не поеду, здесь у меня сестра, так я назвала близкую мне Санникову, жену поэта Санникова...». Марина Цветаева и Мур поплыли дальше, в Елабугу.

— Перед поездкой на эту конференцию, — продолжает Д. Г. Санников, — я позвонил своему брату Никите, который на три года старше меня, и спросил, помнит ли он Цветаеву в Чистополе. Он сказал, что как-то был на рынке вместе с мамой, куда-то отошёл, а когда вернулся, мама стояла с какой-то женщиной. Мама представила её: «Это Марина Ивановна Цветаева». Никита сказал, что это имя ему в то время ничего не говорило... Дело в том, что он не был в Голицыно, где мои родители зимой 1940-го года познакомились с Мариной Цветаевой. Там был я. Помню, как мама, отец и какая-то женщина гуляли по расчищенным аллеям, я с ними, но никакого внимания на эту женщину я, конечно, не обратил, и сказать, что я видел Цветаеву — это будет преувеличением. Хотя формально я её видел...

Галина Алперс вспоминает о встрече на улице в Чистополе: «Нас было четверо: Субботина, Сельвинская, Санникова и я... К нам незаметно подошла Цветаева. «Я здесь два дня, в Елабуге — невозможно, там я совсем одна, хочу в Чистополь, здесь друзья; приехала говорить с Асеевым, он отказывается помочь. Что делать?! Дальше — некуда!!!». С каким отчаянием сказала она последние слова.

«Приезжайте сами, не спрашивайте ни у кого! Я так и поступила. И работу найдёте, мы открываем столовую и все там будем работать», — сказала я, правда, не совсем уверенная, что у неё те же права.

«Как было бы хорошо! — воскликнула она с надеждой. — Я буду мыть посуду», — и она молитвенно сложила свои худые, натруженные руки.

«Ну что вы, Марина Ивановна, вы будете буфетчицей», — возразила ей Сельвинская.

«Нет, нет, с этим я не справлюсь, я хочу быть судомойкой, я хорошо мою посуду».

Разговор шёл совершенно искренне и серьёзно». (Г. Алперс. «Чистопольские воспоминания о Марине Цветаевой», журнал «Русская мысль», ноябрь 2000 г., публикация Д. Санникова)...

Мур пишет в дневнике 18 августа: «Жёны писателей сказали, что они всё сделают, чтобы устроить матери возможность жить в Чистополе...».

И ещё одна цитата из воспоминаний Г. Алперс: «... Мы ещё постояли, поговорили о своих трудных делах, и кто-то полушутя вспомнил местное чистопольское выражение: «Хоть головою в Каму». Выражение это чаще всего применялось по совсем пустяковым поводам.

«Да, да, верно: хоть головою в Каму!» — горячо воскликнула Цветаева, её так же горячо поддержала Санникова, и они, взявшись за руки, отделились от нас и ушли в боковую улицу. На другой день Цветаева, ничего не добившись от Асеева и Тренёва, уехала в Елабугу, где её ждал сын.

Через три дня после этого памятного вечера пришло известие, что Цветаева повесилась в Елабуге, а ещё через несколько дней покончила с собой Санникова...».

— На самом деле, — комментирует Даниил Григорьевич, — мама ушла из жизни 25 октября 1941 года. По свидетельству той же Г. Алперс, она очень боялась предстоящей зимы, говорила о том, что детям будет без неё лучше, о них позаботятся... Так же Марина Ивановна говорила о сыне...

В Чистополе Даниил Григорьевич поехал на кладбище. Нас в первой половине дня повезли знакомиться с городом. Вторая половина была «цветаевской».

* * *

«Чистополь мне очень нравится. Милый захолустный городок на Каме...» — писал Борис Пастернак в письме к старшему сыну. Поэт жил в этом городе с 18 октября 1941 года до 25 июня 1943 года. Дом-музей Б. Пастернака теперь одна из достопримечательностей небольшого камского города. В двухэтажном кирпичном доме по ул. Володарского, 75 — всё, как было при поэте — деревянная лестница, ведущая на второй этаж, кухня, маленькая комната, в которой посередине стен своеобразной каймой-бордюром идёт повторяющийся рисунок: две смотрящие друг на друга птички. Раньше, рассматривая чистопольские фотографии Пастернака, я никак не могла понять, что за странный рисунок у него за спиной, вроде сидящих на проводах ласточек. Может быть, монтаж? Всё объяснилось просто: оказывается, в доме какое-то время был детский сад, и орнамент из птиц достался жильцам «по наследству».

*...Из кухни вид:
Оконце узкое
За занавескою в оборках
И ходики,
И утро русское
На русских голубых задворках.*

Напротив дома до сих пор растут старые липы, которые видел Пастернак, сохранилась и старая аллея посередине улицы...

Поэт в Чистополе перевёл «Ромео и Джульетту» В. Шекспира, сборник польского поэта Ю. Словацкого, писал свои стихотворения. Перевод «Ромео и Джульетты» Борис Леонидович читал в зале Дома учителя в феврале 1942 года.

В Чистополе в годы войны жила целая колония поэтов и писателей, среди них А. Тарковский, А. Фадеев, А. Арбузов, Вс. Багрицкий, Л. Леонов, К. Тренёв, К. Федин, Н. Асеев и многие другие. В большой комнате музея Б. Пастернака развёрнута экспозиция «Чистопольские страницы», где представлены рукописи, письма, фотографии, книги не только самого поэта, но и его окружения.

Борис Леонидович писал из Чистополя письма нашему земляку Вс. Иванову: «Дорогие Тамара Владимировна и Всеволод! — пишет Б. Пастернак 12 марта 1942 года. — Каждый раз, как тут являлось что-нибудь новое, мне всегда хотелось записать это для вас...».

...Много интересных экспонатов в Чистопольском музее уездного города, к примеру, велосипед, сделанный местным умельцем только из деревянных деталей!

В музее — богатейшая коллекция живописи, включающая работы западноевропейских и русских мастеров конца 19 — начала 20 века.

Над высоким берегом Камы парит белоснежный Николаевский собор с 47-метровой колокольной. Он был построен в 40-х годах 19-го века. Николай Чудотворец — покровитель всех, находящихся в пути, значит, и нас тоже!

Очень красивая узорная мечеть зелёного цвета украшает старую часть города. Ей уже 110 лет. Словом, как и в Казахстане, в Татарии мирно соседствуют храмы и мечети, в дружбе живут мусульмане и православные. К началу 19 века в городе и уезде насчитывалось 90 церквей и 144 мечети!

Туристов всегда завозят в фирменный магазин часового завода «Восток». Известные чистопольские часы тут можно купить по себестоимости. Кроме часового завода работают судоремонтный, мебельная фабрика, крупные строительные организации.

В этом году городу исполнилось 225 лет. Первопоселенцами были здесь беглые крестьяне. В середине 18 века их выслали, а новые поселенцы, увидев пустующие пашни, так и называли это место — Чистое поле.

* * *

Если бы, если бы... Если бы Пастернак приехал в Чистополь не в октябре, а в августе... Изменилась бы судьба Цветаевой? Может быть, и нет. Нас водили её дорогами — к дому Асеева, к интернату, к зданию горсовета, где Марина Ивановна в коридоре ждала решения своей судьбы: пропишут — не пропишут в Чистополе.

Мур писал в дневнике: «Меня в Чистополе привлекает то, что это всё же второй город Татарии, после Казани, что там 5 школ, есть культурная молодёжь, сыновья писателей (а также их дочери) — словом, общество, которое, может быть, не такое уж и плохое, во всяком случае, лучше, чем в Елабуге...».

*День тот представить
Ни сил нет, ни вымысла,
Трудно, как в льдах кораблю.
Как написала — простите, не вынесла,
И затянула петлю...*

Может быть, под впечатлением песни Виктора Леонидова «Елабуга» написала я эти строчки:

*То не лёд опасный, ладожский,
Зашатался, заскрипел...
Это берег твой елабужский
Принимать нас не хотел.
Он окутался туманами,
Словно заячьей дохой.
Да с рябиновыми ранами,
Да с Марининой строкой...*

Стихи родились на палубе теплохода, когда мы стояли на Каме, рядом с Елабугой в сплошном тумане. Высокий берег чуть проглядывал сквозь него, клочья тумана стлались по воде, постепенно таяли под лучами солнца. Елабуга пряталась, не хотела пускаться... А, может быть, останавливала, придерживала, чтобы мы сошли на этот берег не в спешке, чтобы ещё раз представили, каково было ей, Марине, 65 лет назад... Полная неизвестность. Ни угла, ни средств к существованию... Сын, ставший чужим, постоянно упрекающий за то, что завезла его в такую дыру...

«... Говорят, мы прибудем в Елабугу сегодня ночью, — пишет Мур. — Нас будет 13 человек (дурная или хорошая цифра?)».

Нехорошей оказалась цифра... Если говорить о мистике, то — со мной согласятся все, кто занимался творчеством Марины Цветаевой или просто любит её стихи — с её именем всегда связаны какие-то неожиданные встречи, мистические совпадения или даже чудеса! Ну, к примеру, чем не мистическое совпадение. Наш теплоход назывался «Александр Головачёв», в честь прославленного героя Великой Отечественной войны. Фамилия московского скульптора, автора памятника Марине Цветаевой в Елабуге — Александр Головачёв! (В соавторстве с В. Демченко). Никогда в своей жизни, в своих многочисленных поездках

не встречала я земляков своей мамы, она родилась в небольшом городке Яранске Кировской области. Познакомившись с Даниилом Григорьевичем Санниковым на Цветаевском теплоходе, я узнаю, что его отец, поэт Григорий Санников, родом из Яранска!

Участницей Цветаевских чтений была удивительная женщина Людмила Борисовна Владимирова, приехавшая из Одессы. Она плыла не только последним путём Марины Цветаевой, но и путём своей мамы, которая эвакуировалась из Ленинграда в Татарстан в августе 1941 года. Маму звали Татьяна Андреевна, она была беременна. Людмила Борисовна родилась 2 сентября 1941 года (в день, когда хоронили М. Цветаеву). Можно представить её волнение, когда, войдя в каюту теплохода, она стала знакомиться с соседкой. Та протянула руку: «Татьяна Андреевна!». Потом Людмиле Борисовне пришлось объяснять, почему слёзы появились у неё на глазах при этом имени...

Елабуга встретила нас ласково и приветливо, как самых дорогих гостей, артисты в национальных костюмах пели русские и татарские песни... Участников третьих Елабужских Международных чтений подвезли к мемориальной площади. Этот уникальный комплекс был открыт благодаря инициативе мэра Елабуги И. Гафурова и Президента Татарстана М. Шаймиева 31 августа 2002 года, во время первых Цветаевских чтений. Площадь Марины Цветаевой с бронзовым бюстом поэта на высоком гранитном постаменте, надпись, повторяющая её автограф, белоснежная полукруглая арка. Очень красивый, торжественный памятник Цветаевой.

В 2003-м году в рамках этого мемориального комплекса открылся литературный музей М. Цветаевой, а в 2005-м был выкуплен из частной собственности дом, где ушла из жизни Марина Ивановна. Сейчас это Дом памяти поэта. В тот же день, 4 июня 2005 года, в здании рядом с литературным музеем открылась Библиотека Серебряного века. Мы с восторгом смотрели на то, что делается в этом небольшом городке для сохранения культурного наследия.

— Город гибели Поэта стал и местом возрождения птицы Феникс — Марины Цветаевой, — сказала Гульзада Руденко, директор Елабужского государственного музея-заповедника.

Кстати, в музей-заповедник, кроме Цветаевского комплекса, входят Дом-музей замечательного русского художника Ивана Шишкина, Музей-усадьба кавалерист-девицы Надежды Дуровой (прототип героини фильма «Гусарская баллада»), музей истории города Елабуги, выставочный зал, художественный салон. Везде мы побывали.

Сейчас Елабуга, население которой не превышает 70 тысяч человек, принимает более 80 тысяч туристов в год!

От новой пристани Елабуги дорога в сам город идёт среди густого соснового леса. Как объяснил экскурсовод, это территория национального парка «Нижняя Кама», созданного в 1991 году. Верхние ветви высоких корабельных сосен уже освещались утренним солнышком, а внизу ещё царил полумрак, чернел бурелом, из которого, казалось, вот-вот выйдут знаменитые шишкинские мишки... Они тут и водились! Елабуга — родной город замечательного художника-пейзажиста И. И. Шишкина, и многие его известные картины написаны именно здесь: «Корабельная роща», «Сосновый бор», «Рожь», «Лесные дали», «Кама близ Елабуги».

В Доме-музее И. И. Шишкина хранится более 20 полотен великого живописца. Одна из картин — «Жатва» появилась в экспозиции необычно. Холст нашли под полом, когда 30 лет назад стали делать ремонт дома. Наверное, художник не очень высоко его ценил, а, может, при каких-то обстоятельствах он был спрятан, сейчас неизвестно...

Ещё один музей — усадьбу Надежды Андреевны Дуровой, легендарной «кавалерист-девицы», личного ординарца фельдмаршала Кутузова, неизменно посещают все туристы. Дурова не только прототип героини «Гусарской баллады», она ведь была и талантливейшей писательницей, чей талант высоко ценили Пушкин, Гоголь, Белинский. Перед старым городским кладбищем, где она похоронена, стоит памятник. Дурова, естественно, на коне и в гусарском мундире...

Мэр Елабуги Ильшат Гафуров, доктор экономических наук, говорит, что сохранение исторической части города власть рассматривает как одно из условий конкурентоспособности созданной здесь экономической зоны. Успехи мэра и его команды подтверждают правильность выбранной стратегии. Так, в 2000-м году по решению ЮНЕСКО Елабуга как город культуры, науки, образования, развитой экономики получил диплом и золотую медаль «Пальмовая ветвь мира». А на следующий год за особые достижения в области экономики город был награждён Почётным знаком Петра Великого. Сейчас в Елабуге — настоящий демографический взрыв, обусловленный не в последнюю очередь вниманием властей к социальной сфере. К примеру, все врачи города имеют свои квартиры. А в одном из новых домов три квартиры пока пустуют — ждут молодых специалистов!

«Думая о будущем — не забывать о прошлом!» — девиз елабужан.

В 2006-м году писательская общественность объявила Ильшата Гафурова лучшим мэром России. Этой награды он был удостоен «за созидательную энергию, развившуюся в создании мемориальных комплексов М. И. Цветаевой, И. И. Шишкина и Н. А. Дуровой, в установке памятника купцу-литератору Д. И. Стахееву и поддержке Международных Цветаевских чтений». Елабужане чествовали своего градоначальника на празднике Сабантуй.

В дореволюционной Елабуге купеческая династия Стахеевых была знаменита на всю Россию. Дмитрий Иванович Стахеев прославился ещё и как талантливый писатель. В 2003 году перед зданием университета ему был установлен памятник, на нём надпись: «Русскому купечеству — благодарные потомки». Кстати, само здание тоже можно назвать памятником, и не только памятником архитектуры, но и памятником любви. После смерти Д. И. Стахеева его жена Глафира Фёдоровна передала 500 тысяч рублей серебром (сейчас это — миллиарды!) городу для строительства епархиального училища. В этом солидном здании и находится сейчас педагогический университет. В нём проводятся международные Стахеевские чтения, на которые приезжают учёные и потомки купеческого рода со всего мира. Недавно в Елабуге открылся музей купцов России. А когда в 1989 году ректор университета Н. Валеев участвовал в «Клубе кинопутешественников» — популярной передаче на ЦТ — и говорил добрые слова о российском купечестве, о его вкладе в культуру, в развитие города, его тут же вызвали в обком и КГБ на «проработку». А через год горком партии чуть было не сорвал организованную Валеевым Всесоюзную научно-практическую конференцию, посвящённую роли купечества в дореволюционной России...

В Елабуге — более двухсот архитектурных и градостроительных памятников, купеческие дома 19 века, что придаёт городу неповторимый облик, привлекает сюда тысячи туристов. Неизменно приезжают они и на Чёртово городище — единственный на территории России наземный памятник домонгольской эпохи. Башня крепости-мечети болгарского периода стоит на высоком мысу над устьем реки Тоймы. С этой высоты хорошо видны и бескрайние речные просторы, и дорога, которой ходила со старой пристани в Елабугу Марина Цветаева, и сам город, его мечети и церкви, утопающие в зелени.

Военная крепость Волжско-Болгарского царства под названием Алабуга появилась на Каме, в устье реки Тоймы тысячу лет назад. После распада этого царства крепость вошла в ханство Казанское. А когда Иван Грозный в 1552 году взял Казань и присоединил её к Московскому государству, Алабуга (тогда уже Елабуга) получила новое название — село Трёхсвятское. Стало оно так называться потому, что царь подарил этому древнему поселению икону трёх Святителей — Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста.

Екатерина II присвоила Елабуге статус уездного города и включила его в Вятское наместничество. А герб выдала такой: «В серебряном поле сидит на пне дятел и долбит оный, ибо там множество сего рода птиц...».

Все эти сведения узнали мы в музее истории города, который, наряду с другими, входит в Елабужский государственный музей-заповедник...

Музей И. И. Шишкина стоит на высоком крутом берегу, заросшем травой. Любуясь на этот двухэтажный купеческий особнячок, я соступила с тротуара и... оказалась в воде, промочила ноги. В густой траве бил родничок. Приглядевшись, мы увидели, что их на склоне — десяток, не меньше. Родниковая вода стекает в Тойму, Тойма впадает в Каму, Кама — в Волгу. Так и Елабуга — один из чистых родников памяти, духовности, красоты, культуры, которые питают будущность России...

* * *

Марина Цветаева писала о каком-то германском городке, мол, если бы здесь жил, или родился, или хотя бы останавливался Гёте, этот городок обрёл бы смысл. «Марина Цветаева оправдала Елабугу», — прозвучало на конференции...

И вот он, дом, где ушла из жизни Марина Цветаева. Она прожила здесь всего десять дней. В то роковое воскресное утро хозяин дома М. И. Бродельщиков со своим внуком уехал на рыбалку. Хозяйка Анастасия Ивановна вместе с Муром пошла расчищать место для аэродрома, всех горожан и эвакуированных направляли на эти работы. Марина Ивановна была в доме одна. И был гвоздь в сенцах — толстый, самодельный, с крупной шляпкой, вбитый в перекладину...

Её любимый Мур писал в своём дневнике ещё 22 июня 1940 года: «...Дума о смерти — преступление, так как означает трусливый уход из жизни в неведомое, которое ещё никто не постиг, потому что никто оттуда не возвращался». А строки, написанные им 31 августа — 5 сентября 1941 года, потрясают и сдержанностью, и скрытой болью. Ему было всего 16.

«За эти 5 дней произошли события, потрясшие и перевернувшие всю мою жизнь. 31-го августа мать покончила с собой — повесилась. Узнал я это, приходя с работы на аэродроме, куда меня мобилизовали. Мать последние дни часто говорила о самоубийстве, прося её «освободить». И кончила с собой. Оставила 3 письма: мне, Асееву и эвакуированным...».

И ещё одна цитата из дневника Георгия Эфрона за 19 сентября 1941 года: «... Страшно всё надоело. Что сейчас бы делал с мамой? По существу (эти два слова по-французски — О.Г.) она совершенно правильно поступила — дальше было бы позорное существование».

Директор Дома памяти Елена Викторовна Поздина рассказывала о последних часах Поэта. Она же была нашим экскурсоводом по Петропавловскому кладбищу Елабуги. Памятник Марине Цветаевой, который стоит сразу у входа, конечно, просто символ. Анастасия Ивановна Цветаева, приехав в Елабугу в 1960 году, поставила крест с надписью: «В этой стороне кладбища похоронена Марина Цветаева».

Споры о том, где на самом деле она похоронена, длятся до сих пор. Одна из предполагаемых могил, с низкой железной оградкой, сплошным ковром заросла земляникой... Ещё в 1913 году, в Коктебеле, Марина Цветаева написала пророческие строки:

*Идѣшь, на меня похожий,
Глаза устремляя вниз.
Я их опускала — тоже!
Прохожий, остановись!
Прочти — слепоты куриной
И маков набрав букет, —
Что звали меня Мариной,
И сколько мне было лет.
Не думай, что здесь — могила.
Что я появлюсь, грозя...
Я слишком сама любила,
Смеяться, когда нельзя!
...Сорви себе стебель дикий
И ягоду ему вслед, —
Кладбищенской земляники
Крупнее и слаще нет...*

Несколько лет назад раздавались голоса о том, что надо произвести эксгумацию, чтобы точно определить, где похоронена М. Цветаева. Но, как пояснили елабужане, согласно геологическим исследованиям, под кладбищем на глубине двух метров — плывуны, земляные пласты сдвигаются. То есть, если даже и разроют эти могилы, Марины там всё равно нет. Да и не нужно этого делать. Поэт — не в земле, не на кладбище, а в своих стихах, в наших душах... Хорошо, что есть место, где можно просто ему поклониться.

Понятней ли мне теперь загадка её ухода? Совсем нет. Тайна стала ещё больше, чем была, она росла во время пути, на теплоходе: как могла Цветаева, великий поэт, видя эти волжские просторы, эти сказочно красивые высокие берега Камы, эту красоту Божию — затаить в себе мысль об уходе?..

Все версии, предлагаемые исследователями, достоверны. И ни одна из них (в отдельности!) не могла служить причиной самоубийства. Конечно, как писала А. Саакянц, это море причин, обстоятельств и поводов.

Война, которую М. Цветаева восприняла как конец цивилизации, конец истории: её любимая Германия напала на её любимую Россию!

Обстановка в стране — страх, недоверие, подозрительность. Репрессированы муж, дочь, сестра Анастасия.

Вечная бытовая неустроенность (хотя, как писала Анастасия Ивановна, «от ударов материального неустройства Цветаевы не умирают»).

Конфликты с сыном, страх за него.

Невостребованность. «Поэтическая немота». А ещё есть версии «вербовки в КГБ», душевного и физического нездоровья и т.д., и т.п.

Но, как пишут психологи, самоубийство не бывает поступком, бывает только процессом.

На кладбище, где лежит Поэт, участники третьих Цветаевских чтений не только возложили цветы. Свершилось действие, от которого у многих заблестели слёзы на

глазах. Сюда, в Елабугу, была привезена земля с могил родных людей Марины Цветаевой. Координатор фонда «Русское зарубежье» Ирина Невзорова (Москва) привезла землю с мест, где покоятся дочь Цветаевой Ирина, умершая в Кунцевском приюте в трёхлетнем возрасте в страшные годы гражданской войны, и муж Сергей Эфрон, расстрелянный 16 октября 1941 года (полигон Коммунарка). Любовь Мистрюкова из Минска привезла землю из белорусских лесов, с того места, где погиб в 1944 году сын — Георгий Эфрон.

Вот так, символически, воссоединилась семья, которую разбросал и сгубил безжалостный российский 20-й век...

Может быть, странно, но гнетущее впечатление от самого слова ЕЛАБУГА — как символа гибели поэта — развеялось именно там, на тихом елабужском кладбище, возле памятного камня, среди огромных сосен. Марина стремилась быть Психеей, духом, душой, самой Поэзией, которой тяжёл и невыносим этот земной быт. Так в чём же тогда трагедия её ухода? Она наконец стала тем, чем всегда хотела быть...

*И палящее солнце уже превращалось в медь.
И спускалась на Елабугу благодать.
Она выбрала эту землю, чтоб умереть.
Она выбрала эту гору, чтоб здесь лежать.
И она не могла не знать, что сюда придут
И поклонятся, и будут читать стихи.
И поэтому — светел её приют.
И могилы — нет. И слёзы у нас легки.
И поэтому — будь навеки благословен
Этот край, этот берег, елабужская вода...
Ведь Марина — не камень, не крест, не тлен.
Это только то, что осталось в нас. Навсегда.*

Москва — Елабуга, 2006

«А В ЗАПЛАТАННОМ САЛОПЕ СХОДИТ НАЗЕМЬ НЕБОСВОД...»

Эта забавная история случилась с моей дочерью Люсей, когда она училась в 10 классе. Проходили советскую классику — поэзию Бориса Пастернака.

Литературу вела дама неопределённого возраста. В её облике выделялась одна выразительная деталь — огромные роговые очки, напоминавшие корабельные иллюминаторы, за которые получила кличку «Водолаз». Она обожала русскую классику XIX и начала XX века, мысленно представляя себя в образах тургеневской Лизы и Незнакомки Блока одновременно. Но и соцреализм оказал своё влияние: преобладал авторитарный стиль преподавания, жёсткое навязывание собственного мнения. Она могла с лёгкостью взорваться по пустяку, зайти в истерическом визге, за что класс её дружно не любил и побаивался.

Но самым опасным было потревожить Водолаза во время «медитации», когда она, медленно проплывая вдоль рядов парт, декламировала наизусть стихи. Манерой чтения Водолаз напоминала Ахмадулину — также растягивала слова и чуточку подвывала. Стихов она знала много, поэтому «медитации» случались частенько. Класс любил их: можно было малость расслабиться, а поскольку Водолаз подолгу находилась к ученикам спиной, соорудить кому-то рожицу, послать записочку или попросту положить голову на руки, прикрыв глаза. Главное — не спугнуть Водолаза. И если подобное изредка случалось, её реакция была молниеносной и истерической. Недаром говорят: «не буди лиха, пока оно тихо».

И ещё было крайне важно не пропустить окончания «медитации» — Водолаз, мгновенно сняв возвышенно-отрешённое выражение лица, начинала пристально всматриваться в лица учеников: насколько отразилась в их глазах глубина великого поэтического слога. Но класс научился мастерски изображать искренний интерес к бессмертным виршам и многозначительно молчать — начинать говорить надлежало только Водолазу. Кто-то закатывал глаза, кто-то их мечтательно прикрывал, а кто-то, подперев рукой щеку, задумчиво глядел в окно. В особо «трудных» случаях сверлился оценивающим взглядом каждый ученик. Результат визуального изучения определялся по интонации голоса — по ней безошибочно угадывалось удовлетворение (или неудовлетворение) от восприятия учениками текста, что существенно влияло на дальнейший ход урока.

В тот день разбирали «Снег идёт» — произведение замечательное, недаром Пастернак удостоился Нобелевской премии именно за сохранение и приумножение традиций классической русской литературы.. Вторую жизнь стиху дал бард Сергей Никитин, положив его на ритмично-музыкальную основу. Я любил эту песню, часто исполняя её под гитару — приятная мелодия лишь подчёркивала гениальность строк...

И вот после небольшого введения в тему Водолаз приступила к привычной «медитации». Зазвучали волшебные строки, пусть и не в самом желанном исполнении.

*Снег идёт, снег идёт.
К белым звёздочкам в буране
Тянутся цветы герани
За оконный переплёт.*

Снегопад, случившийся почти полвека назад поздней московской осенью, вызвал радостное смятение и предчувствие неизбежного очищения земли не только у поэта, но и у комнатных теплолюбивых растений, приютившихся на подоконнике.

*Снег идёт, и всё в смятении,
Всё пускается в полёт, —
Чёрной лестницы ступени,
Перекрёстка поворот.*

Воздушный хоровод стремительных «белых звёздочек» увлекает за собой, обещая скорое облачение всего вокруг в новые роскошные белые одеяния...

Как рассказывала мне дочь, стихотворение заворожило. Я, говорит, совсем забыла о Водолазе, ощущая рядом с собой только тебя и почти явственно слыша твой голос под гитару. Представилось, что мы все снова вместе на даче, под берёзками, у дымящего мангала — один большой, размером с целый мир, позитив...

*Снэг идёт, снег идёт,
Словно падают не хлопья...*

И вдруг!!! Как гром среди ясного неба.

*А в ЗАШТОПАННОМ салоне
Сходит наземь небосвод.*

Идиллический мираж мгновенно исчез. В реальный мир грубо и бесцеремонно вторглась Водолаз. Как — в «заштопанном»?! Почему — в «заштопанном»? С какой стати — в «заштопанном»? Папа поёт не так!

— В «ЗАПЛАТАННОМ»!!! — непроизвольно, почти рефлекторно, протестующе вскрикнула Люся. Класс вздрогнул от неожиданности и напряжённо замер: такой наглости ещё никто не смел себе позволить. Покуситься на «святая святых» — медитацию Водолаза. Неслыханно!

Водолаз как будто споткнулась. Придя в себя через несколько секунд, она резко обернулась в сторону наглеца и, судорожно сглотив, возопила:

— В чём дело, Муратова?! — её взгляд прожигал насквозь.

— В заплатанном! — Уже менее эмоционально повторила дочка. — «В заплатанном салоне сходит наземь небосвод»? А не «в заштопанном»!

Только в этот момент Люся осознала случившееся. Стало закрадываться сомнение: а вдруг папа поёт неправильно? Всё-таки не папа, а Водолаз много лет преподавала литературу, регулярно «медитируя» под «Снег идёт». И если пресловутый салон действительно не «латался», а «штопался», даром это дочке не пройдёт. Даже под ложечкой у неё засосало...

То был момент истины, установить которую мог только сам великий Пастернак — требовался первоисточник.

— Ну, хорошо! Сейчас проверим!

Водолаз с решительным видом ринулась к своему столу. Тяжело плюхнувшись на стул, она резко выгнула переплёт поэтического сборника, и — «хырт-хырт-хырт...» — стала нервно перелистывать страницы. На её щеках играли желваки, лицо заливал румянец негодования. Класс оцепенел: на карту было поставлено многое. В случае правоты Водолазы всем бы досталось по полной — и за жестокий XX век, выкосивший под корень почти всех тургеневских Лиз, и за травлю Пастернака после присуждения ему Нобелевской премии, и за недостаточно пылкую любовь школяров к великой русской литературе. А уж Люсе бы... Лучше про это вообще не думать.

Наконец нужная страница была найдена. Водолаз замерла и... чуть заметно обмякла.

— Действительно... «В заплатанном»... — несколько неуверенно негромко выдавила она из себя.

«У-а-а-аххх...» — глубокий выдох эхом прокатился по классу. В нём переплелись облегчение и восхищение. Десятки восторженных глаз разом устремились на Люсю: вот это знания!

Однако торжествовать было рано. Безусловно, авторитет дочки в классе взлетит до небес, мальчишки ещё больше будут доставать со своей любовью. Но вот Водолаз... Её реакция могла быть непредсказуемой. Конечно, невольный инцидент на уроке мгновенно замялся, ведь развить ситуацию было не в интересах учителя, да и великий Пастернак несомненно остался бы довольным. И тут звонок на перемену вернул всех к жизни.

Придя домой, Люся сняла с книжной полки томик Пастернака. Теперь его бессмертное творчество приобрело для дочери новое звучание. Понятно, что отныне на уроках литературы ей придётся пахать за двоих: Водолаз «заплатанный салоп» просто так не забудет. Как говорится, «взялся за гуж...».

Зато Пастернак стал любимым поэтом дочери, а через год в её аттестате красовалась заработанная усердным трудом, честная «пятёрка» по литературе.

ХРАНИТЕЛЬ СЕКРЕТА

* * *

Общеизвестно: детство — источник творчества. Стихи приходят оттуда. Знаю об этом по себе, у меня много стихов о послевоенном, счастливом (настаиваю на этом!), деревенском детстве. Но читают их, как правило, взрослые. К великому сожалению, я, миновав детство, видимо, разучился говорить с ним на одном языке.

Сохранить в себе такую возможность — особый дар. Этим даром в совершенстве обладает Елена Анатольевна Степанова, учительница начальных классов одной из набережночелнинских школ. В её случае способность к стихосложению и профессия совпали. Ежедневное общение с учениками подпитывает её творческую энергию. Однако, случиться такое совпадение может, наверное, только по взаимной, искренней и бескорыстной любви. Нам, убеждённым седидами, (да и не убеждённым) остаётся только завидовать.

Замечательно, что этот дар не пропадает втуне. Стихи Елены Степановой печатаются во многих детских изданиях: журналах «Мурзилка», «Костёр», «Шишкин лес», «Литературный детский мир», «Литературный Крым». Да и детские страницы журнала «Аргамак. Татарстан» нередко украшают стихи талантливой землячки. Судите сами, как можно не посочувствовать мальчику Вите и его тетрадке: «Тетрадка на Анну Петровну в обиде — // за что она двойку поставила Вите? // Не взялся решать пару нудных задачек? // Зато он фломастером вывел собачек! // Отсутствует в центре окружности точка? // Зато улыбается котик с листочка! // С ним рядом мышонок хохочет счастливо... // Отметка поставлена несправедливо!»?

А как можно объяснить ребёнку, только-только научившемуся говорить, «Почему в саду с рассветом // Появилось много луж?» Да очень просто: «Потому что ночью лето // Принимало тёплый душ!» У папы растолковать это вряд ли получится. Понять малыша способна только заботливая мама, она же, в данном случае, автор замечательного и короткого стихотворения. Этот пример — уже из другого издания, из очень красивой разноцветной книжки «Ни дня без чудес», автором которой стала уважаемая Елена Анатольевна, а выпустило которую Татарстанское отделение СРП в республиканском издательстве «Идел-Пресс» благодаря государственной стипендии Министерства культуры Российской Федерации и техническом содействии Союза российских писателей.

Лиха беда начало! Не успела Елена Степанова стипендию получить, а с ней, широко известной по публикациям детской

поэтессой, уже заключили договора ещё два столичных издательства, решивших, что её стихи будут иметь и коммерческий успех. Редкая, скажу я вам, господа, удача! Редкая, но не случайная. Елена Анатольевна Степанова является призёром, победителем и лауреатом восьми конкурсов детской поэзии, причём шесть из них — международные.

И вот перед нами её новая, замечательно оформленная художником Светланой Неласовой книга «Разговор в шкафу». Формат книги соответствует названию — из шкафа, нарисованного на обложке, выбегают варежки и ботинки, почуявшие что хозяев нет дома. В аннотации к книге написано: «Это только на первый взгляд окружающие нас в домашнем быту предметы кажутся молчаливыми и равнодушными. На самом деле они способны думать, спорить и даже мечтать. Тишина в пустой квартире обманчива. Всюду жизнь! Шторы представляют, что они паруса, мусорное ведро страдает от обжорства, шкаф и подушка хранят в себе секреты, а комбинезон ведёт разговоры с вязаным платком». Не верите? А вы откройте, книжку, если сумеете её приобрести, да прочтите своим детям — они-то сразу и поверят, поймут! Выпустило книжку двухтысячным тиражом ООО «Издательство «Абрикос» в конце 2018 года.

Николай Алешков

РАЗГОВОР В ШКАФУ

Сказала Варежка одна:

— В шкафу такая тишина!

Проснулся Вязаный Платок:

— Да разве я представить мог,
Что буду жить как в страшном сне.
Забыли люди обо мне!

Кричал на Шапочке Помпон:

— Я этим фактом возмущён!

Сказали братья-сапоги:

— Как слышать хочется шаги!
Стоим в шкафу как будто век.
Когда же мы увидим снег?!

И меховой комбинезон

Отвечил с грустью: «Не сезон».

Мы их отыскали

У старой скамейки.

А вскоре они

С удовольствием обе

Совсем незаметно

Зарылись в сугробе.

Перчатки щенок

Обнаружил под снегом.

Но дело закончилось

Новым побегом.

Потом их искали

На скользкой тропинке...

Придётся беглянкам

Гулять на резинке!

ЭТО ВСЁ ПРИДУМКИ ВАШИ!

Это всё придумки ваши —

Что ботинок просит каши.

Ни один ботинок, люди,

Не мечтал об этом блюде!

С удовольствием ботинок

Съел бы парочку маслинок,

Пирожок с румяной коркой,

Восемь блинчиков с икоркой,

САМИ ВИНОВАТЫ!

Вы только представьте,

От девочки Гали

Пять раз за прогулку

Перчатки сбежали!

На снегом усыпанной

Узкой аллею,

Съел бы хлеб с тягучим сыром
И запил бы всё кефиром.

Это всё придумки ваши –
Что ботинок просит каши.

ПРО БУДИЛЬНИК

Последний светильник
В квартире погас.
Подметил Будильник:
– Без четверти час.

Потом он устало
Три раза зевнул:
– И мне б не мешало
Поспать... И уснул.

Во сне он, как пташка,
Порхал над цветком,
Пел песни с ромашкой,
Играл с ветерком.

С кузнечиком ловко
Скакал по лугам,
И с божьей коровкой
Взлетал к облакам.

Бурёнкам с любовью
Букеты дарил,
Лошадок морковью
С ладошки кормил.

Цветы луговые
Им в гривы вплетал...
В итоге впервые
Будильник ПРОСПАЛ.

ПОССОРИЛИСЬ ВАРЕЖКИ

Поссорились Варезжи
Зимним деньком,
И каждая Манюшке
Лепит свой ком.

Что может быть хуже –
Работа стоит!
И Варезка тут же
Другой говорит:

– По глупости сказаны
Колкости мной,
С тобою мы связаны
Нитью одной.

Совсем не для скуки,
Тебя и меня,
Бабулины руки
Вязали два дня.

За дело две крошки
Взялись в тот же миг...
И вот на дорожке
Стоит снеговик!

РЕШИЛ ТАБУРЕТ

Решил табурет
На дубовые ножки
Сначала примерить
С узором сапожки.
А после ботинки
Примерил тайком...
И понял, что лучше
Стоять босиком.

НА ЧТО ОБИДЕЛСЯ УТЮГ

Утюг третьи сутки
Роняет слезинки:
– Я шанса не дал
Ни единой морщинке.
Тепла не жалел
И с простынками ладил.

Меня же ни разу
Никто не погладил.

ПРОЖОРЛИВЫЙ ПЫЛЕСОС

Пылесос в углу вздыхает,
Он задумчив, он страдает:
У хозяйшки Маринки
Нет в квартире ни пылинки.
«Где же грязь? А где микробы? —
Пылесос кряхтит от злости, —
Безупречный вид у пледа.
Я остался без обеда.
Подкрепиться не мешало б.
Принесите книгу жалоб!»

ПРО ХВАСТЛИВЫЙ КАРМАН

Кармашек хвалиться
За час не устал:
— В меня б поместиться
Мог целый вокзал,
И лодка, и парус,
И даже музей,
(А вы мне — про пару
Каких-то гвоздей!),
Сто ящичков сливы
И башенный кран...

Таким вот хвастливым
Был брючный карман.

НЕ СЛУЧИЛОСЬ!

Дыра на штанине
Открыто и смело
На мир восхищённо
Неделю смотрела.

Могла бы с восторгом
Смотреть до сих пор.
Да только заплатка
Закрывает обзор.

О ЧЁМ МЕЧТАЕТ ПОТОЛОК

Потолок смотрел на Пол
И сердито охал:
— На меня поставить стол
Было бы не плохо!
Табурет, ещё комод
И букет из лилий...
Я мечтаю, чтоб компот
На меня пролили.

Скучно так, что просто жуть,
Не сказать словами.
Научитесь кто-нибудь
Бегать вверх ногами!

ПРО ОГРОМНЫЙ АППЕТИТ

Ведро в нашей кухне весь день то и дело
С большим аппетитом всё ело и ело.
На завтрак и ужин (вот это умора!)
Глотало от жадности всё без разбора:
Скорлупки, обёртки и хлебные крошки,
Очистки от свёклы, от лука, картошки.

Коробка от новой весёлой игрушки
И та оказалась в пластмассовом брюшке.
Был тюбик проглочен
с огромным проворством...
Ведро это явно страдало обжорством!

ХРАНИТЕЛЬ СЕКРЕТА

Важнее Шкафа в мире нет —
Ему доверили секрет!
На верхней полке он хранит
Цветной рисунок и магнит,
Из пластилина корабли —
Подарки маме от Ильи.
Ещё бумажный сундучок.
Но до субботы Шкаф молчок!

СТАРЫЕ СКАЗКИ НА НОВЫЙ ЛАД

ТРИ ТОЛСТЯКА

Идёт Тибул, как прежде, по канату.
И снова, как когда-то, брат на брата...
Спор затянулся бедных и богатых
И сказка задержалась на века.
Искать напрасно правых, виноватых,
Когда Фемида наша слеповата
И в мир с балкона смотрят нагло вато
Три толстяка...

МОРОЗКО

Тебя папаша-ирод в лес увёз,
А подобрал добрейший Дед Мороз.
Ввёл в дом и попросил в нём убирать,
Перины по утрам ему взбивать,
Стелить постель, стирать его бельё...
А сердце ледяное — ё-моё! —
Беспрекословно (а иначе как?)
Ты выполняла всё ему «за так»
Год, два, пять, семь — и потеряла счёт...

И как-то раз он сам под Новый год
Сказал, мол, встретил девушку в лесу,
Мол, я сейчас домой её внесу...
А ты... Вот отступной тебе сундук,
И тройка лошадей, и пара слуг,
И скатертью дорога в тыщу вёрст,
И пусть тебе завидуют... Мороз
Твой благородный отпустил тебя
Не просто так, дурёха, а любя!

Залает пёс и трубы протрубят,
Что дочку старика везут назад...

СНЕГУРОЧКА

Прыгать через костёр не всегда, но можно.
Если за Лелем — можно, и даже дважды.
Тешить себя мечтой, примитивной ложью
И представлять себя

Жанной д'Арк отважной.
Выйдет не так, как думала, —

выйдет боком.
И не поможет папино благословенье.
Вольно-невольнo выйдет по воле рока:
Предначертально, фатально,

как провиденье:
«Прыг!» — и Снегурки нет!

Испарилась махом!
Прыгать нужна сноровка,
точней прыгучесть.

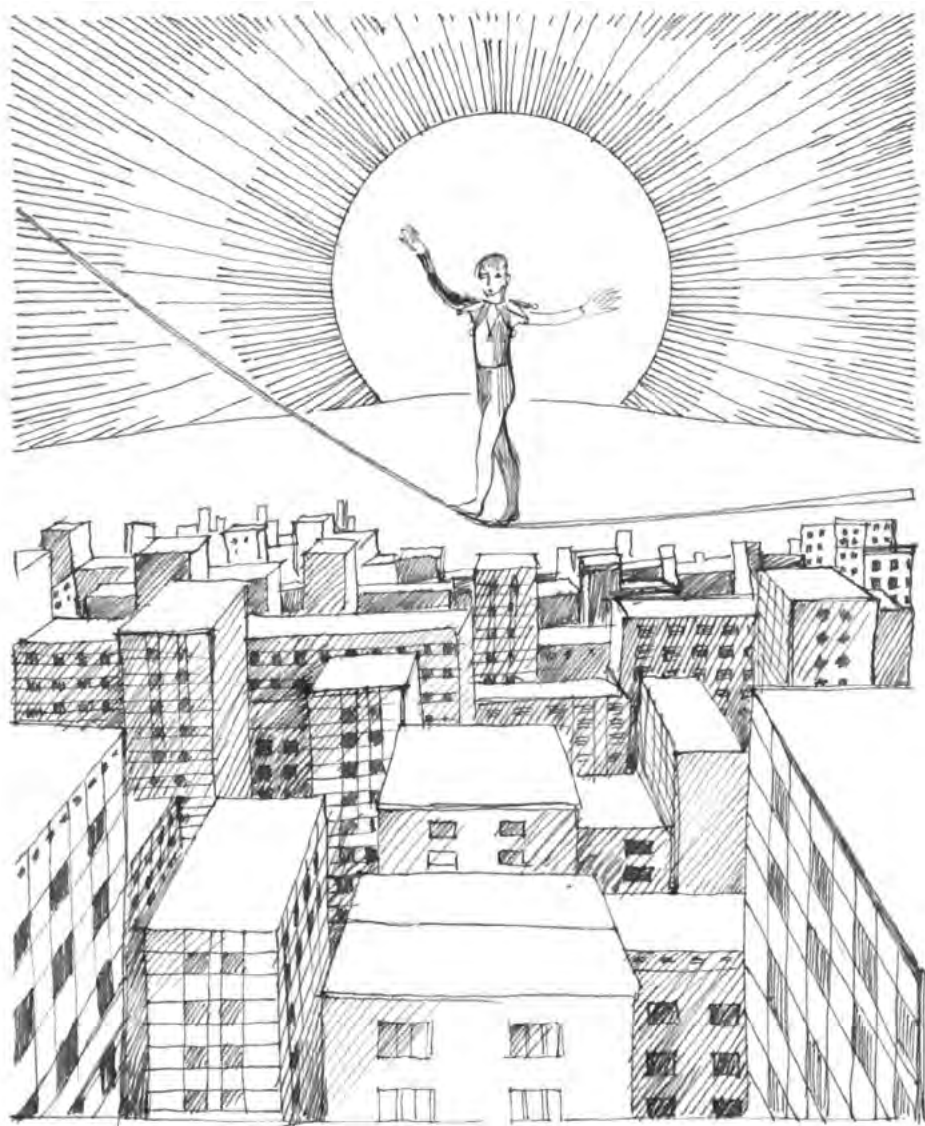
Впрочем, к чему прыгучесть,
когда на плаху?

Видимость состязанья — на деле участь!
Девочкам ледяным жаркий Лель не пара!
Ну, а огонь, вода и медные трубы —
Это прибор для извлечения пара.
Метод, химический опыт — простой и грубый.

СКАЗКА О ЗОЛОТОЙ РЫБКЕ

Не у самого синего моря,
Посередке Российской Державы
Кремль стоял. В том Кремле проживали
Президент со своею командой.

Даль и близь они видели ясно,
И дела, что творились повсюду
Улучшали Указом, реформой
Не скупясь на создание оных.

До мозолей в мозгах и на креслах,
 До отрывки икрой и боржоми...
 Я скажу вам, что труд не из лёгких –
 Для России законы придумать!

Как-то раз, накануне субботы,
 Три вопроса ребром накатили:
 Сколько выделить надобно денег,
 Чтобы каждому дать по заслугам;

Сколько раз посетить границу;
 Сколько можно терпеть безобразие
 И глаза закрывать на рыбалку.
 Вдруг кто выловит рыбку златую?

Каждый помнил классический случай,
 Тот, что Пушкин озвучил когда-то:
 Где-то водится в гидросистеме
 Супер-рыбка, что дарит халяву.

Вы представьте: поймать может каждый
Эту рыбку, и рыбка-дурёха
Даст квартиру, машину крутую,
Чтоб не ездил мужик на корыте,

Да ещё и деньжищи отвалит,
Не башляя в карман государству...
Вот тогда и начнётся пир духа:
Каждый будет на царствие метить.

Был последний вопрос не из лёгких!
Росохотрыболовосоюзу
Предложили всем дать по фиш-карте:
Не по морде, так хоть по карману...

За ресурсы родимого края –
Нефть, газ, уголь, алмазы и рыбу –
Не платить разве можно налоги?
Как без дани расцвести государству?

Жалко в сказке нет даже намёка,
Где плодится проклятая рыбка!
Знать придётся с Камчатки до Крыма
Популяцию выявить эту.

Не дождавшись путины министры
Из Кремля разлетелись по весям
Хвост срубить, чешую или кожу
На анализы и опознание...

Обитатели водной стихии
Затаились в паническом страхе,
Их теперь на червя и мормышку
Не поймать, не помогут и сети...

Мужики до того уху ели
И «Столичной» всегда запивали,
А таперича горько горюют:
Из фиш-карты ушицу не сварить!

...Разве классики русские знали,
Слово ихнее как отзовется?
Может, их запретить подчистую,
Чтоб народу житуху не портить!

* * *

В тридесятом городишке
Жили-были Шиш и Шишка,
И шишиги – мелкий люд:
то бухают, то поют.

Шиш и Шишка – люди в чине
По одной простой причине:
Государство без властей,
Что застолье без гостей.

Шишка был всем шишкам шишка,
Хоть и ростом до подмышки.
Важен, в меру глуп и жаден,
Некрасив, но плотояден,
Отдыхать любил с размахом,
Неугодных гнал на плаху,
Лизоблюдов привлекал,
Ни за что не отвечал.

Шиш помощник был у Шишки.
Так умел творить делишки,
Что в карманах у шишиг
Оставался только пшик:
То законом их придавит,
То налогов поприбавит,
То велит отдать добром,
Всё, что нажили трудом.

Поскребнут шишиги темя:
– Это что ж, етит, за время!
А не выпить ли стакан
За свободу братских стран?!
Сядут, выпьют, напоятся,
И вопросом зададутся:
– Если справедливость есть,
То чего ж она не здесь?
И оставив тему эту,
Как обычно, без ответа,
Затянув плотней кушак,
Все на выборы спешат.

P.S. Вспомнив сказку про мочало,
Начинай опять сначала...

Наши авторы

стр. 66 БАШАР (БАШАРОВ) Рашит Гафарович родился 7 октября 1949 года в деревне Яныль Кукарского района ТАССР. С 1979 года живёт и трудится в городе Набережные Челны. С 1979 по 1987 годы работал диспетчером и оператором автоматических линий на заводах КамаАЗа. С 1987 по 1989 годы учился в Москве на Высших литературных курсах при Литературном институте имени А. М. Горького. Начал печататься в 1965 году. На сегодняшний день Рашит Башар является автором 15 книг для детей и юношества. Лауреат литературных премий Абдуллы Алиша и Сажида Сулеймановой.

стр. 57 ВАЛЕЕВ Разиль Исмагилович родился в 1947 году в селе Ташлык Нижнекамского района Татарстана. Народный поэт Республики Татарстан, лауреат Государственной премии имени Габдуллы Тукая и ряда других премий. Член Президиума Государственного Совета Республики Татарстан и председатель комитета по культуре, науке, образованию и национальным вопросам, председатель Попечительского Совета Национальной библиотеки Республики Татарстан. Автор более тридцати книг стихов и прозы.

стр. 15 ГАЙНЕТДИНОВ Рустэм Бадретдинович родился в 1957 году в Казани, закончил историко-филологический факультет Казанского государственного университета и аспирантуру Высшей школы КГБ СССР, кандидат исторических наук (1994 год), член-корреспондент Российской Военно-исторической академии (2007 год)

Трудовую деятельность начал в комсомольских органах Казани. С 1980 по 2003 годы находился на военной службе. Участник боевых действий в Афганистане (1986-1988 годы), награжден орденом Красной Звезды, орденом Звезды Республики Афганистан, медалями. Воинское звание – полковник.

В 2003-2010 годах работал начальником отдела по связям с общественными организациями Исполкома Международного союза общественных объединений «Всемирный конгресс татар».

С 2010 года работает заведующим отделом прикладных исследований и проектов Департамента Президента Республики Татарстан по вопросам внутренней политики.

Активно занимается научной и публицистической деятельностью, является специалистом по истории татарской диаспоры ближнего и дальнего зарубежья и истории Великой Отечественной войны (участие в ВОВ уроженцев Татарстана). Автор более 70 научных публикаций и двух книг.

Принимал участие в создании Татарского энциклопедического словаря (Казань, 1999 год), атласа «Татарика» (Казань, 2005 год), VII тома многотомной монографии «Татары» (Казань, институт истории Академии наук РТ, 2013 год, биографических издания «Книга Героев. Герои Советского Союза», том 2, 2015 год, и «Герои Казани», 2018 год.

стр. 134 ГОЛУБЕВА Светлана Сергеевна (р. 3.03.1967) — прозаик и поэт, автор шести книг (две в соавторстве), в том числе сказок и повести для детей. Произведения публиковались во многих литературных журналах России — от Воронежа до Алтая. Член Союза писателей России с 2010 года. Лауреат Всероссийской литературной премии «Вешние воды» и Международного конкурса лирико-патриотической поэзии им. И. Григорьева, дипломант Международного конкурса литературы для детей и юношества им. А. Н. Толстого.

стр. 223 ГРИГОРЬЕВА Ольга Николаевна родилась в г. Новосибирске. Окончила факультет журналистики Казахского Государственного университета им. Кирова (Алма-Ата). Автор 18-и поэтических книг, 12-и книжек для детей, четырёх книг очерков, изданных в Павлодаре, Омске, Алма-Ате, Москве. Стихи и очерки О. Григорьевой печатались в журналах «Знамя», «Наш современник», «Юность», «Братина», «Студенческий меридиан», «Дом Ростовых», «Миша» (Москва), «Складчина», «Омская муза», «Точка зрения» (Омск), «Нива» (Астана), «Простор», «Литературная Алма-Ата» (Алма-Ата), альманахах «Южная звезда» и «Ковчег» (Ростов-на-Дону), «Под часами» (Смоленск), «День и Ночь» (Красноярск), «Аргмак» (Казань) и многих других. Член Омского отделения Союза российских писателей. Член Союза писателей Казахстана. Лауреат литературной премии им. Марины Цветаевой. Лауреат литературной премии им. Павла Васильева.

стр. 146 МАНУСОВ Юрий Владимирович, кинодраматург, кинорежиссёр, писатель, член Союза кинематографистов СССР, член Союза российских писателей, Заслуженный деятель искусств РТ. Преподавал сценарное мастерство в Санкт-Петербургском и Казанском университетах. Вёл режиссёрскую мастерскую в Казанском университете культуры и искусства. Окончил сценарный факультет ВГИК по специальности «кинодраматург» и Высшие режиссёрские курсы по специальности «кинорежиссёр».

Автор сценария и режиссёр полнометражных игровых фильмов: «Выкидыш» 1990 год, Мосфильм, «Чёртов пьяница» 1991 год, Одесская киностудия., «Репетиция Боккаччо» 1995 год, Одесская киностудия. Автор сценария полнометражного игрового фильма «День любви» 1991 год, Одесская киностудия. Сценарист трёхсерийного полнометражного документального фильма «По эту сторону мифа» 1988 год, Центральное телевидение. Сценарист и режиссёр короткометражных игровых и документальных фильмов: «Энвольтование по Босху», «Путь к Харону», «Дикое поле» и др. Участник и лауреат международных кинофестивалей. Фильмы и документальные сюжеты Манусова показывались на Центральных телеканалах, в программах «Взгляд», «Кинопанорама» и пр.

Печатался в газетах «Комсомольская правда», «Культура», «Экран и сцена», журналах «День и ночь», «Искусство кино», литературном журнале «Аргмак». Роман «Донпизжон» издан Казанским издательством «Идел-Пресс» в 2013. Писал статьи, эссе, сценарии, рассказы, пьесы, теоретические работы по кинодраматургии.

Родился в Тбилиси 12 августа 1948 года. Проживает в Набережных Челнах с 1976 года.

стр. 46 МИННУЛЛИН Туфан Абдуллович родился 25 августа 1935 года в деревне Большое Мерткозино (ныне Камско-Устьинского района Татарстана) в семье хлебороба. Учился в Театральном училище имени М.С. Щепкина в Москве, работал актёром в Мензелинском академическом театре. В 1962 году в Мензелинском академическом театре была принята к постановке его комедия «Люди нашего села». В том же году Татарским Государственным Академическим театром имени Г. Камала была осуществлена постановка его пьесы-сказки «Азат» (Свободный). Работал редактором на Казанской телестудии, одновременно выполняя обязанности литсотрудника в журнале «Чаян» (Скорпион). В 1977 году окончил Высшие литературные курсы в Москве. Был председателем правления СП Татарстана. Его пьесы получили широкое признание театральной общественности. На сцене театра имени Г. Камала более 25 лет шла комедия Туфана Миннуллина «Старик из деревни Альдермеш», которая стала своего рода визитной карточкой театра, и всей татарской театральной культуры.

Неоднократно избирался депутатом Государственного Совета Республики Татарстан. Ушёл из жизни 2 мая 2012 года.

стр. 173 МУХАМАДИЕВ Ринат Сафиевич родился 10 декабря 1948 года в деревне Малые Кирмени Мамадышского района Республики Татарстан. Окончил Казанский госуниверситет. Защитил диссертацию в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова.

Работал редактором Казанского телевидения, заместителем главного редактора журнала «Казан утлары», директором Татарского книжного издательства, более десяти лет руководил Союзом писателей Татарстана. С 1999 года проживает в Москве. Работал заместителем председателя Международного сообщества писательских союзов. А в последние годы является главным редактором Федеральной просветительской газеты «Татарский мир» и директором московского издательского дома «Заман».

Был избран Народным депутатом Российской Федерации. Возглавлял Постоянную комиссию по культурному и природному наследию народов России. Под его руководством были подготовлены и приняты целый ряд федеральных законов, касающиеся судьбы отечественной культуры, литературы и искусства. Следует отметить, что эти законы выдержали испытание временем и по сей день работают. Избирался депутатом Государственного Совета Татарстана.

Его перу принадлежат более семидесяти книг изданных на татарском, русском, башкирском

и на других языках мира. Читателям страны хорошо известны его романы и повести: «Мечта о белых скалах», «Львы и канарейки», «Мост над адом», «Крушение», «Тени в сумерках» и другие.

Ринат Мухамадиев — заслуженный работник культуры России, лауреат Гос. Премии Татарстана им. Г. Тукая, международной премии Турции, премии стран Азии и Африки «Лотос», премии им. А. Платонова и международной премии им. М.А. Шолохова.

стр. 188 ПАРСАНОВА Татьяна Васильевна. Родилась на хуторе Рябовском Волгоградской области в семье донского казака. В 10 лет — вдохновлённая мимолётным общением с проживающим в соседней станции знаменитым русским писателем Михаилом Шолоховым — вдруг начала рифмовать свои рассказы. Финалист конкурса «Наследие» и «Вечерние стихи», победитель сентябрьского тура «Народный поэт». Стихи публикуются в Интернет-альманахе «45-я Параллель», МК-Сетература, «Топос», «СОЗВУЧИЕ» (Белоруссия), «Зарубежные задворки» (Германия), «Новый Континент» (США). В настоящее время живёт и работает в подмосковном городе Наро-Фоминск.

стр. 3 РАЧКОВ Николай Борисович родился 23 сентября 1941 года в селе Кирилловка Арзамасского района Горьковской области. В 1964 году окончил историко-филологический факультет Горьковского педагогического института. Секретарь правления Союза писателей России, лауреат Большой литературной премии России «АЛРОСа», литературных премий им. А. Твардовского и «Ладога» им. А. Прокофьева. Он победитель 2-го Московского международного поэтического конкурса «Золотое перо» в номинации «Лучшее стихотворение года», награждён главным призом «За верность теме» Всероссийского патриотического фестиваля «Мы едины — мы Россия» (2007 г.). Действительный член Петровской академии наук и искусств. Живёт в г. Тосно Ленинградской области.

стр. 169 СЕМИЧЕВ Евгений Николаевич — современный русский поэт, секретарь Союза писателей России, автор 10 поэтических книг, лауреат всероссийских литературных премий. Живёт в городе Новокуйбышевск Самарской области.

стр. 87 СКВОРЦОВ Константин Васильевич — русский писатель, общественный деятель. Родился в 1939 году. Действующий член Петровской академии наук и искусств. С 1976 года — секретарь Правления Союза писателей России. Автор 20 пьес в стихах. Лауреат всероссийских литературных премий: им. М.Ю. Лермонтова, А.И. Фатьянова, Э.Ф. Володина и М.Н. Алексеева. Живёт в Москве.

стр. 73 СОКОЛОВ Владимир Николаевич родился в 1958 году в городе Богородск Горьковской области. Автор книги «Путь к Истине» (краткие современные уроки Закона Божия). Статьи, рассказы публиковались в журналах «Русский дом» (Мо-

ска), «Литера» (Йошкар-Ола), в сборниках литературного клуба «Поиск», (г. Кирово-Чепецк). Дипломант второго открытого конкурса поэзии и авторской песни «Поэзия Красного города» (г. Йошкар-Ола). Член литературного клуба «Поиск», (г. Кирово-Чепецк). Живёт в г. Кирово-Чепецк Кировской области.

стр. 244 СТЕПАНОВА Елена Анатольевна родилась в 1974 году в г. Набережные Челны республики Татарстан.

С детства мечтала стать учителем начальных классов, поэтому после школы поступила в Набережночелнинский педагогический колледж. Позже продолжила учёбу в Набережночелнинском государственном педагогическом институте, который закончила с красным дипломом.

Любимая профессия вдохновляет на творчество. Каждый день Степанова Е.А. встречается с детьми (стаж педагога 20 лет), знает, что их интересует, что делает счастливыми, а что огорчает, и радость такого общения ложится в основу новых добрых и весёлых стихов.

стр. 38 ФЕДУНОВА Любовь Петровна родилась 12 августа 1944 года в селе Гофицком Шпаковского района Ставропольского края. Закончила Краснодарский пединститут, историко-филологический факультет (1966) по специальности: русский язык, литература, история. С 2015 года — руководитель Рубцовского центра Санкт-Петербурга. Автор 5 книг стихов, имеет публикации в сборниках и антологиях Союза писателей России Санкт-Петербургского отделения.

Литературоведческие статьи о творчестве Н. Рубцова, С. Вакомина, Ю. Селезнёва, Н. Рачкова, Г. Горбовского и других авторов опубликованы в научных, краеведческих сборниках Тотьмы, Вологды, Москвы, Санкт-Петербурга. Постоянный участник Всероссийских Рубцовских чтений.

Награждена за поисковую работу почётным знаком «Воинская слава поколений», медалью «Почётный житель посёлка Тельмана», значком «Отличник народного просвещения». Отмечена Вологодским союзом писателей-краеведов медалью «Николай Рубцов» (2016).

стр. 183 ФРОЛОВ Андрей Владимирович родился в 1965 году в Орле. После окончания Орловского строительного техникума два года служил в рядах Советской Армии, работал — от плотника до инженера. В 2018 году окончил факультет журналистики Орловского государственного университета. Стихи и рассказы публиковались в журна-

лах «Наш современник», «Роман-журнал. XXI век», «Простор», «Родная Ладога», «Молодая гвардия», «Огни Кузбасса», «Подъём», «Бийский вестник», «Берега» и др. Стихи включены в антологию «Русская поэзия XXI век». Автор шести книг стихотворений и сборника рассказов. Лауреат всероссийских литературных премий «Вешние воды», «Белуха» им. Г.Д. Гребенщикова, им. Н.С. Гумилёва, открытой Южно-Уральской литературной премии. Бронзовый призёр международного Славянского литературного форума «Золотой витязь — 2018». Член Союза писателей России с 2003 года, с 2015 года — председатель правления Орловской областной организации Союза писателей России. Живёт в Орле.

стр. 165 ХАТЮШИН Валерий Васильевич родился в 1948 году в г. Ногинске (Богородске) Московской обл. Служил в ракетных войсках в Сибири. Работал на строительстве КАМАЗа и газопровода «Север — Центр». Закончил Высшие литературные курсы при Литинституте им. Горького. Автор более пятидесяти книг поэзии, прозы, критики и публицистики. Лауреат отечественных и международных литературных премий. Секретарь Союза писателей России. Главный редактор журнала «Молодая гвардия».

стр. 71 ХУЗАХМЕТОВА Рауза Менгалимовна. Образование — высшее экономическое. Преподавала экономические дисциплины в университете (Димитровград Ульяновской области). С 2015 года живёт в Казани. Пишет стихи, сказки и рассказы для детей и взрослых, занимается переводами. Победитель I международного литературного конкурса «Рух» (Казахстан, 2017 г.), серебряный призёр конкурса «Премия имени Александра Куприна» в номинации «Лучшее стихотворение или поэма» (2018 г.), финалист конкурса Open Eurazia (Лондон, 2018 г.). Автор книги стихов и рассказов «На крыльях мечты» (изд. «Фолиант» Астана, Казахстан, 2018 г.).

стр. 160 ЧЕРНЯЕВА Владимировна Елена, родилась на Украине, в Никополе. В 90-е годы переехала в Казань, где живёт и работает. В 1997 году закончила Казанский Государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина. Работала в Татарско-турецком лицее учителем. Публиковала статьи и рассказы в газетах «Звезда Поволжья», «Честное слово», а также в журналах «Идель», «Казань» и «Русский глобус» в Чикаго. Автор четырёх книг прозы и трёх поэтических сборников.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗВАНЫЙ ГОСТЬ

НИКОЛАЙ РАЧКОВ

РОССИЯ... СНЕГ... ЛУНА... ДОРОГА...3

СОБЫТИЯ

КАЗАНСКИЙ ОБОЗРЕВАТЕЛЬ

В ЗВЕНЯЩУЮ СНЕЖНУЮ ДАЛЬ7

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ

ОНА РАЗБУДИЛА НАШУ ПАМЯТЬ12

Я ШАГАЮ ПО КАЗАНИ

РУСТЭМ ГАЙНЕТДИНОВ

МОИ НОСТАЛЬГИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ15

НАШЕ НАСЛЕДИЕ

ГЕННАДИЙ МОРОЗОВ

ЕСЕНИН – ТАЙНА РУССКОГО НАРОДА32

ЛЮБОВЬ ФЕДУНОВА

ЗОЛОТОЕ СВЕЧЕНИЕ38

ТУФАН МИННУЛЛИН

Я ДУМАЮ СЕРДЦЕМ46

РАЗИЛЬ ВАЛЕЕВ

ТУФАН57

НА ФОНЕ ПУШКИНА. К 220-ЛЕТИЮ ПОЭТА

ГАЛИНА БУЛАТОВА

КОГДА ВСЁ ЛАДИТСЯ62

ЭСТАФЕТА

РАШИТ БАШАР

СПОКОЙНОЙ НОЧИ66

БУДЬ ЗДОРОВ68

РАУЗА ХУЗАХМЕТОВА

ПО ПЕРСИДСКОМУ КОВРУ71

КРЕСТНЫЙ ХОД

ВЛАДИМИР СОКОЛОВ

ДЛЯ ЧЕГО Я ХОЖУ НА РЕКУ ВЕЛИКУЮ73

ДРАМА В СТИХАХ

КОНСТАНТИН СКВОРЦОВ

ВАНЬКА КАИН87

РАССКАЗЫ

СВЕТЛАНА ГОЛУБЕВА

СВИРСКИЙ134

ЮРИЙ МАНУСОВ

ОЦИФРОВКА ВРЕМЕНИ146

ЕЛЕНА ЧЕРНЯЕВА

МОЁ УКРАИНСКОЕ ДЕТСТВО160

ПОЭЗИЯ

ВАЛЕРИЙ ХАТЮШИН

МЫ РОСЛИ НА РУИНАХ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ165

ЕВГЕНИЙ СЕМИЧЕВ

СВЕТ НЕ УБЫВАЕТ169

КНИГИ НАШИХ ДРУЗЕЙ**РИНАТ МУХАМАДИЕВ**

«СВОИ ЛЮДИ»173

АНДРЕЙ ФРОЛОВ

РОДИНА СТАНОВИТСЯ НУЖНЕЙ183

ТАТЬЯНА ПАРСАНОВА

МОЯ АФГАНСКАЯ ТЕТРАДЬ188

«ТИХИЙ ДОН». К ЮБИЛЕЮ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ**ПЁТР ТКАЧЕНКО**

«ЧУЖИЕ БОГИ В ЗЕМЛЕ СВОЕЙ»,

ИЛИ КАКУЮ БИБЛИЮ ЧИТАЛ М. А. ШОЛОХОВ193

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ**ОЛЬГА ГРИГОРЬЕВА**

ЦВЕТАЕВСКИЙ ТЕПЛОХОД223

ЛИКБЕЗ**ПЁТР МУРАТОВ**

«А В ЗАПЛАТАННОМ САЛОПЕ СХОДИТ НАЗЕМЬ НЕБОСВОД...»241

МАМА, ПОЧИТАЙ...**ЕЛЕНА СТЕПАНОВА**

ХРАНИТЕЛЬ СЕКРЕТА244

У КОНОВЯЗИ**ВЕРА ХАМИДУЛЛИНА**

СТАРЫЕ СКАЗКИ НА НОВЫЙ ЛАД248

НАШИ АВТОРЫ

.....251

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ОБЛОЖКИ: СОН-ТРАВА. ФОТО ОЛЬГИ ПРОКОФЬЕВОЙ**ПЕРВАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА: НА ФОНЕ ПУШКИНА. СТУДИЯ «АЮДАГ»****ВТОРАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА: ФОТОВЕРНИСАЖ АЛЁНЫ НОВИКОВОЙ И ОЛЬГИ ПРОКОФЬЕВОЙ****ЧЕТВЁРТАЯ СТРАНИЦА ОБЛОЖКИ: ФОТО ОЛЬГИ ПРОКОФЬЕВОЙ**

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Аргамак

ТАТАРСТАН

Учредитель

АО «Татмедиа»

420016, г. Казань, ул. Декабристов,
д. 2. Тел.: (8-843) 222-09-84

Адрес редакции:

423812, г. Набережные Челны,
Московский проспект, 95, офис 253, 254;
тел. (8-8552) 58-13-71.

Издатель:

**Татарстанское отделение
Союза российских писателей**

423812, г. Набережные Челны,
Московский проспект, 95, офис 253, 254;
тел. (8-8552) 58-13-71.

Представительство в Москве:

8-966-380-04-00

Ларина Ксения Владимировна

Подписано в печать 11.02.2019 г.

Формат 70х100^{1/16};

Печать офсетная. Бумага ВХИ.

Усл. печ. л. 18,15. Тираж 1000 экз.

Заказ

Цена свободная

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета
в типографии филиала

АО «ТАТМЕДИА»

«ПИК «Идел-Пресс»

420066, Казань, ул. Декабристов, 2

Со всеми номерами литературного журнала «Аргамак. Татарстан» можно познакомиться на сайтах Татарстанского отделения Союза российских писателей www.srpkn.ru и эссе-клуба «НООБИБЛИОН».

Рукописи принимаются по адресу: anp45@mail.ru. Желательны фотография и краткая биографическая справка.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Читательские письма и предложения могут быть опубликованы в альманахе. Ответственность за достоверность информации несут авторы материалов. Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Аргамак. Татарстан» обязательна.

Для приобретения номера и размещения рекламы социальной направленности обращайтесь: e-mail: anp45@mail.ru, тел.: (8-8552) 58-13-71; 8-927-241-01-19.

Поздравление

Альберт Николаевич Петров считает, что без искусства, в целом, и без литературы, в частности, общество развиваться не может, хотя сам он, генеральный директор ООО «УКС «Камгэсэнергострой», заслуженный строитель России и Татарстана, почётный гражданин города Набережные Челны, депутат городского Совета, вроде бы далёк от литпроцесса. Ан нет — каждый номер литературного журнала «Аргмак» читает внимательно, после чего обстоятельно беседует со мной, выкладывая все свои «за» и «против».

А встречаемся мы нередко. Набережные Челны — наша родина. В юности закончили одну и ту же школу (я на четыре года пораньше). Наш любимый учитель — Юрий Иванович Корнев — на девятом десятке лет продолжает учить нас самому главному — оставаться человеком при любых обстоятельствах. И мы стараемся не забывать эти уроки и навещать его...

До начала строительства КАМАЗа наш городок на Каме был небольшим — 30 000 жителей. Сейчас в Набережных Челнах проживает 532 000 человек.

Гордимся ли мы его размахом, образцовой чистотой и красотой его окрестностей? Конечно, гордимся, ведь сами его строили вместе с теми, кто приехал на левый берег Камы со всех сторон огромного Советского Союза. За плечами Альберта Николаевича, например, количество квадратных метров построенного им комфортного жилья приближается тоже к пятистам тысячам. А ещё он — почётный профессор в родном строительном вузе Казани, хорошо знает на вкус (иногда и горький), что такое административная и общественная работа. 14 лет возглавляет общественную организацию «Челнинское землячество», заменив на этом посту безвременно ушедшего Геннадия Филатова. Земляки нарекли Альберта Петрова своим президентом. Без землячества, поверьте, было никак не обойтись, ибо в «лихие девяностые» мы остро почувствовали, что теряемся в мегаполисе, который начал казаться чужим. Теперь ежегодные праздники коренных челнинцев (последняя пятница июля) стали общегородскими, собирают на улице Центральной тысячи людей. А мальчишник на Старый Новый год в ДК «Энергетик» убедителен тем, что именно коренные челнинцы, как оказалось, «делают погоду» в городе.

Если вернуться к литературе и искусству... Никто не умеет так гостеприимно встречать гостей, как Альберт Николаевич! Это может подтвердить заслуженная артистка России, самая народная русская певица Татьяна Петрова (однофамилица), не случайно назвавшая Альбертовкой базу отдыха в Шишкинском бору на правом берегу Камы, где она отдыхала после трёх своих приездов в наш город с концертами. Это же могут сказать писатели Владимир Карпов, Александр Воронин и талантливый поэт Диана Кан, приезжавшие в Набережные Челны из Москвы, Казани и Оренбурга для встреч с читателями.

И все они рады присоединиться к моим поздравлениям — в минувшем феврале Альберт Николаевич Петров отпраздновал свой юбилей. С совершеннолетием, дорогой одноклассник! Будь здоров и счастлив! Посвящаю тебе свои не столь давние строки:

Ещё раскрыта записная книжка.

Мне семьдесят. Я всё ещё мальчишка.

Николай Алешков, главный редактор.

